

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Павлодар мемлекеттік педагогикалық институты
Ресей Федерациясы Білім және ғылым министрлігі
Алтай мемлекеттік педагогикалық академиясы

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Павлодарский государственный педагогический институт
Министерство образования и науки Российской Федерации
Алтайская государственная педагогическая академия

ЕРТІС, ЖОҒАРҒЫ ОБЬ ӨҢІРЛЕРІНДЕГІ ЖӘНЕ АЛТАЙДАҒЫ ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР 2013 ж.

Археология, этнография, ауызша тарих

9 басылым

*IX халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары,
2014 ж. 15–16 сәуір*

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРИИРТЫШЬЕ, ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ И НА АЛТАЕ 2013 г.

Археология, этнография, устная история

Выпуск 9

*Материалы IX международной научно-практической конференции,
15–16 апреля 2014 г.*

УДК 902+39+93 (063)

ББК 63.4+63.5+63.3

Е 74

Жауапты редакторлар:

Т.Н. Смағұлов, М.А. Демин, Т.К. Щеглова, Е.К. Абеуова

- Е 74 **Ертiс, жоғарғы Обь өңiрлерiндегi және Алтайдағы далалық зерттеулер.** 2013 ж.: археология, этнография, ауызша тарих. 9 басылым: IX халықаралық ғылыми-практикалық конференцияның материалдары. Павлодар, 2014 ж. 15-16 сәуір. / ред. Т.Н. Смағұлов, М.А. Демин, Т.К. Щеглова, Е.К. Абеуова. – Павлодар: ПМПИ, 2014. – 311 б.

Жинақта IX халықаралық ғылыми-практикалық конференцияның материалдары басылып отыр. Басылымда археология, этнография және ауызша тарих аясында ғылыми, біліми, мұражайлық және басқа да орталықтардың зерттеу нәтижелері көрсетілген.

Жинақ тарих, археология, этнография, мұражайтану, өлкетану, сонымен қатар жергілікті тарих және мәдениетпен айналысатын мамандарға арналған.

Жинақ «Қазақстанның далалық аймағы және оның түркі мемлекеттері мен көшпелі өркениеттің қалыптасуы мен тарихи дамуындағы рөлі» тақырыбы бойынша 120 «Ғылыми зерттеулерді гранттық қаржыландыру» бюджеттік бағдарламасы негізінде дайындалды және басылымға шықты.

- Е 74 **Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае.** 2013 г.: археология, этнография, устная история: вып. 9: материалы IX международной науч.-практ. конф. Павлодар, 15-16 апреля, 2014 г. / под ред. Т.Н. Смағұлова, М.А. Демина, Т.К. Щегловой, Е.К. Абеуовой. – Павлодар: ППИ, 2014. – 311 с.

В сборнике публикуются материалы IX международной научно-практической конференции. В издании представлены результаты исследований научных, образовательных, музейных и других центров в области археологии, этнографии и устной истории.

Сборник рассчитан на специалистов в области истории, археологии, этнографии, музееведения, краеведов и всех интересующихся региональной историей и культурой.

Сборник подготовлен и издан в рамках работ по бюджетной программе 120 «Грантовое финансирование научных исследований» по теме: «Степная зона Казахстана и ее роль в возникновении и историческом развитии тюркских государств и кочевой цивилизации».

ISBN 978-601-267-278-7

ҚҰРМЕТТІ КОНФЕРЕНЦИЯҒА ҚАТЫСУШЫЛАР!

Павлодар мемлекеттік педагогикалық институты ұжымының атынан және жеке өз атымнан 2013 ж. Ертіс, жоғарғы Обь өңірлеріндегі және Алтайдағы далалық зерттеулер нәтижелерін талдауға бас қосып отырған мәртебесі жоғары ғылыми форумға қатысушыларды шын жүректен құттықтаймын.

Конференцияға Қазақстан мен Ресей Федерациясының ғылыми орталықтарынан ондаған ежелгі және дәстүрлі мәдениеттерді зерттеушілер қатысуда. Конференция бағдарламасы далалық зерттеулердің кең ауқымын көрсетеді, яғни тас дәуірінің аңшылық мәдениетінен қола дәуір металлургтері және қазіргі күннің этностары зерттелетін тарихи кезең. Қазақстан мен Ресей ғалымдарының ғылыми қызығушылықтарының біртұтастығы, жүргізілетін жұмыстардың географиялық шектері конструктивті қарым-қатынастың ыңғайлы орнына айналған конференцияның халықаралық форматын анықтады.

Бүгінгі күні мен үшін Қазақстан мен Ресей педагогикалық жоғарғы оқу орындарының Ассоциациясы аясында далалық жұмыстардың жетістіктері мен нәтижелерін атап көрсету үлкен мәртебе. Бұл бағыт бойынша бірлескен жұмыстардың нәтижелерін саралау өте қызықты және маңызды. Конференция жоғарғы деңгейде өтеді деп ойлаймын.

Конференцияға қатысушылардың сындарлы жұмыс атқаратынына сенімдімін, сіздердің пікірсайыстарыңыздың нәтижесі тек қана өңірлік емес, халықаралық деңгейдегі ұсынымдар мен ұсыныстар бола алады.

Конференцияға қатысушыларға шығармашылық және нәтижелі жұмыс тілеймін!

*Павлодар мемлекеттік
педагогикалық институттың ректоры,
философия ғылымдарының докторы,
профессор*

Н. Аршабеков

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ!

От имени Павлодарского государственного педагогического института и от себя лично сердечно приветствую столь представительный научный форум, собравшийся для обсуждения результатов полевых исследований в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае за 2013 год.

В конференции принимают участие десятки исследователей древней и традиционной культуры из научных центров Казахстана и Российской Федерации. Программа конференции отражает широкий спектр полевых исследований, охватывающий исторический период от культур охотников каменного века и металлургов эпохи бронзы до современных этносов. Общность научных интересов казахстанских и российских ученых, географические рамки проводимых работ predeterminedли международный формат конференции, которая превратилась в удобную площадку для конструктивного общения.

Для меня большая честь отметить сегодня вместе с вами успехи и результаты полевых работ в рамках Ассоциации педагогических вузов Казахстана и России по развитию трансграничного образования. Чрезвычайно интересно и важно проанализировать результаты совместных работ по данному направлению. Надеюсь, что конференция пройдет продуктивно, выработав конкретные предложения, которые явятся дополнительным импульсом для продолжения совместных работ в области археологии и этнографии.

Убежден, что участники конференции будут работать конструктивно и результатом вашей дискуссии станут важные рекомендации и предложения, которые будут востребованы как на региональном, так и на международном уровне.

Желаю участникам конференции творческой и плодотворной работы.

*Ректор Павлодарского государственного
педагогического института,
доктор философских наук, профессор*

Н. Аршабеков

АРХЕОЛОГИЯ

Е.В. Афанасьева, Ю.И. Гельмель

**Из опыта организации детских (молодежных)
археологических лагерей**

Опыт участия школьников в археологических исследованиях на Алтае имеет многолетнюю историю [4, с. 60-73]. Большая роль в развитии школьной археологии на Алтае принадлежит, прежде всего, организаторам экспедиций с участием школьников А.Б. Шамшину [3, с. 31-35], Г.Е. Иванову [2, с. 77-83], П.И. Шульге [5, с. 53-54], С.П. Грушину [1, с. 32-43], а также учителям-энтузиастам из разных районов края.

Одной из самых масштабных с начала 90-х годов XX века являлась деятельность школьных археологических экспедиций в Чарышском районе под руководством П.И. Шульги (к. ист. наук, зам. зав. Лабораторией археологии Южной Сибири Института археологии и этнографии Сиб. Отделения РАН и НИИ Гуманитарных исследований при АГУ).

В этих экспедициях принимали участие отряды школьников из Барнаула, Славгорода, Шипуново, Поспелихи, Киприно, Чарышского, и в отдельные годы количество одновременно участвующих школьников превышало 100 человек.

Благодаря работе этих экспедиций Чарышский район перестал быть «белым пятном» на археологической карте Алтая, фонды Чарышского районного краеведческого музея пополнились новыми экспонатами, был создан отдел «Древнейшая история Чарышского района».

В 2005–2009 году была принята и успешно реализовывалась программа «Использование памятников археологии в сфере туризма в Чарышском районе». Объединение «Археология» Чарышского Центра детского творчества успешно реализовывало названную программу, способствуя созданию благоприятного имиджа туристического района и вовлечению воспитанников объединения в сферу изучения и сохранения историко-культурного наследия края.

С 2009 года продолжение деятельности школьных палаточных лагерей в Чарышском районе стало возможным благодаря грантовой поддержке губернатора Алтайского края в сфере образования и молодежной политики.

Вместе с изменившимися условиями и источниками финансирования существенно изменились и требования, предъявляемые к организации и функционированию школьных палаточных лагерей. Далее мы приводим основные положения из опыта деятельности палаточного лагеря «Усть-Тёплая» в 2012–2013 годах.

Основополагающим документом для организации лагеря являются недавно принятые санитарно-эпидемиологические правила и нормативы (СанПиН 2.4.4.3048–13), которые устанавливают санитарно-эпидемиологические требования к размещению, устройству, содержанию и организации режима работы детских туристических лагерей в период летних каникул с использованием палаток, независимо от их подчиненности и форм собственности.

В соответствии с требованиями законодательства, сегодня невозможно организовать работу археологического (палаточного) лагеря, не имея целого пакета документов (прил. 1), среди которых основным является «Санитарно-эпидемиологическое заключение». Несоблюдение указанных требований влечет штрафные санкции и закрытие лагеря.

Включение школьника в состав отряда производится на основании заявления родителя с приложением доверенности на право сопровождения несовершеннолетнего (требование закона Алтайского края от 17.12.2009 №99-ЗС «Об ограничении пребывания несовершеннолетних в общественных местах на территории Алтайского края»).

В день отъезда из мест постоянного проживания все участники экспедиции проходят инструктаж по технике безопасности в лагере и в период передвижения по дорогам общего пользования. Делаются соответствующие росписи в журнале.

По прибытии в лагерь все участники молодежного археологического лагеря подписывают Соглашение о правилах пребывания в лагере, в котором оговариваются права и обязанности участников, правила поведения и безопасности, режимные моменты и т.д.

Когда, наконец, отряды съезжаются к месту расположения лагеря, начинается работа по организации его жизнедеятельности. Как правило, все отряды живут как единое целое, подчиняясь общему режиму труда и отдыха. Хотя расстановка палаток в жилой зоне и распределение площади для работы на раскопе обычно бывает поотрядная.

Всё, что связано с работой на раскопе (стратегия и тактика, распределение ресурсов, фиксация результатов и т.д.), лежит на научном руководителе экспедиции (держателе Открытого листа).

Организацией повседневной жизни палаточного лагеря занимаются его начальник и руководители отрядов.

С самого начала разрабатывается режим дня (почасовой порядок организации работы и отдыха) и график дежурства по кухне. Дежурные (3–4 школьника, проживающие совместно) традиционно назначаются на один день. Дежурство поочередно и равномерно распределяется между отрядами. Выработан порядок передачи дежурства новому наряду.

Так как школьники заняты на раскопе четыре часа в первой половине дня, после обеда имеется достаточно времени для организации их досуга. «Самозанятость» детей – далеко не лучший способ проведения ими свободного времени, особенно с учетом нахождения лагеря на берегу крупной реки в горной местности. К тому же, современные дети, привыкшие к виртуальному общению и играм, порой не могут найти себе занятия при отсутствии компьютера, телефона или планшета.

В первые же дни руководителями отрядов согласовывается общий план мероприятий на период работы лагеря. Ежедневно во второй половине дня проводятся соревнования по настольным и спортивным играм, конкурсы, викторины и другие досуговые мероприятия, позволяющие детям проявить все имеющиеся у них таланты.

По возможности используются оздоровительные и познавательные возможности той местности, в которой располагается лагерь. В ходе экспедиций 2012–2013 года в устье Тёплой школьники совершили экскурсии в Чарышский краеведческий музей, в камнерезную мастерскую с. Березовка, в древнюю каменоломню, к известному объекту культурного наследия «Царский курган» и природному объекту «Озерное».

Большинство ребят являются участниками школьных археолого-краеведческих объединений, и пребывание в экспедиции для них – продолжение процесса обучения, формирование и закрепление общих и предметных компетенций, предусмотренных учебной программой.

Большое значение в этом процессе имеет сам факт общения и работы под руководством ведущих археологов алтайских вузов. Ученые охотно делятся со школьниками своими знаниями, прививают

им навыки полевой археологии, привлекают к исследовательской работе.

Имеется опыт организации в полевых условиях бесед и лекций по актуальным вопросам региональной археологии. Это помогает ещё больше увлечь детей, сделать их работу на раскопе более осмысленной. Подобные мероприятия с успехом проводились в экспедициях в устье Тёплой (Чарышский район), у с. Советский Путь (Локтевский район), у с. Бутры (Рубцовский район) и др.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на серьезные трудности, связанные с недостаточным финансированием, ростом бюрократических барьеров и ужесточением требований к подобным мероприятиям со стороны различных государственных органов, школьная археология в Алтайском крае продолжает существовать, оставаясь важнейшей базой исследовательской краеведческой работы с детьми и молодежью.

В археологических экспедициях, палаточных лагерях школьники продолжают заниматься общественно значимым делом сохранения культурного наследия, изучают историю своего края, находят возможности для самовыражения, полноценно отдыхают и оздоравливаются, вместе с зарядом положительных эмоций получают серьёзную мотивацию для продолжения занятия археологией и историческим краеведением.

Источники и литература

1. Грушин С.П. Формы школьной археологии и мотивация обучения в археологической экспедиции (опыт АКЦДЮТиК) // Педагогические чтения имени В.И. Верещагина, посвященные 100-летию детского туризма на Алтае. Барнаул, 2005.

2. Иванов Г.Е. Археологическому кружку Чернокурьянской средней школы – 25 лет (хроника полевых исследований) // Педагогические чтения имени В.И. Верещагина, посвященные 100-летию детского туризма на Алтае. Барнаул, 2005.

3. Шамшин А.Б. Двадцатилетие школьной археологии в Алтайском государственном университете: некоторые итоги и перспективы развития // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X.

4. Шамшин А.Б. Из истории школьной археологии на Алтае: некоторые итоги (из опыта работы) // Педагогические чтения имени В.И. Верещагина, посвященные 100-летию детского туризма на Алтае. Барнаул, 2005.

5. Шульга П.И. Из опыта организации археологических лагерей школьников в Алтайском крае // Археология в вузе и школе. Новосибирск, 1995.

Перечень документов, необходимых для открытия палаточного лагеря:

№	Действие	Документ
1	Ходатайство на имя главы администрации района об организации археологического лагеря.	Распоряжение администрации района
2	Приказ о проведении археологического лагеря Комитета по образованию администрации Чарышского района.	Приказ №
3	Приказ об открытии лагеря археологического лагеря по ЦДТ.	Приказ №
4	Акт приемки палаточного лагеря. Акт должен быть согласован с председателем комитета по образованию, специалистом комитета по образованию, специалистом-экспертом ТОУ Роспотребнадзора, инспектором МЧС.	Акт
5	Заключение по временному объекту палаточному лагерю «Археология» должно быть заверено главным архитектором или специалистом комитета по архитектуре и строительству района.	Заключение
6	Единая медицинская справка на учащихся, заверенная районным педиатром.	Справка
7	Штатная ведомость сотрудников, заверенная печатью учреждения.	Ведомость
8	Сведения о личных медицинских книжках сотрудников лагеря. Прививочные сертификаты сотрудников лагеря.	Медицинские книжки. Прививочные сертификаты.
9	Согласованное 10-дневное меню и технологические карты на каждое блюдо. Согласовывает эксперт ТОУ Роспотребнадзора или иной представитель.	Меню на 15 дней, технологические карты, договор на поставку продуктов питания
10	Режим питьевой на 15 дней, сертификаты качества воды.	Договор на поставку бутилированной воды.
11	Акты энтомологической экспертизы (2) до и после проведения акарицидной обработки территории лагеря.	Акт (2)
12	Акт акарицидной обработки территории лагеря.	Акт
13	Согласование по врачу. Приказ о медицинском обслуживании лагеря.	Приказ №
14	Соглашение с РОВД по охране лагеря	Приказ №
15	Копия Свидетельства ОГРН ЦДТ	Свидетельство
16	Копия Свидетельства ИНН ЦДТ	Свидетельство

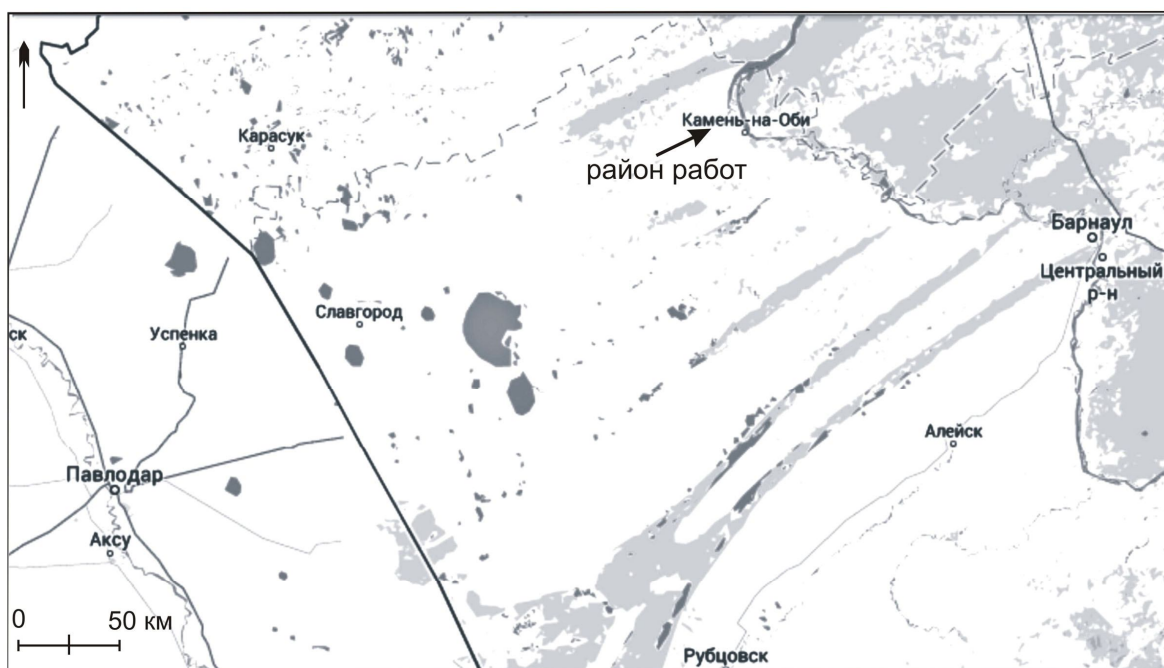
№	Действие	Документ
17	Экспертное заключение ФС по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека для выдачи санитарно-эпидемиологического заключения.	Заключение №
18	Разрешение на возможность вывоза детей в палаточный лагерь на первый сезон 2013 г.	Заключение
19	Санитарно-эпидемиологическое заключение выдается на 1 месяц.	Заключение
20	Уведомления на имя директоров Славгородского ЦДТ, Кипринской СОШ иных участников экспедиции о проведении археологического лагеря.	Уведомления
21	Журнал бракеража пищевых продуктов и продовольственного сырья	Журнал
22	Журнал бракеража готовой продукции	Журнал
23	Журнал здоровья	Журнал

Р.В. Белоусов

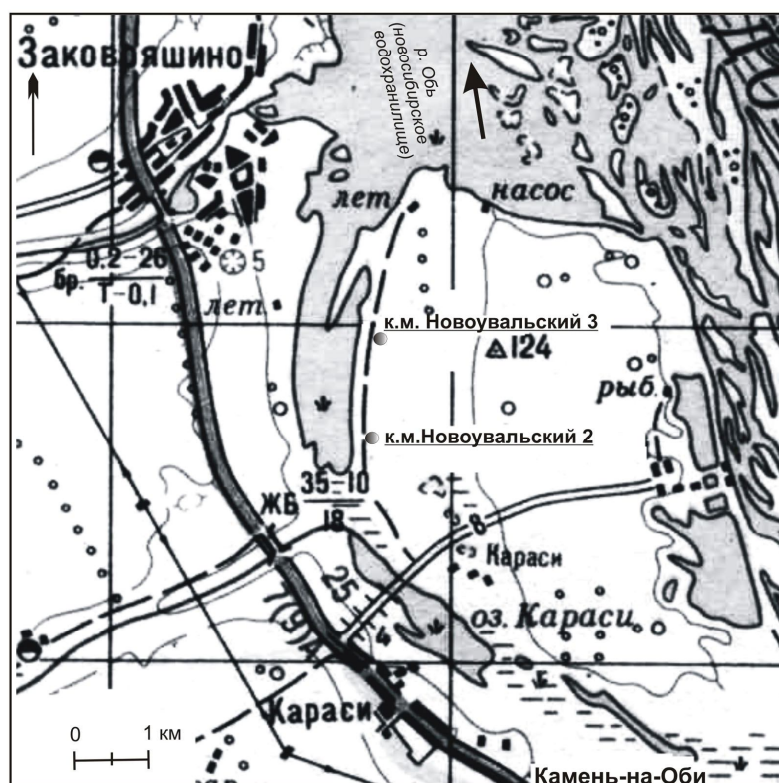
**Археологическая разведка
в Каменском и Крутихинском районе летом 2013 г.**

Каменский и Крутихинский районы расположены в северо-западной части Алтайского края. С запада территория региона примыкает к Кулундинской степи (в районе г. Камня-на-Оби имеются выходы «языков» степных участков непосредственно к бассейну р. Оби), с востока территория граничит с Бийско-Чумышской возвышенностью и системой Салаирского кряжа (рис. 1–1). Растительность региона разнообразна, в западной части преобладает лесостепная растительность (березовые колки), в восточной части, на правом берегу идет Приобский бор [1, с. 128]. Территория района входит в историко-географический регион – Верхняя Обь.

В ходе работ в Каменском и Крутихинском районах отряд обследовал левобережную пойму р. Оби от г. Камень-на-Оби до района с. Заковряжино (рис. 1–2). Пойма представляет собой равнину, тянущуюся от современного русла р. Оби на востоке до высокой (4–5 м) коренной террасы на западе. Ширина поймы 5–8 км. Пойма вся изрезана остатками древних протоков, имеются возвышенности. В ней расположена бывшая протока р. Оби – оз. Караси и впадающие в него мелкие ручьи и речки. Еще в 70-е гг. XX в. данная водная артерия (оз. Караси) являлась протокой р. Оби. В 80-е гг. XX в. через всю

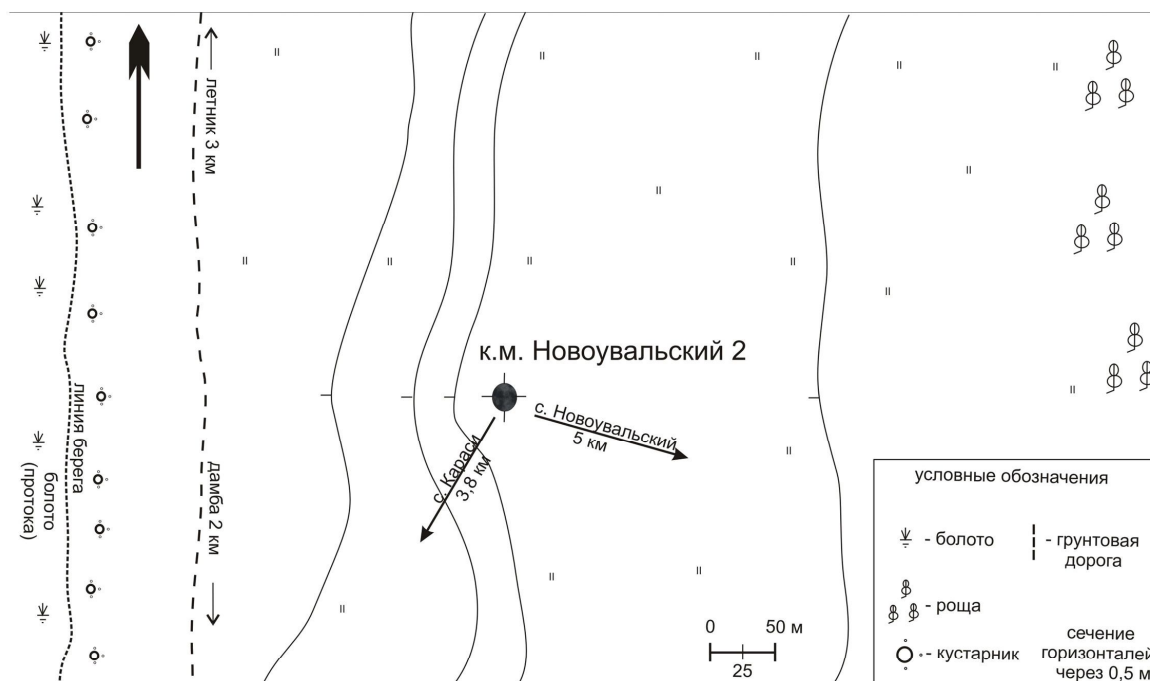

1

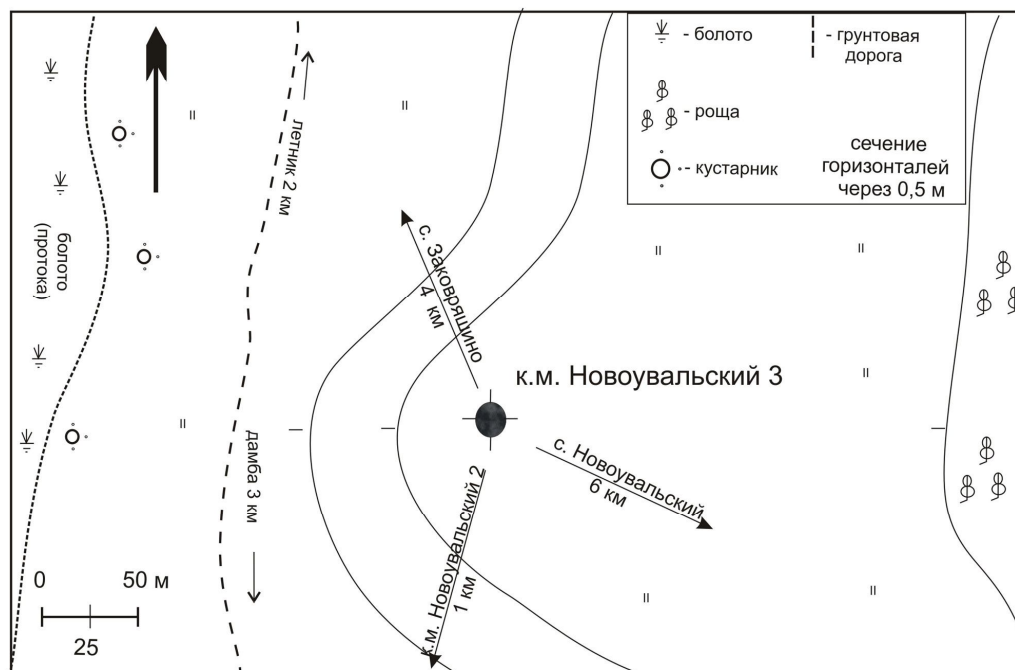

2

Рис. 1. Археологическая разведка
в Каменском и Крутихинском районах Алтайского края.
1-1 – район работ; 1-2 – расположение открытых курганных могильников Новоуваль-
ский 2, Новоувальский 3

1

2

Рис. 2. Археологическая разведка
в Каменском и Крутихинском районах Алтайского края.
2-1 – Курганный могильник Новоувальский 2. План.
2-2 – Курганный могильник Новоувальский 3. План.

пойму была насыпана дамба, которая нарушила привычный гидро-режим этой местности, что привело к активизации болотообразовательных процессов.

Изучение указанного участка поймы было начато Каменским археологическим отрядом осенью 2003 г., когда было открыто поселение Новоувальский 1 [2, с. 6–8]. Летом 2013 г. отряд продолжил исследование поймы, непосредственно прилегающей к озеру (протоке) Караси (рис. 1–2).

В ходе работ обнаружено два курганных могильника: Новоувальский 2, Новоувальский 3.

Курганный могильник Новоувальский 2 располагается в Крутихинском районе Алтайского края в 2 км к северо-востоку от дамбы, пересекающей озеро Караси (рис. 1–2). Могильник расположен в 300 м от берега на возвышенности-гриве. Могильник состоит из одного сохранившегося кургана, насыпь которого сильно «оплыла» и составляет диаметр 18–20 м при высоте 0,7 м (рис. 2–2). Автор не исключает наличие других, разрушенных антропогенным воздействием (распашкой) могильных насыпей меньшего диаметра в данной местности. Датировка могильника – вторая половина 1 тысячелетия н.э.

Курганный могильник Новоувальский 3 располагается в Крутихинском районе Алтайского края в 3 км к северо-востоку от дамбы, пересекающей озеро Караси, в 1 км к северу от курганного могильника Новоувальский 2 и в 4 км к юго-востоку от с. Заковрящино (рис. 1–2). Могильник находится на возвышенности-гриве в 250 м от края берега озера. В ходе работ зафиксирована одна курганная насыпь 13 м в диаметре при высоте насыпи 0,5 м. Датировка могильника – вторая половина 1 тысячелетия н.э.

Источники и литература

1. Шульгин А.К. Климатические зоны и районы Алтайского края// Алтай, 1947, №1. – С. 125–129.

2. Белоусов Р.В. Поселение раннего железного века – Новоувальский-1 // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г.: Археология, этнография, устная история. Вып 2: Материалы II регион. науч.-практ. конф. 1–2 дек. 2005 г. Барнаул, 2006. С.6-10.

Л.В. Быков, С.Н. Иващенко

Геоинформационное обеспечение полевых археологических работ на основе данных дистанционного зондирования

Темпы развития современной научной мысли очень высоки. Исследователю постоянно приходится «держать руку на пульсе», отслеживать новые направления и тенденции. С одной стороны, такое стремительное развитие науки является несомненным плюсом, с другой – в междисциплинарных исследованиях процессы обновления протекают отнюдь не так стремительно, что приводит к использованию устаревших методов. Именно это в настоящий момент можно наблюдать при применении методов геодезии в археологических изысканиях.

На сегодняшний день подавляющее большинство археологов используют в полевых работах несколько методов геодезической съемки, некоторые из которых являются устаревшими (тахеометрическая съемка с использованием теодолита), а другие – анахронизмом (глазомерная съемка). Это тем более прискорбно, что на сегодняшний день геодезическая наука располагает гораздо более широким спектром возможностей для фиксации археологических объектов (в широком смысле этого понятия – от памятников археологии до отдельных артефактов в раскопе). Одним из таких «новых» методов является фотограмметрия. Однако и существующие методы фотограмметрии (применительно, прежде всего, к аэрофотосъемке), и программные продукты для обработки результатов стереосъемки адаптированы для решения геодезических задач. Объекты же геодезии и археологии, при всей их схожести, несколько отличны друг от друга – в первую очередь размерами. Если геодезисты в своих работах используют термин «микрорельеф» применительно к таким образованиям, как гривы, бугры, прирусловые валы, овраги, ложбины и т.п., то для археолога это элементы, скорее, макрорельефа. На той же гриве могут располагаться сразу несколько археологических памятников, каждый из которых в свою очередь будет состоять из ряда более мелких объектов (жилищных западин, надмогильных насыпей и т.п.).

В связи с этим возникает необходимость объединения усилий археологов и геодезистов в адаптации современных методов геодезии применительно к археологическим исследованиям. Примером

такого сотрудничества являются работы, проведенные в октябре 2013 г. на территории Экибастузского района Павлодарской области Республики Казахстан (РК). В состав международной исследовательской группы входили сотрудники Института археологии РК, Павлодарского государственного педагогического института, Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, ООО «Малые беспилотные аппараты» и ООО «Лаг». Основной целью работ была выработка методики съемки археологических комплексов с помощью беспилотного летательного аппарата (далее – БПЛА). В качестве «полигона» был выбран археологический комплекс Аулиеколь, включающий в себя несколько типов археологических памятников:

- могильник эпохи средневековья с надмогильными сооружениями разного типа и размера (от небольших насыпей до остатков мавзолеев); также на территории могильника прослежены остатки сооружений хозяйственного назначения (мастерских по изготовлению кирпича, архитектурного декора и керамики);

- курганы эпохи средневековья;

- поселение и ирригационные сооружения эпохи средневековья.

Перед исследовательской группой были поставлены следующие задачи:

- проведение топографической съемки территории расположения памятников археологии и прилегающей местности, фиксация существующего рельефа и ландшафта с использованием материалов аэрофотосъемки с БПЛА;

- топографическая привязка объектов культурного наследия в зоне работ для определения границ объектов, их взаимного расположения и привязки к особенностям рельефа;

- создание топографического плана комплекса объектов культурного наследия Аулиеколь с использованием материалов обработки аэрофотосъемки с БПЛА;

- создание топографического плана отдельных объектов культурного наследия с использованием материалов обработки аэрофотосъемки с БПЛА;

- разведка местности с целью поиска новых памятников археологии.

Проведенные работы можно разбить на три основных этапа:

- 1) геодезические работы;
- 2) аэрофотосъемка с БПЛА;
- 3) обработка материалов аэрофотосъемки.

Геодезические работы. Геодезические работы на объекте выполнялись с целью создания съемочного обоснования в районе раскопок. Сеть пунктов состояла из базовой станции, постоянных и временных реперов. Базовая станция необходима для выполнения высокоточных относительных измерений на пунктах съемочной сети. Постоянные реперы обеспечивают фиксацию археологических находок. Сеть временных пунктов – опознаков – предназначена для привязки аэрофотоснимков.

В качестве геодезической основы принята мировая система координат UTM (Universal Transverse Mercator) и эллипсоидальная система высот WGS-84 (World Geodetic System 1984). В целом съемочное обоснование обеспечивает археологические работы единым координатным пространством. Это означает, что место расположения всех археологических объектов и находок, обнаруженных как на территории Казахстана, так и за его пределами, может быть определено в единой мировой системе координат. Это позволяет указать их точное положение на мировых картах и в любых геоинформационных системах.

Проект сети съемочного обоснования и аэрофотосъемки был составлен на космических снимках Google Планета Земля. На снимок нанесены границы аэрофотосъемки, границы, в которых предусмотрен выпуск картографической продукции, пункты опорной сети, а также маршруты аэросъемки и зоны действия системы управления БПЛА (рис. 1).

Основной метод определения координат пунктов – спутниковое позиционирование. Координаты базовой станции определялись способом абсолютного высокоточного позиционирования PPP (Precise Point Position), а координаты остальных точек съемочного обоснования – относительно базовой станции в режиме RTK (Real Time Kinematic).

Измерения выполнялись с помощью двух спутниковых приемников NovAtel DL-V3. Один из приемников использовался в качестве базовой станции и устанавливался стационарно на весь период измерений в месте, наилучшим образом обеспеченном сотовой связью. Второй – перемещался по точкам съемочного обоснования. Связь между приемниками осуществлялась по GSM каналу.

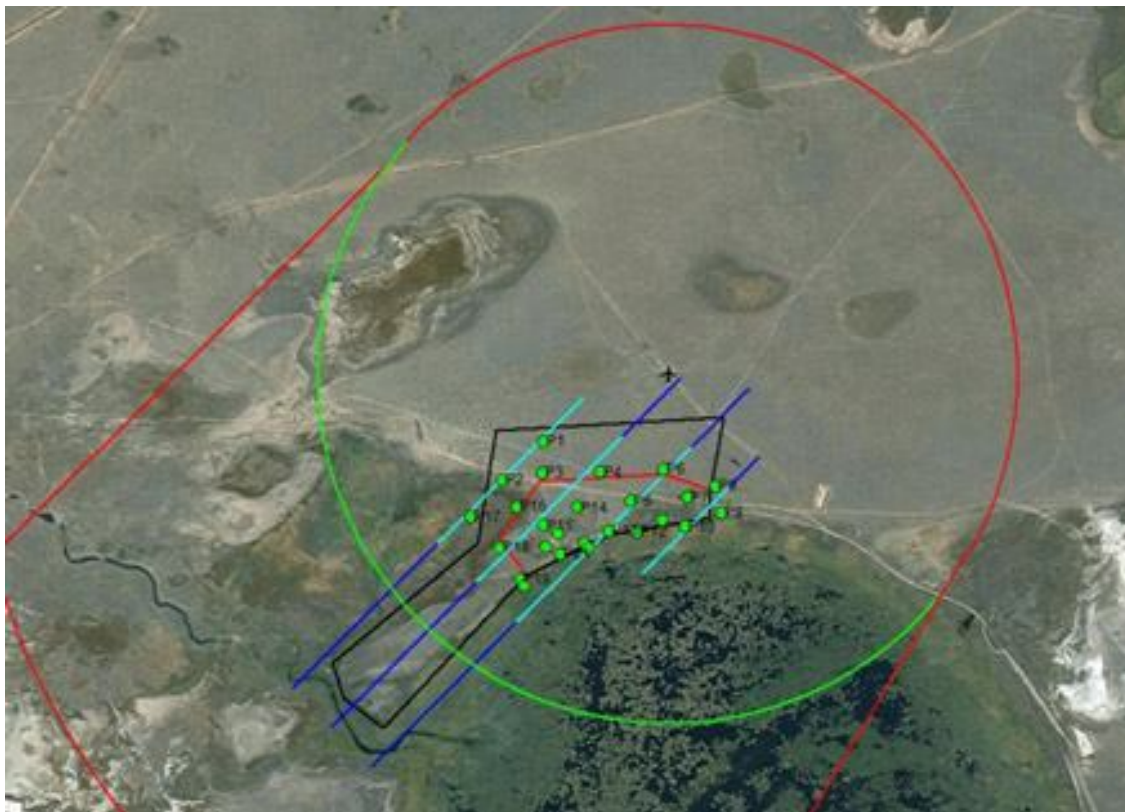

Рис. 1. Проект съемочного обоснования

Точки съемочного обоснования маркировались на местности пластиковыми кругами диаметром 20 см. Всего было заложено 25 опознаков. Погрешность определения координат точек составила 0,05 м в плане и 0,10 м по высоте. По нормативным требованиям топографических съемок такая привязка обеспечивает создание планов масштаба 1:500 с высотой сечения рельефа 1 м.

Аэрофотосъемочные работы. Аэрофотосъемка выполнялась с помощью беспилотного летательного аппарата (БПЛА) «Эльф ПП-45» производства ООО ОКБ «МБА» (г. Омск, Россия). БПЛА относится к классу сверхлегких летательных аппаратов (до 5 кг) и состоит из следующих основных частей:

- планер (изготовлен из современных композитных материалов, имеет длину 2 м, размах крыльев – 2,5 м);
- силовая установка (состоит из двух электрических двигателей с асинхронным вращением винтов, что обеспечивает курсовую устойчивость аппарата в полете);
- навигационная система (состоит из подсистемы сбора и передачи телеметрической информации, спутникового навигатора, наземной подсистемы приема бортовой информации и отображения ее на экране компьютера);

Рис. 2. Фотографическая система БПЛА

– система управления;
– фотографическая система (состоит из трех малоформатных камер «Canon IXUS 105» (рис. 2) – камеры синхронизированы и выполняют съемку либо по сигналу с пульта управления пилота, либо по сигналу таймера через определенные промежутки времени; средняя камера установлена горизонтально, крайние камеры наклонены на углы $\pm 15^\circ$, что обеспечивает увеличение угла зрения системы на 80%).

Обработка материалов аэрофотосъемки. Обработка снимков выполнялась на цифровой фотограмметрической станции (ЦФС) «Фотомод». Фотограмметрические работы включали в себя сгущение опорной геодезической сети методом блочной фототриангуляции, создание цифровой модели рельефа (ЦМР), трансформирование и монтаж фотопланов, формирование 3D моделей местности.

Для фотограмметрической обработки были выбраны снимки трех перекрывающихся маршрутов. Общее количество снимков в блоке составило 42.

В ходе фототриангуляции было определено положение снимков в пространстве, которое они занимали в момент фотографирования. Это позволило получить по перекрывающимся снимкам непрерывное изображение местности – накидной монтаж (рис. 3).

Точность построения фототриангуляции контролировалась по расхождениям координат опорных и связующих точек. Сеть опиралась на 25 опорных точек и включала в себя 2442 связующие точки.

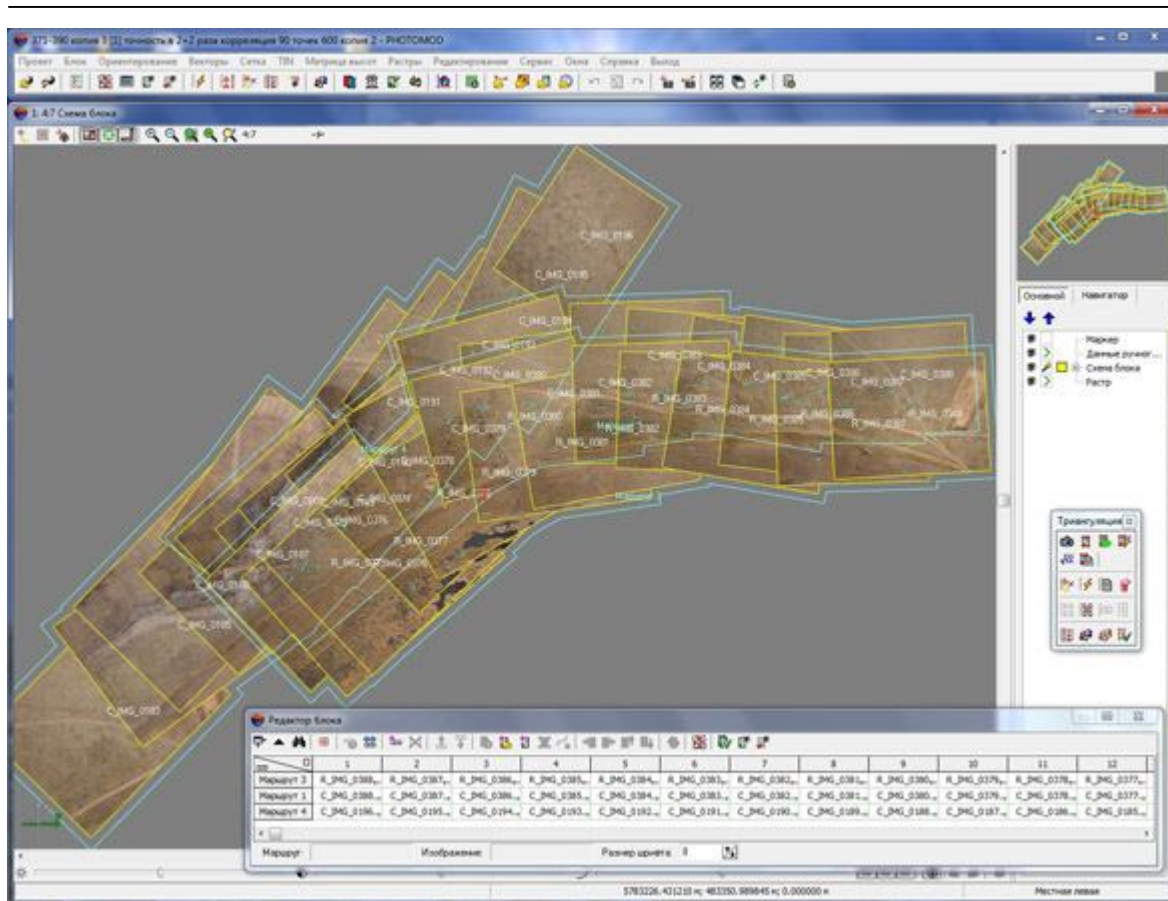

Рис. 3. Накладной монтаж снимков

В результате обработки измерений средние расхождения плановых координат опознаков составили 0,09 м, и 0,04 м по высоте. Расхождения координат связующих точек в плане составили 0,16 м, а по высоте – 0,07 м. Эти показатели обеспечивают необходимую точность создания топографических планов масштаба 1:500 с высотой сечения рельефа 0,5 м.

ЦМР создавалась методом построения «плотной модели». Этот метод предусматривает определение высоты каждого пикселя изображения, фильтрацию точек, попадающих на строения или на высокую растительность. В результате была получена модель рельефа с шагом, равным 0,08 м на местности. Контроль точности построения матрицы высот выполнялся по расхождениям координат опорных точек, в качестве которых использовались опознаки и связующие точки. Среднее квадратичное расхождение по высоте составило 0,3 м. Это обеспечивает отображение рельефа с высотой сечения от 1 м. Дополнительно для некоторых археологических объектов на памятнике ЦМР создавались по отдельным стереопарам. Общий вид ЦМР представлен на рис. 4.

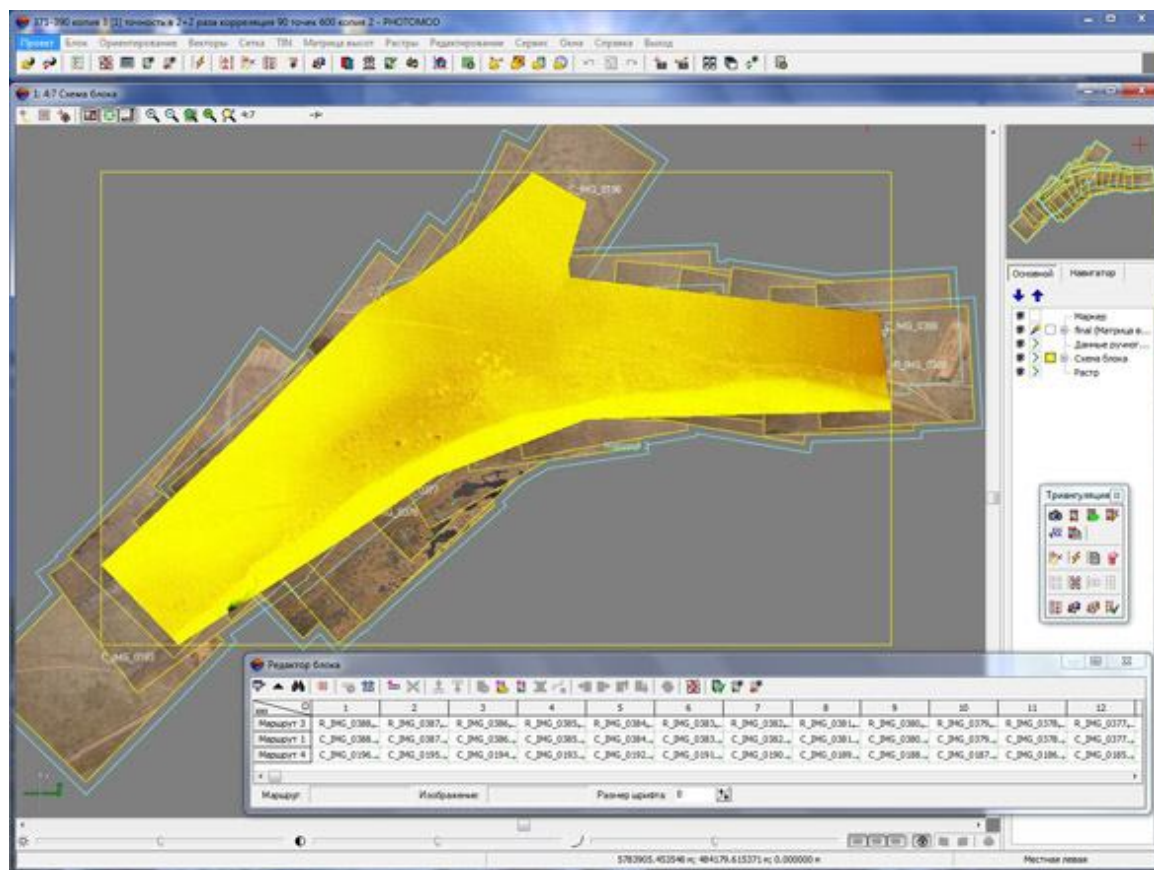

Рис. 4. Цифровая модель рельефа

Фотоплан создавался на основе данных блочной фототриангуляции и ЦМР. Разрешающая способность изображения составила 0,08 м на местности. Погрешность трансформирования снимка, вычисленная по контрольным точкам, составила 0,16 м. В процессе обработки выполнялось выравнивание фототона снимков. Фотопланы позволяют проводить точные измерения археологических памятников, обеспечивают привязку к международной системе координат и могут быть использованы для постановки на кадастровый учет территории объекта культурного наследия. Общий вид фотоплана и его фрагмента показан на рисунках 5, 6, 7.

3D модель объекта создавалась путем пространственного совмещения фотоплана и ЦМР. 3D модели могут создаваться на весь участок съемки или на территории, занятые памятниками археологии. Данный продукт открывает новые возможности по презентации памятников археологии. Фрагмент 3D модели показан на рис. 8.

На основе обработки полученного массива снимков были созданы несколько ортофотопланов.

Первый – общий. Данный картографический продукт может быть использован для создания общего плана распространения объ-

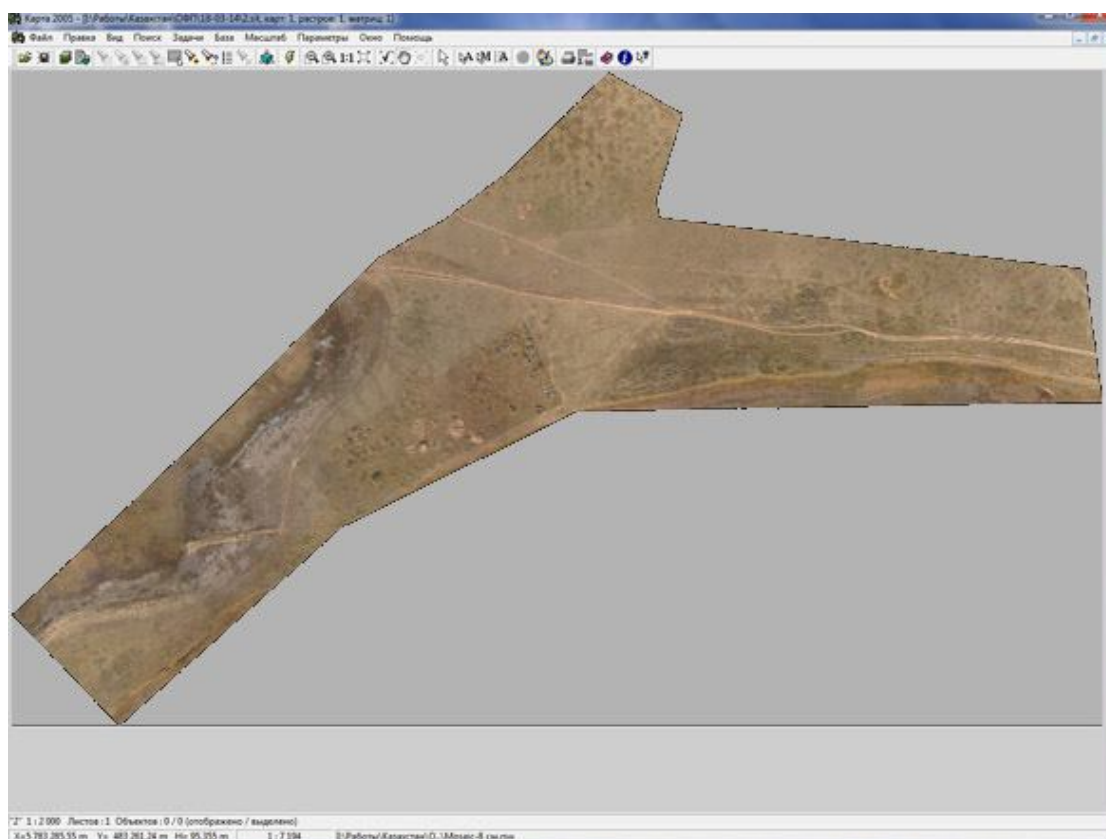

Рис. 5. Фотоплан. Общий вид

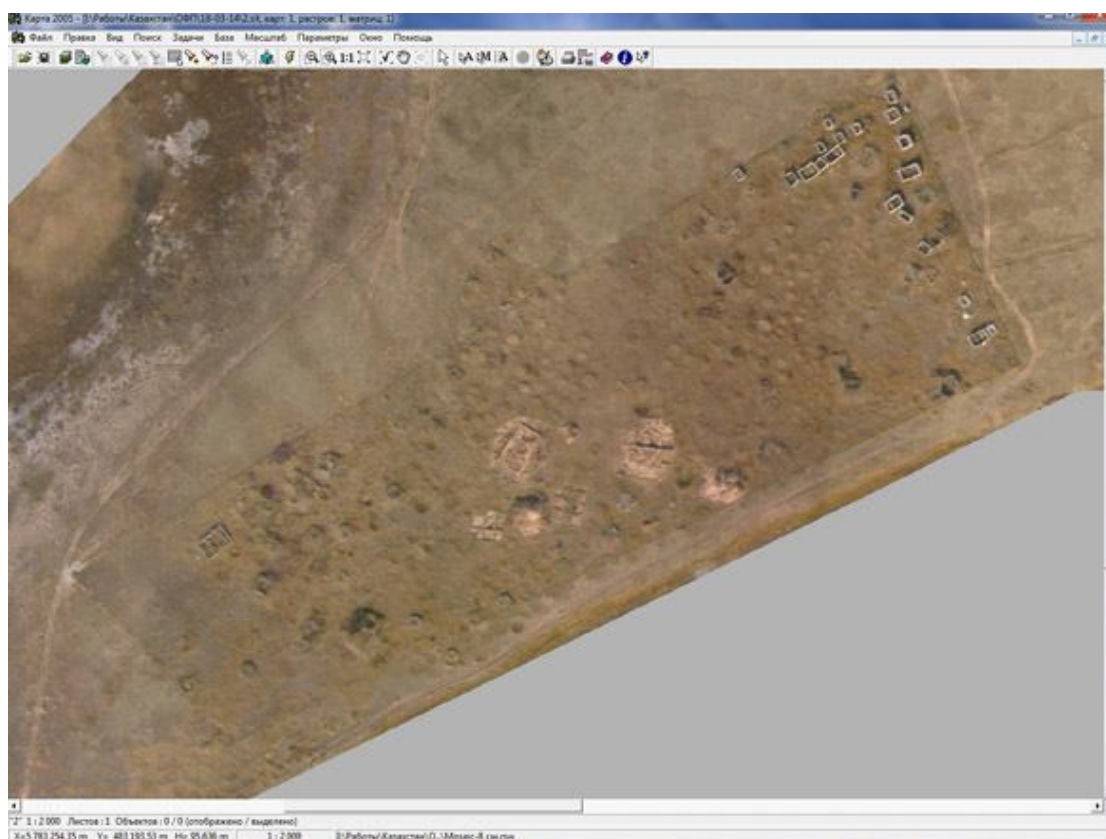

Рис. 6. Фотоплан. Некрополь Аулиеколь

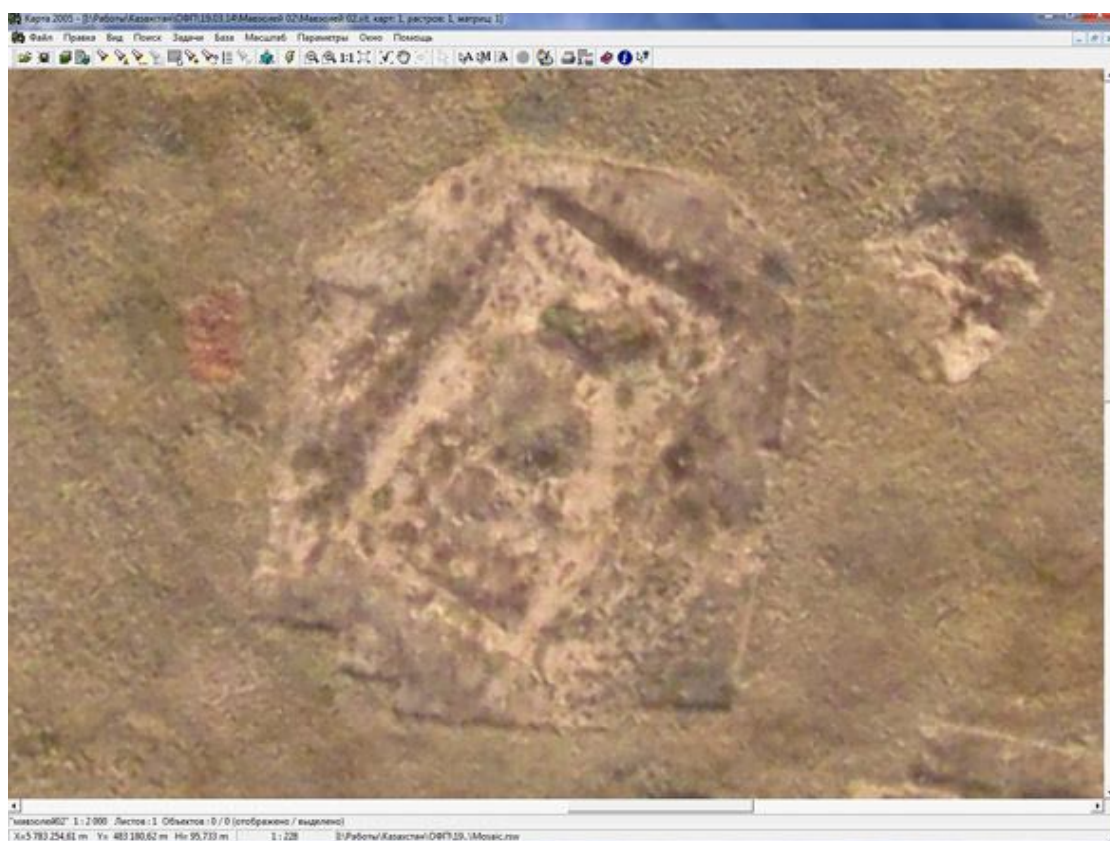

Рис. 7. Фотоплан. Руины средневекового мавзолея

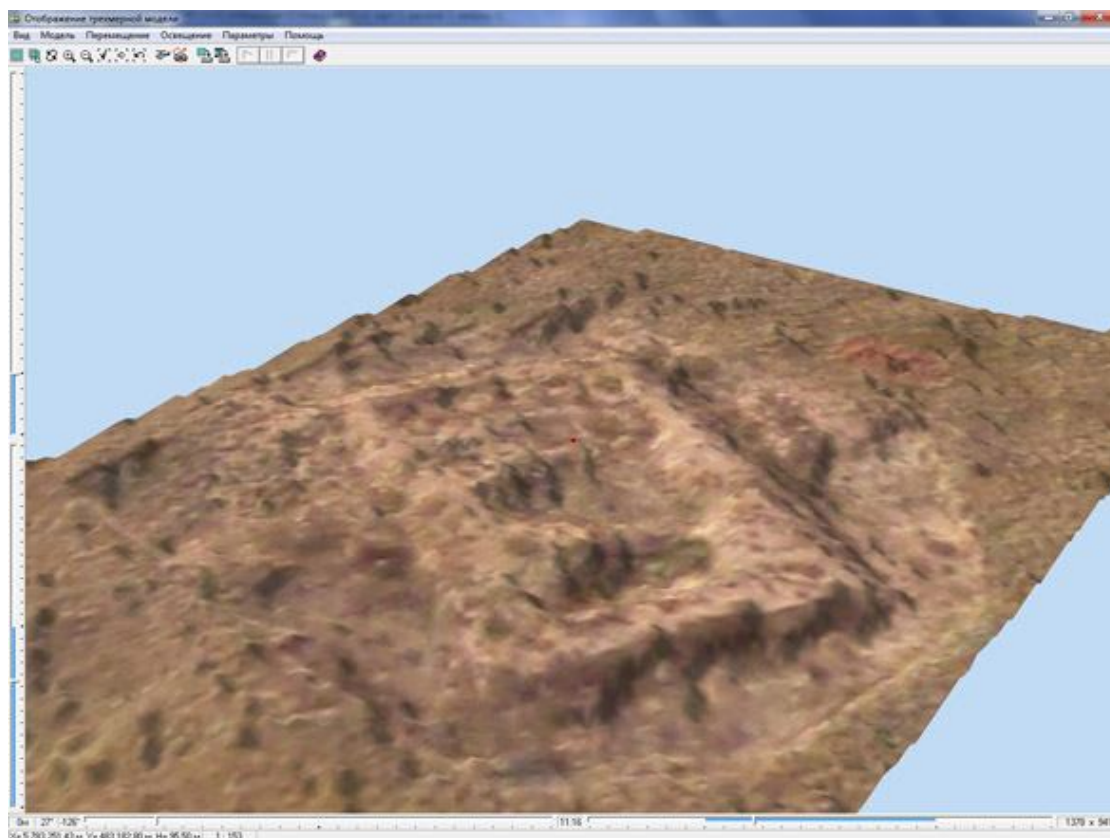

Рис. 8. 3D модель руин средневекового мавзолея

ектов исторического наследия, выяснения точного взаимного положения этих объектов и привязки их к особенностям рельефа, а в дальнейшем как картографическая основа для создания ландшафтной модели в зоне высокой концентрации памятников археологии (ландшафтная модель археологического микрорайона).

Второй – ортофотоплан отдельного объекта культурного наследия. Он может быть использован для построения плана объекта культурного наследия.

Третий – ортофотоплан отдельного крупного объекта на памятнике культурного наследия. В конкретном случае был создан ортофотоплан законсервированного фундамента средневекового мавзолея.

Кроме создания различных планов и схем объектов археологии, эти ортофотопланы позволяют проводить точные измерения, а точность съемки и привязка к международной системе координат дают возможность использовать их и для кадастрового учета территории объекта культурного наследия. Отдельно стоит упомянуть, что данный картографический материал может быть использован для различных ГИС.

На основе ортофотопланов и ЦМР могут быть построены точные масштабные 3D модели как отдельных объектов (курганов, надмогильных насыпей, остатков жилищных конструкций и т.п.), так и памятников археологии в целом, а так же местности, их окружающей. Данный продукт открывает новые возможности для презентации памятников археологии и будет наиболее интересен работникам музеев.

Н.Н. Головченко, Е.А. Кузнецова

**Археологическая разведка
в Крутихинском районе Алтайского края**

В мае 2013 года группой магистрантов гуманитарного факультета НГУ и исторического факультета АлтГПА была предпринята археологическая разведка местности на территории Крутихинского района Алтайского края по маршруту Крутиха – Подборный – Красноярский – Радостный – Заковряшино – Большой Лог – Буян – Караси – Крутиха. Целью проведенных работ являлся мониторинг памятников, поставленных на учет НЦ «Наследие», и поиск неизвестных курганных могильников в обозначенном районе. Раннее археологическое прошлое района привлекало к себе внимание таких исследователей, как Н.М. Ядринцев, П.И. Юхневич, М.П. Грязнов, А.П. Уманский, В.А. Могильников, В.И. Молодин, А.П. Бородовский, М.А. Демиң, А.Б. Шамшин, Я.В. Фролов, Р.В. Белоусов [2, с. 67–80].

Список памятников Крутихинского района, любезно предоставленный нам Я.В. Фроловым, содержит в себе 36 позиций, 27 из них – курганные могильники. Среди прочих, в числе указанных памятников есть курганный могильник Крутиха 7 (GPS-координаты памятника: 53°58'18.67"С, 81°11'0.48"В), привлечший наше внимание масштабами его распахивания. На поле, около поворота на Панкрушиху с трассы Камень на Оби – Новосибирск, в мае 2013 года по стерне очень слабо «читалось» 13 насыпей, по сведениям местных жителей Г.В. Ушакова и А.Ф. Кузнецова, сопровождавших нас во время разведок, в 80-е гг. курганов на поле было порядка 30. Рассматривая объект через Google Earth (дата съемки местности 2005 год), мы заметили 16 точек, возможно, отображающих насыпи. Не трудно догадаться, что с интенсификацией распашки поля новыми зарубежными тракторами оставшиеся насыпи исчезнут через несколько лет. В этих условиях было необходимо составить максимально точный план памятника и взять GPS координаты всех «читаемых» насыпей. К сожалению, начавшаяся распашка поля помешала нам завершить эту работу, отложив ее исполнение до осени.

На поле, восточнее дороги Крутиха – Долганка, в окрестностях озер Шлепок, Журавлиное и Кочковатое нами были обследованы три курганные группы, установить их наименование по спискам НЦ «Наследие» оказалось фактически невозможно, так как в обозначенном списке фигурируют четыре курганные группы под названиями

Кочковатое 1–4, имеющие одинаковое местоположение: «В 4 км к ЗСЗ от с. Крутиха, в 1 км к югу от болота Кочковатое» (рис. 1)¹. Опустим формальные вопросы атрибуции памятников, сняв шляпу перед сложностью и загадочностью планиграфического замысла создателей первой курганной группы, расположенной близ озер Шлепок и Журавлиное, вытянутой более чем на 700 метров с юга-запада на северо-восток. Для начала оговоримся лишь о том, что свой поиск по выявлению закономерностей в планиграфии могильника мы начали с традиционного выделения отдельных цепочек курганов.

Так, первоначально были обозначены две цепочки, ориентированные по оси юго-запад – северо-восток (рис. 2). Первая цепочка состоит из курганов²: 1 (высота 1,4 м, диаметр 32 м, GPS-координаты: 53°59'54.76"С, 81°9'8.49"В), 2 (высота 0,4 м, диаметр 28 м, GPS-координаты: 53°59'57.05"С, 81°9'10.97"В) и 4 (высота 0,6, диаметр 20 м, GPS-координаты: 53°59'48.46"С, 81°9'2.05"В). Вторая цепочка включает в себя курганы: 3 (высота 0,9, диаметр 30 м, GPS-координаты: 53°59'52.02"С, 81°9'6.82"В), 5 (высота 0,25 м, диаметр 20 м, GPS-координаты: 53°59'46.11"С, 81°9'3.30"В) и 7 (высота 0,2 м, диаметр около 20, GPS-координаты: 53°59'41.72"С, 81°9'0.41"В). Юго-восточнее кургана 7 расположен курган 6 (высота 0,3 м, диаметр около 30 м, GPS-координаты: 53°59'37.39"С, 81°9'1.23"В).

Позже, заново просматривая планиграфию группы, мы заметили, что возможен и другой вариант организации памятника, при котором выделяется только одна цепочка из курганов 2, 1, 3, 5 и 7, ориентированная по оси юго-запад – северо-восток (и, вероятно, по линии древнего водораздела) (рис. 3). Если остановиться на этом варианте, то проявляется весьма интересная закономерность, заключающаяся в том, что расстояние между курганами 2–1–3 равно 76–78 метрам, а расстояние между курганами 3–5–7 170–173 метрам³. Вряд ли такую схожесть в значениях можно объяснить простым совпадением, особенно если вспомнить о работах А.Н. Телегина по вычислению линейных мер, используемых при сооружении курганов памятника Обьездное-1 [3, с. 37–46]. Не останавливаясь на вопросах о методике такого рода исследований, подробно изложенных А.Н. Телегиным, перейдем к конкретике. И оказывается, что, пойдя за исследователем, мы приходим к тем же результатам. Расстояния меж-

¹ Мы же считаем, что памятник Кочковатое представляет собой один большой некрополь.

² Номера курганам присвоены нами.

³ Здесь и далее приведены расстояния, полученные по нивелиру и проверенные шагами.

Рис. 1. – к.г. Крутиха 7 (снимок Google Earth, по состоянию на 2005).

Рис. 2. – к.г. Кочковатое (общий снимок Google Earth, по состоянию на 2005).

ду отдельными объектами оказываются кратными 15,5 метрам. Логическая цепочка в нашем случае будет такова: отнимем друг от друга часто встречаемые расстояния ($170 - 77 = 93$), обратимся к опыту А.Н. Телегина и окажется, что полученные нами 93 метра кратны его 31 и 15,5 метрам соответственно [3, с. 43]. Небольшая погрешность, получаемая при делении 170 и 77 на 15,5 ($170 : 15,5 = 10,96$; $77 : 15,5 = 4,96$), объясняется отсутствием у нас сведений о первоначальных формах и размерах насыпей и невозможностью точного определения центра кургана. Если рассмотреть всю планиграфию описанной нами курганной группы с точки зрения концепции А.Н. Телегина, то она предстанет в виде двух цепочек, ориентированных юго-запад – северо-восток, первую составят курганы 1, 2, 3, вторую 5, 7 (рис. 4). Примечательно, что курган 4 располагается в таком случае в 79 метрах от кургана 5 и в 139 метрах от кургана 3 (оба значения кратны 15,5). Расстояние же от самого южного в группе кургана 6 до кургана 7 составляет 136 метров, если учесть, что насыпь кургана сильно растащена регулярной распашкой, то за правильное расстояние между курганами 6 и 7 следует считать 139 метров. Нам остается только согласиться с выводом А.Н. Телегина о том, что строители, выбирая место будущему кургану, размещали его на расстоянии, кратном 15,5 метрам к юго-западу (или к северо-востоку) от предыдущего кургана [3, с. 45].

Таким образом, планиграфия памятника Кочковатое являет нам еще одно живое свидетельство использования строителями курганов линейных мер. Что же касается инструментария для измерения расстояний, то по этому поводу сказать точно, к сожалению, ничего не нельзя. Можно предполагать, что это была веревка или что-то тому подобное. Но очень вероятно, что в качестве меры расстояния использовался шаг. Так, к примеру, двойной шаг (левой-правой) среднестатистического взрослого человека ростом около 1,80 метра равен примерно 1,74 метра, два шага, соответственно, равны 3,48 метра ($15,5 : 4 = 3,8$; $15,5 : 5 = 3,1$)¹. В этом отношении любопытен тот факт, что средний рост погребенных на некрополе Масляха (самом близком раскопанном памятнике к рассматриваемым нами объектам) равен 1,7 метра [1, с. 69–93]. Двойной шаг человека, имеющего такой рост, соответственно, будет около 1,5–1,6 метра ($1,5 * 2 = 3,1$;

¹ Нами была измерена длина шага 10 взрослых человек, средний показатель длины оказался равным 1,74 метра.

Рис. 3. – к.г. Кочковатое 1, планиграфия вариант 1.

Рис. 4. – к.г. Кочковатое 1, планиграфия вариант 2.

1,6 * 2 = 3,2), в зависимости от характера местности, погодных условий, тяжести обуви, удобства штанов и прочих случайных факторов. К слову, исследование расстояний между стелами-коновязями «скифского» сентелекского дало устойчивый отрезок, равный 3,2 метра, который, в свою очередь, кратен персидскому локтю (51 см и 54 см) [4, с. 39].

Вторая и третья группы курганов расположены на 1 км северо-восточнее первой около озер Кочковатое и Шлепок, ее составляют 3 насыпи. Для удобства мы включили эти объекты в одну нумерацию с предыдущей группой, на общем плане они обозначены номерами 8 (GPS-координаты: 54°0'20.12"С, 81°9'47.69"В), 9 (GPS-координаты: 54°0'17.82"С, 81°9'46.74"В), 10 (GPS-координаты: 54°0'8.63"С, 81°9'30.47"В), 11 (GPS-координаты: 54°0'9.40"С, 81°9'32.46"В), 12 (GPS-координаты: 54°0'10.36"С, 81°9'35.22"В) и 13 (GPS-координаты: 54°0'11.42"С, 81°9'37.01"В). Измерения расстояний между курганами этой группы показали уже знакомые нам результаты. Так, расстояние между курганами 8 и 9, образующими одну цепочку, ориентированную по оси юго-запад – северо-восток, равно 75 метрам. При этом следует отметить, что большая часть насыпей, расположенных в окрестностях трех озер, интенсивно распаиваются, очевидно, что какая-то часть курганов уже лишилась насыпей и не видна на поверхности.

Наша разведка была продолжена в окрестностях с. Подборное, основываясь на снимках Google Earth, мы предполагали там наличие курганов. В действительности четыре обнаруженные нами объекта на полях местного хозяйства оказались силосными ямами. Не дало результатов и обследование территории у п. Красноряжский.

В окрестностях пос. Радостный на поле бывшего колхоза «Рассвет», примерно в 2–3 км северо-восточнее поселка на поле немного западнее урочища Ворхаров Колок, на самой вершине водораздела нами был обследован одиночный курган (высота 0,4 м, диаметр 30 м, GPS-координаты объекта: 53°57'49.07"С, 81°7'13.48"В). Насыпь его подквадратная, аналогичная насыпям курганов памятника Заковряшино 3, обследованного А.Б. Шамшиным. Курган опаживается, на его насыпи некогда стоял геодезический знак, ныне вывороченный. Сама насыпь сильно потревожена деятельностью лис или барсуков и охотников за ними, от того и невозможно установить, является ли яма в центре кургана грабительским лазом, на вершине кургана встречены отдельные кости мелких животных и птиц, а также ана-

томически целый скелет мелкой собаки. Как в случае с курганными группами Крутиха 7 и Кочковатое, дать культурно-хронологическую характеристику памятнику не представляется возможным. Так же безуспешными оказались наши попытки установить соответствие между обнаруженным объектом и памятниками из списка НЦ «Наследие», поэтому мы решили дать условное наименование кургану «Радостный-1».

Дальнейшие исследования мы продолжили в окрестностях с. Буян, к которому мы подъезжали по полевой дороге, с трассы Крутиха – Камень на Оби. В 2 км восточнее с. Буян мы обследовали курганный комплекс Большой Лог 1. Группа включает в себя 4 кургана, получивших условные номера: 1 (высота 4,20 м, диаметр 35 м, GPS-координаты: 53°49'21.88"С, 81°2'45.26"В), 2 (высота 1,15 м, диаметр 25 м, GPS-координаты: 53°49'22.26"С, 81°2'51.18"В), 3 (высота 1 м, диаметр 28 м, GPS-координаты: 53°49'26.88"С, 81°2'48.97"В) и 4 (высота 4 м, диаметр 24 м, GPS-координаты: 53°49'17.51"С, 81°2'42.12"В).

Особенности указанного некрополя, расположенного на самой вершине водораздела, вызвали у нас немалый интерес как величиной насыпей курганов, так и планиграфическими особенностями комплекса. Дело в том, что курганы 1, 3, 4 образуют четкую цепочку по направлению юго-запад – северо-восток, а курган 2 как бы примыкает к цепочке с востока. И опять-таки, весьма интересные сведения дало измерение расстояний между объектами. После нивелировки оказалось, что расстояние между курганами 1–3 равно 170 метрам, а 1–4 – 62 метра ($62 : 15,5 = 4$). Примечательно, что курган 2 находится в 139 метрах от кургана 1, в 170 метрах от кургана 3 и в 217 метрах от кургана 4. Как вы можете заметить, все полученные расстояния, с небольшой погрешностью, кратны 15,5. Так же следует отметить, что насыпи всех курганов опажены и испещрены норами грызунов. На насыпи кургана 1 прослеживаются пять грабительских ям, одна центральная и четыре периферийных.

Подводя определенный итог нашей разведке, выделим общие планиграфические особенности курганных некрополей на территории Крутихинского района Алтайского края. К их числу, безусловно, следует отнести то, что большинство курганных могильников расположены на вершинах водоразделов, за исключением памятников у с. Заковряшино. Могильники, включающие в себя более двух курганов, ориентированы цепочками по оси юго-запад – северо-восток. Место для каждого кургана на могильнике выбиралось не случайно,

строители использовали определенную систему мер, предположительно шагов. Так как тождество расстояний между курганами одной группы было впервые выявлено на курганных комплексах скифского времени, то, с известной долей вероятности, памятники, на которых прослеживается та же закономерность, могут быть датированы скифским временем.

Источники и литература

1. Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 69–93.
2. Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. Барнаул, 1990. С. 67–80.
3. Телегин А.Н. Некоторые особенности планиграфии курганной группы Обьездное-1 // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти профессора А.П. Уманского. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 37–46.
4. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а: Монография. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с., ил.

Т.А. Горбунова, С.Н. Иващенко, И.В. Толпеко

Разведочные работы вблизи сел Лесное и Кривинка

В сентябре 2013 г. объединенным отрядом Барнаульской государственной педагогической академии и Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, работавшим в составе экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана и Павлодарского государственного педагогического института, были проведены разведочные работы в окрестностях сел Лесное и Кривинка (Бескарагайский район Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан). Основными целями обследования стали получение опыта работы в степной зоне и сопоставление условий обнаружения археологических памятников в различных природно-климатических зонах Среднего Прииртышья. Для достижения поставленных целей необходимо было решение следующих задач:

- выяснение геоморфологической ситуации в обследуемых районах;
- выявление и осмотр памятников археологии (как известных, так и новых);

– выявление специфики расположения памятников различных типов и эпох, а также условий залегания археологического материала.

Для обследования были выбраны два участка:

- 1) к юго-востоку от с. Лесное;
- 2) к юго – юго-востоку от с. Кривинка.

Помимо основных целей выбор мест был обусловлен их слабой археологической изученностью.

Первый участок обследования в природно-географическом плане представляет собой правобережную пойму р. Иртыш. В данном месте практически к реке выходит ленточный сосновый бор. Осматривавшийся участок поймы на сегодняшний день не залеснен. Однако в предшествующее время бор, вероятно, простирался значительно дальше в сторону Иртыша. Пойма в этом месте изобилует песчаными дюнами. Некоторые из них поднимаются на высоту до 3-5 м. Дюны слабо покрыты растительностью, много развееванных, открытых участков.

Для более северных территорий – лесостепной и южнотаежной зон Среднего Прииртышья – не характерны не только дюнные стоянки, но и в целом обнаружение памятников археологии в пойме. Практически единственными местами, где на пойменных участках присутствует большое количество археологических объектов, являются останцы (на территории Омской области – урочище Темирязь, комплекс археологических памятников у с. Черноозерье и др.) [1, с. 77–78; 2, с. 59; 3, с. 111 и др.]. Собственно, в пойме памятники крайне немногочисленны. Именно поэтому местность к юго-востоку от с. Лесное была выбрана для сравнительного обследования. Обнаружение остатков каких-либо сооружений на дюнах маловероятно. Поэтому основное внимание уделялось поиску подъемного материала.

В ходе обследования на относительно небольшой территории удалось обнаружить и обследовать 12 археологических памятников. Найденные артефакты представляли собой преимущественно различные изделия из камня (пластины, обломки наконечников стрел, отщепы) и фрагменты керамики. Последние, как правило, сильно фрагментированы и не орнаментированы. Семь стоянок и местонахождений, материалы которых представлены изделиями из камня и керамикой, предположительно можно соотнести с периодом неолита-энеолита.

Был обнаружен одиночный курган диаметром 14–16 м и высотой 0,3 м, вероятно, ограбленный. Подъемный материал представлен бронзовой обоймочкой и обломком изделия из бронзы. Предварительная датировка – эпоха средневековья.

Для остальных четырех стоянок и местонахождений датировка оказалась затруднена. Так, на стоянке, получившей предварительно название Лесное 6, в выдуве дюны были обнаружены 16 фрагментов керамики без орнамента. Двенадцать фрагментов керамики в изломе серо-коричневые, с примесью песка, мелкой гальки и шамота, толщиной 7–9 мм. Четыре фрагмента – в изломе серо-оранжевого цвета, с примесью песка и шамота, толщиной 9–10 мм. Изделия из камня и других материалов отсутствовали.

Второй участок обследования, расположенный к юго-юго-востоку от с. Кривинка, представлял собой часть правобережной поймы р. Иртыш и участок надпойменной террасы. Особенностью данной местности было то, что дюнные образования здесь находились как в пойменной части, так и на террасе. Основная часть маршрута пролегла по пойме, большей частью по территории и в окрестностях заброшенного аула Жертумсык. Также был осмотрен мысовидный выступ надпойменной террасы и прилегающая к нему местность. В результате обнаружены и обследованы 14 археологических памятников.

Три стоянки предварительно отнесены к периоду энеолита – ранней бронзы. Их материалы представлены изделиями из камня (скребки, отщепы, обломки) и фрагментами керамики. Керамика серо-коричневая и коричневая в изломе, с примесью песка, дресвы и шамота, толщиной от 8 до 14 мм. На большинстве фрагментов орнамент отсутствовал. На орнаментированных встречена гребенчатая качалка, оттиски гладкого штампа, горизонтальные ряды оттисков прямоугольной палочки.

В ходе работ выявлено четыре поселения бегазы-дандыбаевской культуры (эпоха поздней бронзы). Для этих памятников характерно наличие двух керамических комплексов:

- 1) станковая керамика без орнамента, светло-коричневая в изломе, с примесью песка, толщиной от 8 до 14 мм;

- 2) лепная, как правило, не орнаментированная керамика, серо-коричневая в изломе, с примесью песка, дресвы и шамота, толщиной 8–10 мм; в этом комплексе изредка встречаются фрагменты, орнаментированные мелкозубой гребенкой и прочерчиванием.

На мысовидном выступе террасы была обследована курганная группа из восьми насыпей (диаметром от 11 до 28 м, высотой до 1–1,5 м). Некоторые из курганов имеют следы грабительских прокопов. У нескольких в насыпях прослежены камни.

Помимо этого, на обследованной территории выявлены три одиночных кургана и три местонахождения (обломок бронзового ножа, заготовка для зернотерки и фрагмент донца плоскодонного сосуда с обломом изделия из бронзы и всплеском бронзы).

Таким образом, на этом участке большинство поселенческих комплексов были обнаружены при осмотре обнажений эолового характера. Среди них на террасе доминировали памятники бегазы-дандыбаевской культуры, располагавшиеся на дюнах. Памятники более ранние (энеолит – ранняя бронза) отмечены в пойменных участках территории обследования. Курганы располагались на краю надпойменной террасы и в основном оказались приурочены к мысовидному выступу. Подобное расположение курганных могильников в целом характерно для территории степного, лесостепного и южнотаежного ландшафта Среднего Прииртышья.

Практическим результатом работ объединенного отряда стало выявление и обследование свыше 20 археологических памятников различных типов и культурно-хронологической принадлежности. Удалось определить некоторые закономерности их расположения в разные исторические периоды.

Одним из важнейших итогов работ для российских участников экспедиции стало получение опыта обследования степного Прииртышья и пойменных участков р. Иртыш. Подобные совместные работы дают возможность по-новому взглянуть на привычные для археолога районы работ, в частности, более пристальное внимание обратить на территории, ранее обделенные вниманием исследователей.

Источники и литература

1. Большаник П.В., Жук А.В., Матющенко В.И. и др. Нижнетарский археологический микрорайон. Новосибирск, 2001. 256 с.
2. Горбунова Т.А., Шмидт И.В. Перспективы изучения памятника эпохи позднего палеолита Черноозерье II в Омской области (по результатам разведки 2013 года) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. №1. С. 59-61.
3. Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. и др. Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований. Омск, 2011. 196 с.

О.С. Данилова

**Образ жизни и хозяйственный уклад кочевников Евразии
I тыс. до н.э. по сведениям античных авторов
и археологическим данным**

Пазырыкская археологическая культура, первые памятники которой были открыты в 1865 году В.В. Радловым, и по сей день имеет множество неизученных аспектов. Например, не так давно была выпущена работа В.И. Молодина, Г. Парцингера, Д. Цэвээндоржа «Замёрзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай)», посвященная итогам трех полевых сезонов (2004, 2005, 2006). Проведённые мультидисциплинарные исследования на памятниках пазырыкской культуры Северо-Западной Монголии позволили вскрыть многие, ранее неизвестные аспекты, существенно дополнившие наши представления о культуре в целом [4, с. 8]. Но, тем не менее, вопросы остаются открытыми. В формировании представлений о культуре могут помочь письменные источники, описывающие причерноморских номадов. В настоящей работе делается попытка выяснить, насколько сведения античных авторов о европейских скифах, справедливы в отношении хозяйственного уклада носителей пазырыкской культуры.

Образ жизни и хозяйственные занятия. Древнегреческий историк Геродот, живший в первой половине V в. до н. э., описывая образ жизни и занятия скифов, сообщает, что они «ничего не сеют, питаются домашними животными и рыбой» [1, с. 215, 216]. Он же приводит подробное описание приготовления кобыльего молока [1, с. 8]. По свидетельству другого греческого ученого Псевдо-Гиппократа, жившего ок. 460 – ок. 377 гг. до н. э., скифы «едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят иппаку» [3, с. 27] (Иппака – сыр из кобыльего молока). Подобно Геродоту он описывает приготовление продуктов из кобыльего молока: «IV, 20... Это (влияние жара на больной организм) похоже на то, что скифы делают из кобыльего молока: влив молоко в деревянные сосуды, они встряхивают их...» [3, с. 27]. Гиппократ описывал людей с медицинской точки зрения. Другой греческий ученый Страбон, который был моложе предыдущих ученых (ок. 64/63 до н. э. – ок. 23/24 н. э.), приводит слова древних авторов: «есть так называемые «обитатели кибиток» и «кочевники», занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром из кумыса; они не умеют делать запасов и не знают торговли, кроме

обмена товара на товар» [2, с. 294]. Как мы видим, античные авторы схожи в своем описании причерноморских номадов. Все они, несмотря на различное время появления источников, пишут, что скифы преимущественно занимались скотоводством.

Итак, что мы имеем в археологии. Во всех курганах, относящихся к пазырыкской культуре, были найдены кости мелкого рогатого скота, лошадей, а также шкуры овец, коз и шерсть яков, что позволяет сделать вывод, что пазырыкцы были скотоводами [8, с. 32-37]. При раскопках полных скелетов овец обнаружено не было, но найдено много крестцов, поясничных позвонков и ребер. Также найдено очень много изделий из овечьей шерсти: мужская и женская одежда, ткани, чепраки и покрышки конских седел. Шкура домашней овцы найдена только в пятом Пазырыкском кургане [8, с. 32-37]. Геродот и другие античные авторы указывают, что лошадь играет большую роль в жизни причерноморских номадов [1, с. 2]. Судя по материалам археологических исследований царских курганов Пазырыка, в жизни пазырыкцев лошадь также играла огромную роль. Они были использованы в различных хозяйственных целях и были захоронены во всех могилах. Число лошадей в могиле было различно: в одном случае 7, в другом 9, в двух случаях по 10, в четырёх по 14 и в одном случае 16. Мы видим, что слова античных авторов так или иначе подтверждаются археологическими данными.

Что же касается еще одного важного элемента хозяйства – земледелия. Геродот сообщает нам, что скифы почти не занимались земледелием: «ничего не сеют, питаюсь домашними животными и рыбой» [1, с. 215, 216]. Страбон, в свою очередь писал, что «массагеты, жители равнин, имея землю, не обрабатывают её, живут мясом овец и рыбой, образ жизни ведут кочевой, скифский» [2, с. 297]. При раскопках были обнаружены каменные зернотерки и жернова (Укок, курган 1 могильника Бертек-10; курган 1 могильника Бертек-1), это не свидетельствует о занятии земледелием, но свидетельствует о большом значении растительной пищи в жизни пазырыкцев.

У скифов, как и у пазырыкцев, важную роль играли рыболовство и охота. Геродот в своем описании упоминает об этом: «массагеты по образу жизни похожи на скифов..., ничего не сеют, питаюсь домашними животными и рыбой... Живут они охотой» [1, с. 215-216]. При раскопках кургана 1 могильника Ак-Алаха были обнаружены фигурки рыб, которые украшали попоны. На теле скифо-сакского вождя из второго Пазырыкского кургана была татуировка, на фраг-

менте которой имеется изображение рыбы. Мы не можем утверждать с полной уверенностью, что носители пазырыкской культуры занимались рыболовством, но по изображениям рыб мы можем допустить эту мысль. Что же касается охоты, то она имела потребительский характер и была источником накопления ценностей. Раскопки показали, что носители пазырыкской культуры охотились на разных животных. В курганах были найдены меха диких животных. Также охотились на птиц. Имеются изображения тетерева, гуся и лебедя [6, с. 35-41]. Возможно, что охота на дикого кабана носила также и спортивный интерес. Об этом свидетельствует использование кабаньих клыков для украшения конской упряжи. Для украшения одного седельного нагрудника, обнаруженного во втором Башадарском кургане, было использовано 37 кабаньих клыков [7, с. 75].

Таким образом, мы можем предположить, что сведения античных авторов о хозяйственном укладе причерноморских номадов справедливы и в отношении носителей пазырыкской культуры Алтая. Причем источники разного времени не только не противоречат друг другу, а, наоборот, находят подтверждения. Поэтому мы можем с большой осторожностью полагаться на эти сведения.

Источники и литература

1. Геродот. История : В 9 кн. / Пер. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
2. Страбон. География в 17 кн./ пер. с древнегреч. Ф. Мищенко, сост., отв. ред. Е. Кузнец. Кн. 1-11. М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. 752 с.
3. Книга античности и Возрождения о временах года и здоровье/ Пер. с греч., латин. и др. яз. / предисл. В.Н. Терновского и Ю.Ф. Шульца; сост. и коммент. Ю.Ф. Шульца. – М.: Книга, 1971. – 143 с.
4. Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай) // М.: Триумф принт, 2012. – 566 с.
5. Полосьмак Н.В. Стережущие золото грифы (ак-алахинские курганы): Монография / Отв. ред. А.П. Деревянко. – Новосибирск: Фирма, 1994. – 120,[4] с.
6. Полосьмак Н.В. Традиция пазырыкского бальзамирования: (некоторые аспекты проблемы) / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт археологии и этнографии; отв. ред.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин. – Новосибирск, 1996. – С. 210-213.
7. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / Отв. ред. М.И. Артамонов. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 359 с.
8. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы / Отв. ред. А.Н. Бернштам. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 267 с. – (итоги и проблемы современной науки).

М.А. Демин, С.С. Запрудский, С.М. Ситников

Реконструкция андроновского головного убора по материалам могильника Чекановский Лог-Х

В последнее время существенно возрос интерес к изучению половозрастной и социальной структуры андроновского общества. Одним из маркеров, позволяющих решить эту проблему, является костюм, а особенно его важнейшая составная часть – головной убор.

В результате многолетнего изучения андроновских погребений могильника Чекановский Лог-Х, расположенного на берегу Гилевского водохранилища в Третьяковском районе Алтайского края, были обнаружены остатки четырех головных уборов, одного нагрудника и обширная коллекция украшений [2; 3; 5, с. 108-109].

Особый интерес представляет могила №150А, исследованная в июле 2013 г. Западная часть погребения оказалась разрушена водохранилищем. В обрыве берега были зафиксированы отдельные кости человека и биметаллические украшения. При подчистке по материку могильное пятно не фиксировалось. На глубине 159–162 см от уровня дневной поверхности обнаружены в беспорядочном положении кости женщины 25–35-летнего возраста (предварительное определение выполнено в полевых условиях С.М. Ситниковым). В не потревоженном состоянии сохранились кости голени левой ноги и остатки головного убора (рис. 1), которые представлены десятью биметаллическими прямоугольными нашивками, украшенными пуансонным орнаментом (рис. 1; 2–6,8), биметаллической одной гладкой обоймочкой (рис. 2–7), тремя биметаллическими обоймочками, украшенными пуансонным орнаментом (рис. 1; 2–5), пятью бронзовыми гладкими листовидными подвесками (рис. 1; 2–3), двумя бронзовыми листовидными подвесками, украшенными пуансонным орнаментом (рис. 1; 2–2,4). Помимо этого в погребении были обнаружены остатки ушного гарнитура – три биметаллических рубчатых цилиндрических пронизки (рис. 1; 2–9) и одна пастовая цилиндрическая (рис. 1; 2–10), а также одна биметаллическая трапециевидная подвеска с тремя бородавчатыми выпуклостями (рис. 1; 2–11).

Расположение украшений позволяет предполагать, что головной убор представлял собой кожаную или шерстяную шапочку с ластовицей, на которую в определенном порядке были нашиты украшения. Сверху горизонтально прикреплена обоймочка, потом вертикально шли четыре прямоугольных нашивки по две в ряд. Та-

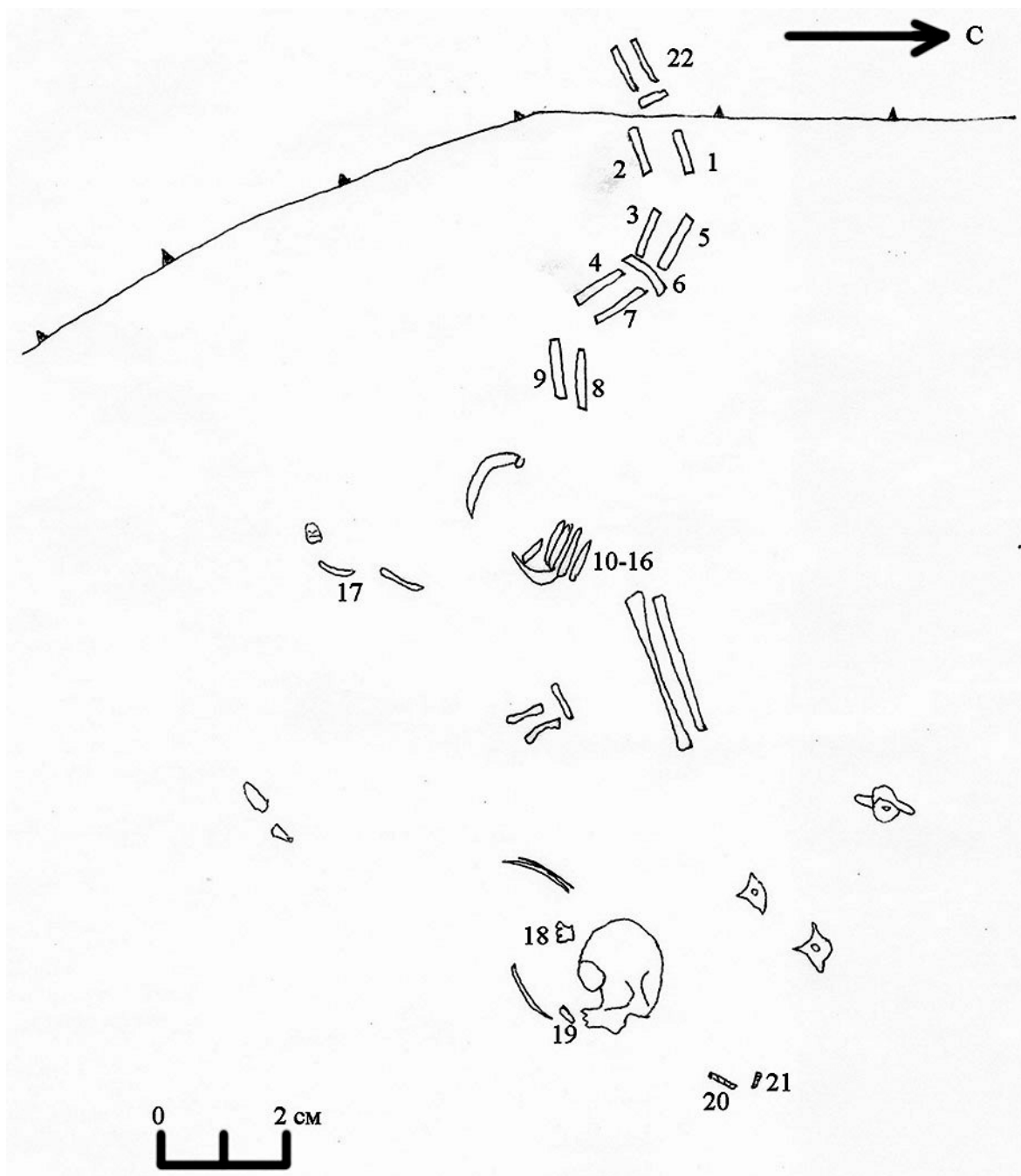

Рис. 1. Могильник Чекановский Лог-10. Погребение №150 А.
 План: 1-5, 7-9 – прямоугольные нашивки; 6 – обоймочка; 10-16 – листовидные подвески;
 17 – фрагменты браслета; 18 – трапециевидная подвеска; 19 – пастовая пронизка;
 20, 21 – золотые пронизки; 22 – две прямоугольных нашивки и одна обоймочка.

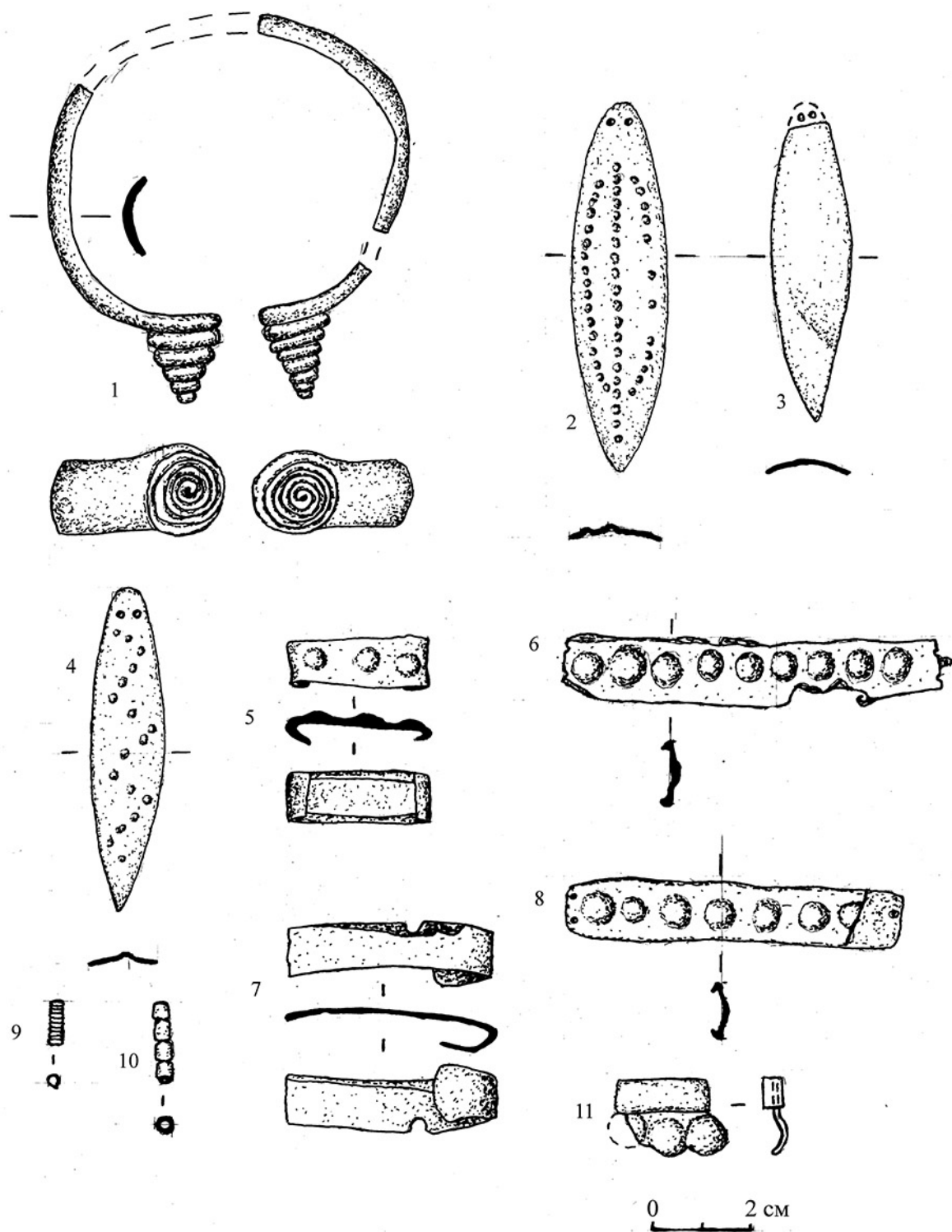

Рис. 2. Могильник Чекановский Лог-10. Погребение №150А.
 Инвентарь: 1 – браслет; 2-4 – листовидные подвески; 5, 7 – обоймочки;
 6, 8 прямоугольные нашивки; 9-10 – пронизки; 11 – трапециевидная подвеска
 с бородавчатыми выпуклостями. 1-4 – бронза; 5-9, 11 – бронза, золото; 10 – паста.

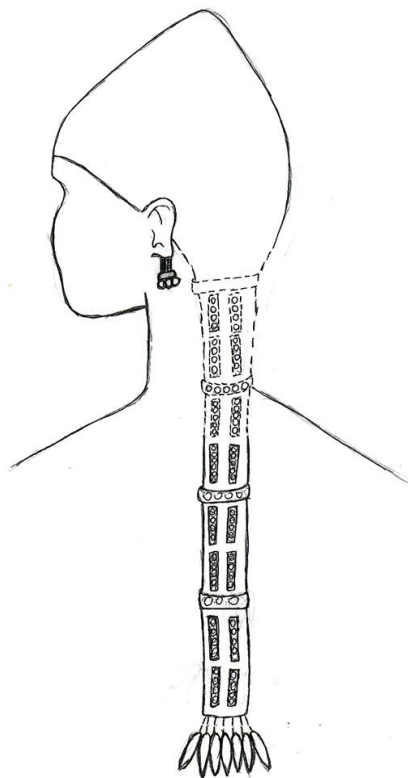

Рис. 3. Могильник Чекановский Лог-10.
Погребение №150А.
Графическая реконструкция
головного убора.

кая очередность повторялась четыре раза. Низ композиции дополняли семь листовидных подвесок (рис. 3).

Ухо украшали четыре пронизки и трапециевидная подвеска с бородавчатыми выпуклостями (рис. 3). Бронзовые окислы на левой стороне черепа дают возможность предположить, что ушной гарнитур, вероятно, дополняли подвески в полтора оборота. Аналоги данному головному убору в восточном ареале распространения андроновской культуры неизвестны.

Помимо остатков головного убора в заполнении погребения обнаружены бронзовая бусина биконической формы и бронзовый браслет со спиралевидными коническими окончаниями из желобчатой в разрезе пластины (рис. 1; 2-1).

Остатки головных уборов в андроновских погребениях встречаются редко, что позволяет предполагать о высоком прижизненном статусе умершей. По этнографическим материалам известно, что головной убор – самая культурно-стандартизированная деталь костюма. Он у большинства народов выполнял две основные функции – магическую и социальную, а также являлся показателем возраста и этнической принадлежности его носителя [7, с. 112].

По мнению Э.Р. Усмановой и А.А. Ткачева, головные уборы с накосником на кожаной или плетеной основе принадлежали девушкам-невестам, так как во время свадебного обряда, согласно данным этнографии, накосники покрывали голову полностью. Накосник указывал не только на достижение половой зрелости (у алтайцев, если девушка не выходила замуж, она продолжала его носить) и замужество женщины (как факт перехода в род или семью мужа), но и на рождение ребенка. В частности, свадебный головной убор должен был обеспечить плодovitость и счастье брака. Возможно, накосник был деталью свадебного головного убора, который после изменения семейного положения женщины и рождения ребенка не надевался [4, с. 72]. По предположению Н.А. Аванесовой, накосник являлся атрибутом замужней женщины [1, с. 59]. В его символике доминирует

идея плодородия, защиты женской души и способности женщины к рождению потомства [6, с. 221].

Источники и литература

1. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент, 1991. – 200 с.
2. Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. – Барнаул, 2011. – 128 с.
3. Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции: Ч I. – Барнаул, 2007 – 274 с.
4. Евдокимов В.В, Усманова Э.Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск, 1990. – С. 66-80.
5. Запрудский С.С. Реконструкция и семантика андроновского головного убора (по материалам могильника Чекановский Лог X) // Археология, этнология, палеэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Красноярск, 2006. – С. 108-109.
6. Павлова А.Н. К семантике костюма древнемарийских племен (археолого-этнографические параллели) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2005. – С. 220-223.
7. Потемкина Т.М. Головной убор саргатской жрицы (по материалам Шикаевского кургана) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2005. – Вып. 1. – С. 112-120.

*В.В. Евдокимов, С.У. Жауымбаев,
А.И. Кукушкин, О.С. Шохатаев*

Жилище 2 поселения Алат эпохи поздней бронзы

Поселение Алат находится в 220 км к юго-востоку от г. Караганды, на территории Каркаралинского государственного национального природного парка в Кентском горно-лесном массиве. Поселение расположено на левом берегу горной речки Байшура (Кызылкеныш) у подножья горного хребта возле перевала и ручья Алат, давшие название памятнику. Жилая площадка поселения шириной 70–100 м вытянута вдоль первой надпойменной террасы, переходящей в склон горы. Пойма речки в этом месте шириной до 200 м, длиной около 0,5 км, богата травостоем. Уровень поймы от уреза воды 1–1,5 м (рис. 1).

На жилой площадке визуально фиксируется полтора десятка впадин котлованов жилищ округлой формы диаметром до 10 и более метров, глубиной до 0,5 м.

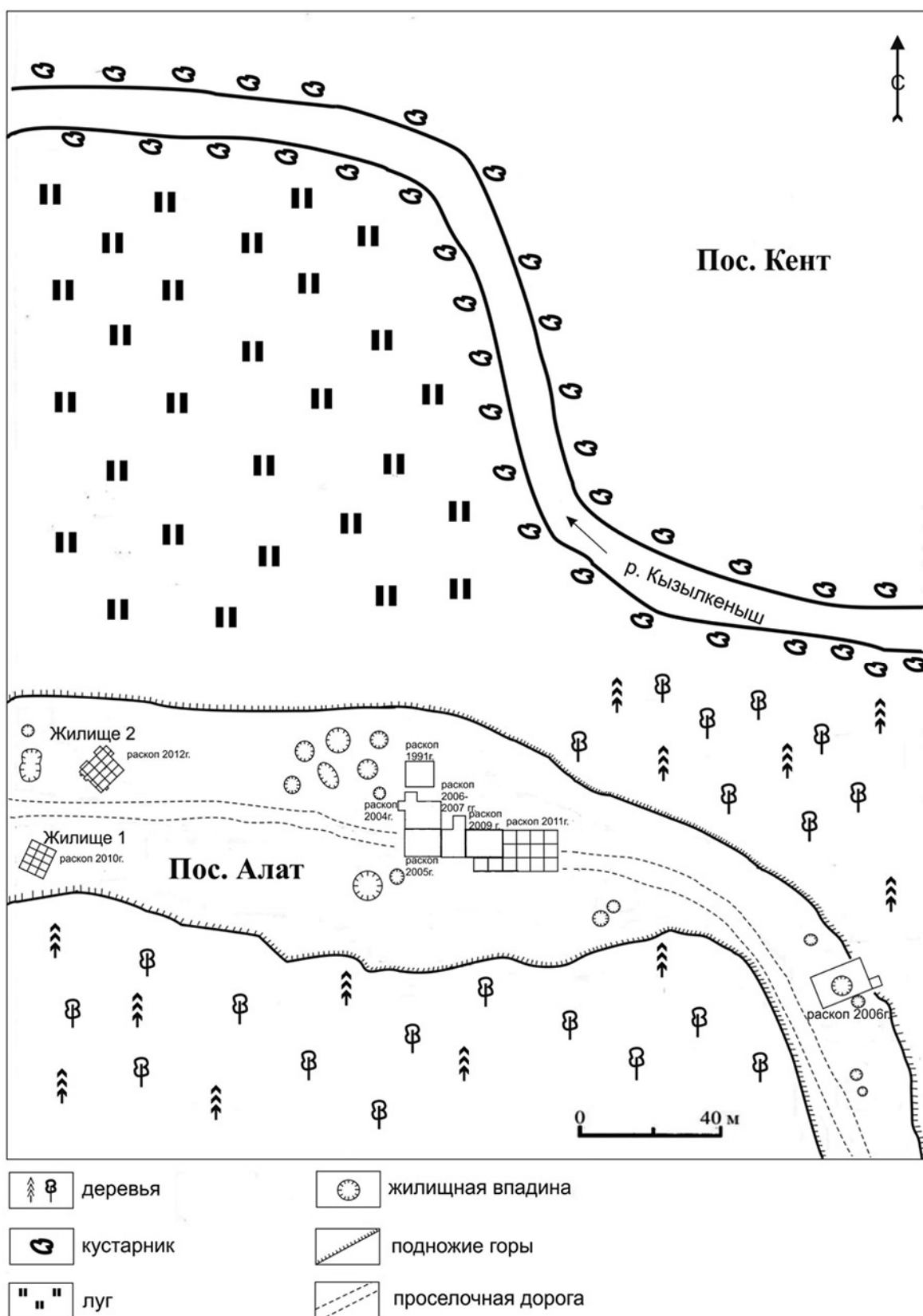

Рис. 1. Поселение Алат. Жилище 2. План местности.

Нивелировка раскопа зафиксировала незначительные перепады высот крайних точек, не превышающие 0,1 м, т.е. жилище было расположено на площадке с ровной поверхностью. Впадина жилища 2, выбранного для исследований, находилась в 20 м ниже по склону от раскопанного ранее в 2010 г. жилища 1. Раскоп площадью 119 кв. м был заложен над округлой впадиной размером 9×11 м, глубиной 0,2 м.

Фундамент стен, выложенный из плит длиной до одного метра, плитняка и камней, фиксировался по периметру котлована жилища как однослойный, и лишь местами сохранилась кладка в 2–3 слоя. Ширина развала камней стен достигает 3,5 м – две третьих развала фиксируется с внутренней стороны в придонном слое камеры. Камни фундамента стен укладывали по периметру площадки пола на подстилающий и залегающий под дерном материковый слой, в котором прослеживается слабо профилированный котлован. Жилище по сути, являлось наземным (рис. 2), (фото 1).

По фундаментному ряду камней фиксировалась камера жилища прямоугольной формы. Размером 9,7×6,5 кв. м, площадью 60 кв. м. Жилище по продольной оси ориентировалось по линии СЗ–ЮВ, вдоль террасы.

Заполнение котлована жилища: дерновый слой 0,1–0,15 м; светло-серый супесчано-дресвяный слой 0,1–0,3 м; темно-бурый супесчано-дресвяный слой 0,1–0,4 м; черный супесчаный слой 0,1–0,3 м; подстилающий светло-желтый дресвяно-супесчаный материковый слой (рис. 4).

В южной части камеры с угла зафиксирован коридорообразный выход, прямоугольной в плане формы, размером 1,26×0,8 м, углубленный на 0,2 м. Продолжение выхода-входа длиной до полуметра фиксируется по уплотненному темно-серому супесчано-дресвяному слою внутри камеры.

Снаружи у северного угла была отмечена округлая площадка диаметром развала камней до трех метров. Под камнями развала на уровне 0,4 м от поверхности зафиксированы очертания сооружения подовальной формы размером 4,7×2,8 м, глубиной 5 см. Сооружение оказалось пристройкой к жилищу и играла роль кладовой, которая соединялась с жилищем переходом длиной 0,54 м, шириной 0,6 м, глубиной в материковом слое 0,06 м. В пристройке-кладовой отмечена хоз. яма IV (см. ниже).

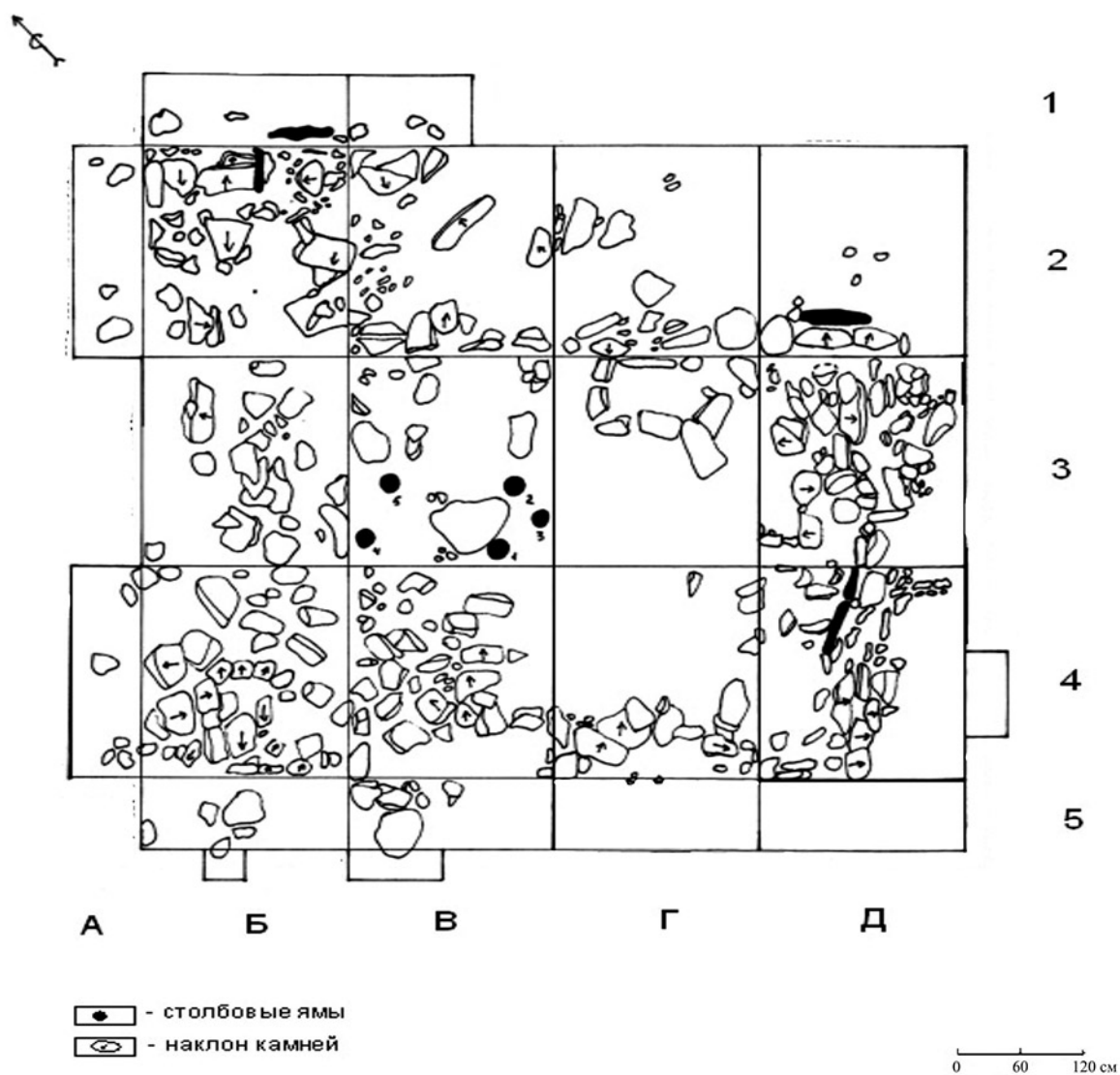

Рис. 2. Поселение Алат. Жилище 2. План развала камней стен жилища.

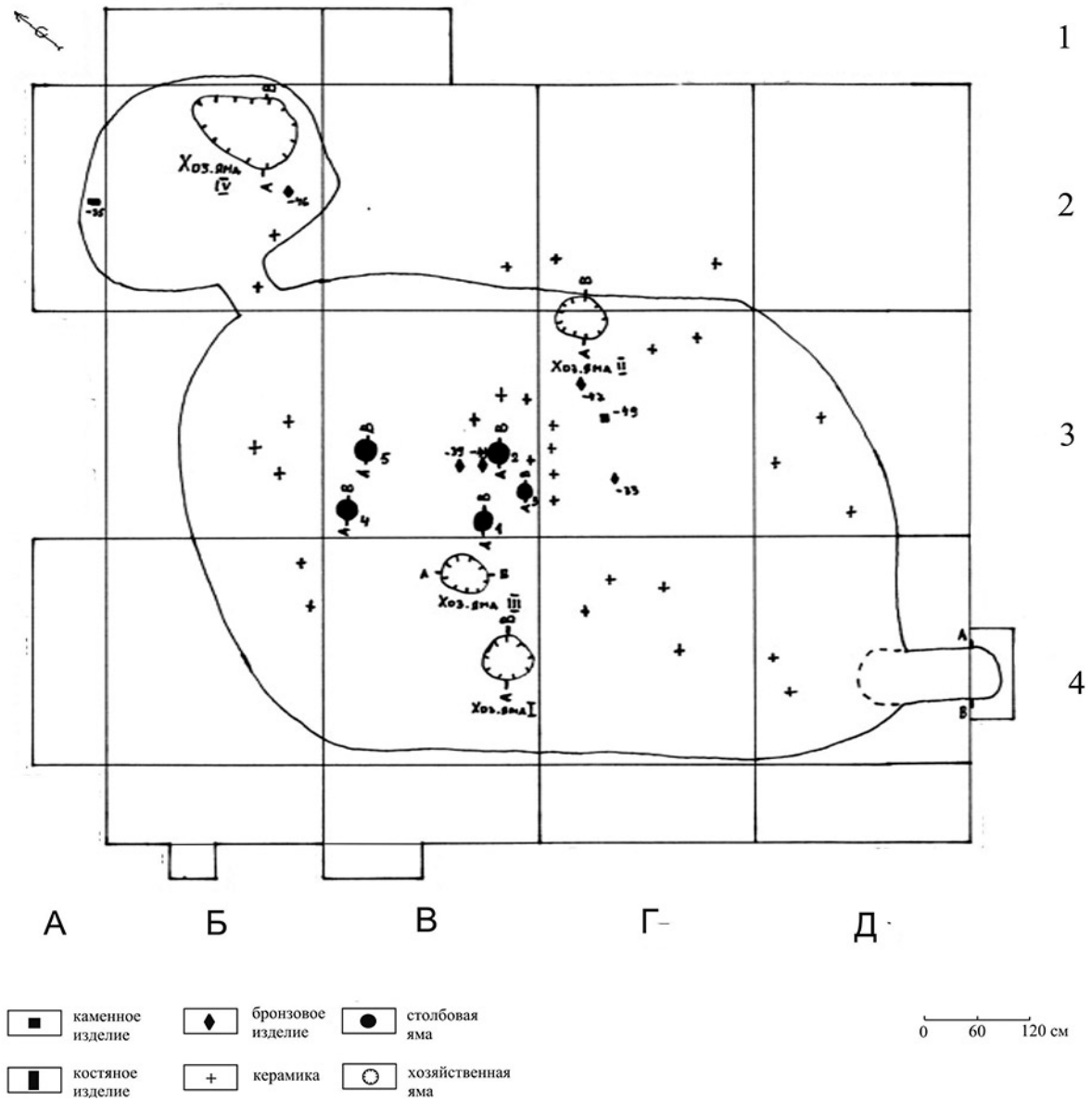

Рис. 3. Поселение Алат. Жилище 2. План раскопа.

Пол жилища ровный, горизонтально сnivelированный. На полу жилища зафиксированы 3 хоз. ямы, 5 столбовых ям и очаг (рис. 3).

Очаг в плане вытянутой овальной формы, размером 1,4×0,60 м. По периметру был обложен камнями. Внутри обкладки камней фиксируется темно-бурый супесчано-дресвяный слой, в котором обнаружены фрагменты керамики (фото 2).

Хоз. яма I расположена в ЮЗ секторе жилой камеры в 0,9 м от продольной стены. В плане подовальной формы размером 0,66×0,6 м. В разрезе котловидная глубиной 0,25 м. В заполнении ямы обнаружены кости животных, фрагменты керамики.

Хоз. яма II примыкает вплотную в центральной части СВ продольной стены камеры. В плане овальной формы размером 0,72×0,6 м в разрезе чашевидная глубиной 0,27 м. В заполнении найдены фрагменты керамики.

Хоз. яма III расположена в ЮЗ секторе рядом с хоз. ямой I. В плане овальной формы размером 0,7×0,54 м в разрезе чашевидная глубиной 0,32 м.

Хоз. яма IV расположена в пристройке-кладовой в плане подовальной формы размером 1,5×0,9 м, в разрезе котловидная, глубиной 1 м.

Столбовые ямы котловидные, диаметром 0,19–0,43 м, глубиной 0,05–0,11 м расположены компактной группой в центральной части жилища. Такое компактное расположение ям позволяет предполагать их отношение к одному объектному сооружению. Четыре ямы из пяти могли располагаться по углам четырехугольного сооружения размером 2,1×1,08 м.

В заполнении котлована, в придонном слое найдены керамика, изделия из камня, бронзы, кости животных (рис. 3).

Бронзовая заклепка округлой формы, диаметром 1,6 см, толщиной 0,2 см, с неровными краями и стержневидной ножкой, высотой 0,6 см, толщиной 0,4 см. Конец ножки деформирован при литье и соединен со шляпкой заклепки.

Бронзовая бляшка подовальной формы, размером 2,7×2,3 см. Центральная часть утолщена до 0,2 см, по краям до 0,5 мм. С внутренней стороны имеется шпенек высотой 0,4 см, диаметр 0,3 см. Обработана частично с 2-х сторон (фото 6).

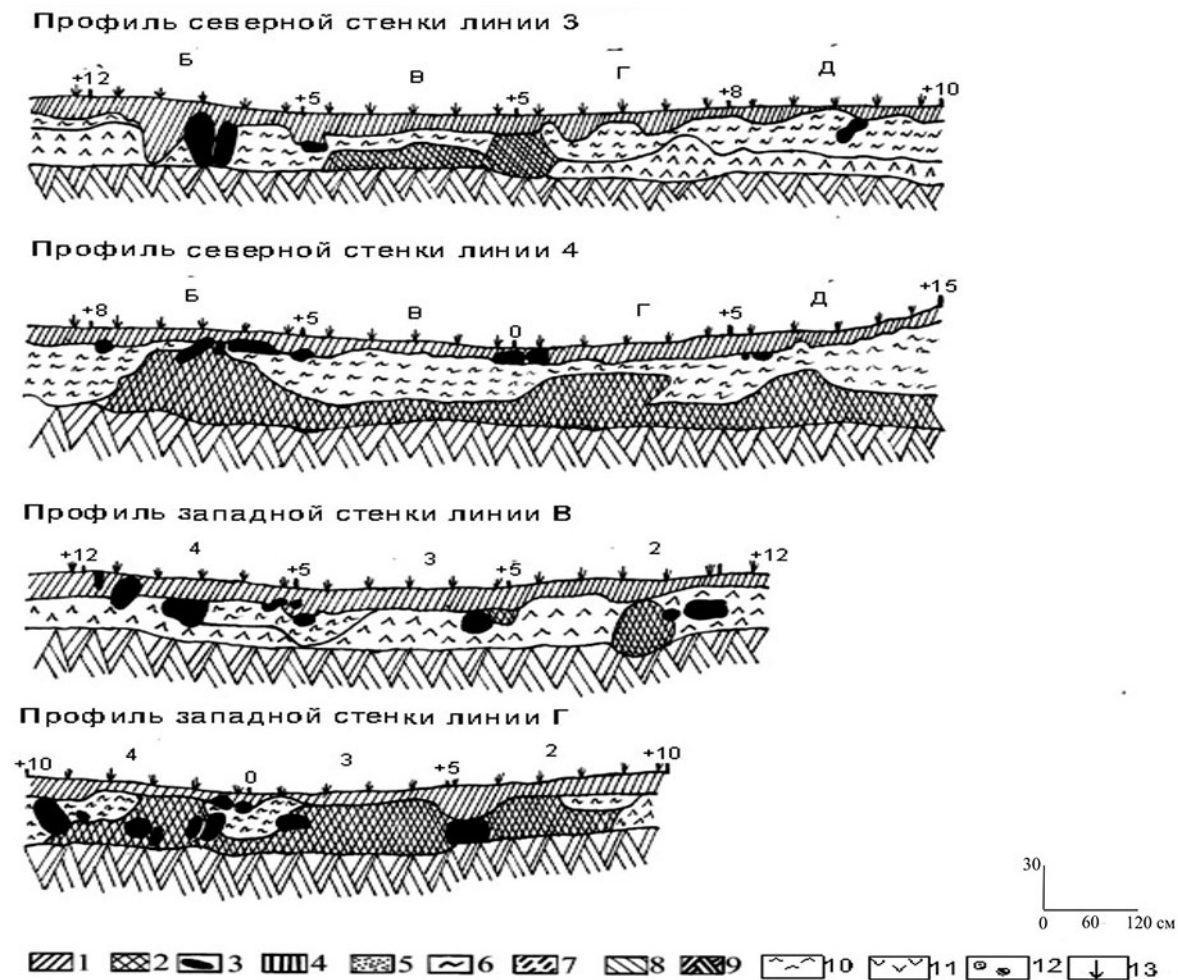

Рис. 4. Поселение Алат. Жилище 2. Профиля северных и западных бровок.

1 – дерн, 2 – светло-бурый дресвяно-песчаный слой, 3 – камни,
 4 – желтый дресвяно-песчаный слой, 5 – темно-бурый супесчанно-дресвяный слой,
 6 – светло-серый дресвяно-песчаный слой, 7 – темно-серый супесчанно-дресвяный слой,
 8 – черный супесчанно-дресвяный слой, 9 – материк, 10 – черный супесчаный слой,
 11 – зола, 12 – кости, 13 – дерн.

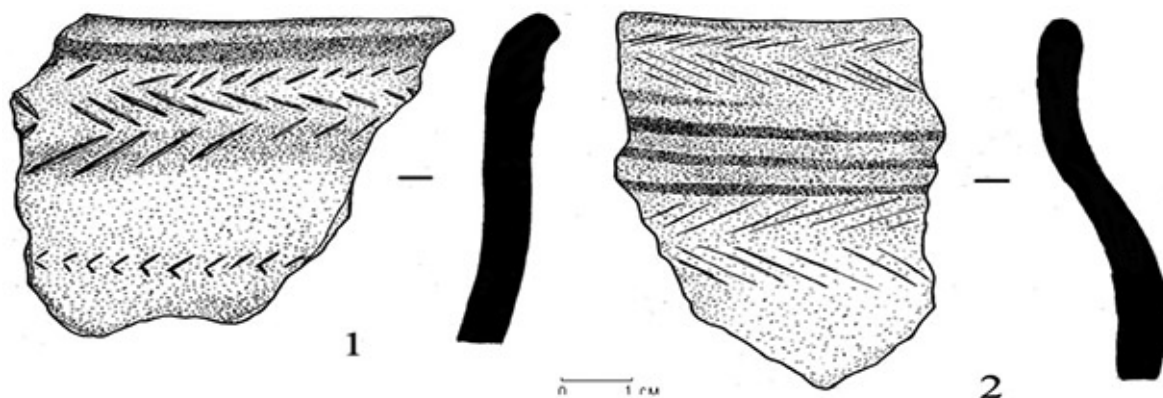

Рис. 5. Поселение Алат. Жилище 2. Фрагменты керамики.

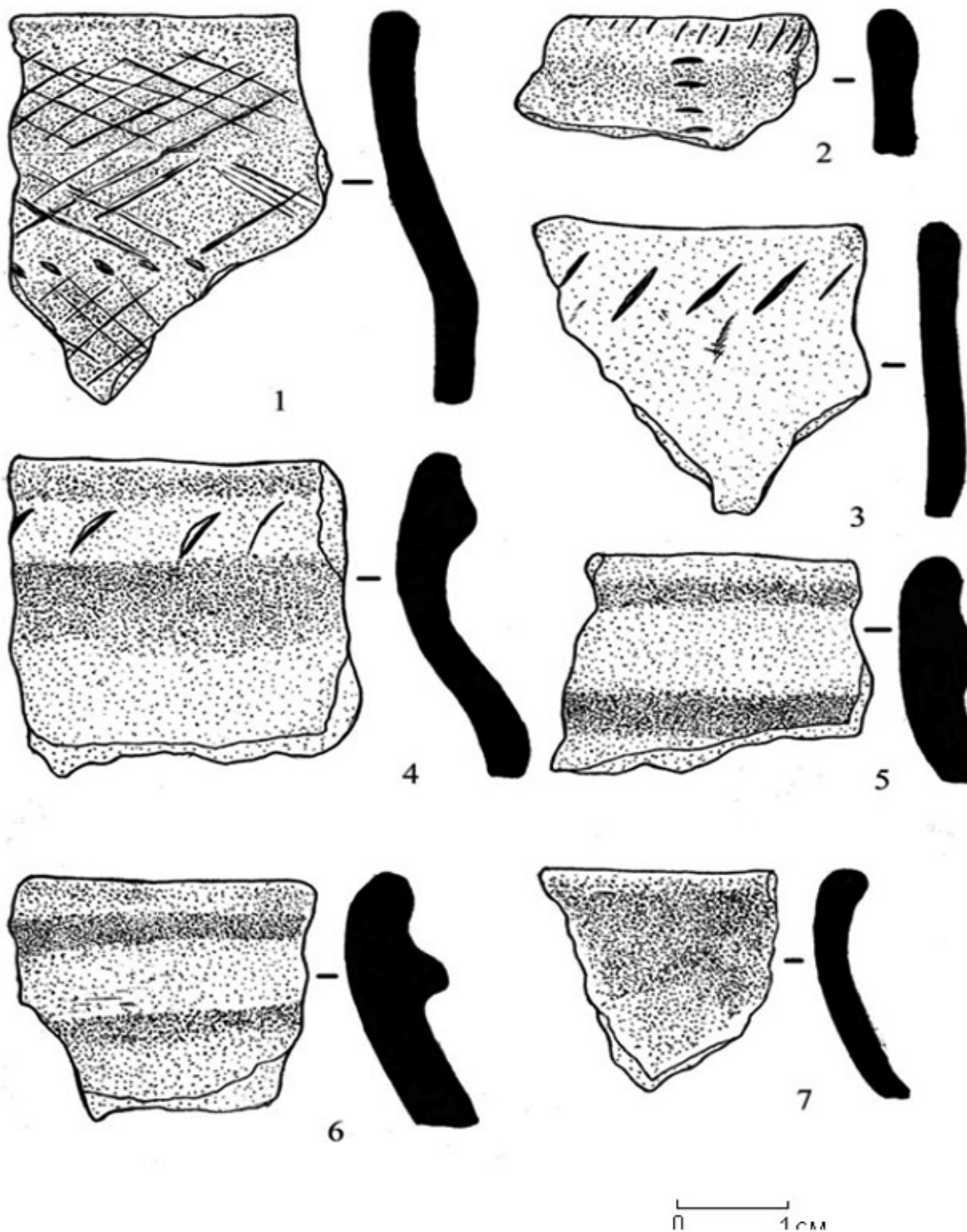

Рис. 6. Поселение Алат. Жилище 2. Фрагменты керамики.

Бронзовая застежка сегментовидной формы, длиной 2,1 см, шириной 1,4 см. С внутренней стороны имеется стерженек длиной 0,9 см, диаметром 0,2 см (фото 5).

Бронзовая бляха округлая, в плане округлой формы. Состоит из 2-х полусферических пластин, скрепленных между собой. Диаметр бляхи 4,8 см. По краю проходит уплощенная каемка шириной 0,3 см, с внутренней стороны отмечена ножка со слегка расклепанным концом, высотой 1 см, диаметр 0,4 см. На ножке имеется округлая шайба диаметром 1,2 см, толщиной 0,5 мм (фото 3–4).

Костяная цилиндрическая катушка для ниток (?), высотой 2,3 см. С двумя грибовидными круглыми торцевыми боковинами, большая из которых обломлена на 1/3. Диаметр меньшей торцевой части 1,6 см, плоская торцевая поверхность орнаментирована тремя концентрическими резными линиями, шириной 0,1 см. В центральной цилиндрической части катушки имеется валикообразное утолщение, окаймленное 2 круговыми рядами мелких насечек. Вторая плоскость также орнаментирована мелкими насечками и горизонтальной резной линией. Катушка имеет центральное сквозное отверстие по вертикали со вставленным бронзовым стержнем, длиной 2,8 см, диаметром 0,7 см с расплюснутым одним концом и выступающим 0,5 см вторым концом (фото 7).

Каменное лоцило из расколотой гальки с рабочей пришлифованной площадкой подпрямоугольной формы. Один конец лоцила обломлен, длина лоцила 3,2 см, ширина 1,2 см.

Костяное изделие с закругленными краями, длиной 3,8 см, шириной 1,4 см, толщиной 0,9 см. В центральной части изделия имеется подпрямоугольное сквозное отверстие размером 1,1×0,5 см.

Каменная ступка округлой формы, диаметром 24 см, толщиной 5 см. В центральной части на верхней плоскости полусферическое углубление диаметром 13 см.

Коллекция керамики насчитывает 986 фрагментов, из них 53 шейки, в том числе 29 орнаментированных, стенок 725, придонных частей и днищ 19. Тесто сосудов достаточно плотное с однородным у большинства фрагментов, темно-серым или светло-серым спеком, встречаются фрагменты с прослойкой коричнево-красного цвета. В тесте визуально фиксируются примесь песка, в том числе крупнозернистого и белого кварца. Поверхность сосудов серых или коричневых тонов, от светлых до темных оттенков, как правило, заглаженная, гладкая как с наружной, так и внутренней стороны. Обжиг сосу-

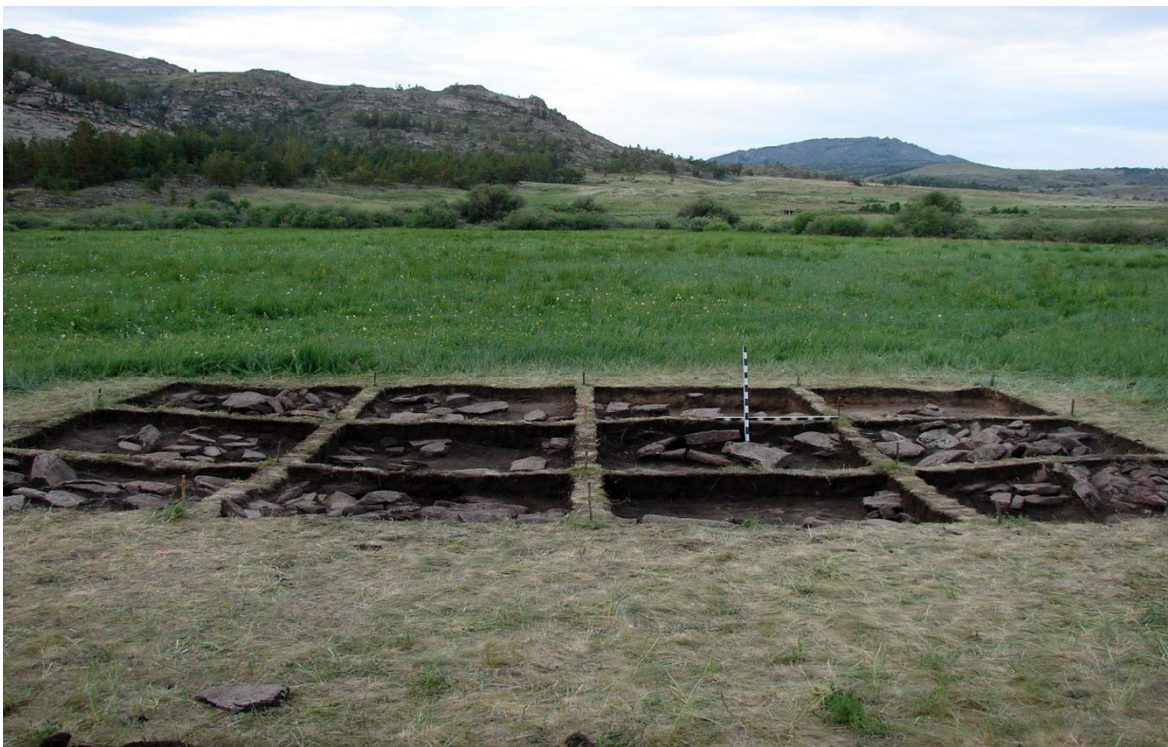

Фото 1. Поселение Алат. Жилище 2.
Остатки каменных стен после зачистки (вид с Юга).

Фото 2. Поселение Алат. Жилище 2. Очаг.

дов, судя по спеку излома фрагментов и цвету поверхности, у одних сосудов равномерный и достаточно сильный, у других более слабый.

Шейки сосудов высокие до 5 см, средние до 3 см и короткие. Шейки прямые, вертикально расположенные с небольшим наклоном наружу. Венчики преимущественно округлые, уплощенные в том числе с воротничком. Уплощенный венчик одного из сосудов имел толщину 25 мм. Толщина стенок горшков от 7 до 12 мм, единично 4–5 мм.

Сосуды орнаментированы по шейке и по верху тулова, грубыми резными линиями и отрезками, округленными, овальными, подтреугольными, ногтевидными и семечковидными вдавлениями (рис. 5). Элементы узора представлены резным и гребенчатым вертикальным зигзагом, «елочкой» и горизонтальными рядами вдавлений, ромбовидной сеткой, нанесенной тонкими резными линиями или гребенкой, горизонтальными рядами наклонных вдавлений, горизонтальными узкими каннелюрками и рядом заштрихованных треугольников. Встречается орнамент в виде горизонтальных рядов из насечек, вдавлений.

Донышки сосудов толщиной до 2 см, по форме перехода к тулову прямоугольные, тупоугольные и с закрайной.

Орнамент в целом невыразительный, монотонный, со слабой сочетаемостью элементов, небрежно нанесенный грубыми резными линиями и вдавлениями и крупным гребенчатым штампом (рис. 6).

В коллекции 3 фрагмента стенок от станковой неорнаментированной посуды. Наружная поверхность гладкая или подлощенная, внутренняя гладкая. Тесто сосудов плотное, однородный по цвету спек в изломе свидетельствует о равномерном сильном обжиге и имеет серый, черный или красновато-коричневый цвет.

Коллекция керамики по ряду таких ведущих признаков, как форма плавно профилированных горшков, элементов орнамента в форме вертикального зигзага, горизонтальных рядов насечек, ромбической сетки заштрихованных треугольников, нанесенных, как правило, небрежно грубыми, резными линиями, реже крупным гребенчатым штампом, а также по наличию налипшего шириной до полутора сантиметров валика, относится к керамике культур ОКВК. Отметим аналогию с керамикой таких эпонимных и эталонных памятников эпохи поздней бронзы Казахстана, как Алексеевское [1, с. 163-171], Копа 1 [2, с. 20-41], Саргары [3, с. 191-192], Атасу [4, с. 191-192], Улутаяу [5]. Данные поселения датируются в рамках широкого

Фото 3. Поселение Алат. Жилище 2.
Бронзовая бляшка (лицевая сторона).

Фото 4. Поселение Алат. Жилище 2.
Бронзовая бляшка (тыльная сторона).

Фото 5. Поселение Алат. Жилище 2.
Бронзовая застежка.

Фото 6. Поселение Алат. Жилище 2.
Бронзовая заклепка (лицевая сторона).

Фото 7. Поселение Алат. Жилище 2. Костяная катушка (вертикальное положение).

диапазона 13–8 вв. до н. э. Комплекс валиковой керамики раскопа относится к более узкому хронологическому диапазону 10–9 вв. до н.э. Не противоречит данной датировке и вещевой материал.

Источники и литература

1. Евдокимов В.В. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол // Советская археология. 1975 – №4.
2. Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Поселение Копы 1 // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. – Караганда, 1982.
3. Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1984.
4. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата, 1992.
5. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев м.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – Табл. XIV, XV, XIX.

С.С. Запрудский

Раскопки поселения Барсучиха-2 летом 2007 г. в Ребрихинском районе Алтайского края

Летом 2007 г. археологическим отрядом АлтГПА проводились аварийные раскопки поселения раннего железного века Барсучиха-2, которое находится в 5,5 км к северо-востоку от окраины с. Ребриха, в 3,5 км к востоку от моста через р. Барсучиху. Памятник расположен на северной кромке Касмалинского ленточного бора, на мысовидном выступе надпойменной террасы левого берега р. Барсучихи. Мыс высотой 2–3 м вытянут по линии запад-восток, его ширина от 80 до 129 м, протяженностью около 160 м (рис. 1). В 2004 г. на памятнике проводили археологические исследования сотрудники Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры «Наследие» [5, с. 87].

Вещественный материал представлен каменными, керамическими и бронзовыми артефактами, а также костями домашних животных.

Изделия из глины

1. Керамика является самой массовой категорией находок. Она относится к каменной культуре раннего железного века. В результате исследования получен 101 фрагмент керамики, 1 развал сосуда (рис. 3–1) и два целых сосуда баночной формы (рис. 2–1,2). Из 101 фрагмента 17 представлены венчиками (рис. 4–1–5) и 4 придонными

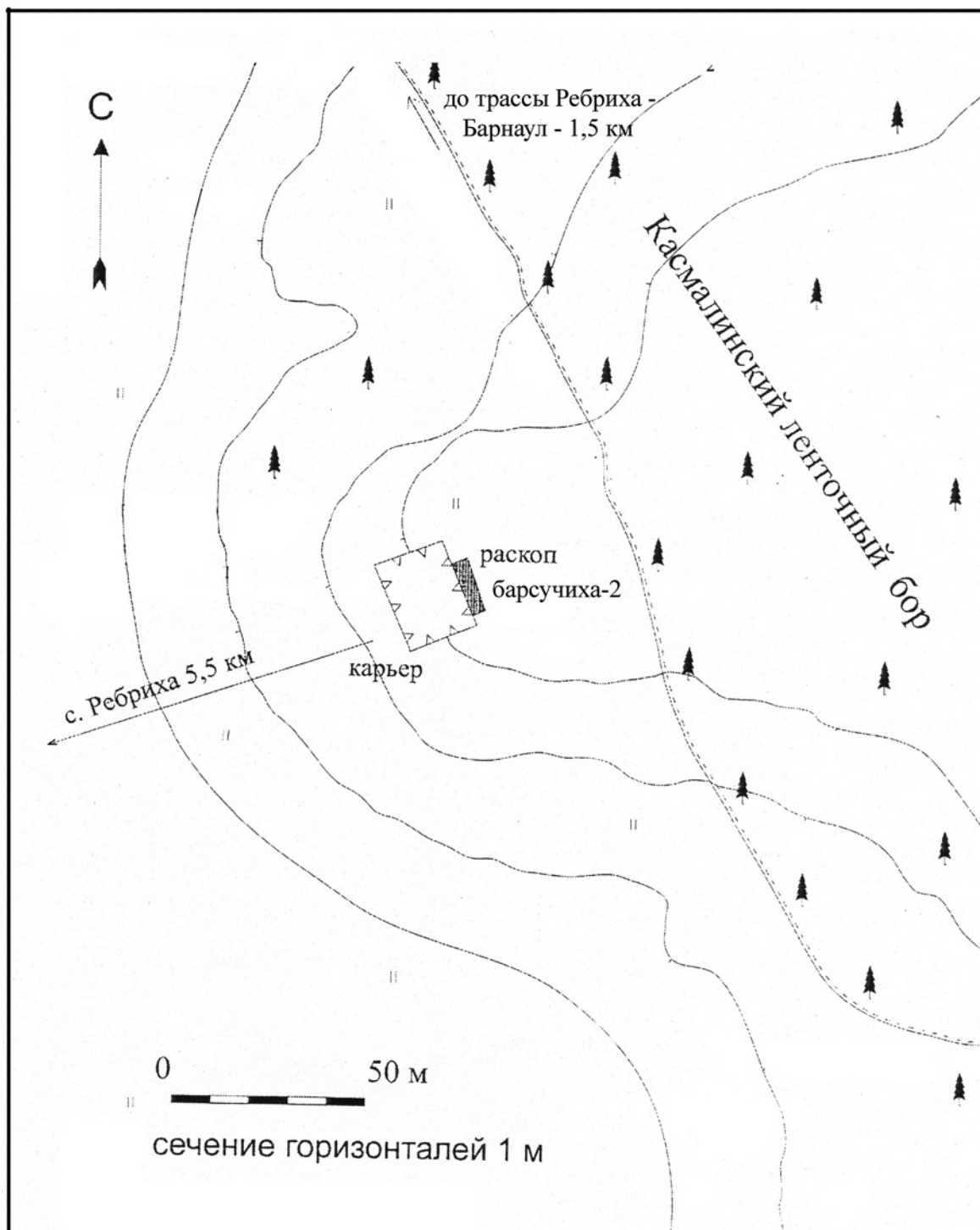

Рис. 1. Поселение Барсучиха-2. План.

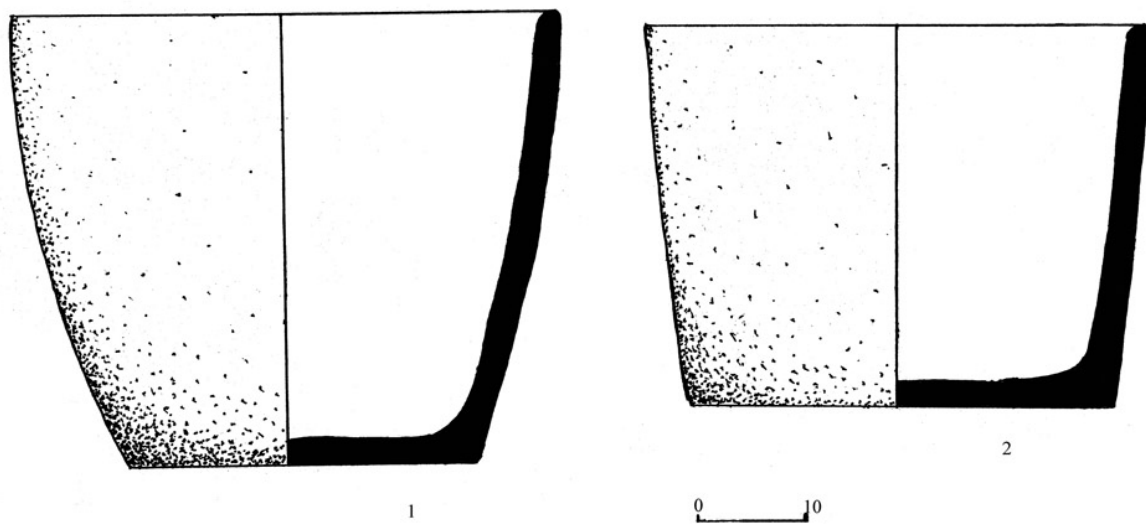

Рис. 2. Поселение Барсучиха-2. Сосуды.

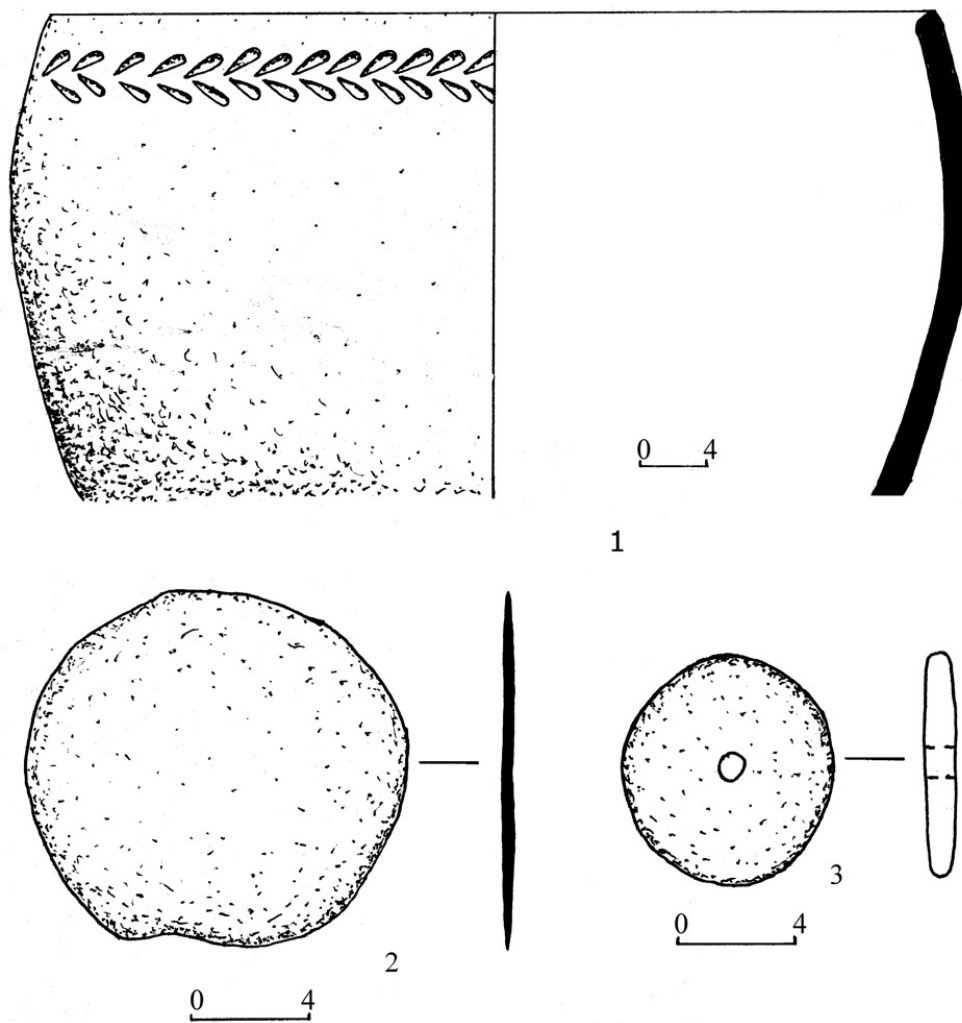

Рис. 3. Поселение Барсучиха-2.

1 – развал сосуда, 2 – зеркало, 3 – пряслице. 1-3 – глина, 2 – бронза.

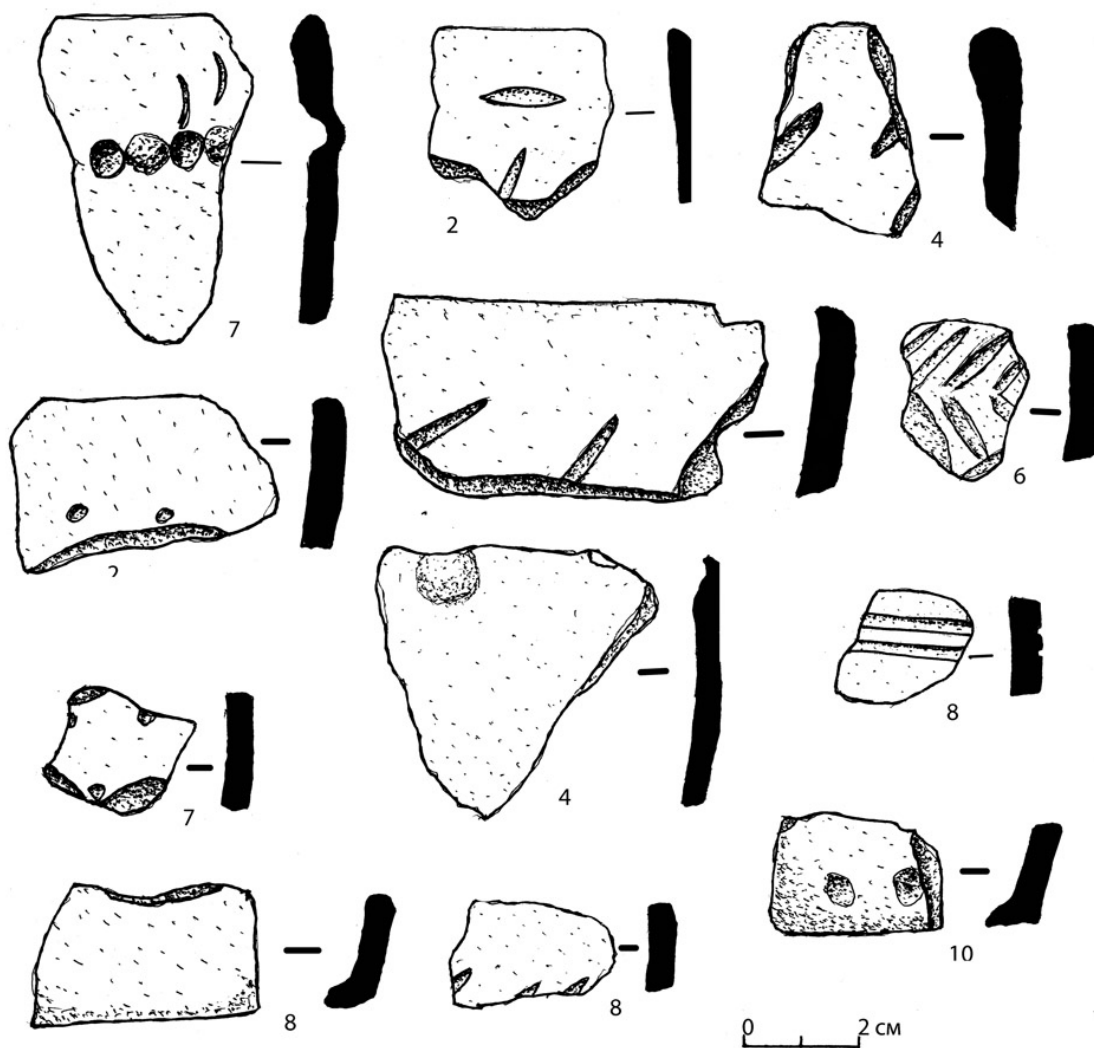

Рис. 4. Поселение Барсучиха-2. Керамика.

частями (рис. 4–10,12). Орнаментировано 13 фрагментов (12,8%). Техника орнаментации представлена жемчужником (рис. 4–1,8), ямочными (рис. 4–1,12) и точечными вдавлениями (рис. 4–4,7), елочкой, выполненной гладким штампом (рис. 4–6), ногтевыми (рис. 4–1) и семичковидными вдавлениями (рис. 3–1; 4–2,3,11), горизонтальными линиями (рис. 4–9).

2. Пряслице (рис. 3–3). Подобные изделия широко распространены на памятниках раннего железного века Алтая и сопредельных территорий, в том числе и каменной культуры [4, рис. 1–2,4].

Каменный инвентарь

1. Обломки от 2 зернотерок (рис. 5–1,2). Подобный инвентарь широко распространен как в эпоху бронзы, так и железа [2, с. 197; 3, рис. 82–1,3; 6, рис. 5–11].

2. Жернов. Аналоги подобному изделию на территории Алтайского края неизвестны.

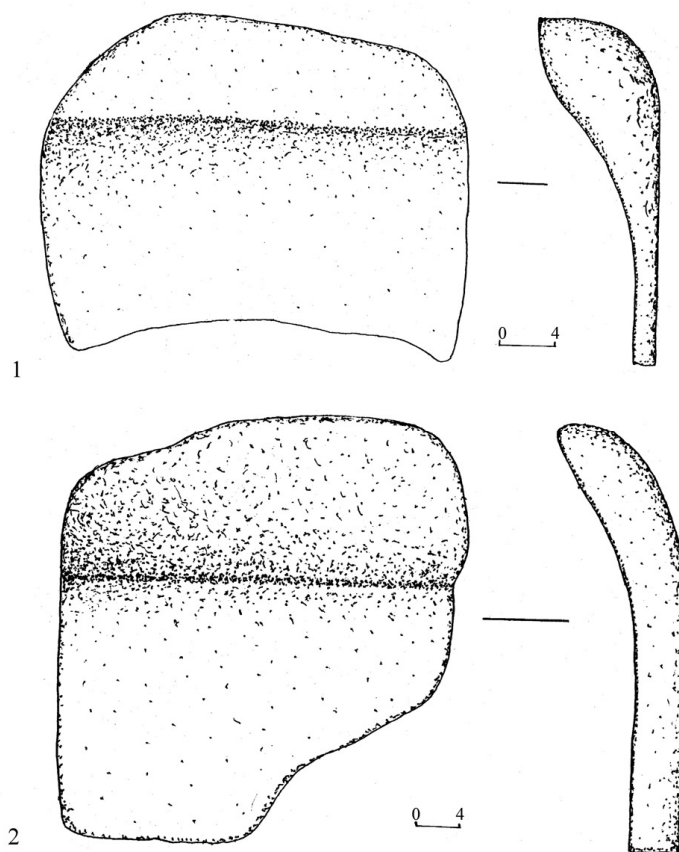

Рис. 5. Поселение Барсучиха-2. Фрагменты зернотерок.

Бронзовый инвентарь

Зеркало (рис. 3–2). Подобные изделия широко распространены в могильниках каменной культуры, например, Рогозиха-1 [7; рис. 54–4].

Слабая насыщенность культурного слоя позволяет предположить временный характер поселения либо, как вариант, периферийность исследованной части.

Источники и литература

1. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI–II вв. до н.э. Барнаул, 1997. – 147 с.
2. Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Каменные орудия с поселений раннего железного века лесостепного и предгорного Алтая // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул, 1993. – С. 191-202.
3. Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции: Ч. I. – Барнаул, 2007. – 274 с.
4. Иванов Г.Е. Аварийные раскопки поселения раннего железного века Шипуновка-5 в Мамонтовском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. Вып. XIV. – С. 61-66.
5. Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Пугачев Д.А., Запрудский С.С. Аварийные археологические исследования поселения Барсучиха-2 в Ребрихинском

районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. Вып. XIV. – С. 87-90.

6. Шамшин А.Б. Новоалтайское поселение // Алтайский сборник. Барнаул, 1993. – С. 70-82.

7. Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.

К.Ю. Игнатенко

Семантический аспект микротопонимов села Клепечиха Поспелихинского района Алтайского края

Источниковедческие возможности топонимов хорошо известны – их использование в исторических исследованиях в сочетании с письменными и археологическими источниками существенно облегчает решение таких проблем, как определение границ расселения народов, особенности их хозяйственной деятельности и т.д.

На сегодняшний день многие языковеды говорят о необходимости более глубокого изучения топонимики крупных регионов России, и эта работа ведется, о чем красноречиво свидетельствует большое количество топонимических словарей крупных регионов (Воробьев В.М. Тверской топонимический словарь: Названия населенных мест; Имена московских улиц: Топонимический словарь; Ковалев Г.Ф. Микротопонимия Воронежской области: Словарь и др.). Микротопонимы, которые в массе своей еще только ждут своего исследователя, выглядят на этом фоне явно недооцененными. Между тем, именно в микротопонимах, особенно сельских, широко представлены разные топонимические классы (годонимы, гидронимы, агроонимы, дримонимы, ойконимы), которые организовывали жизненное пространство человека. Такое источниковедческое богатство должно быть использовано по назначению.

Главная функция топонима – выделение единичного объекта из множества однотипных. В.А. Никонов назвал эту функцию адресной. Топоним, выделяя и указывая объект, позволяет определить его местоположение.

Немаловажное место в топонимике занимают попытки классифицировать географические названия. Существует множество различных подходов к данному вопросу, но в основном выделяется две группы классификаций: 1) историко-географическая – классификации по объектам номинации, источникам происхождения; 2) осно-

вана на языковедческом элементе топонимики (классификации по различным частям топонима-слова) [1, с. 36].

В процессе исследования было изучено семьдесят пять микро-топонимов и проведена классификация по первой группе. Вследствие этого были выделены пять классов микро-топонимов: ойконимы, гидронимы, годонимы, дримонимы и агроонимы. Внутри классов микро-топонимы подразделяются на ориентирующие (в качестве ориентации выступает здание или сооружение либо какой-то природный объект) и характеризующие (отражающие в своём названии имена/фамилии тех людей, которые имели важное значение на определенной территории или в определённый период, а также характерный признак [3, с. 41]).

Ойконимы ((греч. *oikos* – «дом», *oikeo* – «населяю») – названия населенных пунктов): *Характеризующие*: Токмушка (прозвище Токмушан); Клепечиха (Клепиков – один из первых поселенцев села); Рубцовка (Рубцов – житель территории); Соколовка (семья Соколовых).

Гидронимы (названия водных источников – потамонимы (реки), лимнонимы (озера), гелонимы (болота)): *Ориентирующие*: оз. Кирпичное (ориентир – кирпичный завод); оз. Свинарник (объект – свиноферма); оз. Бригадное 1 (объект – бригада №1); оз. Бригадное 2 (ориентир – бригада №2); оз. Старо-бригадное (ориентир – старая бригада); оз. Мастерская (объект – мастерская); оз. Песчанник (признак – много песка); оз. Клепечиха (от названия села); оз. Берёзовское (ориентир – посёлок Берёзовка); оз. Ново-Берёзовское (недалеко от Берёзовского и создавалось позже него); оз. Рубцовка (на территории поселка Рубцовка); р. Клепечиха (на территории села Клепечиха). *Характеризующие*: оз. Дьяконское (территория, принадлежала дьяку); оз. БАМ (создавалось в период строительства Байкало-Амурской магистрали); оз. Полив (водой из озера поливали поля); оз. Сысоевское (озеро мужика по имени Сысой); оз. Заячье (признак – много зайцев); оз. Сидоршино (озеро принадлежало Сидору); оз. Кочковатое (дно всё в кочках); р. Провалиха (берега проваливаются); болото Кочковатое (признак – кочки); Песчанник (очень много песка).

Годонимы (названия линейных объектов, в том числе проспектов, улиц, линий, переулков, проездов, бульваров, набережных): *Ориентирующие*: ул. Складская (ориентир – склады); пер. Прудской (объект – пруд); пер. Заозёрный (ориентир – озеро); пер. Дубровный

(объект – дубравы); пер. Берёзовый (ориентир – берёзы); пер. Парковый (природный объект- парк); ул. Набережная (объекта – берег); ул. Степная (ориентир – степь); пер. Садовый (объект – сады). *Характеризующие*: ул. Сухова (Сухов П.Ф. – герой Гражданской войны); ул. Громова (Громов М.М. – заслуженный летчик СССР, Герой Советского Союза); ул. Шипиленко (Шипиленко В. – первый поселенец на улице); ул. Якименко (в честь Якименко А.Д.); пер. им. Мамонтова (в честь Мамонтова Ефима Мефодьевича); пер. им. Тур (во время Гражданской войны колчаковскими карателями был зверски замучен С.А. Тур); ул. Гагарина (в честь Ю.А. Гагарина); ул. Руденко (Руденко – расстрелян во время Гражданской войны); ул. Советская (отражён вид власти в тот период времени); ул. Молодёжная (заселяли только молодые семьи); ул. Чкалова (В.П. Чкалов – советский лётчик-испытатель); ул. Голикова (Голиков Ф.И. – участник Гражданской войны); ул. Серкова (Первый житель улицы Серко (Сергей)); ул. Колхозная (дома находятся на месте прежнего колхоза); пер. Алтайский (название от образовавшегося Алтайского края); ул. Скок (Скок К. – первый житель улицы); ул. Титова (в честь Г.С. Титова).

Дримонимы (названия лесных массивов): *Ориентирующие*: колок Берёзовый (много берёз); колок «На кресте» (ориентир – крест на дереве); часть колка Хмель (много хмеля); сад Поперечный (ориентир – расположение); Мамонтовский колок (ориентир – село Мамонтово). *Характеризующие*: колок Гришков (охотник Гришка); Чёрный колок (характеризует трагичные события Гражданской войны).

Агроонимы (название земельного возделанного участка): *Ориентирующие*: ур. Кормовище (ориентир – кормушки); ур. Родники (ориентир – родники); ур. Рубцовка (от посёлка Рубцовка); лог Госеловский («Госеловский ручей»); поляна Цыган (могила цыгана). *Характеризующие*: лог Жировский (владелец – Жиров Сергей); поле Черноморье (характерные внешние признаки); поле Борщи (щавель для борща); поле Журавли (часто пролетали журавли); поле Грива (Грива) (характерная форма); поле Лягуще (много лягушек); поле Дьяконское (владелец – дьяк); урожай Лягушачье (много лягушек); урожай Долгое (характерная форма); урожай Кругленькое (характерная форма); урожай Ольковское (владельцы – семья Ольковых); урожай Яблочко (характерная форма).

Количество характеризующих микротопонимов превышает ориентирующие, из этого следует вывод, что на территории села Клепечиха более весомыми являются имена или фамилии тех лю-

дей, которые имели важное значение на определенной территории или в определённый период, а также характерный признак данной территории, нежели здание или сооружение, либо какой-то природный объект, находящийся на ней или рядом. Наиболее полно среди микротопонимов села представлены топонимы. Это объясняется тем, что топонимы, как самый подвижный и изменяемый пласт лексики, являются зеркалом национальной культуры, содержат большой объем информации о традициях, устоях, своеобразии менталитета и особенностях миропонимания, характеризующих то или иное языковое сообщество.

Источники

1. Игнатенко Е.М., 1913 г.р. Поспелихинский район, с. Клепечиха // Архив Администрации Клепечихинского сельсовета Поспелихинского района Алтайского края. Фонд устных источников. Материалы ИИ – 2011 г. (Поспелихинский район).

2. Бараненко А.М., 1916 г.р. Поспелихинский район, с. Клепечиха // Архив Администрации Клепечихинского сельсовета Поспелихинского района Алтайского края. Фонд устных источников. Материалы ИИ – 2011г. (Поспелихинский район).

3. Документы Администрации Клепечихинского сельсовета Поспелихинского района Алтайского края:

1) «Данные о количестве водоемов на территории Клепечихинского сельсовета»;

2) «Данные о количестве улиц и переулков на территории Клепечихинского сельсовета».

Литература

1. Вольский К.П. Беседы по начальному топонимическому просвещению (на материале топонимии Архангельской области) / К.П. Вольский, Е.К. Романова; Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова». – Архангельск: Помор. ун-т, 2007. – 562 с.

2. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 179 с.

3. Суперанская А.В. Что такое топонимика? / отв. ред. Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1984. – 182 с.

4. Ойконимы Астраханской области – источник познания региональной картины мира. [электронный. ресурс.] // Избасарова А.Г. Астраханское Информбюро история, культура, новости. – Б.М., 2012. – эл. данные. – URL:http://astinform.ru/publ/ljubimyj_gorod/istorija_astrakhani/a_g_izbasarova_ojkonimy_astrakhanskoj_oblasti_istochnik_poznaniya_regionalnoj_kartiny_mira/4-1-0-130

5. Топонимика Северного Тянь-Шаня. [электронный. ресурс.] // Клуб горного туризма «Странник». – Б.М, Б.Г. – эл. данные. – URL:<http://strannik.net/kg/index.php/photo-gallery?func=detail&id=144>

А.М. Илюшин

**Исследование семейных культовых площадок
восточных кыпчаков
на Торопово-7 в Кузнецкой котловине**

Комплекс археологических памятников Торопово-7 расположен в 1,2 км на ВСВ от с. Торопово на первой надпойменной террасе правого берега р. Касьмы в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области. Этот памятник открыл в 2003 году Ю.В. Ширин [15]. В 2008 году этот памятник обследовал А.М. Илюшин и зафиксировал, что СЗ часть памятника находится в аварийном состоянии [10, с. 165-168]. В 2009 году Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) начала аварийные исследования памятника, заложив раскоп №1, где были выявлены материалы двух культурно-хронологических пластов – эпохи поздней бронзы (ирменская археологическая культура IX–VII вв. до н.э.) и развитого средневековья (шандинская археологическая культура XI–XIV вв. н.э.) [5, с. 137-142]. С 2011 года на Торопово-7 ежегодно ведутся аварийно-исследовательские раскопки с целью спасения разрушающегося культурного слоя (раскопы №№2, 5 и 8 в продолжение раскопа №1 2009 года) и исследования разновременных культурных объектов, расположенных на разных участках памятника (раскопы №№3, 4, 6 и 7), отличающихся своими морфологическими признаками [8, с. 142-152; и др.].

При полевых исследованиях одного из объектов на раскопе №4 (площадь 48 кв. м) в 2011 году в СВ части памятника была зафиксирована ранее неизвестная в пределах Кузнецкой котловины и Верхнего Приобья земляная конструкция, интерпретированная как семейная культовая площадка. Предварительно этот объект был датирован периодом развитого средневековья (XI–XIV вв. н.э.) и отнесен к шандинской археологической культуре. При публикации материалов этих раскопок семейная культовая площадка была датирована более узко XII–XIII вв. н.э. и отнесена к кругу древностей Восточного Дашт-и-Кыпчак [6, с. 127-136; 7, с. 255-261].

Для подтверждения этих выводов в прошедшем полевом сезоне на комплексе археологических памятников Торопово-7 в СВ части рядом с раскопом №4 был заложен раскоп №7 (площадь 152 кв. м) для изучения еще двух культовых семейных площадок. Цель настоящей работы, познакомить с результатами этих полевых иссле-

дований и частично ввести в научный оборот материалы раскопок, дав их культурно-хронологическую характеристику.

Раскопанные под четырехугольной формы земляные культовые площадки размером 7,5×6 и 6,5×5 м на 0,18 и 0,29 м возвышались над современной дневной поверхностью и были оконтурены визуально воспринимающимися рвами подчетырехугольной формы, ориентированными углами по сторонам света.

При раскопках одной из площадок в дерновом слое на глубине 0,07–0,12 м были выявлены следы костра в виде прокала грунта и единичных древесных углей. В процессе раскопок двух культовых семейных площадок на раскопе №7 были зафиксированы многочисленные артефакты, преимущественно, в первом и втором слоях. Среди находок преобладали фрагменты колотых костей животных (более 1200 экз.), которые представляют собой следы ритуальной тризны, располагающиеся преимущественно в центральных частях культовых площадок. Среди костей животных найдены фрагменты черепов, челюстей и зубы овцы, коровы и лошади. Из предметов материальной культуры найдены игральные кости (альчики разных животных), каменный нож и скребки, фрагмент железного крюка для развязывания узлов, а также скоплениями и порознь многочисленные фрагменты керамической посуды (рис. 1, 2-8, 10-17). По находкам в одном из таких скоплений удалось реконструировать форму керамического сосуда (рис. 1, 1).

Под насыпями в центральной части на уровне материка были выявлены в одном случае две грунтовые ямы, а в другом одна, глубина которых составляла 0,21, 0,30 и 0,13 м. В двух грунтовых ямах в единичных случаях были найдены фрагменты костей животных. В третьей грунтовой яме по всей площади в неупорядоченном положении были найдены целые и фрагменты 296 костей (ребра, позвонки, трубчатые кости ног, череп отсутствовал) молодой овцы (не исключено, нескольких особей).

После зачистки материка по всей площади раскопа были выявлены отдельные фрагменты рвов, которые шли по контуру земляных конструкций и были лишь частично углублены в материк. Это позволило установить, что в В части рвы имели перешеек, который представлял собой вход на сакральную площадку. В одном из выявленных участков рва были найдены 19 фрагментов костей животных и орнаментированный фрагмент венчика керамического сосуда (рис. 1, 9).

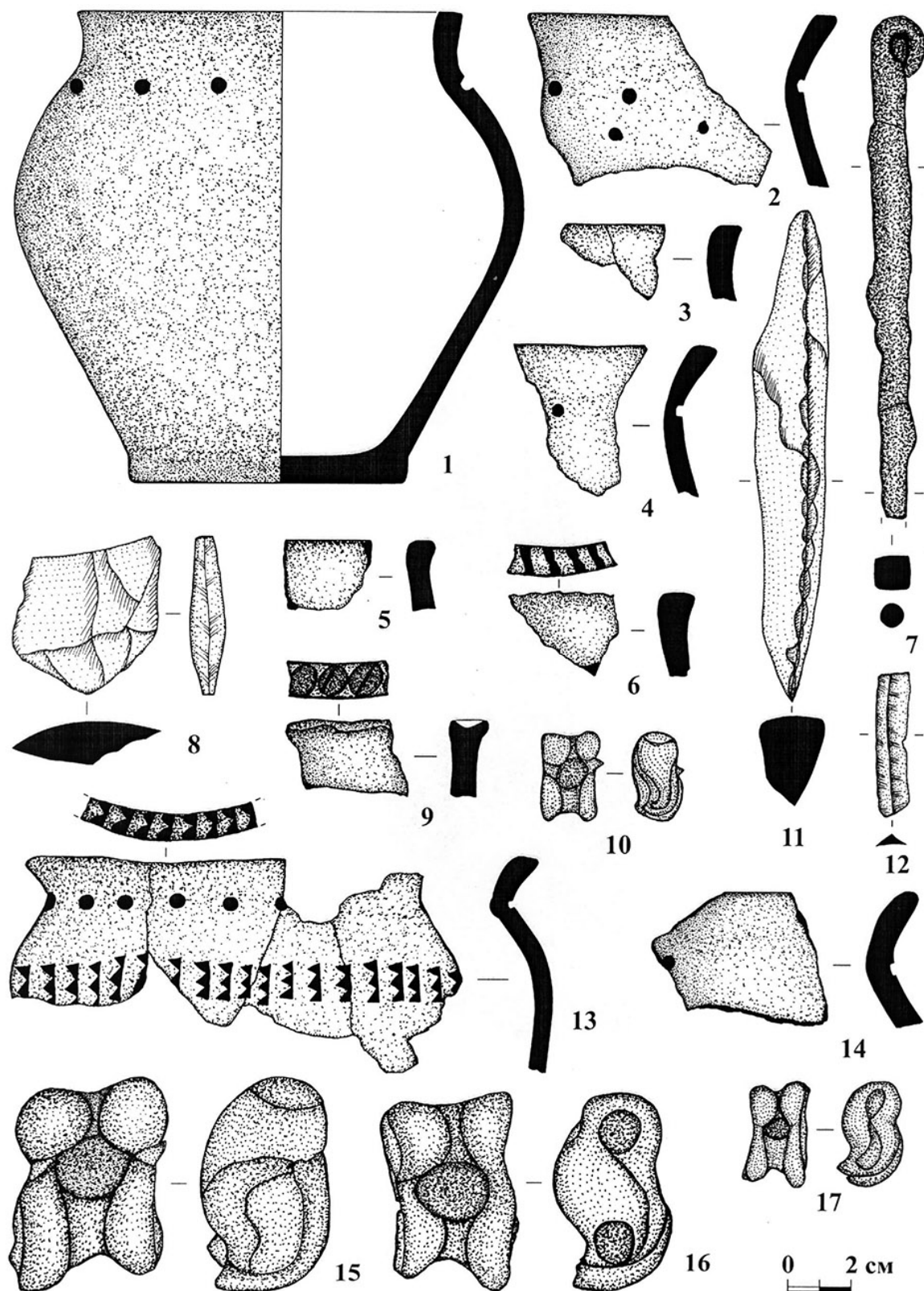

Рис. 1. Находки из раскопа №7 на Торопово-7:
 1 – сосуд (реконструкция), 2-6, 9, 13, 14 – фрагменты посуды, 7 – фрагмент крюка
 для развязывания узлов, 8, 12 –скребки, 10, 15-17 – альчики, 11 – нож;
 1-6, 9, 13, 14 – керамика, 7 –железо, 8, 11, 12 – камень, 10, 15-17 – кость.

Подводя итоги полевых исследований на раскопе №7, можно констатировать, что два обследованных археологических объекта конструктивно схожи с объектом, который ранее был выявлен на раскопе №4 и интерпретирован как культовое семейное святилище. Все эти объекты аналогичны не только по своей конструкции, но и по своему предназначению. Они выполняли функции семейных святилищ, на которых совершали ритуальные действия ограниченное количество лиц, вероятно, связанных узами близкого родства.

Датировку раскопанных объектов можно установить путем поиска аналогий (сравнительного анализа) найденным артефактам. Можно отметить, что находки из раскопа №7 (рис. 1, 1-17) более разнообразны, чем в раскопе №4 (Илюшин, 2013, рис. 2, 1-9). Каменный нож и скребки (рис. 1, 8, 11, 12) использовались для чистки шкур и при поедании мясной пищи у аборигенов Сибири с глубокой древности до нового времени. Игральные кости (рис. 1, 10, 15-17) тоже имеют широкий период бытования с эпохи бронзы до нового времени. Единственным источником для определения времени сооружения раскопанных объектов являются фрагменты битой керамической посуды. Последняя представлена плоскодонными горшками, украшенными скудным орнаментом по венчику, шейке и в зоне шейка-плечико. По профилю все обнаруженные венчики являются прямыми, а по форме – преимущественно округлыми или уплощенными. Орнамент наносился только при помощи штампов. На венчиках зафиксированы такие элементы орнамента, как насечки, ямки пальцепогтевых вдавлений и двузубчатый штамп. На шейке только разряженные ряды ямок, а в зоне шейки-плечико имели место разреженный ряд ямочных вдавлений и плотный ряд трехзубчатого штампа (рис. 1, 1, 2, 4, 6, 9, 13, 14). В двух случаях венчики керамической посуды не были украшены орнаментом (рис. 1, 3, 5). Ближайшие аналогии этой керамической посуде имеются на двух памятниках Касьминского археологического микрорайона – поселениях Торопово-4 и Шабаново-10, где они датируются в пределах развитого средневековья и относятся к шандинской археологической культуре XI–XIV вв. [9, с. 84-86, 115, рис. 55, 3, 41-44, 56, 60; 56А, 23, 37, 38; 56Б, 1; и др.]. Кроме этого, на территории Кузнецкой котловины они имеют близкие аналогии на поселениях Гурьевское [2, рис. 2-5], Есауловское-2 [14, рис. 3] и городище Городок [16, рис. 4-6], которые исследователи датируют в разных интервалах (X–XI, XI–XIII, XIII–XIV, вторая половина X–XIII и X–XII вв. и др.) развитого средневековья

[1, с. 81; 2, с. 129; 4, с. 27, 31, 33; 14, с. 46; 16, с. 99; и др.]. Аналогичная по форме и орнаментации посуда имеет место и на сопредельных территориях Верхнего Приобья на памятниках развитого средневековья и в кимако-кыпчакских древностях Алтая и Прииртышья [1, рис. 102; 108; 109; 3, табл. LIX, 9-13; 11, рис. 214, 1-8, 11, 12; 12, с. 175, рис. 91, 7; 13, с. 178, рис. 93, 5, 6; и др.].

Последнее представляется весьма важным, так как позволяет предполагать кыпчакские корни исследуемой керамической посуды развитого средневековья и самой традиции сооружения миниатюрных семейных святилищ в Кузнецкой котловине в этот период истории.

Источники и литература

1. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск-Омск, 2000. 256 с.
2. Елькин М.Г. Поселение позднего железного века у г. Гурьевска // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 5. Кемерово, 1974. С.119-129.
3. Грязнов М.П. Древняя история племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА, №48,1956. 198 с.
4. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.
5. Илюшин А.М. Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы XVIII и XIX региональных научно-практических конференций. Барнаул, 2013. С. 137-142.
6. Илюшин А.М. Семейные святилища у восточных кыпчаков (по материалам исследований Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году) // Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество. Астана-Омск, 2013. С. 127-136.
7. Илюшин А.М. Культовые места и площадки в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. Т. 2. Иркутск, 2013. С. 255-261.
8. Илюшин А.М., Бутьян В.А. Борисов В.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2012. №2. С. 142-152.
9. Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. Кемерово, 2012. 212 с.
10. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Бутьян В.А. Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009. №3. С. 165-168.
11. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.

12. Трифонов Ю.И., Ахинжанов С.М. Акчий III // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 168-176.
13. Трифонов Ю.И., Самашев З.С. Карашат I // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 176-215.
14. Ширин Ю.В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 36-50.
15. Ширин Ю.В. Охранные археологические работы в исторической зоне «Кузнецк» и на юге Кемеровской области в 2003 году. Новокузнецк, 2004. Архив ИАМ «Кузнецкая крепость», ф. 3, оп. 3, д. 26/27.
16. Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности // Кузнецкая старина. Вып. 6. Новокузнецк, 2004. С. 69-112.

А.А. Кенжебаева

Күршім ауданындағы Қалжыр және Бесоба қорғандарының зеріттелуі

Сан ғасырлар бойы Алтай аралығын мекендеп келген этностардың археологиялық ескерткіштері мен мәдениеттерін, тарихи кезеңдерін ғылыми талдаудан өткізу барысында, мұнда бірін-бірі алмастырған майемер, шілікті, берел, құлажорға, т.б. мәдени кезеңдердің болғандығы анықталған. Бүгінгі таңда ерте темір дәуірінде орын алған тарих-мәдени үрдістер көпшілікті қызықтыруда. Өйткені, қазақ этногенезі мен дәстүрлі мемлекеттілігі, заттық-рухани мәдениеті, дүниетанымы осы дәуірден басталатындығын көптеген ғалымдар өз еңбектерінде көтеріп жүр. Соңғы жылдары Қазақстанда археологиялық ізденістер кең қанат жайып, соны мағлұматтар алынуда, жаңадан ашылған ескерткіштерде жоспарлы түрде зерттеу жұмыстары ұйымдастырылуда. Бұл бағытта атқарылған жұмыстардың қорытындыларын көрсету, алынған нәтижелерін ғылым талабына сай бағамдау ісі де көкейкесті мәселеге айналууда. Алтай Күршім не заманнан қалың Найман мекені. Сол Алтаймен сол Күршімнің қысы қыспақ, жазы самал, күн жылт етсе төрт түлік малы, Күршім өңірі бағзы заманнан бері өмір сүрген көшпелі қауымның ата-мекені болды. Археологиялық зерттеулер барысында ауданда 183 археологиялық жәдігер анықталды. Мысалы, Бурабай маңындағы жәдігерлер 54 қорғаннан тұратын, ұзыннан ұзақ созылған қорғандар тобын құрайды, Қалжыр өзені аңғарының, Қарасеңгір тауының петроглифтері тәрізді жартасқа салынған

бейнелер 1,5–2 шақырым жерге дейін созылып жатқан көне ата-бабаларымыздың тұрағы екені сөзсіз.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доценті, тарих ғылымдарының кандидаты Ғани Омаровтың жетекшілігімен Шығыс Қазақстан облысы Күршім ауданында 2012 жылы «Алтай археологиялық экспедициясы» күрделі зерттеу жұмысын бастады. Жобаның басты мақсаты – Күршім ауданындағы әр дәуірдің археологиялық ескерткіштерінің толық картасын жасау, сонымен қатар мүмкіндігінше қола, ерте темір және түркі дәуірі тайпаларының жерлеу ғұрпы, салт-санасы мен дүниетанымына қатысты мәліметтерді жүйелеу, сараптау, бір сөзбен айтқанда Алтай өркениеті туралы мәліметтер қорын молайту болып табылады [1.14–16 б.]. Далалық ғылыми-зерттеу жұмысын жүргізуге Семей мемлекеттік педагогикалық институтының тарих ғылымының профессоры Исин Амантай және институт студенттері де өз үлестерін қосты. Қалжыр ауылдық округіне қарасты Алқым қорымында түркі және ерте темір дәуірінің үш қорғандарындағы қазбалардан басталды. Бұл қорым Қалжыр өзенінің оң жағалауында таудан жазыққа ағып шығар жерінде, Қалжыр ауылынан солтүстік батыста 4 шақырым жерде орналасқан. Қалжыр 1 обасы – Қалжыр селосының батысқа қарай 2.5 шақырым жерде орналасқан. Қорғандар солтүстіктен оңтүстікке қарай 550 метр жерге тізбектеле созылып орналастырылған. Жер бетіндегі конструкциялары тас пен топырақтан тұрғызылған, қазір жайылып кеткен дөңгелек үйінділер. Қорғандардың диаметрі 6–18 метр, биіктігі 0.2–1 метр. Қалжыр 2 обасы – Қалжыр селосынан оңтүстік – батысқа қарай 2.5 шақырым жерде орналасқан. Қорғандар батыс – оңтүстік – батысқа, шығыс – солтүстік – шығысқа қарай бір-бірінен үлкен қашықтықта 1.5 шақырымға тізбектеле созылып орналасқан. Жер бетіндегі конструкциялары сыртқы түріне қарағанда топырақ пен уатылған жартастарынан тұрғызылған, қазір жайылып кеткен дөңгелек үйінділері. Қорғандардың диаметрі 5–14 метр, биіктігі 0.5–1.2 метр. Алдын ала жасалған болжам бойынша бұл қорғандар ерте темір дәуіріне жатады [4. 148 б.] Қорған көлемі орта көлемді тас құрылыс. Диаметрі 10×9 м. Конфигурациясы дөңгелек. Солтүстік – батыс секталардың орталық бөлігінде орналасқан тастар көлемі 70×13×3, 2×59×19 см. Ірі тастардан қаланған тасшеңбер солтүстік – шығыс секталарында ішкі қаланған қабырға қаламасы жақсы сақталған деуге болады [6.17 б.]. Жарқабақтағы қорған. Биіктігі 511 м. Көлемі 5×4.5 м. Екі тасшеңберден тұрады.

Орталық шеңбер диаметрі 120–130 см дейін. Негізгі қалау – таудың ірі тасқиыршықтарымен бір қатар жүргізілген. Тоналған қорғанның табылғандар. Ұшы қызыл темір табылды. Жебе ұзындығы – 3 см. Ені – 0.5 см Ұшы сынып қалған. Орнатпалы жебе. Орнатпадағы ағаш оқтың ұзындығы – 3 см. Сүйектің табылған тереңдігі – 77 см. Бас сүйектің фрагменті шұңқырдың шығыс- батысында табылды [6.21-22 б.]. Кеңес заманындағы шаруашылық жұмыстары, әсіресе Қалжыр өзеніне бөгет салып, өзен суын тоғандарға бөлу ескерткіштерге көп зардабын тигізді. Бірқатар қорғандардың тас үйінділері қопарылған. Тау етегіндегі бүлінген қорғаның диаметрі – 11 метрдей болуы керек. Қазылған шұңқыр тереңдігі – 90 см. Мола шұңқырының ішкі құрлымындағы – тас қатпарынан табылған заттар: темір жебе сынығы, сүйек жапсырма, әшекей сынығы. Мола шұңқыр тас қатпарының беткі жағы іштен – 156×87 см, сырттан – 208×90 см. Ішкі жағы – 180×81 см. Алқымның батысқа қарай тау бөктерінен барлау барысында төрт қорғанның координатасы OPS аппаратымен белгіленді [6.23-24 б.]. Қабір шұңқырының қиындысы: 1) Топырақ қабаты – 30–35 см. 2) Малтатас қатпары – 40–45 см. 3) Шұңқырдың тас қатпары. Алқымның петроглифтық ескерткіштерінде кезікті [6.25 б.]. Таудың шығыс бөлігінде ақ және сұр түсті тастар кездесті. Көлемі 65×45 см. Тасқа салынған суреттің көлемі 40×30 см. Суретті екіге боліп қарастыруға болады. Бірінші: үш тау ешкісі және үстінен қарап тұрған ұсақ жануарлар бастары бейнеленген. Екіншісі: горизонталь бағытта жатқан ұзын тасқа салынған сурет. Көлемі 52 см. Таста тауешкі мен арқар кескінделген. Арқар жоғары қарай қашып бара жатыр, артынан ит немесе атпен қуып келе жатқан адам бейнесі салынған. Суреттегі тауешкінің көлемі 10×10, арқар 17×16 см. Төтінші тасқа горизонталь бағытта салынған. Көлемі 90×40×11 см. Адамның тауешкіні ұстауы және хайуанның адамға шабуылы бейнеленген. Тауешкінің көлемі – 12.5×8.5 см, хайуан – 26×18 см, адам – 12×17 см. Жалпы экспедиция барысында 7 қорған қазылды [6.30-31 б.].

Осы экспедицияның жалғасы 2013 жылы Күршім ауданынан 120 км жерде орналасқан Ақбұла (Горный) ауылының солтүстік – батысқа қарай 2 шақырым жерде орналасқан Бесоба қорғандарын зеттеумен жалғасты [3]. «Алтай археологиялық экспедициясы» қазба жұмысына Семей мемлекеттік педагогикалық институтының тарих ғылымының профессоры Исин Амантай және археология пәнін оқытушы Есенов Сырым жетекшілігімен студенттер тобы ат салысты. Ақбұлақ ауылдық округтеріндегі археологиялық ескерткіштері

есепке алу, нақты орындарын анықтау, картаға түсіру жұмыстары да табысты жүргізілді. Бесоба қорғандарында сақ патшалары мен ақсүйектері жерленген элитарлық қорғандар тобы табылып, есепке алынды. Қорған биіктіктері 4–6 метрге дейін жетеді. 4 метрден асатындар патша қорғандарына жатқызылды. Қорғандар ерте және кейінгі кезде тонауға ұшырағандықтан, қорғандар құрлысы және заттар бастапқы қалпында сақталмаған. Алдын ала барлау жұмысы кезінде 30 – дан аса оба тіркелді. Экспедиция барысында жалпы саны 7 қорған қазылды. Көлемі жағынан үлкен қорғандар №10, 16, 28. 26 оба. №10 қорған көлемі – 4,35 метр. Бұл патшалық қорғанға жатқызылды. Құрлысы көп қабатты тас қаламасынан тұрады. Ішкі құрлысы қатты бүлінген. Орталық камераны салуда тас пен қатар бөрене ағаштарын қолданған. Өкінішке орай ешқандай табылмалар табылмады. №16 қорған көлемі – 5,17 метр. Қорғаның жоспарлануы мен салынуы бойынша Зайсан ауданындағы Шілікті және Алматы обылысындағы Бесшатыр патшалық қорғандары мен ұқсастығы бар. Орталық конструкциясы шығысқа қарай дромос шығарылған, бөренелі тастардан қоршалған. Қорған үйіндісі топырақ және қиыршық тас қабаттары ірі тастардан обаның беткі бөлігін және қабырғаларын бекіткен. Адам сүйегі шашыраңқы күйде табылды. Сонымен атар қорғаннан алтынды әшекейлі заттар мен қоладан, темірден жасалған заттар тіркелді. Олар бүгінгі таңда зерттеулі үстінде. Бесоба қорымының кіші қорғандарынан маусым айындағы экспедиция барысында 3 қорғаны қазылды.

Экспедиция барысында қазылған қорғандардың көп тоналғаны өкінішті болды. Соңғы бір – екі жылдың аралығында ескі қорғандарды белгісіз ұрылар тонап кеткен. Негізінен мұндай ежелгі қорған, обалардың тоқсан пайызы сол дәуірдің өзінде тоналуды мүмкін дейді – экспедиция басшысы Омаров Ғ.Қ. [2.15-16 б.] Бұндай жағдайлардың алдын алу үшін Қазақстан аумағындағы археологиялық зерттеу жұмыстарын қарқынды түрде дамыту керек. Археология мамандарының барлау жұмыстарына жергілікті халықтардың көз қарастарын өзгерту керек. Себебі «өткен тарихты білмей, болашақты болжау қиын» дегендей, ата – бабаларымыз туралы заттай деректемелер археология ғылымының басты міндеті болып саналады. Әрбір табылған зат біз үшін үлкен мұра. Өскелең ұрпаққа ұлт тарихының тамыры тереңде жатқандығын ұғындыру үшін ең алдымен көне дәуірдегі тарихи дамуды дәлел ретінде алға тартқан абзал.

Пайдаланған әдебиеттер мен деректемелер

1. Омаров Ғ.Қ. Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ – тің оқытушысы. Алтай – Тарбағатай аралығы ерте темір дәуірі археологиясының кейбір түйінді мәселелері. Қазақ тарихы. – 2011. – №2. – 14-18 б.
2. Омаров Ғ.Қ. Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ – тің оқытушысы. Күршім археологиялық ескерткіштері. Қазақ тарихы. – 2013. – №3. – 15-17 б.
3. Омаров Ғ.Қ. «Сақ қорғандарын суық қолдан қалай қорғаймыз» сұхбаты. Дала мен қала. – 2013. – 7 тамыз.
4. Шығыс Қазақстан обылысы архелогиялық ескерткіштерінің тізбесі. – Өскемен. – 2006. – 146-204 б.
5. Қазақстан Ұлттық энциклопедиясы. – Алматы, 1998. – 9 том.
6. Исин А.А. «Алтай археологиялық экспедициясы» күнделік қолжазбасы. – 2012. – 17, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 30, 31 б.

М.А. Корусенко, Ю.В. Герасимов

Раскопки некрополя Черталы в Тарском Прииртышье: некоторые итоги

Комплекс археологических памятников на правом берегу р. Тара, в окрестностях д. Петропавловка, был открыт и частично исследован Б.В. Мельниковым в 1988–1990 годах [4; 5]. В его составе были выделены поселение Черталы I, датированное XVII–XVIII вв., могильник Черталы III (того же времени) и Черталы II, IV (развитое средневековье).

Всего Б.В. Мельниковым было заложено 2 раскопа на поселении, на могильнике Черталы III раскопано более 80 захоронений. Полученные материалы позволили предполагать, во-первых, принадлежность поселения и могильника одной и той же этно-территориальной группе, а во-вторых, генетическую преемственность археологического комплекса с современной деревней Черталы, основное население которой в настоящее время составляют тарские татары. Указанные обстоятельства делают рассматриваемые археологические памятники ценным источником для изучения этнографо-археологического комплекса тарских татар и шире этнокультурной истории сибирских татар.

К сожалению, результаты работ были опубликованы только в небольших разрозненных заметках, значительная их часть не была доведена до отчетов, а первичная полевая документация, в том числе не проявленные фотоплёнки и коллекция артефактов серьёзно пострадали после затопления одного из помещений музея ар-

хеологии и этнографии Омского государственного университета. По устной информации участников работ тех лет, остаткам полевой документации, артефактам и ряду разрозненных публикаций Б.В. Мельникова и его коллег [11, с. 54-57; 10, с. 145-146; 6, с. 58-68] можно предположить, что поселение и могильник в своих не раскопанных частях могут содержать ценные материалы по позднему средневековью – Новому времени региона.

В 2006 г. М.А. Корусенко в рамках разведки в Муромцевском районе Омской области оценил возможности работы на комплексе Черталы [1]. Затем на протяжении четырех полевых сезонов 2010–2013 гг. экспедиция Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (ОФ ИАЭТ СО РАН) под руководством М.А. Корусенко проводила исследование комплекса. В настоящей работе представлены результаты полевых работ за указанный период.

Серьёзным препятствием для аналитических построений является то, что в своё время Б.В. Мельников снял только контуры могильника Черталы III и часть курганов, относящихся к могильникам Черталы II, IV. Основная часть могильника Черталы III (хорошо видимые насыпи) на плане отсутствует, что делает невозможным планиграфический анализ этого комплекса, успешно использованный при исследовании подобных комплексов Бергамак-II и Чеплярово-27 [9, с. 119-125]. В 2010 г. сотрудниками ОФ ИАЭТ СО РАН под руководством М.А. Корусенко снят инструментальный план некрополя Черталы, включающего курганные могильники Черталы II, IV и курганно-грунтовой могильник Черталы III. Всего в составе комплекса зафиксировано более 300 объектов, относящихся к разным хронологическим этапам его формирования [2].

На протяжении 2010–2013 гг. было раскопано 31 погребение из состава памятника, расположенное, по нашему предположению, в наиболее ранней части курганно-грунтового могильника Черталы III, а также 4 курганных насыпи, относящихся к памятнику Черталы IV [2, 3].

Программа работ на археологическом комплексе определялась результатами предыдущих исследований. Была произведена инструментальная съёмка некрополя Черталы 3, 4, позволившая не только уточнить планиграфию комплекса, но и выявить новые объекты. Часть могил содержала погребальный инвентарь, позволивший датировать исследованный комплекс концом XVII века и отнести его к начальному этапу формирования некрополя. С этой датой корр-

лируют и полученные данные о погребальном обряде, зафиксированные при раскопках: ровики вокруг могил, деревянные надмогильные сооружения в теле некоторых насыпей, ориентация погребенных головой на северо-запад. На деревянных конструкциях присутствуют следы огня, причём часть сооружений обожжена частично, вероятно, огонь затух при сооружении насыпей над погребениями. Данные черты находят параллели в ранее исследованных погребальных комплексах Тарского Прииртышья указанного времени: Бергамак II, Чеплярово-27. Кроме того, получены материалы для изучения культурных трансформаций погребального обряда под влиянием мировой религии – ислама.

В составе коллекции, собранной в раскопах, можно выделить три культурно-хронологических группы (КХГ):

– КХГ бронзового века, представленная фрагментами керамических сосудов, некоторые из которых орнаментированы оттисками палочки, мелкозубой гребенки и гладкого штампа. Сосуды плоскодонные, баночной формы, орнаментирована в основном зона тулова. Все фрагменты светло-коричневого цвета, в изломе – оранжевые, тесто рыхлое, с примесью песка и органики. Отметим, что находки этой группы дисперсно встречались на всей площади раскопа, но некоторая концентрация их отмечена в южной и юго-западной частях раскопа. К этой же группе следует отнести единичные находки каменных изделий (2 пластины и скребок). Кроме того, несколько скребков были обнаружены в поздних захоронениях в составе огнив, но мы включаем их в КХГ позднего средневековья.

– КХГ развитого средневековья представлена находками, происходящими из погребений курганов №№13-14 и могилы №217. К этой группе относятся керамические сосуды (могила №217, курганы №№8, 13), обломок железного черешкового ножа (могила №217), пастовые бусины (могила №217), арочные шумящие подвески (могила №217), бляшки из свинцового сплава (могила №217, курган №№14,13), а также предметы вооружения, происходящие из погребения кургана №13.

– КХГ позднего средневековья, представленная находками из могил, наиболее многочисленна. Для большинства предметов этой группы известны параллели в погребальных и поселенческих комплексах аборигенного населения Западной Сибири XVII–XVIII веков. Во рву могилы 213 обнаружен обломок стенки бронзового котла размером 15×10 см со следами починки – небольшим сквозным от-

верстием. В могиле 210 собрана коллекция украшений и деталей костюма: четыре свинцовых гиревидных подвески-пуговицы, два витых проволочных бронзовых браслета с завернутыми концами, бронзовая серьга в виде знака вопроса с отломанным кончиком. В могиле 213Б обнаружены два серебряных проволочных кольца, одно из которых, сломанное, располагалось у нижней челюсти в области грудины, а второе – между фалангами правой кисти. Вероятно, первое кольцо использовалось как подвеска, а второе – в качестве перстня.

Интересна находка трех бараньих альчигов, обнаруженных при разборке надмогильного сооружения могилы 213. Альчики были уложены в линию под центральной плахой перекрытия. Два из них украшены косыми насечками по ребру одной из граней, на третьем аналогичный поясок только намечен пятью насечками. В могиле 216 обнаружены железный черешковый нож с обломанным клинком, обломок железного калачевидного кресала и кварцитовый скребок, вторично использовавшийся в качестве кремня в составе огнива.

Получена серия серебряных монет (копеек) конца XVII века из могил №№212, 219, 197, 203, позволяющая не только узко датировать указанные комплексы, но и интерпретировать роль данных предметов в погребальном ритуале [8, с. 201]. Комплекс предметов вооружения, составлявший погребальный инвентарь могилы №218, содержал наконечники стрел и нож с костяной рукояткой, украшенной металлическими торцевыми накладками; ножи такого облика изготавливались русскими мастерами в XVI–XVII веках. Любопытна находка железного наконечника поворотного гарпуна в составе комплекса предметов вооружения из погребения №200. Такие орудия охотничьего промысла в комплексах региона до этого времени не встречались.

Интересные материалы получены при исследовании курганов развитого средневековья. Из предметов материальной культуры отметим комплекс деталей головного убора, включающий бронзовые подвески и бусины, из погребения №217, а также большой железный нож из кургана 13, нехарактерный для древностей этого круга. Некоторые его конструктивные особенности позволяют рассматривать нож как прообраз пальмы, получившей широкое распространение у народов тайги в XVII–XIX веках. Для изучения духовной культуры населения южной тайги региона представляют несомненный интерес следы ритуального ограбления курганов, зафиксиро-

ванные при раскопках насыпей №№10, 13. Грабители вскрыли насыпи, извлекли костяки погребенных, провели «обезвреживание» покойных, разрубив крупные кости скелетов, а затем ссыпали их в беспорядке в ямы и закрыли, восстановив внешний облик курганов. Причём в одном случае «обезвреживанию» подвергся и инвентарь, а в другом – его аккуратно уложили в погребение рядом с мешаниной костей.

Полученные материалы позволяют достаточно убедительно связывать материалы позднего комплекса некрополя Черталы 3, 4 и поселения Черталы I. Необходимо так же отметить, что разделение на разные памятники могильника Черталы выглядит в свете исследований подобных комплексов Окунево 7, Бергамак II (Муромцевский район Омской области), могильника Сопка (Венгеровский район Новосибирской области) необоснованным [7, с. 124], что наглядно демонстрируют результаты проведённой инструментальной съёмки и материалы раскопок.

Источники и литература

1. Корусенко М.А. Отчёт об археологической разведке на территории Омской области в 2006 г. // Архив Музея археологии и этнографии ОмГУ. Ф. II. Д. 208-1. Омск, 2007.
2. Корусенко М.А. Отчет об археологических раскопках поселения Черталы I, могильника Черталы III, IV на территории Муромцевского района Омской области в 2010-2011 г. // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. 39-1. Омск, 2012.
3. Здор М.Ю. Отчет об археологических раскопках могильника Черталы III, IV в Муромцевском районе Омской области в 2012 г. // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1, д. 48-1. Омск, 2013.
4. Мельников Б.В. Отчет о работе археолого-этнографической комплексной экспедиции в окрестностях д. Черталы Муромцевского района Омской области летом 1988 г. // Архив МАЭ ОмГУ. – Ф. 2. – Д. 62-1. – Омск, 1989.
5. Мельников Б.В. Отчёт об археологических раскопках поселения Черталы I в 1989 г. // Архив МАЭ ОмГУ. – Ф. 2. – Д. 66-1. – Омск, 1990.
6. Богомолов В.Б., Мельников Б.В. Изделия из бересты у населения XVII XVIII вв. бассейна р. Тары. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы социума и культуры. Новосибирск, 1997. – Т. 2. – С. 58-68 и др.
7. Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Иващенко С.Н., Корусенко М.А. Результаты работ в Окуневском археологическом микрорайоне в 2006-2008 гг. // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: сборник научных трудов. – Омск, изд-во Ом. Гос. Ун-та, 2008. С. 178-184.
8. Полеводов А.В., Корусенко М.А. «Обол Харона» на юге Западной Сибири // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга I. – Спб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 193-202.

9. Корусенко М.А., Полеводов А.В. Планиграфия курганно-грунтовых могильников в низовьях р. Тара (предварительные итоги исследования) // *Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции*. Томск, 2008. С. 119-125.

10. Мельников Б.В. Поздние погребальные памятники таёжного Прииртышья // *Древние погребения Обь-Иртышья*. – Омск, 1991. – С. 145-146.

11. Мельников Б.В., Дрягин В.В. Место базового памятника в системе этнографо-археологического комплекса (постановка вопроса) // *История, краеведение и музееведение Западной Сибири. Археология Западной Сибири*. – Омск, 1988. – С. 54-57.

А.К. Кукушкина

История исследования археологических памятников Нуринаского региона Сарыарки

Первые исследования территории Нуринаского региона связаны с деятельностью русских путешественников и купцов. В 1701 г. С.У. Ремезовым был опубликован «Чертеж земли всей безводной и малопроезжимой каменной степи», в котором дано картографическое описание территории Сарыарки, в том числе и бассейна р. Нуры [12, С. 3]. Одним из неутомимых путешественников и исследователей Центрального Казахстана был член-корреспондент Российской Академии наук П.И. Рычков, который в своем труде «Топография Оренбургская» (1762 г.) описывает географию, историю и экономику края. Его сын в работе «Дневные записки путешествия Н.П. Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи в 1771 г.» дает подробное описание Центрального Казахстана, в недрах которого «спрятано множество медных руд, копанных древними обитателями...» [12, с. 3]. Определенный интерес представляют работы В. Старкова «Краткое обозрение Киргизской степи в географическом, историческом и статистическом отношении» (1861 г.), Ю. Шмидта «Очерк Киргизской степи» (1894 г.), А. Мейстера «Геологические исследования в Киргизской степи» (1896 г.). Интересная информация энциклопедического характера собрана в трудах И.Г. Андреева, М. Поспелова, Т. Бурнашова, П.И. Шангина, К.А. Мейера, Г.С. Карелина, А.И. Левшина. Так, в труде А.И. Левшина «Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей» отмечается, что: «...окрестности р. Нуры вообще богаты остатками древностей. На правом берегу реки в 55 км

от оз. Кургальджино видны значительные развалины, описанные Шангиным в 1818 г., два укрепления у г. Карт, разрушенная башня в верховьях Нуры близ древних местонахождений медной руды» [11, с. 107]. Левшин упоминает о развалинах двух купольных мавзолеев – один каменный, другой кирпичный – у р. Якши-кон, впадающей в оз. Тенгиз [11, с. 108]. Эти мавзолеи были отмечены как яркие архитектурные сооружения И.А. Кастанье спустя 80 лет в его известной работе «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» [7]. К сожалению, мавзолеи к настоящему времени не сохранились.

Первые упоминания о случайных находках на территории района встречаются в отчетах Археологической комиссии за 1895, 1897, 1905, 1907 и 1910 гг. [16, 17]. Согласно этим данным, Н. Козырев в 1904 г. проводил раскопки кургана в урочище Кара-Агач в горах Керменты Акмолинского уезда в составе Археологической комиссии [1, с. 152].

После революции в 30-е гг. XX в. большую собирательскую и регистрационную работу в Акмолинской области возглавил краевед Л.Ф. Семенов, результаты которой он обобщил в статье [18, с. 263-264]. В частности, он обследовал погребение эпохи бронзы, находящееся в 13 км от пос. Киевка на невысокой сопке Джувантобе [1, с. 92]; в 1930 г. – два кургана у с. Захаровское [1, с. 153]; опубликовал материалы по найденным в 1927 г. случайным находкам в районе с. Большая Михайловка – плоскодонный глиняный сосуд с линейно-ямочным орнаментом, бронзовые наконечники стрел, копья, фрагменты бронзового зеркала – датированным эпохой бронзы [1, с. 152].

Этап первичного накопления материалов завершается первыми стационарными раскопками древних памятников, проведенными Нуринской экспедицией ГАИМК в 1933 году под руководством П.С. Рыкова. Хозяйственное освоение этого региона было связано с решением об открытии Карагандинского ИТЛ (Карлаг), для которого выделили 1 млн. га земли. Цель Нуринской экспедиции заключалась «в установлении степени угрожаемости сохранности археологических памятников в связи с развитием сельскохозяйственных работ совхоза», причем «...взятый для изучения район был совершенно неизвестен ранее с археологической стороны и вызывал к себе особый интерес...» [14, с. 40]. Участниками экспедиции – М.П. Грязновым, М.И. Артамоновым, И.В. Сеницыным и др. – были проведены разведочные маршруты по р. Нуре, в ходе которых открыты и обследованы поселения и могильники эпохи бронзы, курганы скиф-

ского времени, могильные сооружения 17–19 вв. По итогам археологических работ П.С. Рыков написал обобщающую статью [15].

В 1946 году Центрально-Казахстанской археологической экспедицией (ЦКАЭ) под руководством А.Х. Маргулана было положено начало систематическому и всестороннему изучению памятников древности Центрально Казахстана. В 1947 г. были обнаружены и описаны курганы с «усами», расположенные на правом берегу р. Куланотпес [1]; в 1949 г. обследованы курганы у с. Захаровское в горах Карт [1, с. 153], поселение эпохи бронзы на правом берегу р. Кундызды [1, с. 92], курганы в районе рек Кипчак и Керей [1, с. 144].

С конца 1970-х годов происходит дальнейший рост источниковой базы по древностям Нуринского района. Это связано с созданием в 1978 году археологической экспедиции Карагандинского государственного университета под руководством В.В. Евдокимова и в 1980 году – археологической экспедиции Карагандинского областного историко-краеведческого музея под руководством А.А. Ткачева. Поиском и исследованием археологических памятников на этой территории в 60–80-х гг. XX в. занимались В.С. Волошин, А.А. Ткачев, А.Ю. Чиндин, В.В. Варфоломеев. Ими было выявлено около 40 объектов, относящихся преимущественно к эпохам камня и бронзы.

Стационарные работы в этом регионе предпринял В.С. Волошин, исследовав стоянку каменного века Жанбобек 4, содержащую культурный слой. Были найдены кремневые орудия труда, включая ножевидные пластины, скребки, отщепы, скребла, наконечники стрел, что позволило отнести памятник к неолитическому периоду [2, с. 511]. Им были обнаружены крупные местонахождения палеолитического периода в местности Ак-Кошкар с макролитической индустрией на кварцитах, песчанике и кремне-опале [3, с. 56]. Характеризуя древнейшую серию орудий Ак-Кошкара 1, В.С. Волошин указывает на ее раннеашельский возраст [4, с. 10]. В 1980 г. исследовано неолитическое местонахождение Баршин 3 со своеобразным инвентарем, а также памятники Айдагарлы 5–6, которые, по мнению автора, представляют большой интерес с точки зрения периодизации каменного века в регионе [3, с. 42]. Позднее В.С. Волошиным открыто древнепалеолитическое местонахождение Улькен-Кудузды, где обнаружено 38 артефактов, которые находят аналогии среди древнейших галечных материалов стоянок Обалысай и Музбел и встречаются в раннеашельских материалах Ак-Кошкара 1 и 6 [5, с. 86-87]. Обобщая накопленный материал по древностям Сары-

Арки, автор выделяет две территориальные группы памятников [6, с. 29-31].

Группа памятников эпохи бронзы на р. Нуре была открыта и исследована А.А. Ткачевым. Это поселения Икпень I-II, Майоровка, Энтузиаст I-II, могильник Икпень I, где зафиксированы в основном детские погребения. Раскопки дали материал, относящийся к различным этапам бронзового века Сарыарки и позволили выделить Нуринский археологический микрорайон. Материалы этих исследований детально проанализированы А.А. Ткачевым в монографии «Центральный Казахстан в эпоху бронзы» [19].

В рамках Республиканской программы по составлению Свода археологических памятников Казахстана в 1991 году поисково-разведочным отрядом КарГУ (Варфоломеев В.В., Чиндин А.Ю.) проведено обследование Нурина района, в ходе которого зафиксировано местоположение 16 разновременных объектов (9 местонахождений эпохи камня, 1 поселение эпохи бронзы, 6 могильников) [13, с. 21-25].

В 2009 году в рамках выполнения региональной программы по составлению «Свода памятников Карагандинской области» отрядом экспедиции Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. Е.А. Букетова была проведена сверка имеющихся в наличии паспортов памятников с объектами, зафиксированными на местности.

В связи с малоизученностью района осуществлены дополнительные поисково-разведочные мероприятия по выявлению и фиксации новых объектов истории и культуры. Разведочными маршрутами были частично охвачены бассейны рек Нура, Куланотпес, Жаман-Кон, Жаксы-Кон, Керей, а также исторически известная местность Ак-Кошкар. Общее количество ранее зафиксированных и вновь выявленных объектов составило 225 памятников.

По эпохам и количеству отмеченные объекты распределились следующим образом: к каменному веку отнесено 27 стоянок и мастерских, к эпохе бронзы – 24 могильника и поселения, к раннему железному веку – 104 памятника, к средневековому периоду – 79 отдельно стоящих курганов и могильников. Отмечаются также разновременные археологические комплексы, включающие в себя памятники различных исторических эпох [8, с. 190-191].

Стоянки каменного века обычно представлены подъемным материалом и группируются в основном у родников, небольших ручь-

ев или древних мастерских, где зафиксированы естественные выходы кремневых пород, буквально усеянные отходами каменной индустрии.

Перспективными в плане исследований являются местонахождения Жанбобек 1-2 (рис. 1), (фото 1), расположенные на выходе из небольшого ущелья и, возможно, содержащие культурный слой. Наряду с орудиями каменного производства здесь были найдены и немногочисленные фрагменты керамики.

Также большой интерес представляют стоянки Аубакир, Карабусыр и Сенбай, расположенные в бассейне р. Керей. Две из них были выявлены на удобных береговых площадках коренных террас, а одна на довольно значительном удалении от берега в районе многочисленных выходов кремневого сырья. Материалы стоянок представлены нуклеусами, отщепами, микролитами, скребками, а также многочисленными отходами кремневой индустрии [9, с. 28-36].

Эпоха бронзы представлена в основном поселениями и полуразрушенными детскими могильниками, расположенными на р. Нуре (рис. 2), (фото 2). Ярко выраженные андроновские ограды, сооруженные из каменных плит, зафиксированы лишь в единичном случае на могильнике Щербаковский, расположенном на р. Куланутпес. Подобная картина характерна для большей части территории Нуринаского района, где памятники эпохи бронзы крайне невыразительны или просто отсутствуют. Видимо, эта экологическая ниша не отвечала требованиям культурно-хозяйственной деятельности населения степной бронзы в этот период.

Касаемо памятников бассейна р. Керей, которые представлены всего четырьмя могильниками, три из которых могут быть отнесены к андроновскому времени (Аубакир 2, 3 и Шаймерден 2), а один – к памятникам бегазы-дандыбаевского типа [9, с. 28-36], данные археологические объекты слабо исследованы, в отличие от восточной части Нуринаского района, где памятники бронзового века выявлены и изучены А.А. Ткачевым в значительном количестве.

Ранний железный век представлен «царскими» курганами, курганами с «усами», рядовыми курганами и могильниками.

Как правило, «царские» курганы характерны одиночным расположением, находятся в долинах рек на относительно ровной местности. Удаление от русла составляет от 0,5 км до 1,5 км. «Царские» кур-

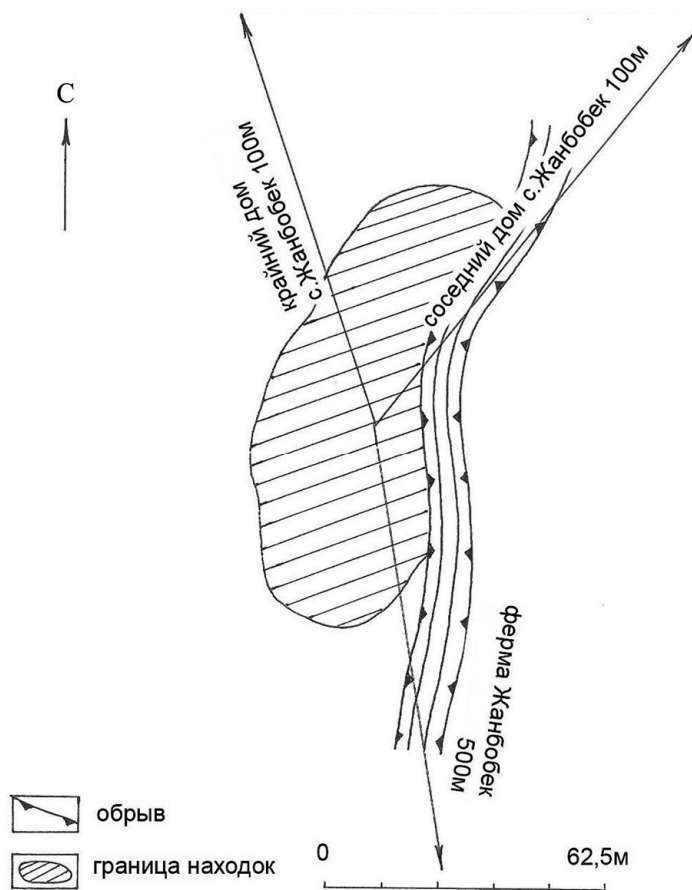

Рис. 1. Стоянка Жанбобек 2. План местности.

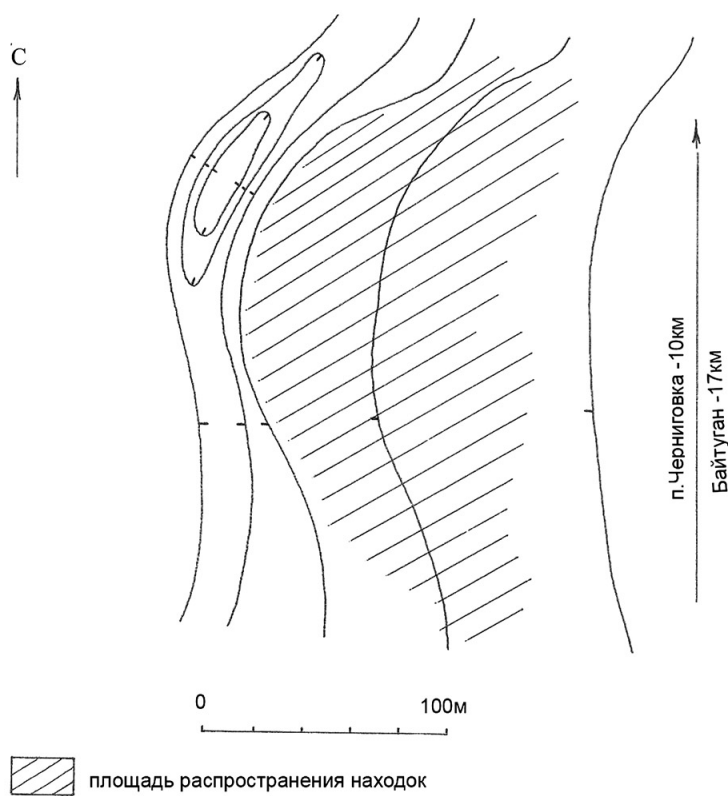

Рис. 2. Поселение Икпень 1. План местности.

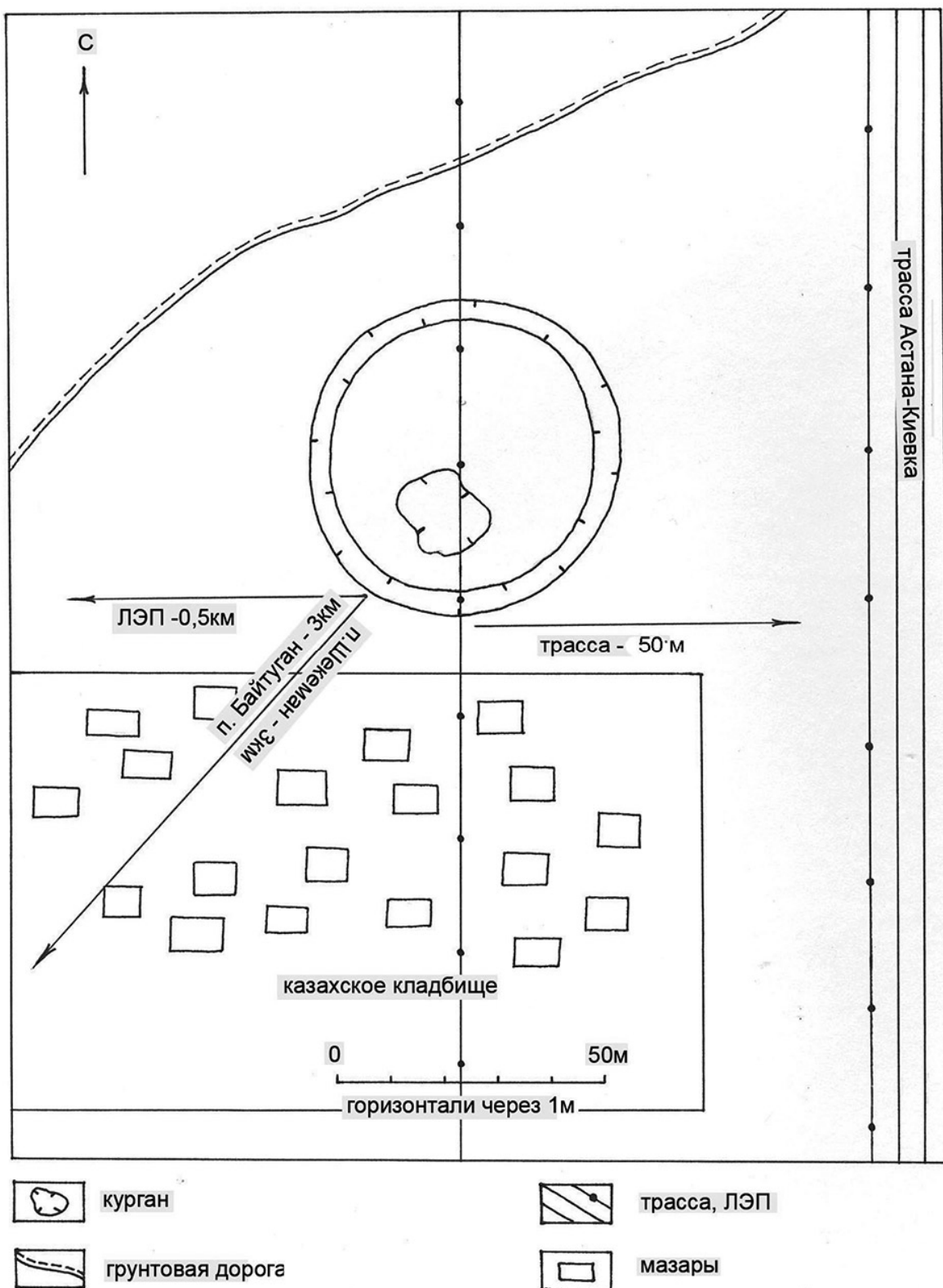

Рис. 3. Курган Кызылжұлдыз. План местности.

ганы имеют визуально фиксируемую земляную или каменно-земляную насыпь и кольцевые рвы. Наиболее крупный из них – Кызылжудыз – расположен в непосредственной близости от автотрассы «Караганда – Киевка – Астана» и может представлять интерес в качестве экскурсионно-туристического объекта. Диаметр кургана составляет 50 м, высота 4 м, ширина кольцевого рва до 5 м, глубина до 1 м (рис. 3), (фото 3) [8, с. 190-191].

Курганы «с усами» зафиксированы в 7-и случаях – по одному на р. Жаксы-Кон и в долине Ак-Кошкар и 5 по р. Керей.

Особенно большой интерес вызывает курган с «усами», зафиксированный в составе могильника Узынкагыл. Курганная группа расположена на вершине хребта довольно высокой скалистой сопки и состоит из 9 каменных курганов, вытянутых дугообразно с севера на юг, согласно общей направленности горной возвышенности. Курган с «усами» как бы замыкает эту цепочку с юга. Он имеет овальные в плане очертания, видимо, образовавшиеся из-за смыкания 2–3 курганов в общую насыпь. Длина с С на Ю составляет 40 м, с З на В – 21 м, высота – 1 м. Длина каменных дугообразных выкладок, вытянутых в восточном направлении, составила 42 м.

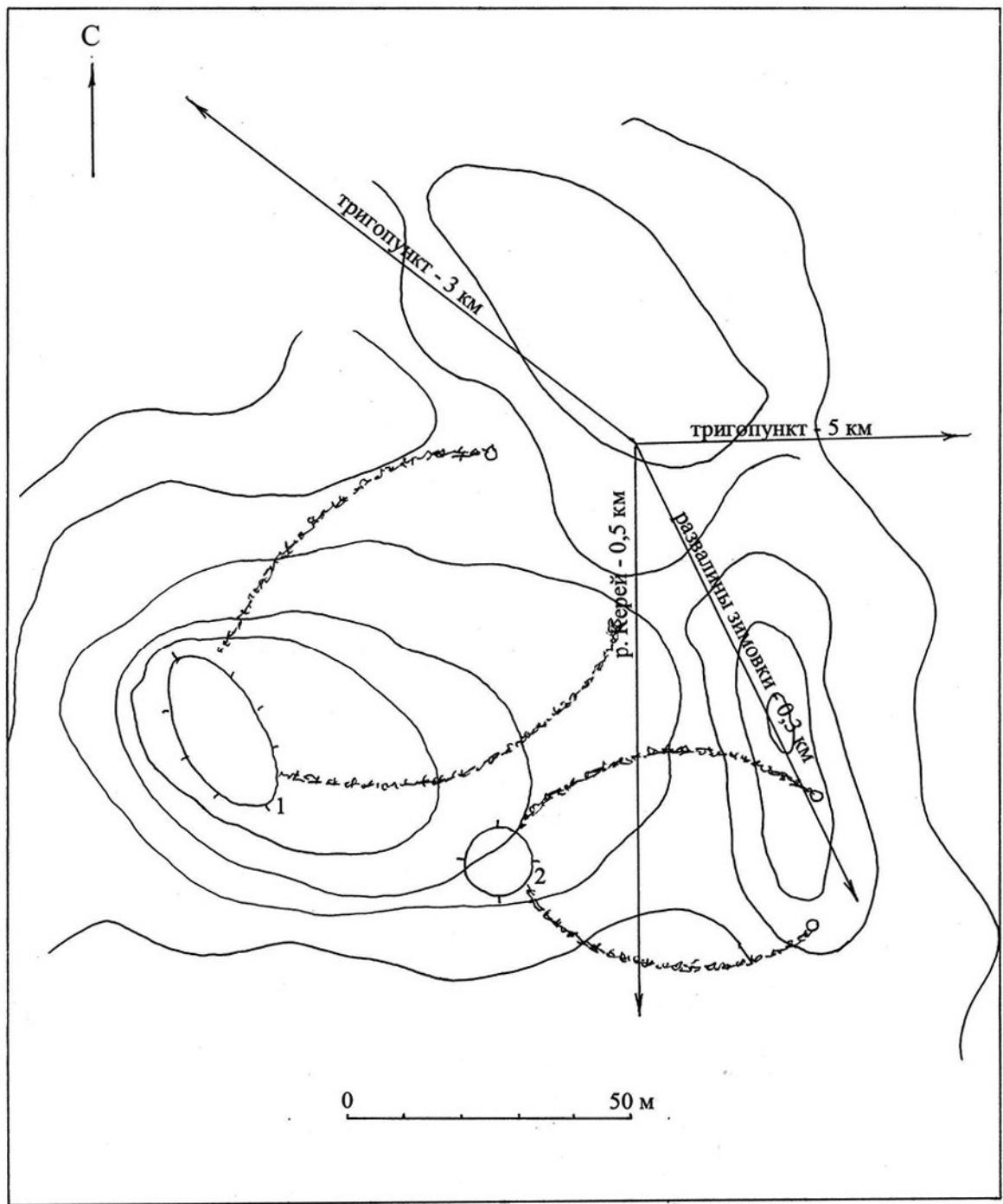
Не менее показательным является могильник Тур, состоящий сразу из двух курганов с «усами» (рис. 4).

Курган 1 расположен на вершине сопки и близок по форме к кургану Узынкагыл. Он имеет овальную в плане насыпь, вытянутую по линии СЗ–ЮВ. Длина составляет 25 м, ширина 12 м, высота 0,3 м. От кургана, вниз по склону в северо-восточном направлении отходят две дугообразные каменные выкладки длиной 65 м.

Курган 2 расположен на склоне сопки. Диаметр 12 м, высота 0,6 м. От него в восточном направлении вниз по склону с переходом на соседнюю возвышенность, сооружены две дугообразные каменные гряды длиной 50 м.

Сооружение курганов с «усами» на сопках с довольно сложным рельефом, малоприспособленным для строительства подобных объектов, встречается пока как исключение и, возможно, является хронологическим показателем [10, с. 39].

Рядовые курганы и могильники раннего железного века сооружены из камня и в основном расположены на вершине или у подножия невысоких сопки. Максимальный диаметр составляет до 20 м, высота до 2 м.

 курган

Рис. 4. Могильник Тур. План местности.

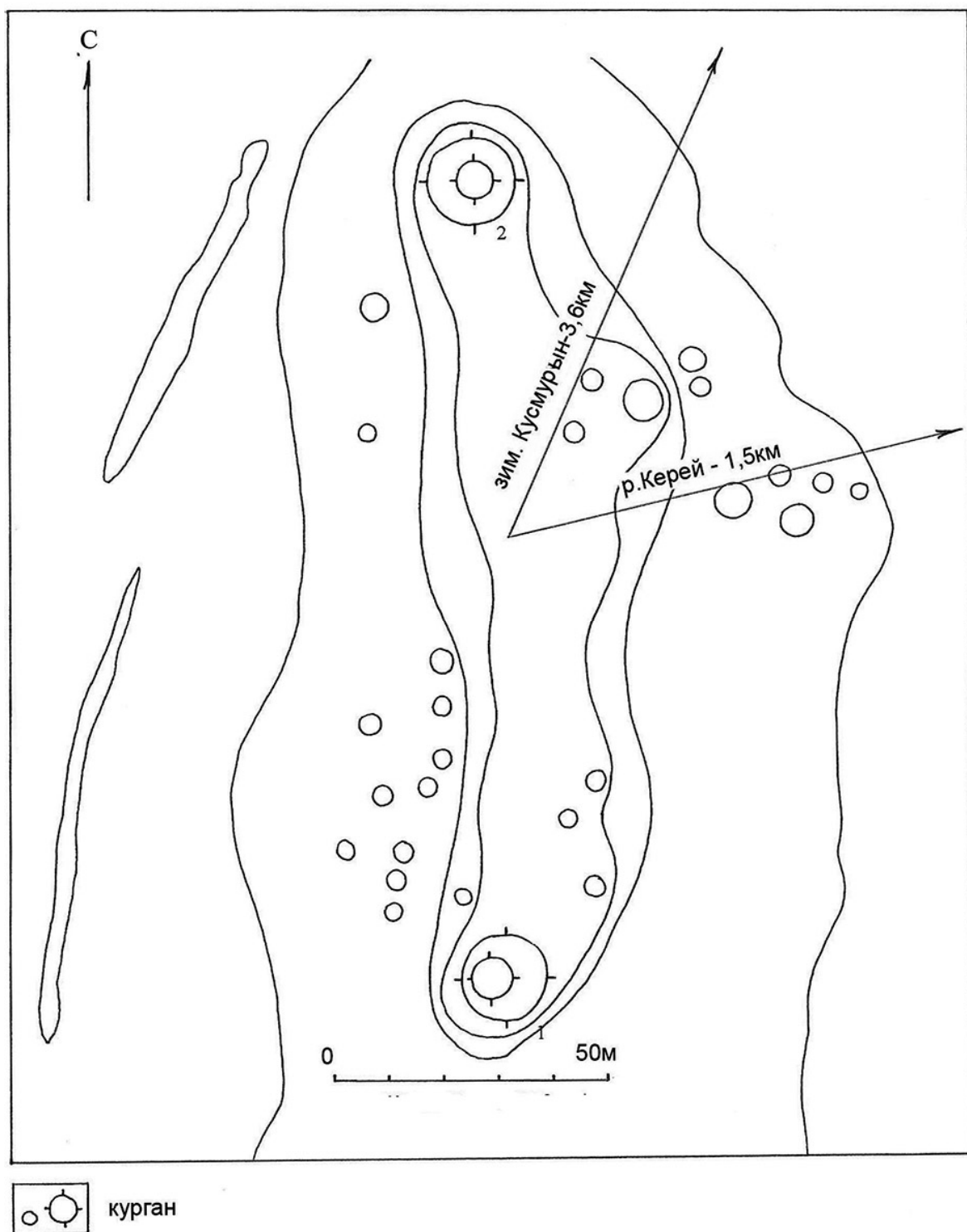

Рис. 5. Могильник Керей. План местности.

Фото 1. Стоянка Жанбобек 2. Вид с юго-запада.

Фото 2. Поселение Икпень 1. Вид с запада

Фото 3. Курган Кызылжұлдыз. Вид с северо-востока.

Фото 4. Могильник Керей. Вид с юго-запада.

Средневековые курганы обычно тяготеют к естественным возвышениям и высоким сопкам, сооружены из щебенистого материкового грунта или необработанного камня. Диаметр колеблется от 3 до 10–12 м, высота до 0,5 м (рис. 4), (фото 4). Наибольшее количество памятников этого периода отмечается в местности Ак-Кошкар, где наблюдается и значительная концентрация казахских родовых кладбищ с крупными каменными и саманными мазарами [8, с. 190-191].

Таким образом, в Нурунском районе представлен весь спектр археологических памятников от эпохи камня до средневековья. Дальнейшие исследования позволят существенно дополнить регион новыми научными данными, но основные характеристики памятников, останутся без значительных изменений.

Источники и литература

1. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
2. Волошин В.С., Мазниченко А.П. Работы в Целиноградской области // Археологические открытия. М.: Наука, 1978. – С. 511-512.
3. Волошин В.С. Местонахождение Баршин 3 в Тенгизской степи. // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда. 1982. – С. 42-57.
4. Волошин В.С. Вопросы хронологии и периодизация палеолита Центрального Казахстана. // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда. 1987. – С. 3-11.
5. Волошин В.С. Древнепалеолитическое местонахождение Улькен-Кундузды. // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий. Туркестан, 1998. – С. 83-91.
6. Волошин В.С. Проблема первоначального освоения человеком Сары Арки. // Степная цивилизация Восточной Евразии. Том 1. – Астана, 2003. – С. 28-32.
7. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1910, вып. 22.
8. Кукушкин А.И. Основные характеристики археологических памятников Нурунского района Карагандинской области // Маргулановские чтения, 2012. – Астана, 2012. – С. 190-191.
9. Кукушкин А.И. Археологические разведки по р. Керей // Археология и история Сарыарки: Сб. научных статей. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2012. – С. 28-36.
10. Кукушкин А.И. Новый тип памятников – курган с «усами» // «Жуасовские чтения – 14»: Матер. республ. научно-практич. конф. Том 2. – Караганда, 2010. – С. 38-40.
11. Левшин А. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Алматы, 1996 (Ч. 2 Спб, 1832, гл. 7);
12. Могильницкий В. Певец серебряных просторов // Индустриальная Караганда, 1996. – С. 3.

13. Отчет лаборатории археологических исследований КарГУ. Караганда, 1991. – 154 с.
14. Рыков П.С. Нуринская экспедиция // Проблемы истории материальной культуры. 1933 №9-10.
15. Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) Отчет о работах // Археологические работы Академии на новостройках. Том 2. – М.-Л., 1935. – С. 40-68.
16. Случайные находки из Акмолинской области, поступившие в Археологическую комиссию в 1895 г. // Отчет Археологической комиссии за 1895, 1897 гг. – 210 с.
17. Случайные находки из Акмолинской области, поступившие или зарегистрированные Археологической комиссией в 1907 г. // Отчет Археологической комиссии за 1907 г., 1910 г. – С. 124, 136.
18. Семенов Л.Ф. Находка каменного топора у р. Нуры. // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1956, т. 1, Археология. – С. 263-264.
19. Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень, 2002. – Ч. 1-2.

Ю.Т. Мамадаков, А.Л. Кунгуров

Новые археологические памятники Смоленского района

Новые археологические памятники обнаружены при обследовании будущей трассы газопровода на юго-восточной окраине пос. Кировский Смоленского района Алтайского края. Памятники, получившие название Кировский 2 и 3, приурочены к левому борту долины р. Песчаной, который является бортом водораздельной (Ануй – Песчаная) аккумулятивной равнины на пластовом основании [1, стр. 45]. В *тектоническом районировании* регион относится к Западно-Сибирской плите (юго-восточная часть), граничащей южнее с Старотырышкино с Алтае-Саянской (Каледонской) складчатой областью (ануйско-чуйская структурно-формационная зона Алтае-Салаирской складчатой системы). Долина р. Песчаной представлена аллювиальными переработанными отложениями. Образует три надпойменные террасы высотой, соответственно, 8–11, 14–17 и 24–35 м. Левый борт образован участками аккумулятивной равнины на пластовом основании, правый – цокольной равнины на склатчатоглыбовом основании. Длина р. Песчаной – основной водной артерии района исследования – 276 км. Она является левым притоком р. Оби 1 порядка. Русло слабоизвилистое (коэффициент извилистости 1,2–

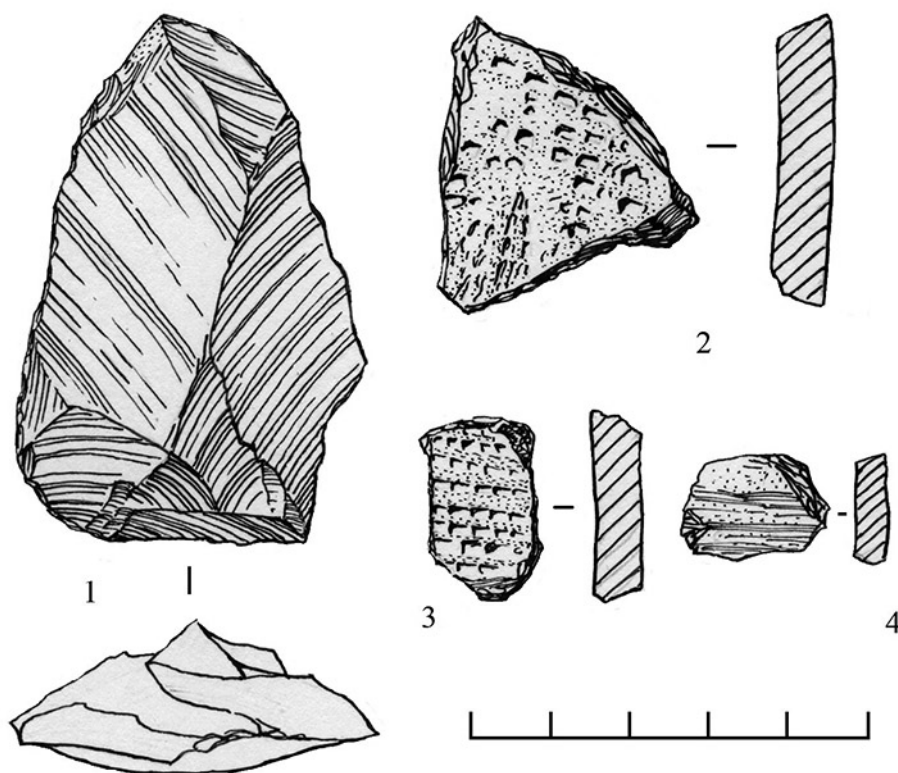

Рис. 1. Материалы поселений Кировский 2 (2-4) и стоянки Кировский 3 (1).
Обнаружены экспедицией Ю.Т. Мамадакова осенью 2013 г.

1,6). Падение в характеризуемом районе 1,0 промилле (отношение падения реки в метрах к ее длине).

Почвы глинистые и тяжелосуглинистые пылеватые на лессах и лессовидных суглинках четвертичного возраста (позднесартанских). Представлены равнинными черноземами обыкновенными среднегумусными карбонатизированными [2, стр. 28]. Растительность региона, существовавшая до освоения его русским населением, представлена двумя основными флористическими ассоциациями бореальной степной заволжско-казахстанской (западно-сибирской) формации: долинные серии безлесных районов и долинные болота и поймы. Для первого комплекса флоры характерны равнинностепные дерновиннозлаковые биоценозы. Прежде всего, это типчаково-ковыльно-красноковыльные разнотравья с присутствием овсеца пустынного. Данный комплекс характерен для категории настоящих степей. Болота и обводненные участки речной поймы характеризуют осоковые, осоково-вейниковые и тростниковые флористические комплексы [3, стр. 112].

В целом палеогеографические условия данного отрезка долины р. Песчаной благоприятны прежде всего для скотоводческого хозяйства (летний выпас скота).

Кировский 2. Поселение. Координаты 52°17'21" с. ш. 85°03'04.39" в. д., высота участка над у.м. 173 м, над урезом р. Песчаная около 4 м. Край водораздельного плато, плавно повышающегося к югу, соответствует первой надпойменной террасе Песчаной. В месте расположения поселения он оформлен изгибом реки в небольшой мыс, частично разрушенный карьером. При его разработке, видимо, пострадала и часть поселения, занимавшего оконечность выступа мыса.

Материал памятника представляет собой обломки керамики. Фрагменты сосудов средних размеров слабопрофилированной баночной или невыраженной горшковидной формы с толщиной стенок 0,4–0,7 см. Керамика среднего качества, обжиг окислительный. В качестве отощителя использовался крупнозернистый слабоокатанный кварцевый песок с неравномерными отдельностями. Внутренняя и внешняя поверхности керамических изделий подвергнуты «влажному» затиранию мягкой волокнистой структурой (пучок травы или клочок грубой шерсти, волоса). На внешней поверхности имеются оттиски гребенчато-зубчатого орнамента, образующие композиции из горизонтальных и вертикальных отпечатков. Из-за небольших фрагментов керамики понять и интерпретировать орнаментику сосудов сложно. Часть оттисков распознается как «шагающая» вертикальная гребенка или качалка (менее вероятно), часть – слегка наклонные ряды горизонтальной гребенки, возможно, нанесенные в «отступающей» технике. Оба варианта орнаментирования, даже с существующими вариациями, характерны для елунинской культуры раннего бронзового века. Ближайшие памятники этого времени находятся в окрестностях Бийска (Малоугренево, Боровое 3), на озере Иткуль и у с. Комарово [4, стр. 70; 5, стр. 24-25]. Погребальный комплекс – грунтовый могильник Цыганкова Сопка в Быстроистокском районе [6, стр. 67-73; 7, стр. 100-110; 8, с. 24].

Кировский 3. Стоянка. Координаты 52°17'08.38" с. ш. 85°02'49.42" в. д., высота участка над у.м. 176 м, над урезом р. Песчаная около 7 м. Стоянка зафиксирована в 300 м северо-западнее предыдущего памятника на подъеме первой надпойменной террасы левого борта долины р. Песчаной. Материал представлен сколом кремнистого сланца крупных размеров. Скол снят с нуклевидного изделия, имеющего неровную фасетированную ударную площадку, видимо, с целью отсечения образовавшегося в процессе утилизации ребра на фронте скалывания. Таким образом, артефакт можно интерпрети-

ровать как широкий реберчатый скол. Судя по граням фасеток, образующих ребро, препятствовавшее дальнейшему расщеплению нуклеуса и удаленное сколом, образовалось от рекуррентных снятий с крупного плоскостного нуклеуса для заготовок скребел. Подобные ядрища характерны для нижнекатунской верхнепалеолитической культуры, датирующейся концом плейстоценового времени (15–13 тыс. л. н.) [8, стр. 110-112; 9, с. 56-58].

Источники и литература

1. Алтайский край. Атлас. Том 1. Москва-Барнаул, 1978. – 222 с.
Алтае-Саянская горная область. История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока. М., 1969. 416 с.
2. Географические и инженерно-геологические условия Степного Алтая. Новосибирск, 1988. 96 с.
3. Малолетко А.М. Палеогеография предалтайской части Западной Сибири в мезозое и кайнозое. Томск, 1972. 229 с.
4. Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. Раздел III. Древнее прошлое района // Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул, 2003. С. 50-78.
5. Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Многослойное поселение Комарово – 1 в ретроспективе заселения оз. Иткуль. Барнаул, 2011. 142 с.
6. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.
7. Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 100-125.
8. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 100-114.
9. Кунгуров А.Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Средней Катунки 1 // Проблемы хронологии в археологии и истории: сб. ст. / Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 1991. С. 50-63.

З.Б. Оразбаева

Образ птицы

в средневековом искусстве Прииртышья

Средние века (VI-IX вв.) – время существования первых степных империй – Тюркских каганатов. Для всего тюркского мира существовала единая традиция в декоративно-прикладном искусстве. Одним из самых излюбленных мотивов, украшавших конское снаряжение, вооружение, одежду, предметы быта, являлся образ птицы.

На обломке ажурной бронзовой пластинки из средневекового могильника Сандыккала Восточно-Казахстанской области изображены парные противостоящие птицы, напоминающие *фениксов* [3, рис. 113: 10]. У них имеются характерные хохолки, сложенные крылья, пышные хвосты с загнутыми кончиками перьев. Данный мотив изображения парных птиц встречается повсеместно на Алтае и прилегающих территориях. Две практически идентичные композиции изображены на нашивной бляхе и накладке из собрания П.К. Фролова из района Змеиногорска Алтайского края [5, рис. 63: 7, 8]. На изделиях изображены фениксы с хохолками, вытянутыми шеями, приподнятыми крыльями, между ними – символическое «древо жизни».

Образ *феникса* в средневековом искусстве кочевников Прииртышья восходит к танскому искусству Китая (VII–X вв). Данный образ пришел из Китая в Саяно-Алтай через торговлю, вместе с танскими зеркалами, на которых изображались эти птицы [7, рис. 24, 25].

Заимствованный образ *феникса* по мере стилизации был постепенно трансформирован местными мастерами в образ *петуха* [6, с. 236-237]. Экзотические образы петуха-феникса зафиксированы на таких предметах украшения, как навершия, заколки, булавки, бляшки.

Обнаруженное серебряное литое навершие в могильнике Карашат I в Восточном Казахстане было выполнено в виде плоской фигурки птицы, с гребешком на голове и поднятым хвостом, напоминающей петушка [3, рис. 102: 4]. Похожее навершие в виде петуха-феникса, но с каплевидным отверстием на хвосте, представлено в комплексе кургана IX–X вв. из Семипалатинска, раскопанного И.А. Армстронгом в 1857 г. [5, рис. 34: 3].

В кургане 145а Зевакинского могильника в Восточном Казахстане у головы погребенной была обнаружена серебряная бляха, выполненная в виде петушка. Она крепилась к головному убору, благодаря двум отверстиям внизу изделия [2, с. 100; Там же, рис. 2: 8].

Заколки и булавки с навершиями в виде петушка встречены в инвентаре погребения у с. Выдриха Восточно-Казахстанской области, семипалатинского средневекового кургана, раскопанного И.А. Армстронгом [2, рис. 2: 24; 5, рис. 34: 1, 2]. Здесь прослеживается мотив «птицы на дереве», который восходит к мифу о Мировом древе как источнике жизни и птицах, которые являются хранилищами душ [6, с. 236].

Образ павлина также можно отнести к переработанному образу китайского феникса [5, с. 218]. В Павлодарском Прииртышье на ременной накладке встречено изображение павлина с поднятыми крыльями и хвостом между гроздьями винограда [1, с. 53]. Мотив виноградной лозы и гроздьев, пришедший из сасанидского искусства V в. [4, с. 75], широко распространяется в танском Китае, в сочетании с изображениями животных. Зеркала с такими композициями были наиболее востребованными для копирования местными мастерами [7, с. 23, 24].

Образом водоплавающей птицы украшались оружие, конское снаряжение, детали одежды, предметы быта.

К примеру, фигурная бляха, скреплявшая обоймы ножен сабли из могильника Зевакино (курган 145) Восточного Казахстана X–XI вв., украшена интересной композицией [8, рис. 1: 10]. В центре бляхи изображен сидящий «по-восточному» человек, с сосудом в руках, по обе стороны от него расположены две птицы, обращенные клювами к лицу мужчины. Композиция выполнена выпуклым рельефом. Птицы показаны в профиль. Одна из птиц по внешнему виду близка к водоплавающей птице (гусю или утке) – прямая шея, короткие ноги, сложенные крылья. Другая птица, с гребнем на голове, изогнутой шеей, приподнятыми крыльями и широким хвостом, похожа на феникса или петушка. Оперение показано выемками на обеих птицах [8, с. 95]. Г.Г. Петенева на основе сравнения композиций с пиршественной сценой на сабле из Зевакино и на блюде из Восточного Ирана [4, с. 40, табл. 6: 4] полагает, что данная идея восходит к иранским аграрным праздникам. Г.Г. Король также считает, что сюжет заимствован из Передней Азии, но переработан в соответствии с тюркскими идеями культа плодородия, связи человека с природой, непрекращающимся жизненным циклом [5, с. 93].

Другим вариантом изображения образа водоплавающей птицы являются застезки и бляшки в виде летящих уток с распростертыми крыльями. В прииртышском регионе они обнаружены у г. Семипалатинск, при раскопках И.А. Армстронга в XIX в. [5, рис. 34: 4], и в могильнике Карашат I в Восточно-Казахстанской области [3, с. 207]. Застезки из Семипалатинска представлены в количестве трех штук, уплощенной формы: две с продолговатыми отверстиями на шее и одна без отверстий. Три стилизованные в виде фигурок уток пластинчатые бляшки из Карашата I также имеют продольные и мелкие отверстия, предназначенные для нашивки изделий на матерью

или кожу, а лицевые стороны украшены рельефным растительным орнаментом. Застежки и бляшки из обоих памятников датированы исследователями кимакским временем – IX–X вв. [5, с. 142; 3, с. 176]. Аналогична данным изделиям случайная находка из Минусинского края [5, табл. 16: 14].

Традиция изображения водоплавающих птиц в средневековом искусстве Прииртышья имеет глубокие корни. Как известно, в тюркском пантеоне основными богами являются Тенгри (Небо) – бог Верхнего мира, Жер-Су (Земля-Вода) – бог Среднего мира и Эрк-лиг – бог Нижнего мира. Богиня жизни, плодородия, детей и воинов – Умай также является божеством Верхнего мира, наряду с Тенгри. В то же время одним из владений Великой богини-матери Умай считается водоем (молочное озеро) – источник жизни [9, с. 123-136]. Поэтому образ богини-матери мог бы восприниматься как соединяющий земную и водную поверхности с небесами, а исходя из этого, соединяться с чертами водоплавающей птицы [5, с. 90-91]. По этой причине у тюркских народов такие птицы как утка, гусь входят в число особо почитаемых, поскольку они являются отражениями образа Умай, символами единства воды, земли и неба.

Многие образы и мотивы средневекового искусства Сарыарки были заимствованы из Передней Азии и Ближнего Востока в результате торговых контактов по Великому Шелковому пути. Моду задавало городское оседлое население. Кочевники копировали образы, творчески перерабатывая их под себя. Но все же существовало несомненное единство художественного стиля в декоративно-прикладном искусстве древнетюркской эпохи степной Евразии, которое было проявлением общности истоков культуры евразийских степей.

Источники и литература

1. Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды ИИАиЭ. Алма-Ата, 1959. Том 7. С. 32-58
2. Арсланова Ф.Х. Женские погребения IX–X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, Москва, 1998. Вып. 2. С. 97-110.
3. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. 280 с.
4. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Москва, 1976. 198 с.
5. Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. Кемерово, 2008. 332 с.: ил.

6. Король Г.Г., Конькова Л.В. Торевтика малых форм IX–X вв. из раскопок И.А. Армстронга у Семипалатинска (комплексное исследование) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. Санкт-Петербург, 2007. С. 228-248.

7. Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. Москва, 1975. 170 с. + 109 илл.

8. Петенева Г.Г. Декоративное оформление рубяще-колющего оружия средневековых кочевников Прииртышья // История и археология Семиречья. Алматы, 2001. Вып. 2. С. 87-99.

9. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988. 224 с.

Т.Н. Смагулов, Е.К. Абеуова

О работе Международной летней школы «Археологическое наследие Сарыарки»

В рамках Ассоциации приграничного сотрудничества вузов Казахстана и России с 5 по 17 сентября 2013 г. в Павлодаре состоялась международная летняя школа «Археологическое наследие Сарыарки».

В прошедшей на базе Павлодарского государственного педагогического института летней школе приняли участие делегации из Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), Омского государственного университета им. Ф. Достоевского, Инновационного Евразийского университета (г. Павлодар), сотрудники Института археологии им. А.Х. Маргулана, Павлодарского областного историко-краеведческого музея им. Г.Н. Потанина, преподаватели колледжей и общеобразовательных школ г. Павлодар. Общее количество слушателей школы составило 35 человек.

Цель летней школы – создание площадки для развития научного сотрудничества приграничных вузов, повышения академической мобильности студентов и магистрантов.

Занятия состояли из трех этапов: аудиторных лекций, мастер-классов, выездных сессий на археологические памятники и полевого практикума. Тематика лекционных занятий включала в себя широкий спектр направлений от инновационных методик полевых исследований до актуальных проблем хронологии, периодизации и культурной принадлежности археологических памятников Обь-Иртышья. Большой интерес среди молодых археологов вызвали мастер-

Рис. 1. Слушатели летней школы в археологическом музее-аудитории ПГПИ

Рис. 2. Осмотр погребальных сооружений эпохи бронзы в горах Баянаул

Рис. 3. Расчистка руин сооружения из жженого кирпича на археологическом комплексе Бескарагай

Рис. 4. Участники летней школы на полевом практикуме

Рис. 5. Кинжалы и топор эпохи бронзы, найденные участниками летней школы на поселении Жертумсык

классы, посвященные использованию метода стереофотограмметрии в ходе полевых археологических работ, фиксации археологических находок и подготовке их к статистической обработке, методика полевых исследований памятников архитектуры средневековых кочевников Прииртышья.

Кроме лекций и мастер-классов состоялись выездные сессии на археологические памятники левобережного Прииртышья. Слушатели летней школы посетили стоянки каменного века на озере Кудайколь и наскальные рисунки Ак-Бидайык в Казахском мелкосопочнике, могильники эпохи бронзы на озере Сабындыколь, «курган с усами» на озере Торайгыр, пещеру «Коныр Аулие» и другие достопримечательности в горах Баянаула.

Практические занятия прошли на археологическом комплексе Бескарагай, изучаемом Иртышской археолого-этнографической экспедицией на границе Павлодарской и Восточно-Казахстанской областей. Сибирские исследователи побывали на раскопках древних и средневековых архитектурных сооружений в урочищах Тегистык и Караоба, познакомились с методикой поиска, расчистки и фиксации конструкций из сырцового и жженого кирпича. В результате раскопок собрана уникальная коллекция артефактов из металла и керамики, отражающая различные периоды археологии степного Прииртышья. В ходе работ группой молодых исследователей под руководством С.М. Ситникова на поселении Жертумсык собрана коллекция изделий из древней бронзы, представленная кинжалами,

топором-кельтом и нашивными бляхами. Разведочной группой под руководством И.В. Толпеко, С.Н. Иващенко, Т.А. Горбуновой выявлен ряд стоянок каменного века и осуществлен сбор подъемного материала. Участие в проведении полевого практикума специалистов по эпохе камня, бронзы, раннему железному веку и средневековью позволило сформировать целостное представление у слушателей школы как о методиках изучения археологических объектов различных археологических периодов, так и об археологических культурах Северо-Восточной Сарыарки.

По итогам работы школы состоялись пресс-конференция и круглый стол на тему «Проблемы сохранения культурного наследия Обь-Иртышья». Согласно принятой резолюции, летние школы должны стать регулярным форумом для профессиональных и начинающих исследователей из приграничных вузов Казахстана и Западной Сибири.

К.Н. Тихомиров

**Новые памятники южнотаёжного населения среднего
Прииртышья XV–XVIII вв.**

В период с 2010 по 2013 год на территории Среднего Прииртышья были выявлены и частично исследованы несколько памятников коренного населения. Наиболее важными из них являются: могильник Сеитово IV, городище Усть-Тамак II и поселение Бергамак XX в Тарском, Знаменском и Муромцевском районах Омской области соответственно.

Грунтовый могильник Сеитово IV. Располагался на краю низкой правобережной террасы в пойме р. Иртыш в 1 км к ЮЗ от крыльца каменного магазина в д. Сеитово. В этом месте местные жители в течение 20 лет берут грунт для своих нужд, вследствие чего здесь образовался карьер. При этом находят различные материальные остатки (подвески, стеклянные бусы, медные котлы и др.), а также человеческие кости. Одним из предметов, найденных на могильнике, стал металлический перстень (бронза), подаренный автору, который был передан на хранение в Музей народов Сибири ОНЦ СО РАН, где и хранится.

Перстень выполнен из бронзы, на его щитке выгравировано изображение кентавра с коротким копьём остриём вниз, в правой

руке и саблей остриём вверх обушком к телу в левой руке, поражающего змею копьём. Судя по имеющимся аналогам из европейской части России, данный перстень можно датировать XVI–XVIII веком и говорить о том, что он был импортирован. По мнению Б.В. Мельникова и Г.В. Холостых, перстни с геральдическими изображениями, мифологическими сюжетами (изображения кентавра, Георгия Победоносца) – «явно русские» [2, с. 210].

Кроме того, здесь нашли разломанный медный котёл и круглую бронзовую бляшку, являющуюся когда-то частью сложного украшения, о чём свидетельствуют 8 отверстий, к которым крепились другие части украшения. На одной стороне присутствует изображение Георгия Победоносца, поражающего змея. Это изображение практически полностью повторяет изображения на русских монетах начала – середины XVIII века [4, с. 149. рис. 100-3, с. 151, рис. 102, с. 153, рис. 103 и др.]. Вторая сторона без орнамента.

В 2013 году в ходе предварительных спасательных работ был обследован карьер и произведены раскопки на площади 32 кв. м, куда попали остатки могильного комплекса №1, состоявшего из могилы и остатков ровика, частично уничтоженного карьером. Анализ планиграфии показал, что площадка, оконтуренная ровиком, была покрыта слоем сажки, а могильное пятно было заполнено более светлым грунтом и оконтурено сажевым пятном. Это может свидетельствовать о том, что перед помещением трупа могильную яму, площадку и ровик вокруг нее обжигали. В могиле было совершено погребение предположительно женщины 25–30 лет по обряду трупоположение вытянуто на спине, головой на запад. Инвентарём погребения стали 3 бронзовых щитковых перстня, металлический нож, берестяной чехол с бисером из синего стекла, бронзовый напёрсток, обломки бронзовых серёжек в виде «?» и 2 серебряных деньги, выпущенные при Иване IV до 1547 года, найденные у челюстей.

Ещё одним памятником эпохи первых шагов российского населения в Среднем Прииртышье стало городище Усть-Тамак II. Указанный памятник располагается на высоком краю останца р. Иртыш, в правобережной пойме в 1 км к юго-западу от д. Усть-Тамак (Уш-Тамак в местной огласовке).

В настоящее время городище представляет собой площадку в виде сектора, с трех сторон окруженную валом шириной 3,5–4 м и высотой 40–50 см и рвом шириной 3–3,5 м в устье и 0,5 м на дне, глубиной 0,5 м. В его Ю части отмечается перемычка шириной 3,5 м. На

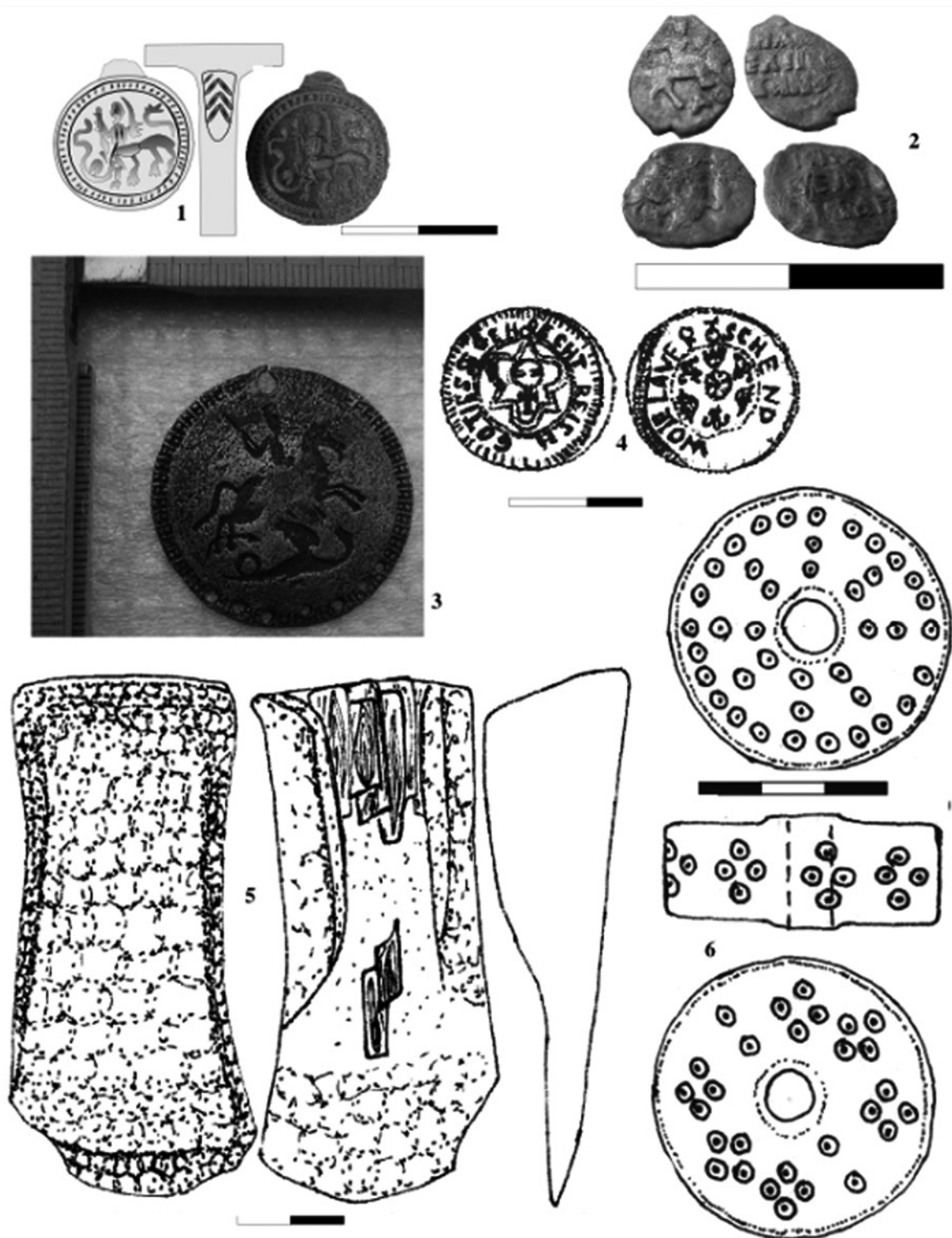

Рис. 1. Материалы из могильника Сеитово IV (1,2,3) и городища Усть-Тамак II (4,5,6).
1,3 – бронза, 2 – серебро, 4 – белый сплав (билон?), 5 – черный металл, 6 – кость.

дневной поверхности было зафиксировано девять подпрямоугольных насыпей. Размером 5,2–5,5 × 3,5–4 м. Высота над окружающей местностью 10–12 см.

Во время исследования культурного слоя в 2006 (12 м³) и 2010 (48 м³) году были получены материалы начального взаимодействия русского и татарского населения.

Наибольшую часть полученной коллекции составила керамика и кости животных. Большинство керамики это неорнаментированные фрагменты, находящие наибольшие аналогии среди так называемой «русской» керамики, получившей широкое распространение на этих территориях вместе с переселенцами из-за Урала. Кроме того, здесь были обнаружены несколько фрагментов толстостенной лепной керамики, с округлым венчиком. По форме этих фрагментов можно предположить, что эта посуда имела форму чаш. В верхней части сосудов, под венчиками эта посуда была орнаментирована рядом из ямок. Наибольшие аналогии такая посуда находит в материалах эпохи позднего средневековья Западной Сибири.

Кроме того, на памятнике было найдено несколько костяных изделий, в том числе обломков костяной ложечки, ближайšie аналогии которой известны на памятнике Зимние V, железных черешковых ножей с прямой спинкой, железного же кельта с несомкнутой втулкой, наконечники стрел, костяные проколки, бронзовый колокольчик, обрезки меди, металлическая пуговица, кусочки кремния, каменные и костяные напярсла. Одно из них, выполненное из рога, было украшено «циркульным» орнаментом. Указанные предметы имеют широкие аналогии среди материалов памятников эпохи позднего средневековья – нового времени Западной Сибири.

На городище были обнаружены остатки сооружения, выполненного из обожженной глины. Заполнено оно было кусками глиняной обмазки. Остатки сооружения из глины наиболее достоверно интерпретируются как обломки глиняной печи. Скорее всего, это была печь, типа чувала. Такие чувалы получают распространение в период позднего средневековья на обширных территориях Западной Сибири и сопредельных территориях [5; 3, с. 83, 180].

При исследовании сооружения был найден счетный пффенинг производства Вольфа Луафера. Такие счетные пффенинги производились Вольфом Лауфером в Нюрнберге в XVII веке [1, с. 111]. Такая находка позволила говорить о нижней дате функционирования городища. Наиболее полные аналогии указанный жетон находит в

инвентаре могилы 281 с курганно-грунтового могильника Окунево VII.

Поселение Бергамак XX. В 2012 году были произведены раскопки на указанном поселении. Они представили сложную картину его истории. Об этом свидетельствует полученная коллекция керамики. Здесь представлены несколько традиций.

Наиболее ранними здесь являются керамические изделия, находящиеся наибольшие аналогии среди материалов раннего железного (кулайская культура) века (фрагменты красного цвета плотно орнаментированные «уточкой», с плоским срезом венчика, также орнаментированного «уточкой», с горизонтальным рядом мелких ямочек в верхней части венчика).

Следующим комплексом (самым представительным) явился комплекс керамики финала развитого средневековья, представленный в скоплениях 4, 5 и некоторых других фрагментах. Срез венчика неорнаментированный плоский с небольшим карнизиком с внутренней стороны. Яркой иллюстрацией этого комплекса может выступать реконструированная часть сосуда из скопления керамики 4. Венчик сосуда отогнут. Он орнаментирован горизонтальными рядами косо поставленного мелкозубого короткого орнамента, каннелюрами, чередующимися рядами змейки, вероятно, полученной наклонением по вертикали мелкозубого орнамента. По первому каннелюру проходит ряд неправильно округлых ямок диаметром 3–4 мм и такой же глубины. Следует отметить, что, судя по данному фрагменту, орнаментировались только венчик и плечики сосуда. Лицевая сторона сосуда не дощилась. Такая керамика имеет широкие аналогии в эпоху развитого средневековья в XII–XIII вв. среди материалов усть-ишимской культуры.

Ещё одним комплексом явился комплекс керамики «таёжного типа», дощённый с крупным каплевидным штампом, который часто ассоциируют с «татарской керамикой», орнаментированной горизонтальными рядами косо поставленного крупного каплевидного орнамента. Такая орнаментация характерна для сосудов населения тайги в XVI–XVIII вв. Форму сосуда восстановить сложно. Отмечено лишь, что тесто более рыхлое с примесью крупного керамического шамота. Поверхность сосудов залощена.

Отдельным комплексом выглядит керамика с плоским неорнаментированным срезом венчика, с небольшим наплывом с лицевой стороны. Под срезом шёл горизонтальный ряд неправильных округ-

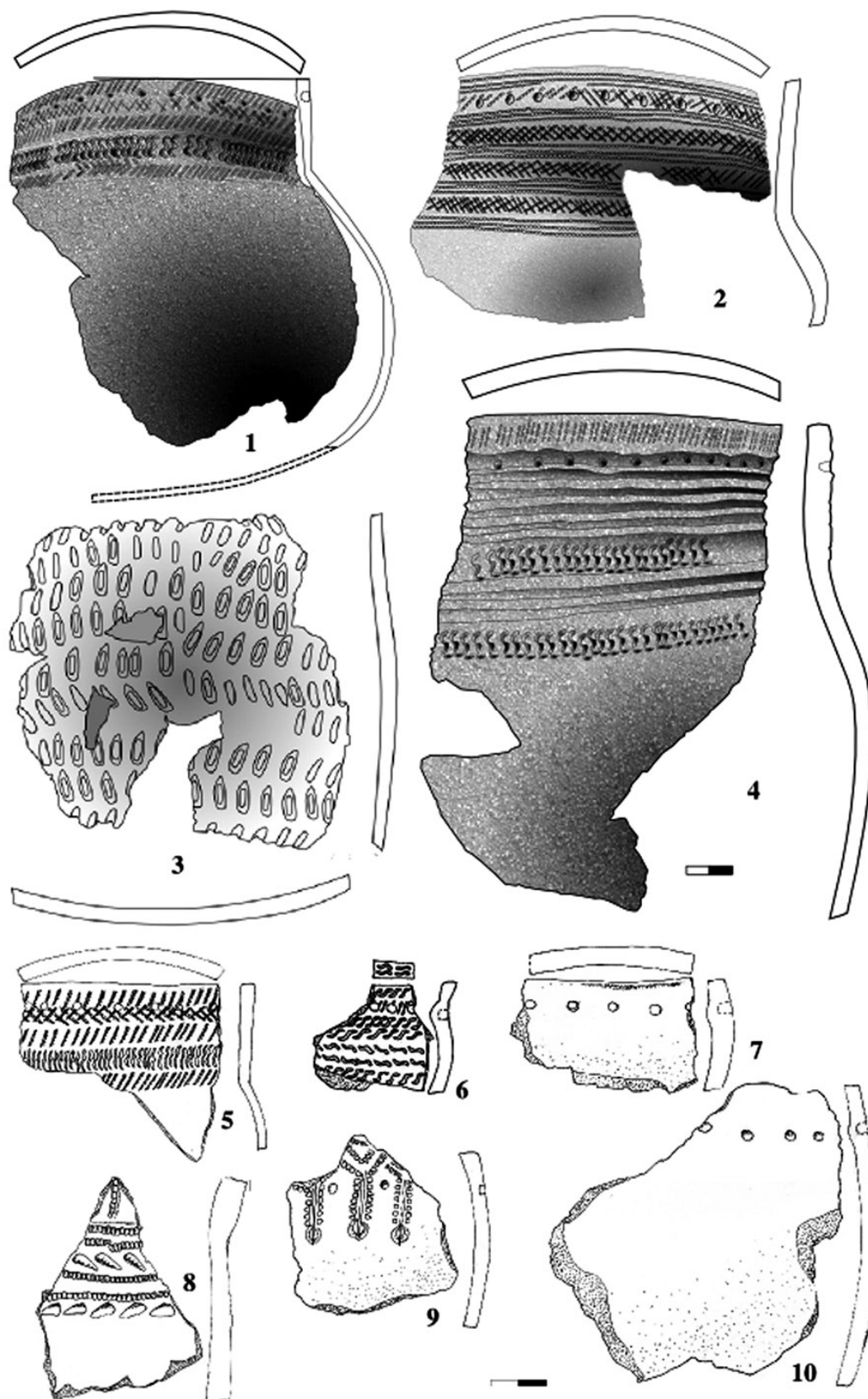

Рис. 2. Фрагменты керамики с поселения Бергамак XX.
 1 – скопление 5; 1 – керамика с раскопа; 3 – скопление 2; 4 – скопление керамики 4;
 5 – фрагмент венчика (кв. У-75); 6, 8, 9 – фрагменты сосуда из насыпи постройки;
 7, 10 – фрагменты из скопления 1.

лых ямок диаметром 3–4 мм и такой же глубиной. Такую же картину мы наблюдаем и на тулове сосуда. Отдельные фрагменты позволяют с большой осторожностью предположить о наличии такой картины в придонной части сосуда. Фрагменты позволяют говорить о том, что он имел чашеобразную форму с закрытой шейкой и округлым дном. Сосуд был выполнен из хорошо промешанного теста и имел равномерный обжиг. Лицевая сторона сосуда была ангобирована и залощена.

Ещё одним крайне бедным керамическим комплексом представлены «усть-ишимские» древности. Это два фрагмента керамики с выраженными фестонами и рядами крупно-зубого штампа.

Таким образом, керамическая коллекция иллюстрирует сложную историю памятника. Однако наибольшее количество керамических изделий имеет аналогии в материалах финала развитого средневековья и может датировать памятник XIV–XV вв. Хотя он посещался и позже, возможно, в первой половине XVII вв.

Инвентарь, представленный в коллекции, невыразительный (керамическое лощило на неорнаментированном фрагменте сосуда и прямоугольный оселок имеют широкие аналогии среди материалов широких хронологических границ и имеют аналогии во множестве археологических культур).

Традиции домостроительства, представленные на памятнике (устройство слабоуглубленного в материк котлована с последующей подсыпкой и устройством по периметру ям в материке у углов насыпи) более универсальны и могут выступать этнокультурным и хронологическим маркером лишь в совокупности с другими материалами.

Анализируя материалы могильника Сеитово IV, городища Усть-Такмак II и поселения Бергамак XX, можно прийти к заключению, что памятники датировались XV–XVIII веком. Их коллекции содержат материалы, как существовавшие в культуре дорусского населения (костяные изделия на городище, железный кельт с несомкнутой втулкой, медный котёл, берестяная сумочка с бисером и др.), так и включенные в повседневность предметы пришельцев (керамика, счетный пффенинг, деньги времени правления Ивана IV, щитковосерединные перстни, бляшка с изображением Георгия Победоносца и др.). Наиболее ранним из них выглядит поселение Бергамак XX, культурные слои которого не содержат материалы «русского» производства. Таким образом, ранние материалы этих памятников мар-

кируют собой начало взаимодействия пришлой и местной культуры, и их дальнейшее исследование может предоставить более полную картину этих процессов.

Источники и литература

1. Корусенко М.А., Милищенко О.А. Счетные пфенниги из памятников в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2002. т. 5. С. 110–121.
2. Мельников Б.В., Холостых Г.В. Украшения позднего комплекса Окуневского могильника Ом VII // Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск: Наука, 1994. – 223 с.
3. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. II. Поселения и жилища. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 286 с.
4. Спасский И.Г. Русская монетная система: Историко-нумизматический очерк. Л., 1962. – 256 с.
5. Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы по этнографии барабинских татар // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 16. С. 176–205.

А. Н. Телегин

Курганная группа Паклино-1 – новый объект на археологической карте Алтайского края

Одним из направлений деятельности Степного отряда археологической экспедиции АлтГПА (рук. автор) является поиск ранее неизвестных археологических памятников. Весной 2013 года с этой целью были обследованы окрестности села Паклино Баевского района Алтайского края. В результате осуществленных работ, в десяти километрах к северо-востоку от указанного села, на пашне был обнаружен курганный некрополь, на территории которого визуально прослеживались насыпи трех курганов (рис. 1).

Курган №1 является самым южным в группе, его координаты по GPS-навигатору: N 53°09.507' E 081°11.407' (рис. 1). Насыпь кургана имеет округлые очертания, диаметром 25,0 м, высотой 1,5 м. Курган не распаивается, его поверхность хорошо задернована (рис. 2). В центре насыпи присутствует хорошо читаемая воронка, которую окружают еще шесть воронок, расположенных по кругу.

Курган №2 расположен в 77-и метрах к северо-западу от кургана №1, его координаты по GPS-навигатору: N 53°05.690' E 08°47.576'

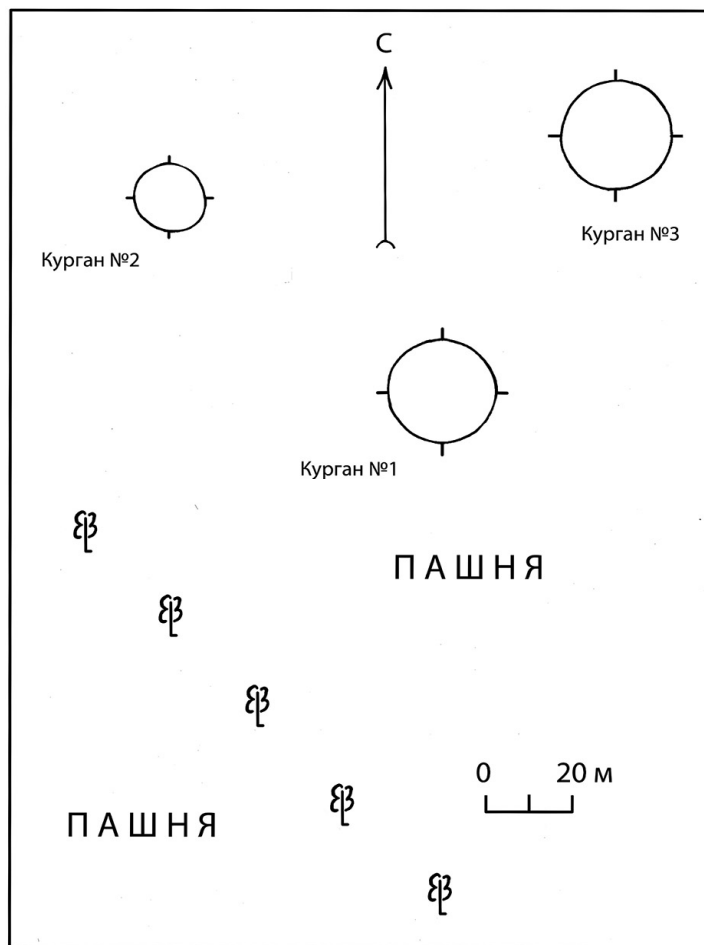

Рис.1. Курганная группа Паклино 1. План могильника.

(рис. 1). Насыпь кургана имеет округлые очертания, диаметром 17,0 м, высотой 1,2 м.

Курган не распаивается, его поверхность хорошо задернована. В центре насыпи присутствует хорошо читаемая воронка, еще одна воронка расположена в северном секторе кургана.

Курган №3 расположен в 70-и метрах к северо-востоку от кургана №1, его координаты по GPS-навигатору: N 53°09.527' E 081°11.445' (рис. 1). Насыпь кургана имеет округлые очертания, диаметром около 30,0 м, высотой 0,5 м. Поверхность насыпи подвергается ежегодной распашке (рис. 3).

Рис. 2. Курганная группа Паклино 1. Курган №1, вид с южной стороны.

Рис. 3. Курганная группа Паклино 1. Курган №3, вид с юго-западной стороны.

ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АУЫЗША ТАРИХ

ЭТНОГРАФИЯ И УСТНАЯ ИСТОРИЯ

А.Т. Абдулина

Методология и методы этносоциологических исследований

Этносоциология по историческим меркам сравнительно молодая научная дисциплина, так называемый «рубикон». Точкой отсчета для ее появления в СССР, по мнению большинства российских ученых, является начало 1960-х гг., когда в научный оборот включается термин «этносоциология» и ясным становится контур этносоциологических исследований, их методология и методика [1].

Отметим, что в Советский Союз новомодное западное течение в социологии пришло во время хрущевской «оттепели», реабилитировавшей социологию, что позволило Институту этнографии АН СССР обратиться к предметному полю этносоциологии урбанизированного советского общества. Главным инициатором и вдохновителем таких исследований стал директор института, маститый советский этнолог Ю.В. Бромлей, набравший команду из перспективных социологов И.С. Кона, О.И. Шкаратана, Ю.В. Арутюняна, исследовательский интерес которых фокусировался в области социологии личности, урбансоциологии, сельской социологии, а также молодых этносоциологов, среди которых М.Н. Губогло начинал работать в области языковых процессов, Л.М. Дробижева изучала межличностные национальные отношения [2, с. 12]. Методологическая база изучения современных этнических процессов, динамики этнического состава населения (рождаемость, смертность, естественный прирост) была заложена в работах В.И. Козлова, Л.В. Хомич [3].

Обобщающими трудами по этническим процессам стали коллективные монографии «Современные этнические процессы в СССР», «Этнические процессы в современном мире», вышедшие в середине 1970-х – конце 1980-х годов [8]. В этих трудах была представлена полная классификация этнических процессов, которые были подразделены на этноэволюционные и этнотрансформационные [4, с. 16]. Был дан анализ проявлений современных этнических процессов в материальной и духовной культуре различных этносов, языковой жизни, семейно-бытовой и обрядовой сфере. Несмотря на огромную научную и практическую значимость первого коллективного исследования, его недостатком является явная тенденциозность авторов, когда из всех видов этнических процессов на первое место ставились ассимиляционные в угоду советской доктрины «советского

народа» и «общесоветской культуры», нивелирующей самобытность культур различных этносов.

В начале 1990-х годов начался совершенно новый этап исследования этнических и этнокультурных процессов. Распад Советского Союза, появление молодых суверенных государств, демократизация политической жизни, рост межэтнических конфликтов – все эти бурные политические события вызвали рост этнического самосознания, чем воспользовались элиты этнических общностей для реализации политических целей. Настало время для объективного анализа, избавленного от влияния идеологических штампов, национально-языковых отношений, перекосов в национальной политике (русификация в языковой сфере, сокращение сети национальных школ, отсутствие внимания к развитию культуры малых народов и др.). Л.М. Дробижева, М.Н. Губогло опубликовали содержательные статьи в сборниках «Современные этнические процессы в СССР и СФРЮ» и «Национально-языковые отношения в СССР. Состояние и перспективы» [5].

В настоящее время наиболее устоявшейся точкой зрения на предмет этносоциологии является определение Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой и А.А. Сусоколова: «...изучение социальных аспектов развития и формирования этнических групп, их идентичности, интересов и форм самоорганизации, закономерностей их коллективного поведения, взаимодействий этнических групп, взаимосвязей личности, включенной в эти группы, и социальной среды» [6]. Приведенная дефиниция подчеркивает междисциплинарность новой дисциплины, использующей инструментарий социологии и этнологии в изучении этносов в моно- и полиэтнических средах, акцентируясь не на этнокультурной проблематике, где в качестве основного предмета является выявление традиций и инноваций, а на социологической. Именно поэтому в этносоциологических исследованиях объект изучается через личность, включенную в этническую группу, которая является элементом социальной структуры общества, погруженного в определенный исторический контекст.

Проблематика этносоциологических исследований первоначально была очерчена следующим кругом вопросов: социальная структура этносов и наций, их мобильности в многоэтническом обществе; этнические особенности социальных изменений (прежде всего, в среде русских и титульных этносов республик, а также в диаспорах), тенденции в профессиональных ориентациях, темпы социаль-

ных перемещений в этнических группах, внутриреспубликанская и общесоюзная миграция, этническая специфика внутрисемейных отношений; тенденции изменений в использовании русского языка и языков титульных народов республик и диаспор в различных социальных группах; соотношение современной и традиционной культуры в социальных группах; роль традиционализма в политической жизни и социальном поведении; межкультурные взаимодействия, проблемы межкультурных границ, роль религии в культурной дистанции; этническое самосознание, авто- и гетеростереотипы, внутриэтническая солидарность; этнические интересы и установки на межэтническое общение, межэтнические ориентации, толерантность и нетерпимость, проблемы национализма, социальные и социально-психологические основы межэтнических конфликтов [7].

Особое внимание этносоциология уделяет изучению механизма взаимосвязи собственно этнических и социальных явлений в современном обществе – этнических процессов в различных социальных группах и социальных процессов в различных этнических общностях. По словам Г.Т. Тавадова, этносоциология стремится раскрыть социальную обусловленность этнических черт культуры и быта, ценностных ориентаций, трудового и досугового поведения, обычаев, обрядов, межличностных этнических отношений, выявить этнические особенности таких явлений и процессов, как отраслевая и профессиональная занятость, миграционная и трудовая мобильность, демографическое и социальное воспроизводство и т.д. Поскольку этническая специфика наиболее наглядно проявляется в сфере культуры и быта и воспроизводится прежде всего через семью, постольку в этих областях и сосредотачиваются исследования по этносоциологии [8, с. 27].

В начале 1990-х годов круг проблем этносоциологии пополнился новыми, возникшими на постсоветском пространстве, а именно: социальные аспекты конфликтных ситуаций и постконфликтного урегулирования; реакция социальных групп на обретение государственного суверенитета, придание языку титульного этноса статуса государственного языка, возрождение национальной культуры; влияние новых социальных иерархий на межэтнические отношения, в том числе представленность во властных структурах этнических групп, т. е. вопросы доступа во власть для представителей различных этносов в суверенных республиках; новые статусные роли взаимодействующих групп; экономический национализм, т. е. мобили-

зация этнических чувств для получения права контроля за ресурсами (готовность этноса заниматься определенным бизнесом); формирование новых идентичностей и солидарностей (к примеру, на профессиональной, политической почве), соотношение гражданской, региональной, этнической, а также амбивалентной идентичностей; социальная обусловленность толерантности и инотолерантности; внутриреспубликанская и межреспубликанская миграция в РФ, межгосударственная миграция; социальные аспекты адаптации новых миграционных потоков; роль традиционализма в процессах модернизации, постиндустриальном развитии [9, с. 19].

Как мы видим, этносоциология с помощью методики социологических исследований исследует социологические параметры общества через призму этничности, а также проявления этничности в иерархии социальных структур. Историческое развитие в советский период, процессы глобализации привели к чрезвычайной этнической мозаичности евразийского пространства, что привело к уточнению предмета этносоциологии, изучающей этносоциальные процессы не в этноцентрированном русле, как это свойственно этнографии, а в аспекте полиэтничности локальной социальной общности.

Междисциплинарность этносоциологии предопределила использование историко-этнографических (метод системного анализа, ретроспективный, сравнительно-исторический, проблемный, метод полевого наблюдения и пр.) и специфических социологических методов (массовые этностатистические опросы в виде анкетирования и интервьюирования, глубинные проблемно ориентированные, полуструктурированные интервью, контент-анализ текстов, включенное наблюдение, шкалирование, тестирование и пр.). В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в секторе социологических исследований Института этнографии АН СССР Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева на страницах своих публикаций [10] обобщили результаты применения новейших математико-статистических методов в этносоциологических исследованиях на основе обработки данных электронно-вычислительными машинами (ЭВМ). Методика анкетирования респондентов на основе стандартизированных анкет Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, Л. Перепелкина, В.В. Пименова была детально опробована советскими исследователями в Удмуртии, Чувашии, Кабардино-Балкарии, Ереване [11]. Если вначале массовые исследования проводились в рамках отдельных республик, то в последующем Институт этнографии АН СССР осуществил сравнительные межреспубликан-

ские исследования. Социологические методы дают результаты качественно-количественного характера, удобные для статистического анализа и теоретических обобщений. Метод контент-анализа был впервые применен в 1967 г. при проведении этносоциологического исследования в Татарской АССР, когда тексты республиканских газет, радио- и телепередач анализировались путем подсчета частоты употребления ключевых слов, характеризующих этносоциальные процессы в республике [12, с. 36].

В начале 1990-х гг. в связи с падением «железного занавеса» и налаживанием научно-интеллектуальных контактов с Западом постсоветские исследователи познакомились с методами буржуазной социологии. В этносоциологических исследованиях нашел некоторое применение метод американского социолога Эмори Богардуса по измерению социальных дистанций, разработанный в 1925 г. с целью изучения вопросов расовой, этнической толерантности. В 1940-е годы американский психолог Луи Гуттман предложил так называемый шкалограммный анализ для изучения социальной установки при определении социальных дистанций [13]. По мнению В. Евтуха, весьма продуктивными методами западной социологии являются автобиографический и фотографический при изучении мигрантских групп и диаспор [14, с. 11].

Довольно разнообразен круг источников при проведении этносоциологических исследований, включающий архивные источники (документы ведомств по вопросам этнической политики, миграции, межэтнических отношений, социальной мобильности и пр.), документы архивов отделов ЗАГСов, материалов похозяйственных и домовых книг, опубликованные источники (переписи населения, статистические сборники документов) [15]. Несомненно, что этносоциологические исследования, затрагивающие большие группы людей в условиях мультикультурного и полиэтнического общества, требуют массовых источников.

Источники и литература

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект пресс, 1998. 271 с.; Татунц С.А. Этносоциология: Учеб. пособие для студентов. М., МАЛП, 1999. 140 с.; Евтух В. Этносоциология: объектно-предметное поле и перспективы исследований // Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. №2. С. 5–16.

2. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социология: теория, методы, маркетинг. 2000. №2. С. 11–21.

3. Козлов В.И. Современные этнические процессы в СССР. (К методологии исследования) // Советская этнография. 1969. №2. С. 15–21; Хомич Л.В. О содержании понятия «этнические процессы» // Советская этнография. 1969. №5. С. 19–24; Козлов В.И. Этническая демография. М.: Финансы и статистика, 1982. 303 с.
4. Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975. 543 с.; Этнические процессы в современном мире. М.: Наука, 1987. 446 с.
5. Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975. 543 с.
6. Дробижева Л.М. О тенденциях в этническом самосознании русских на рубеже последнего десятилетия XX в. // Современные этнические процессы в СССР и СФРЮ. М., 1992. С. 19–23; Губогло М.Н. Свет и тени двуязычия (к изучению современных этнических процессов в СССР) // Современные этнические процессы в СССР и СФРЮ. М.: Российская Академия наук, 1992. С. 34–65; Национально-языковые отношения в СССР. Состояние и перспективы-вы. – М.: Наука, 1989. 223 с.
7. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., и Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. М.: Аспект пресс, 1999. 271 с. [Электронный ресурс] // Сайт «Socioline.ru». Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/yuv-arutyunyan-etnosotsiologiya>, свободный.
8. Тавадов Г.Т. Этнология: учеб. М.: Дашков и К, 2009. 408 с.
9. Дробижева Л.М. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Научный Татарстан. 2011. №2. С. 19–28.
10. Арутюнян Ю.В. Конкретно-социологическое исследование национальных отношений // Вопр. философии. 1969. №12. С. 37–45; Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования) // Советская этнография. 1972. №3. С. 3–11; Дробижева Л.М. О применении конкретно-социологических исследований для изучения национальных отношений // Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства. Вып. 2. М., 1968. С. 48–54.
11. Этнические процессы и образ жизни: На материалах исследования городов БССР. Минск: Наука и техника, 1980. 280 с.; Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. М.: Наука, 1977. 262 с.; Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. 240 с.; Население Еревана: Этносоциологическое исследование. Ереван: АН Армянской ССР, 1986. 248 с.; Дробижева Л.М. Духовная общность народов СССР: Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Наука, 1981. 270 с.; Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик: Б.м., 1981. 173 с.
12. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М.: Наука, 1984, 255 с.
13. Богардус, Гуттман [Электронный ресурс] // Сайт «Словари и энциклопедии на Академике». Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy, свободный.
14. Евтух В. Этносоциология: объектно-предметное поле и перспективы исследований // Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. №2. С. 5–16.
15. Трофимова А.Г. Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник // Советская этнография. 1965. №5. С. 114–121; Кондратьев В.С. К методике обработки похозяйственных книг в этносоциологическом исследо-

вании // Вопросы методики этнографических и этносоциологических исследований М., 1970. С. 91–95; Калышев А.Б., Кондратьев В.С. Этносоциологическое исследование в Казахской ССР (методика и инструментарий) // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1989 гг. Тезисы докладов. В 3-х частях. Алма-Ата, 1991. Ч. 1. С. 37–38.; Гали А.Б., Калышев А., Каражанов К.С. История переписей населения и этнодемографические процессы в Казахстане. Алматы, 1998.

Е.К. Абеуова

**Культовые памятники «Аулие»
как один из маркеров кочевой цивилизации:
по материалам этнографических исследований
в Степном Прииртышье¹**

За последние несколько лет на территории степного Прииртышья с целью выявления и изучения культовых памятников «Аулие» были проведены этно-археологические исследования. В результате данных работ было изучено около 10 культовых объектов на территории Павлодарской области и г. Семей Восточно-Казахстанской области. Сделана фотофиксация данных объектов, собраны письменные и устные источники, а также типология культовых памятников.

По итогам исследований было выявлено, что «Аулие» это культ святых, занимаемое особое место в религиозных верованиях тюркоязычных народов. Культ святых имел в своей основе почитание предков-посредников, духов-покровителей местности и был связан с пониманием благополучия как отдельных семей, так и рода. Поклонения святым, паломничество к местам, связанным с их именами, стало нормой религиозного поведения мусульманина и до сих пор широко распространенная традиция.

Данная традиция распространена не только в Казахстане, но и в других странах, где исходят импульсы распространения исламской религии. Но называется данный культ по-разному. Например, в Казахстане святые гробницы обычно называются *зират*, в Средней Азии и в Восточном Туркестане для обозначения исламских святынь наиболее распространен термин *мазар*, а в диалектах сибирских татар устойчиво присутствует слово *астана* [1, с. 384].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК по бюджетной программе 120 «Грантовое финансирование научных исследований» по теме: «Степная зона Казахстана и ее роль в возникновении и историческом развитии тюркских государств и кочевой цивилизации».

Несмотря на довольно своеобразное наименование исламских святилищ, следует подчеркнуть, что по своим функциям эти памятники были аналогичны культовым сооружениям, получившим распространение практически везде в рамках традиций культа святых в исламе.

Культовые объекты сохранились до настоящего времени повсеместно и продолжают активно функционировать. Святые места, расположенные на территории Степного Прииртышья, посещаются представителями различных этносов. Если сделать типологию культовых памятников, то можно выделить следующие виды:

а) Природные памятники, к ним мы относим священные пещеры, святые камни, святые деревья и озера.

б) Персонифицированные, то есть памятники святых людей, распространителей ислама и т. д.

с) Древние верования угадываются в культе пещер. Например, в Баянаульском районе Павлодарской области и Абайском районе Восточно-Казахстанской области есть пещеры с одноименным названием «Коныр аулие».

Пещера Коныр аулие, расположенная на территории Абайского района Восточно-Казахстанской области, находится в горе Актас. Протяженность ее 129 метров, включая озеро 25×20 метров нижнего грота [2, с. 4]. По свидетельству старожилов, в сравнительно недалеком времени внутри у входа стояло пятнадцать каменных изваяний, но на сегодняшний день эти изваяния не сохранились. Вход в пещеру очень узкий, сама пещера представляет большое помещение. Внутренняя часть заполнена камнями. Озеро расположено в глубине пещеры. На сегодняшний день она является местом поклонения. Люди, посещающие пещеру, в обязательном порядке должны окунуться в воду: по поверьям людей, вода здесь священная и излечивает от всех болезней. Сведения о данной пещере встречаются и в до-революционных источниках, например, в статье В.А. Брюханова «Конур аулие»: *«Вход в пещеру расположен с южной стороны Актаса, немного повыше того места, где Чаганка ударяет в подножье гор. Близ входа находится большое старинное калмыцкое кладбище с обычными каменными бабами и другими надгробными памятниками той эпохи. Среди киргиз пещера эта считается святым местом «аулие», так как чудотворно действует на женщин, не рождающих детей»* [3, с. 3].

На территории Баянаульского района Павлодарской области есть пещера с аналогичным названием «Коныр аулие». Находится в

Рис. 1. Внешняя часть пещеры Конур аулие. ВКО, Абайский район.

Рис. 2. Внутренняя часть пещеры Конур аулие. ВКО, Абайский район.

17 км к северо-востоку от села Баянаул. Длина пещеры 30 м, ширина у входа 1,8–2,5 м. Сюда приходили люди лечиться, здесь скрывались от джунгар местные жители. О нем было написано Н. Коншиным в его труде «От Павлодара до Каркалинска»: *«Пещера находится выше, чем на середине горы и кажется издали какой-то черной дырой. Вход в пещеру значительно выше роста человека, имеет треугольную форму. Пещера носит ясные следы частого посещения ее казахами. К ней ездят молиться больные и просто бедные казахи, а главным образом бездетные женщины. Молиться в таких местах особенно полезно»* [4, с. 30–31].

Если сравнить функции этих двух пещер, то можно отметить, что первая пещера функционирует больше как лечебная, так как имеет большое озеро внутри. А вторая пещера больше значение имеет как святое, потому что, по поверьям местных жителей, здесь когда-то жил святой человек.

Древние верования казахов связаны с элементами природы, от которых зависела жизнь человека. К таким природным объектам мы можем отнести святые озера. Святые озера обладали невероятными целебными свойствами, в основном это были соленые озера в состав которых входили различные минералы, грязи. Но помимо соленых озер есть также пресные озера.

Озеро Аулиеколь. находится на северо-западе сельской зоны г. Экибастуз Павлодарской области. Площадь 7,48 км². Длина 273 м. Озеро имеет овальную форму, берега низкие [5, с. 38]. По сведениям информаторов, озеро имеет лечебные свойства. Святой водой лечат различные кожные заболевания, травмы. Купание в этом озере благоприятно влияет на здоровье человека.

Среди культовых мест «аулие» есть очень интересные памятники природы, так называемые святые камни. Эти святые камни являются пережитками доисламских верований, так как у древних людей было представление о существовании души, духа у каждой вещи. Поэтому они верили в святые силы неодушевленных камней.

Камень святого Туйте расположен на берегу оз. Аулиеколь, вблизи с. Каражар Павлодарской области. Памятник представляет остатки двух больших камней. В настоящее время эти камни лежат на земле, и местные жители сделали ограждение. Впервые святой Туйте упоминается в работе Н. Коншина: *«В Аккульской волости могильные курганы, в числе трех, расположенных в линию с востока на запад, находятся в пределах седьмого старшинства на ур. Сары-оба. На вершинах курганов есть небольшие углубления в виде котла. В пределах то-*

Рис. 3. У входа в пещеру Конур аулие.
Павлодарская область Баянаульский район.

Рис. 4. Внутренняя часть пещеры Конур аулие.
Павлодарская область Баянаульский район.

го же страшиинства около оз. Аулиэ-куль (святое озеро) есть небольшой курганчик, под которым погребен, по рассказам киргиз, святой (аулиэ) Туйтэ. Могилу этого святого (т.е. курган) киргизы очень почитают, совершая над ней моления и пр.» [6, с. 11]. Мимо святого камня местные жители никогда не проезжают, совершают над ним моления, просят об исполнении желаний.

Культ предков занимал заметное место в верованиях казахов. В трудные минуты жизни казахи призывают имя своих предков. Над могилой возводились постройки из сырцового кирпича, мавзолеи или курганы – в зависимости от социального положения усопшего. Такие святыне памятники мы относим к персонифицированным.

В этой связи мы обратимся к рассмотрению некоторых типов погребальных сооружений у казахов. Они представляют значительный интерес как культовые объекты, непосредственно связанные с культом умерших и предков. В результате этнографических исследований Степного Прииртышья в некоторых регионах была выявлена субэтническая группа – кожа.

Субэтническая группа кожа является одним из авторитетных социальных страт традиционного казахского общества. Их происхождение не относится к генеалогическому древу казахского народа. Свое происхождение они связывают с именами четырех последователей пророка Мухаммеда (с. а. у.) Абу-Бакиром, Омаром, Османом, Азрет Алием. Формирование субэтнической группы кожа в Казахстане берет истоки с средневекового периода, в тот момент их деятельность была связана с миссионерством, религиозной деятельностью, просветительством в казахском обществе. Кожа, выделяясь как аристократическая социальная группа, не сватались с представителями казахского народа, тем не менее на протяжении веков они слились генеалогическими связями с казахским народом. Однако по сравнению с общей характеристикой казахского народа среди субэтнической группы кожа часто встречаются родственные браки. Кожа выполняли функции сбора зекет, исполнение правил ислама, распространения мусульманской религии среди казахов. Субэтническая группа кожа расселена по всей территории Казахстана. В крупных аулах Казахстана проживает хотя бы одна семья представителей этой группы. В настоящее время в северных регионах Казахстана кожа слились с представителями казахских родов и потеряли свою значимость как субэтническая группа.

Рис. 5. Озеро Аулиеколь. Павлодарская область, Екибастузский район.

Рис. 6. Памятник Святого Туйте. Павлодарская область, Екибастузский район.

Рис. 7. Мазар Машһур Жусуп Копеева. Павлодарская область, Баянаульский район.

Одним из таких интересных памятников является мазар Исабек ишана. Он был представителем субэтнической группы кожа. Мазар Исабек ишана расположен в местечке Аяк, духовный деятель Акколь-Жайильмы (сельская зона г. Екибастуз, степная часть Актогайского района Павлодарской области). Он был одним из первых распространителей ислама в степных краях Прииртышья. Почитаемый как святой Жемис ата был продолжителем дела Исабек ишана. На современном этапе данные памятники являются культовыми, по статусу они рассматриваются как святые и по сей день почитаются местными жителями.

Хотелось бы отметить, что на территории Павлодарской области есть памятник, построенный в честь поэта, публициста, этнографа и фольклориста М.Ж. Копеева. Историческое наследие М.Ж. Копеева, имевшего обширные познания в области казахской этнографии, исторического фольклора и генеалогических преданий, является ценным источником по различным аспектам этнической истории Казахстана.

Мазар, где захоронен М.Ж. Копеев, представляет собой небольшую постройку на холмике, а в углублении – небольшая усыпальница. Он умер и был похоронен, по его завещанию, в открытой гробнице. 21 год тело его лежало открытым и не портилось [7, с. 4]. Окрестные и дальние жители считали его святым и приходили молиться. Данный мазар стал местом поклонения и паломничества.

В заключение хотелось бы отметить, что цивилизация как социокультурная система предполагает единство и материальных, и духовных составляющих. Как один из маркеров кочевой цивилизации культовые памятники «аулие» имеют непосредственную роль в изучении Степного Прииртышья и позволяют нам использовать заложенную в них информацию для исследования исторического прошлого нашего региона.

Источники и литература

1. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Понятие «Астана» в евразийском культурном пространстве // Казахи России: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2010. Т. 2. 384 с.
2. Карибаев Б.Х. Сакральные истины топонимики Чингистау. Семей: 2004. С. 6.
3. Брюханов В.Н. Конур аулие // Записки Семипалатинского подотдела Русского географического общества. Вып. VI. Семипалатинск, 1912. 5 с.
4. Коншин Н. От Павлодара до Каркалинска // Труды по казахской этнографии. 2-е изд. Т. 7. Астана : Алтын кітап, 2007. 310 с.
5. Галаева И.Ф., Гуляко З. Н. География Павлодарской области : учеб. пособие. Павлодар: Роскартография, 1996. 165 с.
6. Коншин Н. Памятники старины в Семипалатинской области // Записки Русского географического общества, 1903. 11 с.
7. Приймак Д. Урочище Ескелды // Звезда Прииртышья. 2001. № 3. С. 4.

Д.В. Алекса

Возрождение жизни в сельских православных приходах Алтайского края на примере с. Новогорьевского

В 1920–1930-е гг. после установления советской власти на территории бывшей Российской империи было положено начало процессу разрушения церквей. В 1990-е годы стал происходить обратный процесс – восстановление церквей и храмов.

В 2013 г. в ходе историко-этнографической экспедиции АлтГПА студентами был собран устно-исторический материал и фотоколлекция о разрушении старой церкви в с. Новогорьевском и о возрождении церковного прихода и о возведении нового храма. По рассказам местного населения, старая церковь была расположена в центре современного села (улица Машенцева), сейчас на ее месте парковая зона и здание районного музея. Поэтому место для нового храма

выбрали другое – в стороне от центра. «Старая» церковь сгорела при пожаре, жители вспоминают, что «тогда еще полсела сгорело вместе с ней». Существует легенда, говорят прихожане церкви Николая Чудотворца, что ангелы живут 100 лет на том месте, где ранее была церковь [1].

Инициатива восстановления церковного прихода в Новоегорьевке исходила «снизу», от народа.

Староста церкви Святого Николая Чудотворца А.В. Гюнтер рассказывает: «В 1998 году стали строить церковь, если бы не глава администрации А.С. Крючков, то храма бы не было. Площадку готовили под храм, здесь раньше был комбинат КБУ». Новое место для церкви готовили тщательно: во-первых, искали в центре села, во-вторых, искали относительно большую территорию, в-третьих, чтобы территория не использовалась долгое время. Именно таким местом стала бывшая территория коммунального управления села. А.В. Гюнтер продолжает: «27 января 1998 года получили на строительство благословение от Барнаульской епархии, первоначально проект был один, но потом мы его чуть изменили. Архитектор церкви – П.Г. Савицкий. Помогал и рубцовский настоятель протоиерей Михаил Кизюн» [2].

Успех начатого дела во многом обусловлен тем, что староста церкви, – Александр Владимирович Гюнтер, интересный и увлеченный человек. Он отдает много сил храму, можно сказать, болеет душой за него. Родился Александр Владимирович в Егорьевском районе, в селе Лебяжье в 1953 году, родители его были депортированы на территорию Алтайского края в годы Великой Отечественной войны – отец с Северного Кавказа, мать с Поволжья. После армии занимал руководящие посты в администрации села, в постсоветское время возглавлял крестьянско-фермерское хозяйство. На момент проведения интервью в июле 2013 г. 4 года являлся старостой церкви: «Жена попросила, она первая сюда пришла – будь [старостой], и вот уже 4 года» [2].

Среди жителей бытует разное мнение о том, кому первоначально принадлежит идея восстановления храма. Одни называют редактора местной газеты В.Б. Марченко, рассказывает В.П. Лифинцев: «Он [В.Б. Марченко] предложил главную идею, что в Егорьевске должна быть церковь» [3]. Другие упоминают главу администрации села. Конечно, сейчас трудно найти автора идеи о возведении церкви. Невозможно начать такое «великое дело» без помощи властей,

но и без инициативы «снизу» – желания народа, вряд ли получилось бы.

Долгое время после возведения стен храма стройка стояла «замороженной», но созданный приход действовал. Вспоминает Вера Михайловна Гюнтер: «Отец Александр был у нас настоятелем 9 лет, если честно, то храм у нас никуда не продвигался, потом с него сан сняли, и он [отец Александр] ушел к староверам, сейчас живет где-то в Солонешенском районе» [1]. А.В. Гюнтер рассказывает: «Ремонт стали делать при отце Илье, он три года ездил с Рубцовска [на службы], денег не брал, только на бензин [для машины в поездках между Егорьевским и Рубцовском]. Именно тогда мы стройку и развернули» [2]. Отец Илья каждое воскресенье и каждый «большой» православный праздник приезжал в село, хотя условий для ведения службы в недостроенном храме не было. Продолжает: «Он [храм] не был обшит, не утеплен, отопления не было, зимой в валенках, в шубах стояли, а сейчас тепло, мы его [храм] утеплили, обшили, все благодаря отцу Илье» [2].

А начало строительству храма положило открытие прихода в Егорьевке в начале 1990-х гг. Из рассказов жителей, первоначально в селе Новоегорьевском появился молебный дом на улице Советской, под него отдали художественную мастерскую. Первым священнослужителем стал отец Геннадий, «что только про него не говорили, но он все выдержал», – рассказывает А.В. Гюнтер [2]. А к середине 1990-х гг. появилось желание построить храм: «В 1995 году приезжал в село служитель Михаил с Рубцовска, освящал нам воду, и мы попросили его, чтобы нам здесь поставили церковь или часовню, – вспоминает Г.Г. Пронина. – Где-то примерно в 2000 году 22 декабря на Николая Чудотворца мы перешли в эту церковь, шли крестным ходом с иконами, тепло, снежок. Так охота было до новой церкви дожить» [5]. Галина Григорьевна до сих пор со слезами на глазах вспоминает этот момент: «Я готовила, варила и угощала, и ездила пшеницу везде выпрашивала, только чтобы муку продать, а деньги на строительство церкви», – продолжает в интервью Г.Г. Пронина [5]. Жители села добровольно оказывали помощь при возведении храма: деньгами, продуктами, трудом.

Но возрождение православного прихода требовало больших материальных вложений. Большой вклад в строительство храма был сделан предпринимателями с. Новоегорьевского: по словам А.В. Гюнтера, при постройке помогали «Яшин, потом столбики на

кирпичном заводе Бородин Юрий делал, помогал Горелкин, Бровкин и Котляровы, Игорь Харитонов асфальт привозил, щебенку до сих пор привозит, все бесплатно, у него жена сюда ходит. Луцак дает машину для вывоза мусора, один возит землю из Титовки – одну машину нам, другую в Рубцовск» [2]. Люди вкладывались силами, средствами в церковь, несмотря на то, что Егорьевский район находится в группе дотационных – «...хоть мы и живем хуже всех [в сравнении с другими районами], а церковь лучше всех. И стараются. Память о нас останется» [2]. А.В. Гюнтер рассказывает, как он просил других фермеров помочь: «Я сам фермер. Четыре года назад собрал ребят фермеров, говорю им – „мы больше пропиваем, давайте с вами храм помогать строить“. С тех пор дела пошли быстрее по постройке, при этом епархия средств не выделяла» [2]. Личная инициатива и авторитет заинтересованных лиц оказали влияние на возведение церкви в с. Новоегорьевском.

Проблемой стало и отсутствие профессиональных строителей в селе. Выход нашли в привлечении местных умельцев. Работами по утеплению, обшивке храма занимался мастер Владимир Ионасович Поджюнас. На момент работы историко-этнографической группы он занимался обустройством класса для воскресно-приходской школы в стенах церкви – «до этого [класс воскресно-приходской школы] мастерская, когда все это отделявали, пилили, строга́ли», продолжает: «Очень много людей работало при восстановлении церкви» [4]. Задумывался класс как место обучения детей основам православной веры, а также для бесед священнослужителя с прихожанами. В.И. Поджюнас рассказывает: «Наличники на окна делал, сначала эскизы наличников, потом уже вырезал. Лавку церковную отделявал изнутри. Монтировал колонны, привезенные из Рубцовска, и их уже по месту подгоняли, первоначально они были сделаны для другого храма. Колодец за церковь – крышу и столбики, а точанка [точеные детали] уже сделана была» [4]. Прилегающая территория также была приведена в порядок, сделан забор, ворота были выкованы рубцовским кузнецом Александром [2].

Одним из самых важных дел стало внутреннее убранство церкви. Церковные службы стали проводиться практически сразу после появления стен церкви. Главным в каждой церкви является иконостас. Рассказывает Ольга Ивановна Мещенко: «Был юноша, который занимался росписью иконостаса» [6]. На роспись необходимо получить благословение, и требуется соблюдение определенных правил.

Рис. 1. Общий вид храма с. Новогорьевского. Фото 2013 г.

Иконописец, в отличие от художника, не рассматривается как автор конкретного образа, он – только проводник божественной истины. А.В. Гюнтер рассказывает: «Царские ворота делал местный умелец Валерий Шабанов, он же рамки под иконы. Володя [сделал] наличники, под плащаницу тоже он делал» [2].

Валерий Александрович Шабанов, художник-оформитель по образованию, по случаю оказался в числе тех, кто помогал в восстановлении церкви. Он так говорит об этом: «Соседка попросила меня сделать киот для иконы. Она в церковном хоре поет. Хотела ее [икону] подарить в церковь. Сделал. Посмотрели. Потом уже Александр Владимирович, староста церкви, заказал еще один киот с дверцей для иконы Божией Матери. В основном я зимой этим занимаюсь, когда работы в основном нет. На второй киот использовал в основном сосну и осину, немного кедра и бук для колон. И царские ворота я делал» [7]. Местные жители верят, что икона Божьей Матери исполняет желания. Желания должны быть не материальные, и если они исполнятся, необходимо отблагодарить.

К царским вратам были вырезаны из дерева голубь и лучи света, устанавливаемые над вратами перед церковным праздником памяти святых Петра и Павла 12 июля. На сегодняшний день в стенах церкви совершаются такие обряды, как крещение, венчание, отпевание

Рис. 2. Храм с. Новогорьевского. Крещение. Фото ИЭЭ-2013 г.

усопших. Каждое воскресенье совершаются службы. Участникам историко-этнографической экспедиции удалось побывать в церкви Николая Чудотворца на воскресном богослужении. Для службы приезжает батюшка из Рубцовска. На крещении (рис. 2), состоявшемся после службы, и на венчании семейной пары с Новогорьевского было много прихожан.

Одним из важных элементов убранства церкви являются иконы. Жители села приносили иконы. Одна из икон святого Пантелеимона с церкви соседнего села Лебяжьего сохранилась. Рассказывает Г.Г. Пронина: «[Икона Святого Пантелеимона] лежала у кого-то в кладовке, ее привезли лет 10 назад, она здесь у нас освятилась, была черная-пречерная, образа видно не было» [5]. Любовь Геннадьевна Агапова занимается вышивкой икон бисером: «Вышиваю иконы, могу сделать икону дней за 10. Занимаюсь этим для души, для людей. Сейчас вышиваю икону Николая Чудотворца. Подарю ее церкви» [8]. Для писания икон необходимо благословение священнослужителя, но Любовь Геннадьевна занимается вышивкой для души и дарит свои работы храму. Одна из работ Агаповой Любви Геннадьевны висит над дверями входа в церковь.

Местное население верит, что их храм живой и в нем живет святой дух. Приход церкви небольшой по числу прихожан – 30–40

Рис. 3. Храм с. Новогорьевского. Воскресная служба. Фото 2013 г.

человек (рис. 3), в «большие» праздники его посещают до 50 человек: «Приход небольшой, из соседних сел – Волчихи, Углов, из Рубцовска, приезжают на службу, исповедуются. Есть и прихожане с самого начала, но есть и захожане» [2]. В 2012 г. привезли из Екатеринбурга звонницу, «всем миром собирали на нее деньги», – вспоминает Александр Владимирович Гюнтер [2]. В будущем планируется строительство дома для священнослужителя и создания постоянного прихода.

Преодолевая большое количество трудностей, жителям с. Новогорьевского удалось возродить жизнь церковного прихода.

Источники и литература

1. Гюнтер В.М., Егорьевский район, с. Новогорьевское // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
2. Гюнтер А.В., 1953 г.р. Егорьевский район, с. Новогорьевское // Архив ЛИК АлтГПА. Ф.1. Материалы ИЭЭ 2013.
3. Лифинцев В.П., 1950 г.р. Егорьевский район, с. Новогорьевское // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
4. Поджюнас В.И., 1960 г.р. Егорьевский район, с. Новогорьевское // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
5. Пронина Г.Г., 1939 г.р. Егорьевский район, с. Новогорьевское // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.

-
6. Мещенко О.И., Егорьевский район, с. Новоегорьевское // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
7. Шабанов В.А., 1965 г.р. Егорьевский район, с. Новоегорьевское // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
8. Агапова Л.Г., 1949 г.р. Егорьевский район, с. Новоегорьевское // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.

Г.Н. Белоглазова

**Комплектование и обработка устных источников
в музеях образовательных учреждений**

Музеи образовательных учреждений являются одной из популярных форм организации учебной и внеучебной деятельности, связанной со стремлением сохранить памятники истории и использовать их в воспитательно-образовательных целях. Специфика работы данных музеев заключается в том, что осуществление музейной деятельности ведётся при непосредственном участии детей под руководством педагогов и руководителя музея. Зачастую перед музеями встает проблема методически правильной организации комплектования и обработки собранных материалов. На современном этапе существующие методики ориентированы, как правило, на профессиональных исследователей и практиков, в арсенале которых есть и аппаратура, и финансы, и методическое обеспечение. В свете этого для музеев образовательных учреждений актуальной является разработка методического комплекса по комплектованию и научной обработке, который был бы адаптирован для возраста и образовательного уровня интервьюера (школьника). При комплектовании фондов школьных музеев устными источниками значимым является владение методикой и техникой ведения интервью. В данной статье рассматриваются практические рекомендации руководителям школьных музеев, направленные на формирование навыков профессионального владения методикой интервьюирования.

Любой вид интервью перед его проведением требует основательной подготовки. Тщательно продумывается и обозначается тема интервью, определяется объект интервьюирования – респондент, с которым будет организована беседа. Необходимо подробно разобраться в предмете разговора, овладеть необходимым минимумом представлений о той жизненной сфере, о которой будет идти речь.

Чтобы лучше понять человека, с которым предстоит встреча, необходимо получить о нём максимум информации. Договариваясь о предстоящем интервью, нужно представиться, рассказать об организации, которую представляет интервьюер, объяснить, для чего собирается материал, где будет использоваться полученная от респондента информация.

При положительном решении респондента на проведение интервью назначается день встречи. Не рекомендуется напоминать о встрече и не назначать её за слишком продолжительное время вперёд. Бывают случаи, что респондент либо совсем отказывается от беседы, либо во время встречи не раскрывается полностью. У респондента, психологически настроенного на то, что ему предстоит делиться с интервьюером своими сокровенными мыслями, назойливые напоминания о встрече и слишком долгое её ожидание могут вызвать сомнения о правильности решения поделиться воспоминаниями, и разговор может не состояться.

Один из важных этапов подготовки к интервьюированию – составление перечня вопросов. Вопросы должны быть понятными, по возможности краткими (содержать в себе одну мысль, иначе ответ не будет полным), а также своевременными, уместными, точными, настраивающими не только на констатацию фактов, но и на размышления. Если вопрос понятен и заинтересовал респондента, он начинает говорить ярко и образно, точно, с выразительными формулировками.

Деловой стиль в одежде интервьюера, аккуратно причесанные волосы являются визитной карточкой учреждения, которое он представляет. Данное обстоятельство позволяет быстрее установить контакт с респондентом. Во время проведения интервью следует расположить респондента к себе, психологически настроиться на собеседника. Желательно устроиться в комнате так, чтобы сидеть с респондентом на одном уровне, это важно в психологическом плане. Интервью должно проходить в форме обычной беседы. Посторонние люди на встрече с респондентом могут помешать собеседнику раскрыться более полно, желательно организовать беседу с респондентом наедине, на нейтральной территории, и иметь достаточный запас времени. Рассказ собеседника не прерывается, а лишь деликатно направляется в нужное русло. Интервьюирование с пожилыми людьми рекомендуется проводить в течение полутора-двух часов, не более. Если вы видите, что респондент готов ещё что-то рассказать,

следует договориться о дополнительной встрече либо сделать перерыв.

Интервьюер ведёт диалог с респондентом таким образом, чтобы задаваемые вопросы как можно шире освещали предложенную тему. Если интервьюер заметил, что вопрос неприятен респонденту, не следует настаивать на ответе, рекомендуется вернуться к вопросу позже, сформулировав его иначе. Бывает, что респонденту тяжело рассказывать о каких-то эпизодах из своей жизни, в таком случае не следует углубляться в воспоминания. Основным фоном беседы должно стать уважительное отношение к собеседнику и его воспоминаниям. Интервьюер обязан защищать респондента от возможных душевных травм, вести беседу с уважением к его достоинству. Даже если ответы вызывают сомнения, не следует посвящать в это собеседника.

Очень важно в ходе интервьюирования как можно полнее зафиксировать ответы респондента. Запись интервью следует вести на листах с одной стороны, оставив слева поля для заметок. Для письменного фиксирования разговора наиболее подходит бумага для записей, необходимо иметь запасную ручку либо карандаш. Обязательным условием интервьюирования является оформление паспортной карточки [8, с. 10], содержащей следующие сведения: фамилия, имя, отчество респондента; год рождения; место рождения; профессия, где и кем работал, трудовой стаж (если на пенсии, то с какого времени); домашний адрес, телефон; место проведения беседы; дата проведения; Ф. И. интервьюера, название учебного заведения либо место работы. Этот документ может быть заполнен заранее, а на месте только уточнён. В начале беседы следует предупредить респондента, что ответы будут записываться на электронный носитель и фиксироваться вручную. При записи вручную происходит частичная потеря информации. При записи беседы на электронный носитель такая потеря восполняется и в полном объёме передаёт эмоциональное состояние собеседника. Любые исправления и дополнения на листах с записями делаются только лицом, проводившим интервью, и в соответствии с пожеланием информатора. По завершении беседы следует предложить рассказчику подписать запись, только тогда она получает права подлинного документа. Следует помнить, что исторические факты, сообщённые информатором, и особенно их оценка носят субъективный характер. Кроме того, рассказчик может забыть или перепутать отдельные детали, не помнить точных дат, геогра-

фических названий и т.п. При обработке материала необходимо уточнить правильное название населённых пунктов, названия воинских частей и соединений.

Немаловажным моментом является обработка текста интервью, его редактирование. Независимо от способа записи интервью первым этапом является составление письменного текста (стенограммы) высказываний респондента. Устная речь, буквально перенесенная на бумагу, выглядит следующим образом: в ней много незаконченных фраз, неточно выраженных мыслей, различных оговорок, пропусков слов, междометий и т.п. Дословно записанные тексты интервью плохо читаются и трудны для восприятия. В любом случае во время расшифровки записей интервью требуется редактирование, поскольку превращение устной речи в письменную требует как минимум расстановки знаков препинания и абзацев, которые в устной речи как таковые отсутствуют. Редакционная правка должна не нивелировать, а сохранять и даже подчеркивать стилистические находки респондентов, которые в некоторых интервью встречаются в изобилии и должны быть бережно сохранены. Следует знать, что интервьюер несёт ответственность за правдивое цитирование материала, во время беседы стараться дословно записывать материал, не допускать собственное интерпретирование высказываний респондента в документе записи интервью.

Рекомендуется сохранять в архиве музея все три варианта интервью: аудиозапись беседы, письменную стенограмму беседы и транскрипт. После того как запись интервью будет расшифрована, готовый материал следует представить для прочтения респонденту, замечания и комментарии опрашиваемого должны быть внесены в текст. Раньше, когда интервью записывалось только вручную, рекомендовалось скреплять бумагу подписью респондента и заверять печатью сельского совета, сельской администрации и т.п. При записи беседы на электронный носитель есть такое понятие, как «осознанное согласие» [9, с. 122] респондента, оно подразумевает информирование респондента о целях исследования, в том числе о дальнейшем использовании материала.

Результатом работы по сбору устных свидетельств должно стать формирование информационных банков (фонд устных архивов) при музее образовательного учреждения. Параллельно с интервьюированием ведётся работа по упорядочению собранного материала по темам, разбор, систематизация и учёт документов, присваивается

фондовый номер. Исследователь, участвующий в создании фонда устных архивов, получает определённые юридические гарантии своих прав по данному фонду. Каждый документ регистрируется и помимо регистрации в книге фонда «Устной истории», либо в книге «Основного фонда», создаётся карточка¹ индивидуального учёта в картотеке научного описания, которая помещается в раздел коллекционной описи соответственно теме сбора информации. Систематизировать полученный материал допускается различными способами, либо по определённой тематике, либо по хронологии и типам источников.

Музеи образовательных учреждений в достаточной степени содержат в своих фондах устные исторические источники, которые требуют определённой методики сбора и обработки. Одной из актуальных задач практической музейной работы является формирование у руководителей музеев профессиональных компетенций по методике сбора и обработки устных источников, владение которой будет способствовать более качественной трансляции и популяризации в ходе научно-исследовательской и культурно-образовательной деятельности.

Источники и литература

1. Ассман Я. Культурная память // Перевод с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. 34 с.
2. Боголепова Л.З. Научное комплектование музейных коллекций по истории высших учебных заведений: науч.-метод. пособие. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2011. 60 с.
3. Крайская З.В., Челлини Э.В. Архивоведение: учебник для средних специальных учебных заведений. М.: Норма, 1996. 224 с.
4. Лоскутова М.В. Введение: хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. 6 с.
5. Репина Л.П. Образы прошлого в памяти истории. М., 2003. 408 с.
6. Устная история. Теория и практика: материалы всерос. науч. семинара. Барнаул: БГПУ, 2007. 374 с.
7. Щеглова Т.К. Методика сбора устных исторических источников: метод. пособие. Вып. 2. Барнаул: БГПУ, 2006. 22 с.
8. Щеглова Т.К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.

¹ Данная форма предполагает учёт материала, полученного различными способами: интервью, анкетирование, групповое анкетирование, опрос.

А.К. Бимыкова

ХІХ ғасырдың ортасы – ХХ ғасырдың басындағы қазақ халқының тамақтану жүйесіндегі өзгерістер

Қазақстан аумағы көне заманнан көшпелілер тұрағы болған. Ол күрделі тарихи, саяси және этникалық процестер аренасы болды. Ең дәуірлік оқиға – шаруашылықтағы өзгерістер, қоғамдық және саяси ұйымдағы өзгерістер ХІХ ғасырда ғана туды. ХІХ ғасыр, әсіресе оның екінші жартысы қазақ жері үшін шаруашылық, әлеуметтік және мәдени салаларына көптеген өзгерістер әкелді. Қазақ халқы өзінің мыңжылдық тарихында көптеген күрделі оқиғаларды басынан кешті, саяси әлеуметтік, экономикалық даму сатысын өтті. Қазақстан үшін ХІХ ғасырдың оның алдындағы дәуірден ерекшелігі қазақ халқының қоғамдық саяси мәртебесінде болды. Қазақтар ХІХ ғасырда шаруашылық салада, әлеуметтік қатынастарда қиыншылықтар көрді.

Онсыз да ұлғайып алған Ресей құрамына Қазақстанның қосылуы аяқталған жағдайда оның орналасқан геосаяси жағдайы әскери жағынан алғанда әлсіз Қоқан және Хиуа хандықтарын таптап тастап, бірінші отаршыл империя – Англияның Шығыс Түркістан ауданына енуін жоққа шығаруға мүмкіндік беретін еді, ал бұған Қазақ өлкесі кедергі болып қала берген [5, 536].

Қазақстан және Орталық Азияның оған жапсарлас жатқан облыстары біржола жаулап алынғаннан кейін Ресей империясының үкіметтік топтарына ұлттық шет аймақтарды басқару жүйесі туралы мәселе өткір қойылды. Әсіресе, бұл проблема халқының этникалық құрамы ала-құла, әлеуметтік және экономикалық даму деңгейі әртүрлі Орталық Азия мен Қазақстан үшін ерекше күрделі болды.

ХІХ ғасырдың 60 жылдарының орта шеніне дейін Қазақстан мен Орталық Азияға қатысты мәселелерді негізінен Батыс Сібір және Орынбор генерал губернаторлары қарады. Олар Ресей империясының өкілетті өкілдері болды. 60 жылдардың ортасына қарай Орынбор және Батыс Сібір қазақтарын басқарудың әкімшілік жүйесіне өзгерістер енгізілді, Бөкей хандығын басқару жүйесі қайта ұйымдастырылды. Алатау округтік приказы және 1865 жылы Түркістан облысы құрылды. Бірақ бұдан басқару жүйесі күрделі өзгерістерге ұшырамады. Сондықтан, басқаруды қайта ұйымдастыру жөнінде бірқатар жобалар әзірленді. Сайып келгенде, арнайы құрылған «Дала комиссиясының» жобасына артықшылық берілді.

Қабылданған реформаның жалпы бағыты үшін әскери министр Д.А. Милютиннің ықпалы зор болды, ол өз көзқарасын «Дала комиссиясының» мүшелерімен әңгімелескен кездерінде талай рет айтқан болатын [3, 318б].

1867-1868 жылдардағы реформаның жалпы алғанда отаршылық сипаты басым болды. Ол реформалар Қазақстанды Ресейге қосып алу үрдісінің толық аяқталғанын көрсетті. Қазақстанның кең-байтақ жері Ресейдің мемлекеттік меншігіне өтті. Патша үкіметі бұдан былай қазақтардың жерін кез келген сылтаумен оп-оңай тартып ала беретін болды. Мұның ақыры дала тұрғындарының ежелгі атамекен жерлерінен айырылып қалуына, сөйтіп қайдағы бір құнарсыз және тұзы бетіне шығып жатқан сортаң жерлерге ығыстырылуына жеткізді. Құнарлы жерлер ішкі Ресейден қоныс аударып келген орыс шаруалары мен казактарға, шенеуніктерге берілді. Патша үкіметінің Қазақстанның табиғи бай ресурстарын оңды-солды емін-еркін пайдалануы бұл өлкені Ресей экономикасының қосалқы арзан шикізат көзіне айналдырды.

Патша үкіметінің ХІХ ғасырдың екінші жартысындағы Қазақстанда жүзеге асырған әкімшілік реформалары қазақ елінің саяси тәуелсіздігін біржола жойғанымен, бұл реформалар көп ұзамай-ақ патшалық әкімшіліктің қазақ қоғамының ішкі өміріне тереңдеп еніп, оны игеріп алып кетуге әлі де болса әлсіз екендігін көрсетіп берді. Мұны жақсы түсінген патшалық әкімшілік ХІХ ғасырдың 60-жылдарының орта тұсынан бастап Қазақстанды отарлаудың «ең сенімді» жолына түсті. Ол Орталық Ресейден орыс шаруаларын қазақ жеріне қоныс аударту еді. Патшалық Ресейдің қоныс аудару саясаты бірнеше кезең арқылы жүзеге асырылды. [6, 188б]

«Осы ғажайып және қазыналарға бай бүкіл ел әлі күнге дейін өзінің тұмса табиғаты құшағында, әлде біреудің оятуын күтіп жатыр; балта қаршылы, теңге сыңғыры естілмейді, бос жатқан төңіректе шалы жалтылы байқалмайды... ал таулардағы байлық қаншама...» [7,52б] – сол кездегі Қазақстанды белгілі зерттеушілердің бірі Ресей өнеркәсіпшілерін өлкенің табиғи байлықтарын тездете игеруге шақырып өз пікірін осылай білдірген еді.

ХІХ ғасырда қазақ қоғамының үлкен өзгерістерге ұшырауы материалдық мәдениетке де әсерін тигізбей қойған жоқ. Осынау кезеңдегі материалдық мәдениетінің жай-күйі қоғамның экономикалық даму деңгейімен анықталды. Оның даму барысына көшпелі қазақтар экономикасының дамындағы басты фактор ретінде көшпелі мал

шаруашылығы әсер етті. Бұл жағынан алғанда егіншілік, сауда дамуының, көрші халықтарың прогресті ықпалының да маңызы аз болған жоқ.

Қазақ ғалымы Ыбырай Алтынсарин ХІХ ғасырдағы отырықшылану кезеңіндегі жер шаруашылығы жайлы «Об орошаемом земледелии в Тургайской области» деген мақаласында былай деген: «Торғай уезінде жердің топырағы саз балшықты, сортаңды. Қара топырақ жоқтың қасы. Ыстық әрі құрғақтық климатта жерді жақсылап күтпесең ешқандай өнім бермейді. Сол себепті де қазақтардың жыртылған жерлері өзен-көлдердің айналасында. Өзендерден жер суаратын каналдар шығарылады. Жерді өңдеу 20 сәуірге таман басталады. Ал жерді суландыру мамыр айының аяғы немесе маусымның басында жүзеге асырыла бастайды. Қазақтар тек бидай мен тарыны ғана егеді. Бір ондық жерден шамамен тары – 150 пұт, ал бидай – 300 пұтты құрайды.

Диқандар көбіне кедей қазақтардың арасынан шығады. Жағдайы келмегендіктен, көшіп-қона алмай, жаз бойы қыстаулар маңында қалады. Сәуір айының басынан бастап, қыркүйектің ортасына дейін, яғни төрт жарым ай бойы сүт өнімдерімен тамақтанады. Етті өте сирек қолданады. Ал тары мен бидай піскеннен кейін қыркүйектен бастап сәуірдің ортасына шейін қоректенеді. Осы уақыт аралығында, диқандардың айтуы бойынша, бір отбасына бес қап бидай жетеді (шамамен 25 пұт) және тарының он қабы (шамамен 50 пұт)» [9, 29-31б]

Ең алдымен бір нақты шындық жөнінде, қазақтардағы дәнді дақылдар егісінің бір адамға келетін мөлшері жөнінде, егіншілік «болмашы мөлшерде» болды және олардың өмірінде оның, айтар болсақ, отырықшы тұрғындардағы сияқты маңызы болған жоқ. Бұрынғысы сияқты, көшпелінің күнделікті тамақ рационында ет және сүт өнімдері басым жағдай алып отырды.

Қуаңшылықты дала кеңістіктері басым, шөбі шүйгін емес өңірлерге жатқызылған топырағы құнарсыз аудандарда егіншілік күткендегідей кең таралмады. Солай бола тұрса да, егістіктерді таяудағы өзендерден, көлдерден шығыр арқылы арыққа су шығару, тағы басқа су атпа машиналарды қолдану арқылы қарапайым суару жағдайында Ақмола облысының солтүстік уездерінде, Семей облысының оңтүстік-шығыс аудандарында қазақ егіншілігі (бидай, тары егу) тамаша нәтижелерге жетті.

Дала тұрғындарының бүкіл өмірі мал шаруашылығының жай-күйіне байланысты еді, ол кедейлер үшін тіршілік, ал ауқаттылар үшін байлық көзі бола отырып, номадтардың көпшілік бөлігі үшін тіршіліктің маңыздысы болды: олар тамақ таулының бәрін – жас ет, кептірілген және ысталған ет (сүр ет), сондай-ақ, сүт өнімдерін – түркі тілдес этностар арасында кең таралған сүйікті сусын қымыз, айран, құрт пен ірімшік, киім-тон, малақай тігетін елтірі, киіз, текеметке дейін малдан алып отырды.

Сол дәуірдегі басылып шыққан мәліметтер бойынша ауылдарда жан басына шаққандағы сүт өнімдерінің орташа тұтыну нормаларын анықтау қиын емес:

Уездер	Қымыз	Сүт	Барлығы	I Ірімшік
Ақмола	5,5 шелек	37,7	43,2 шелек	30
Атбасар	11,7	82,7	94,4	15
Көкшетау	17,4	19,5	36,9	31

[8, 236б].

Қазақ жеріне өзге халықтардың қоныс аударуы қазақтардың мәдениетіне, тұрмысына едәуір әсер етті. Жетісуда егіншіліктің дамуына ХІХ ғасырда Шығыс Түркістаннан қоныс аударған ұйғырлар мен дүнгендер бірден бір ықпал етті. Жетісуда ең жақсы жерлер казактардың пайдасына тартып алынып қойғандықтан, олар қодан суландырмайынша егіншілікке онша жарамды болмаған учаскелер алды.

Жаңадан құрылған облыстардың бәріне дерлік орыс-украин шаруаларын нысаналы түрде қоныс аударту ХІХ ғасырда басталып, кейін жаппай сипат алды. Шаруаларды жаппай қоныс аудартумен өлке халқының демографиялық құрылымы өзгертіліп қана қоймай, сонымен қатар байырғы мекендеушілердің пайдалануынан мал шаруашылығы үшін де, ұлғайып келе жатқан егіншілік үшін де жақсы жерлер зорлықпен тартып алынды.

Дәнді дақылдар ішінде бидай басым болып, жердің жартысынан астамына бидай егілді. Бидайдан кейінгі орында арпа, тары, сұлы, күріш, майлы дақылдар болды. Олар баклажан, шалқан, қызыл бұрыш, қияр, капуста, картоп, сарымсақ, сондай ақ қауың, қарбыз өсірді. Шаруашылық тұрмысын зерттеген Г. Гинстің суреттеуіне қарағанда, олардың бақшалары тікелей үйлерінің жанында болған, әрбір жүйек мұқият тазартылып, кішкене жүйемен суарылып отырған.

Жетісуда қоныс аудару қоныстанушыларған да әсер етпей қойған жоқ. Егер бұрын олар шаруашылығында ағаш сабандар мен басқа да добал құралдар қолданылып келсе, енді олар темір соқаларды, тырмаларды, т.б. пайдаланатын болды. Жаңа ауыл шаруашылық дақылдарын: сұлы, темекі, картоп, помидор және басқаларын егуді үйренді. Байырғы халықтар қазақтар мен қырғыздардың әсерімен мал шаруашылығымен де айналыса бастады.

Жергілікті жерлерде жүн шикізаты алғашқы ғана өңдеуден өтіп, Ресейге жөнелтілді. Далалық өлкеде өңдеу өнеркәсібінде ұн тарту ісі маңызды орын алды. Ақмола облыстарында астық алқаптарының көлемі ұлғайды. Астық алқаптарының жартысынан көбінде бидай өсірілгендіктен, ұн тарту кәсіпорындарына жөнелтілді. Ұн тарту кәсіпорындары Сібір темір жолы бойында орналасқан Омбы, Семей, Петропавл, Орал, Ақмола сияқты қалаларда шоғырланды. [2, 249б]

Ауыл өмірінің барлық салаларына капитализмнің енуі туғызған дағдыдан тыс тұрмыс жағдайлары көшпелілерді табиғи-географиялық жағдайларды ескере отырып, шөп шабумен, балық, аң аулаумен, бақша егуге айналысуға итермеледі. Кәсіпшілік пен қолөнер түрлері әр аймақтағы шикізат түрлеріне қарай дамыды. Ауыл шаруашылығы өнімдерін өңдеу, тері еңдеу, киіз басу, кілем тоқу кеңінен таралды. Мысалы, Ақмола уезіне қоныс аударған шаруа қожалықтарында жер өңдеуден кейін астық тарту, май тарту, май шайқау кәсіпшіліктері екінші орын алды. Әсіресе ауыл шаруашылығы шикізатын өңдеу кәсіпшілігімен егістік жері жоқ шаруашылықтар айналысты.

Едәуір көп шөп шапқан қазақтар оны пайда келтіре отырып, Орынбор, Петропавл табыншыларына сатты, қырыққабат, картоп өсірді. Мысалы, Перовскде жергілікті халық қырыққабат егіп, оны орыс тұрғындарына сатып пайда тапты. 1 пұт картоп 20–40 тиын тұрды. 1888 жылдан бастап Семей облысының оңтүстік уездеріндегі құнарлы топырағы бақша егуге жалпы қолайлы болған жерлерде қазақтар қоныстанушылардың ықпалымен қарбыз бен қауын өсіре бастады. Оңтүстік аймақтарда бақша шаруашылығы ескі дәстүрдің жалғасы ретінде жер жерде өріс алды.

Кәсіпшіліктің жергілікті түрлерінің арасында «аң аулаудың өскенін» атап өту керек, атап айтқанда оны жәрмеңкелерде сатылған аң терілерінің санына қарап аңғаруға болады. Мәселен, қасқыр, қарсақ, борсық, сусар сияқты аңдар болған.

Кең таралған кәсіпшіліктің бірі балық аулау болды. Сол кезде суы мол Әмудария мен Сырдария құйып жатқан Арал теңізі қоныс аударушыларды балық байлығымен қызықтырды. Бұл кәсіпшілік Көкарал түбінде шоғырландырылды: балық аулаумен негізінен Қазалы, Перовск уезінің тұрғындары айналысты, сондай ақ Ырғыз алқабында, Қамысбалық көлінде де ауланды. Сырдария өзенінің төменгі ағыстарында балық кәсіпшілігі сонау ХІХ ғасырдың 60 жылдарында, алғашқы отаршыл казактар шағын балық аулау компаниясын ұйымдастырған кезде басталған еді. 1861 жылы 3000 пұт, 1862 жылы 2500 пұт балық ауланды. Сырдария балықтары Жайық пен Еділдің балықтарымен ойдағыдай бәсекелесті, олардың уылдырығы Мәскеуде де сатылды. Жайық казактары да балық аулаумен айналысты. Сырдарияның төменгі ағыстарынан ауланатын кептірілген табан балығының миллиондаған данасы еуропалық Ресейге тасылып, онда тұрақты және едәуір пайдалы бағамен өткізілді. [4, 36б]

ХІХ ғасырдың аяғы мен ХХ ғасырдың басында қазақ әйелдері нанды табаға салып пісіре бастады. Мұндай шелпекті таба нан, одан да қалыңырағы бәтер деп аталды.

Орыстардың әсерінен қазақтар нан илеуді қолданысқа енгізе бастады. Көп жағдайда ашытқының кішкене бөлігін алып қалып отырды. Оны суға араластырып жаңқа ысылған нанға қосты. Орыс халқының арасында тұрған көптеген қазақтар нанның көтерілуі үшін ашытқы (дрожжи) мен хмель қолданып, нанды темір табада орыс пештерінде пісірген. Бұл нанды бөлке нан деген. (орыстың «булка» сөзінен) Дегенмен, орыс пештері мен нанның бұл түрі қазақтардың арасында кеңінен таралған жоқ.

Тоңмайға түрлі қалаштарды қуырып, балаларға берген. Үлкен жастағы қарияларға арнап, орыстың құймақтарына ұқсас жұқа нан пісірген.

Ұннан жасалған ең дәмді ас құймақ болды. Оны қазақтардан өзге башқұрт, татар, ноғайлықтар да дайындаған. Қамырдан кеспе жасаған, оны сүтпен немесе етке қосып пісірген. Ет сорпасында піскен қамыр ет тағамдарына қоспа ретінде пайдаланды.

Семей уезінің ұн тағамдары аз таралған далалық аудандарында етті қамырсыз қолданған. Далалық аудан қазақтары оларды «ішін кебек тескен» деп атаған, ет аз болып қалған жағдайда қонақтарға қамыр қосып бергені үшін.

Орыстардың әсерінен жер өңдеудің қарқынды дамуына байланысты ХІХ ғасырдың аяғында қазақтар тағам түрлеріне кей бақша

өнімдерін де пайдалана бастаған. Мысалға, картоп, жуа, сарымсақ, бұрыш, қияр, қарбыз, қауын т.б. Көптеген қазақтар көкөністерді орыстардан сатып алған.

Картопты сүтке араластырып езіп, шәймен қолданған. Немесе, ет сорпасына пісіріп, етпен бірге жеген. Жуа, сарымсақ пен бұрыш әртүрлі тағамдарға қоспа ретінде пайдаланылды. Қарбыз, қауын және қиярды қазақтар тәтті дәм ретінде қолданған.

Крестьян ауылдары мен казак станицаларында қоныс тепкен кедей жатақтар тоңмайдың аздығынан дәмін келтіру үшін күнбағыс майларын сатып алған. ХІХ ғасырдың екінші жартысында Ертіс, Зайсан, Марқакөл маңындағы қазақ отбасыларының арасында балық аулаудың дамуына орай тағамға балықты қолдану кең етек жайды. Көп жағдайда қазақтар балықтан сорпа дайындады. Зайсан көлі маңындағы балықшылар орыс әдісімен балықты кептіре білген.

Құс өсіре бастаған кей қазақтар тағам ретінде тауық етін қайнатып немесе жентектеп қолдана бастады. Тауық жұмыртқасын тұтастай қайнатты. Кей отбасыларда табаға жұмыртқаны сүтпен қуырған.

Ресеймен сауда байланысының дамуына байланысты қазақ даласында қант, мәмпәси және шәй күннен күнге көптеп тарала бастады. Бұларды қаладағы жәрмеңкелерден сатып алды. Әсіресе, шәй өнімдері қазақ арасында кеңінен таралып, керекті сусындардың бірегейіне айналып кетті. Орта жағдайдағы отбасылар шәйға арналған суды қазан немесе мыс шәйнекте қайнатты. Ал ауқатты отбасылар самаурынды қолданды. Ал шайді кішкене шәйнектерде қайнатқан.

Қантты шәйға қосып көбіне қонақтарға беретін және кейде қоспаға да қосатын. Мұның бәрі қанттың ХІХ ғасырдың ортасы мен ХХ ғасырдың басында қазақ ауылдарына кеңінен таралғанын көрсетеді. Жағдайлары біршама жақсы қазақтар тағам ретінде көрші орыс ауылдарынан сатып алынған балды қолданған [1, 128-131 б.].

Осылайша, қазақ тағамдары өзінің ұлттық құндылықтарын сақтай отырып, көптеген азық-түлік түрлерімен байи түсті. Орыс халқының әсерінен тағам түрлерін дайындауда айтарлықтай өзгерістер болды.

Пайдаланған әдебиеттер

1. Арғынбаев Х. Историко-культурные связи русского и казахского народа. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 128-131 б.

2. Васильев В.А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. – 249 б.
3. Дневник П.А. Валуева-министра внутренних дел. – М., 1961. – 318 б.
4. Из жизни развития городов Казахстана на рубеже XIX–XX веков. – Алматы, 1985. – 36 б.
5. Қасымбаев Ж.К. Ликвидация казахской государственности (первая половина XIX в.) // Казахстан и мировое сообщество. – 1996. – №4.
6. Қойгелдиев М., Төлеубаев Ә., Қасымбаев Ж., т.б. Қазақстан тарихы: Аса маңызды кезеңдері мен ғылыми мәселелері. – Алматы: Мектеп, 2007. – 188 б.
7. Михайлов М. Область Сибирских киргизов и Семипалатинская область (современный очерк), 1968 жыл. – 52 б.
8. Сибирский торгово-промышленный календарь. – Томск, 1900.
9. Алтынсарин Ы. Этнографиялық очерктер және ауыз әдебиет үлгілері. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 29–31 б.

Е.А. Коляскина

**«Баба – в доме, мужик – в пригоне»:
гендерное разделение труда у русских Алтая
в первой половине XX в.¹**

Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в 2012–2013 гг. в Ельцовском, Советском, Усть-Калманском и Чарышском районах Алтайского края, а также в Усть-Коксинском районе Республики Алтай.

Традиционная система гендерного разделения труда у русских Алтая выстраивалась по формуле «баба – в доме, мужик – в пригоне». Хозяйственные обязанности женщины были связаны в первую очередь с домом, «внутренним» миром семьи, а мужчины – с «внешним» миром, находившимся за пределами дома. Мужскими работами считались, прежде всего, полевые работы (пахать, сеять, сено косить и т.д.), заготовка дров, уборка скотного двора, уход за лошадьми, маралами, строительство и ремонт, выпас животных и т. п. [2, с. Ельцовка, с. Пуштулим; 3, с. Советское, с. Шульгин Лог; 4, с. Сентилек, с. Чарышское; 5, с. Усть-Калманка, с. Ново-Калманка, с. Огни, с. Михайловка; 6, с. Верх-Уймон, с. Мульта, с. Тихонькая]: «Мужик... землю пахал, хлеб сеял, сено ставил... со скотом, с коня-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Женщина и мужчина в русской деревне: гендерные стереотипы старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX – первой половине XX в.», проект № 11-31-00307а2.

ми» [4, с. Тулата]; «Мужик... по хозяйству, скот был, со скотом. Сено ставили и дрова возили» [4, с. Тулата]. Занятия кустарными промыслами считались прерогативой мужчин [2, с. Ельцовка, с. Пуштулим; 3, с. Советское, с. Шульгин Лог; 4, с. Сентилек, с. Чарышское; 5, с. Усть-Калманка, с. Ново-Калманка, с. Огни, с. Михайловка; 6, с. Верх-Уймон, с. Мульта, с. Тихонькая]: «И кожи выделывали, и сани, и бочки... Кузницы были... Заготавливали древесный уголь... Три мельницы были» [4, с. Тулата].

Женщина являлась «хранительницей домашнего очага» [4, с. Тулата]. Содержание ее хозяйственных функций заключалось в превращении «природного» – неосвоенного, сырого – в «культурное» – освоенное, готовое. Женскими делами считались приготовление пищи, обработка льна, изготовление одежды и предметов убранства, уход за детьми и больными, поддержание чистоты в доме, обработка огорода, уход за домашним скотом и птицей и т. д. «Женщины ткали, пряли, хлеб пекли» [4, с. Тулата]. В полевые работы женщина обычно включалась в пору страды.

При этом в случае необходимости женщины могли выполнять мужские работы, а мужчине традиция запрещала заниматься бабьей работой. Возможно, это было связано и с традиционными представлениями о необходимости воздерживаться мужчине от контактов с женскими вещами, орудиями труда, чтобы не потерять свою «мужскую силу». Наибольшая стойкость данных стереотипов отмечена у старожилков Алтая, прежде всего, старообрядцев и казаков: «Принято было – ни в коем случае мужчина воду не носит. Особенно у староверов... Позор – бабью работу делает» [3, с. Советское]; «Мужчины женщинам, жене не помогал, чтоб за водой идти – это позор» [4, с. Тулата]; «Даже вот в 56-м году... Был праздник, свекровки дома не было, мы пошли поливать. Я говорю: „Петь, пойдем полем“, и мы пошли по воду с ним. Вот идет соседка: „Петька, это что, тебя молодая-то жена заставила воду носить?!“ – он отмахнулся: „Ладно!“ Разлили мы эту воду, пошли второй раз, идет мама: „Сынок, а че это ты по воду пойдешь? У тебя есть молодая жена, вот пусть она и поливает“. Все, мой Петя больше за ведро не взялся» [4, с. Тулата]. Примечательно, что не только мужчины, но и старшие женщины следили за сохранением традиционной системы гендерного разделения труда. Заниматься женской работой, прополоть огород или вымыть пол, могли только мальчики до вхождения их в категорию взрослых парней [3, с. Советское].

Рис. 1. Хозяин во дворе. С. Верх-Уймон. Фото начала 1970-х гг.

Социально-экономические и демографические изменения в обществе, происходившие в 30–40-е гг. XX в., усилили тенденцию феминизации мужских хозяйственных занятий и в меньшей степени маскулинизации женских: «Промартель была, бочки делали, на фронт лыжи делали. Мама в промартели работала как мужчины с деревом» [6, с. Верх-Уймон]; «Мама рассказывала, женщины силос делали, сами яму капали, сами косили и силос закладывали» [4, с. Тулата]; «Она (мама – Е.К.) работала конюхом... Чистили мы сами, все, у коней с Лидкой... В базу сено завезем на ночь... (С мужем – Е.К.) 42 года прожили... Ни одного гвоздя не забил» [4, с. Тулата]. В это время женщины осваивали мужские профессии тракториста, шофера, создавались тракторные бригады [1, л. 13-15; 2, с. Ельцовка, с. Пуштулим; 3, с. Советское, с. Шульгин Лог; 4, с. Сентилек, с. Чарышское; 5, с. Усть-Калманка, с. Ново-Калманка, с. Огни, с. Михайловка]. Но при этом полевые материалы свидетельствуют о том, что эти профессии, как физически очень тяжелые для женщин и губительные для их здоровья, сохраняли статус мужских. Женщин, которые всю свою профессиональную деятельность посвятили этим профессиям, было не так много. Можно выделить следующую тенденцию в данной сфере: незамужние женщины овладевали профессией трактористки или шофера, работали до замужества и рожде-

ния ребенка по данной специальности, после чего переходили на более легкий труд [2, с. Ельцовка; 4, с. Тулата; 5, с. Ново-Калманка].

В домашнем хозяйстве переселенцев информанты отмечают более гибкую систему разделения труда, особенно в советский период [2, с. Ельцовка, с. Пуштулим; 3, с. Шульгин Лог; 4, с. Сентелек, с. Чарышское; 5, с. Усть-Калманка, с. Ново-Калманка, с. Огни, с. Михайловка; 6, с. Верх-Уймон, с. Мульта, с. Тихонькая]: «Деления в семье не было, это мужская, это женская работа, у кого есть время тот делает» [3, с. Советское]; «А кого делить, кто первый встает, тот и управляет» [4, с. Тулата]. Интересно, что выполнение женских хозяйственных работ мужчинами информанты-старожилы маркируют как «россейску», т. е. переселенческий стереотип поведения: «Ну потом ни чё, обрусели, стали носить все воду» [4, с. Тулата]. Но это не касалось таких «исконно» женских обязанностей, как приготовление пищи или уборка дома. Даже во второй половине XX в. мужчина, занимавшийся «традиционно женской» работой, например выпечкой хлеба, вызывал недоумение односельчан и ироничное отношение, прежде всего к его жене, занятой в общественном производстве. Так, в селе Ново-Калманка как анекдот рассказывают о муже, который ушел с собрания в сельском совете потому, что «подошла квашня» и «хлеб нужно выкатывать» было, а жена осталась «сидеть» [5, с. Ново-Калманка].

В больших семьях женщины делили работу «понедельно» [2, с. Ельцовка, с. Пуштулим; 3, с. Советское, с. Шульгин Лог; 4, с. Сентелек, с. Чарышское; 5, с. Усть-Калманка, с. Ново-Калманка, с. Огни, с. Михайловка; 6, с. Верх-Уймон, с. Мульта, с. Тихонькая]: «Его мать (бабка информанта – Е.К.) замуж вышла, дома было шесть братовой и жили все вместе. Значит, шесть было снох... Две снохи хлеб пекут, две стирают, две, там, скот. И все парами делали» [4, с. Тулата]; «Старшая на кухне мать, она решает – кто из женщин сегодня всех кормит... Другая с ребяташками возится. Нас двадцать семь человек жили... Другая занимается стиркой» [3, с. Советское]. В мужской половине семьи такого разделения труда не зафиксировано.

Трудовое обучение воспроизводило традиционную систему разделения труда [2, с. Ельцовка, с. Пуштулим; 3, с. Шульгин Лог; 4, с. Сентелек, с. Тулата, с. Чарышское; 5, с. Усть-Калманка, с. Ново-Калманка, с. Огни, с. Михайловка; 6, с. Мульта, с. Тихонькая]: «Отец еще научился от своего отца портняжить, и я еще буквы не знал, машинку заправлял» [3, с. Советское]; «Мама ткала, половики ткала.

Рис. 2. Хозяйка у печи. С. Верх-Уймон. Фото 2013 г.

Я помогала ей, это все шерстяное было, пряли шерсть, красили сами, больши дорожки всякие... Вышивали... вязали кружева» [6, с. Верх-Уймон]. Оно шло одновременно с вхождением детей в хозяйственные обязанности и было соразмерно возрасту: «Мне было лет 5–6... Они пойдут за ягодой (бабушки – Е. К.)... Она придет и скажет: ты старшая в семье, пошли-ка хоть битончик... [бидон]. Начинался битончик вот такой, маленьки, полтора литра, может, даже литровый... С возрастом у меня увеличивался» [6, с. Верх-Уймон]; «Нам пять-шесть лет было... пряли... семь или восемь лет – я уж ткала» [2, с. Ельцовка]. Хотя, если в семье не хватало рабочих рук, ребенка могли привлечь довольно рано к ответственным, например, полевым работам или работе в колхозе: «С семи лет работали, привязывались под брюхо коня, и вот, и пахали, и сено возили, сеяли... Я сам вот в 12 лет пошел работать (в колхоз – Е. К.) в 45 году, 13-й было» [4, с. Тулата].

Овладение трудовыми навыками и выполнение хозяйственных обязанностей ребенком, особенно девочкой, считалось гораздо важнее получения школьного образования. Исключение составляли нравы казаков: «Все казаки, – писал Г.Д. Гребенщиков, – от мала до велика к грамоте относятся более чем снисходительно» [7]. Об этом

свидетельствуют и полевые материалы: так, информант из семьи казаков рассказала, что родители ее матери настояли на получении ею образования, тогда как крестьяне, жившие по соседству, запретили дочери, «тяготевшей к грамоте», ходить в школу, сказав: «Куда тебе писать? Женихам письма? Парню-то хоть из армии написать, а тебе куда?» [4, с. Чарышское].

Таким образом, можно говорить о достаточно структурированной системе гендерного разделения труда у русских крестьян Алтая в первой половине XX в. и связанных с ним стереотипов. Социально-экономические изменения советского времени лишь усилили представление об универсальности женского труда, практически не расширив мужские хозяйственные функции.

Источники и литература

1. Архивный отдел Ельцовского района Алтайского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
2. Полевые материалы автора (далее ПМА). 2012. Ельцовский район, с. Ельцовка, с. Пуштулим.
3. ПМА. 2012. Советский район, с. Советское, с. Шульгин Лог.
4. ПМА. 2012. Чарышский район, с. Сентелек, с. Тулата, с. Чарышское.
5. ПМА. 2013. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка, с. Ново-Калманка, с. Огни, с. Михайловка.
6. ПМА. 2013. Усть-Коксинский район, с. Верх-Уймон, с. Мульта, с. Тихонькая.
7. Гребенщиков Г.Д. Река Уба и убинские люди [Электронный ресурс] / Русский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков. Электрон. текст. дан. [Б. м.], 2007–2008. Режим доступа: <http://grebensh.narod.ru>, свободный (дата обращения: 25.06.2008).

Е.А. Коляскина

Ритуализация хозяйственной деятельности у русских Алтая в первой половине XX в.¹

В основу данной статьи легли полевые материалы, собранные автором в 2012–2013 гг. в Ельцовском, Советском, Усть-Калманском и Чарышском районах Алтайского края, а также Усть-Коксинском районе Республики Алтай.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Женщина и мужчина в русской деревне: гендерные стереотипы старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX – первой половине XX в.», проект № 11-31-00307а2.

Как наиболее распространенные и устойчивые у русских крестьян Алтая следует отметить стереотипы о запрете работать в религиозные праздники и воскресные дни. Наиболее почитаемыми православными праздниками были: Пасха, Рождество, Благовещение, Троица. Кирики и Улита [1, с. Ельцовка, с. Пуштулим; 2, с. Советское, с. Шульгин Лог; 3, с. Тулата, с. Чарышское; 4, с. Усть-Калманка, с. Ново-Калманка, с. Огни, с. Михайловка; 5, с. Верх-Уймон, с. Мульты, с. Тихонькая]. На Алтае была распространена общероссийская поговорка: «На благовещение кукушка гнезда не вьет. Девица косы не плетет» [3, с. Сентелек]. На Троицу запрещалось производить прежде всего сельскохозяйственные работы, говорили, что в эти дни «земля именинница». Больше всего встречено рассказов о несчастьях, постигших людей, нарушивших запрет, работать на Пасху и в день Кирики и Улиты, эти праздники считались грозными [1, с. Ельцовка, с. Пуштулим; 2, с. Советское, с. Шульгин Лог; 3, с. Сентелек, с. Тулата, с. Чарышское; 4, с. Усть-Калманка, с. Ново-Калманка, с. Огни, с. Михайловка; 5, с. Мульты, с. Тихонькая]: «Мужики сено метали... Погода хорошая, про праздник забыли. Сели обедать, а сорока лезет в глаза. Они ее поймали, привязали к хвосту бумажку, подожгли и отпустили. Та на самую большую матку села, и все сторело. Кирики-Улиты – грозовой праздник» [5, с. Верх-Уймон].

Начало покоса для мужчин и сбора грибов и ягод для женщин и детей связывалось с праздником Петров день, считалось, что раньше нельзя начинать данные работы: «Во время 12 июля, это был Петров день, они вот выезжают на поле, делят землю – покос, погуляли, и за работу» [3, с. Тулата]; «12 июля, в Петров день, одевали лучшие одежды и шли за ягодами» [3, с. Сентелек]; «Петров день притчиватый, ничего делать в него нельзя, особенно по ягоду ходить» [3, с. Тулата].

Старообрядцы Уймонской долины до сих пор строго соблюдают запрет на выполнение хозяйственных работ в воскресенье и религиозные праздники. Это время старшее поколение отводит для молитвы и отдыха, люди среднего возраста и молодежь – для семейных и дружеских встреч, посиделок: «У нас воскресенье, оно есть воскресенье, мы ничего не делаем, мы отдыхаем... У нас бабушки могут прийти, чай, самовар, пьют, разговаривают, целый день вот дается. Ну естественно, когда божественные праздники, ничего нельзя делать» [5, с. Верх-Уймон]; «Отдых мне сегодня, выходной, я по воскресеньям-то не работаю» [5, с. Верх-Уймон]. Этиология данного запрета

та исходит из связи воскресенья с наиболее почитаемым русскими Алтая православным праздником Пасхи: «В воскресенье работать нельзя. Паска идет сорок дней, свекровка говорила. Но ты же не будешь сорок дней праздновать, поэтому эту Паску сорок дней раскидали на воскресные дни. Воскресенье относится к Паске, должны все это почитать и отдыхать в христов день» [5, с. Верх-Уймон].

В связи с этим накануне религиозных праздников и воскресенья старались доделать всю «грязную» работу. Уймонские старoverы то же самое делали и каждую субботу, до сих пор они «субботничают», т. е. женщины убирают дом, стирают белье, мужчины убирают двор и заканчивают «грязную» работу: «В субботу до умопомрачения, но надо сделать все чтобы. А воскресенье мы уже ничего не делаем» [5, с. Верх-Уймон]; «А мы раньше же работали. В субботу до обеда работали. Я старалась либо рано утром постираться до работы, либо прибежать. Еще у нас баня была у родителей, вот здесь на огороде прям по-черному... Надо субботничать» [5, с. Верх-Уймон].

Перед Пасхой и Рождеством было принято все в доме вычистить, перестирать белье, побелить стены и печь, если стены были крашенные, то их мыли с мылом, пол шоркали голяком [1, с. Ельцовка, с. Пуштулим; 2, с. Советское, с. Шульгин Лог; 3, с. Сентилек, с. Тулата, с. Чарышское; 4, с. Усть-Калманка, с. Ново-Калманка, с. Огни, с. Михайловка; 5, с. Верх-Уймон, с. Мульта, с. Тихоньяка].

В первой трети XX в. было широко распространено представление о необходимости воздержаться женщине от «грязной» работы, например стирки белья или мытья полов, в постные дни: понедельник, среду и пятницу. Наибольшую сохранность эти запреты обнаружили у старoverов: «У нас свекровка всегда говорила: старайся в пятницу не стираться, есть суббота... Потом начала, в среду... В понедельник бы тоже нежелательно, раз они считаются постные дни» [5, с. Верх-Уймон].

Нарушение данной регламентации хозяйственной деятельности, по мнению старoverов Уймона, может навредить потомству человека, их нарушившего: «Свекровка говорила, что не надо так делать... Бог не вас накажет, а детей... Дети то палец прижмут, то порежут, вот думаешь: правда свекровка говорила, что детьми накажет» [5, с. Верх-Уймон].

Крайне редко удается зафиксировать весь спектр хозяйственных запретов для женщины в послеродовой период: «После родов нельзя тяжелое делать, за тесто браться... Поганая и, называли, „сырая“

после родов» [1, с. Ельцовка]. Видимо, к середине XX в. основная их масса сводилась к воздержанию от физически тяжелых работ, концепт родильной «нечистоты» прослеживается уже не так отчетливо: «А так-то шесть недель нельзя тяжело поднимать. Тяжелей, говорит, ковшика не поднимай ниче после родов» [5, с. Верх-Уймон]; «После родов сорок дней ходит по краю... могилы. Что сорок дней надо поберечься... Физически в основном, наверное» [5, с. Верх-Уймон]. Даже старообрядки 1930-х годов рождения считали возможным вскоре после родов готовить пищу, в том числе стряпать хлеб, доить корову, только было необходимо соблюсти очистительный ритуал: «Дома житье свое, жизнь же ето... Все можно... Только водички в ведро налей, три поклона положи, „Господи, благослови мне коровушку подоить“, и пошел... Только надо все у бога благословляться... Всегда... Даже встал, пошел утром и сказал: „Господи, благослови меня на весь день господень“, – и трудись, ходи весь день. Ложишься спать, опять три раз перекрестился: „Господи, благослови меня на всю ночь господню» – и спать ложишься“» [5, с. Верх-Уймон].

В первой трети XX в. начинать рабочий день, трапезу и любые дела было принято с молитвы. В 1930–1940-е гг. это правило сохраняли в основном староверы и наиболее религиозное старшее поколение представителей официального православия, преимущественно женщины: «Бабушки, они первым делом встают, умываются, три поклона ложат, потом уже выходят на улицу. И за водой так же идут, пока три поклона не положат (не пойдут – Е. К.)» [5, с. Верх-Уймон]; «Когда придешь к маме Моне, садиться за стол, она говорила: „Креститесь“ [5, с. Верх-Уймон]. Также было принято спрашивать благословение у старшего в семье, отца или матери, свекра или свекрови. Снохи обычно его получали от свекрови, реже свекра.

Так же у старообрядцев Уймонской долины было зафиксировано представление о необходимости все делать через правое плечо, черпать воду, подавать предметы, разворачиваться и т. д.: «На речке... Только благословиться, помолиться три раза через правое плечо, и пошел черпать. Все делается через правое плечо... Мне нужно развернуться через правое плечо, в правую сторону, права будешь» [5, с. Верх-Уймон].

Из правил, регламентировавших производство текстильных изделий, зафиксированы только требования к пошиву «смертной» одежды. Традиционно она должна была отшиваться на руках иголкой от себя. Если человек, для которого она готовилась, был еще

жив, то разрешалось шить погребальный костюм на швейной машине [5, с. Тихонькая]. Вероятно, последнее правило стало распространяться уже в советские годы.

Староверы разделяли посуду на «чистую» и «поганую», последняя могла использоваться только для хозяйственных нужд и ни в каком случае в ней не готовили: «В бане банна посуда, тазы все, ковши, все, это банна посуда, там трусы в их не моют, там для бани. Там не пьют. Оно погано называтся, ну ты же моешься» [5, с. Верх-Уймон]. Вообще концепт чистоты был для них очень значим, чистота духовная имела семантическую связь с гигиенической чистотой. Они следили, чтобы все емкости с водой закрывались с молитвой, чтобы «нечистый дух» не проник. Запрещалось наливать питьевую воду из общей емкости личной кружкой, для этого был специальный ковшик. Также посуда разделялась на добрую и мирскую, т. е. из первой ели или пили представители старообрядчества, из второй – посторонние люди. Для всех районов Алтайского края типичны рассказы о том, как кержаки протирали скобы (дверные ручки), после визита постороннего человека в их дом, отказали путнику в просьбе напоить его водой или выкинули кружку, из которой он пил [4, с. Ново-Калманка].

Русские Алтая применяли множество магических средств, в том числе заговоров, для обеспечения успешности своей хозяйственной деятельности: чтобы скотина не блудила, дом знала, чтобы не болела, чтобы не воровали [4, с. Ново-Калманка; 5, с. Верх-Уймон]: «Корова была, с заслонки (печной – Е. К.) кормили, чтобы не уходила» [3, с. Тулата].

В Чарышском районе зафиксировано представление, согласно которому при осуществлении особо значимых общинных работ, например строительстве моста, среди мужчин не должно быть грешников-снохачей, т.е. свекров, имевших сексуальные отношения со снохами: «У нас тут было, в Тулате, мост строили, ну потащили лесину – не тащится. Ну, говорят, значит, среди нас снохачи есть, кто со снохами живет, выходи. Ну там человека три или четыре, хоть стыдно, но надо бревна вынуть, выходят» [3, с. Тулата].

Подводя итоги, следует отметить как наиболее устойчивые ритуальные практики, связанные с работой в дни религиозных праздников и воскресенья. Многие стереотипы, структурировавшие хозяйственную деятельность крестьян и переводившие ее из обыденной сферы в сакральную, утратились, вероятнее всего, в 30–40-е гг.

XX в. Поскольку многие из них тесно переплетались с религиозными представлениями, большой урон им нанесла антирелигиозная кампания, а работа в коллективном хозяйстве часто не позволяла сохранить традиционный ритм жизни.

Источники и литература

1. Полевые материалы автора (далее – ПМА). 2012. Ельцовский район, с. Ельцовка, с. Пуштулим.
2. ПМА. 2012. Советский район, с. Советское, с. Шульгин Лог.
3. ПМА. 2012. Чарышский район, с. Сентилек, с. Тулата, с. Чарышское.
4. ПМА. 2013. Усть-Калманский район, с. Усть-Калманка, с. Ново-Калманка, с. Огни, с. Михайловка.
5. ПМА. 2013. Усть-Коксинский район, с. Верх-Уймон, с. Мульта, с. Тихонькая.

Т.С. Курьянова

Музейная экспедиция: историко-этнографический музей «Чолкой»

Летом 2013 г. были проведены «полевые» исследования на базе музеев под открытым небом – историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница», историко-этнографический музей «Чолкой» (Кемеровская область), Хакасский национальный музей-заповедник «Казановка» (Республика Хакасия). В процессе экспедиции собиралась информация об истории создания музея, его фондах, в частности этнографической коллекции, экспозиционно-выставочной работе, музейно-педагогических формах. Наиболее самобытным и интересным музеем нами признан историко-этнографический музей «Чолкой». О нем дальше и пойдет речь.

Инициатором создания историко-этнографического музея «Чолкой» выступил представитель телеутской интеллигенции Владимир Ильич Челухоев, бывший школьный учитель и председатель Бековского национального сельского совета. Идея основать музей возникла у него в ходе размышлений о судьбе исчезающего телеутского народа, численность которого не превышает 3 тыс. человек, и его самобытной культуре, уходящей в небытие вместе с ее носителями. Музей, по мнению основателя, должен способствовать сохранению культурного наследия телеутов, воспитанию подрастающего поколения в духе уважения к своим корням и традициям, а также

отражать основные вехи истории этноса в контексте развития страны и Кемеровской области в частности¹.

Проект будущего музея был рассмотрен и поддержан местной администрацией в лице П.Н. Акатьева и Н.А. Чимбаровой. Для его реализации выделены помещения на втором этаже местного Дома культуры. Следует отметить, что экстерьер ДК выполнен с использованием этнических мотивов, в самом же ДК выступают национальные коллективы, в том числе заслуженный ансамбль «Солоны», исполняющий телеутский национальный фольклор. Так что создаваемый музей гармонично вписался в пространство, в котором возродились традиции народа, в том числе элементы нематериального культурного наследия.

Ранее в одном из этих помещений располагалась комната боевой и трудовой славы. В 1998 г. начался ремонт и реконструкция помещений под новый музей. Решено было расписать стены комнат и коридора по мотивам сюжетов традиционной жизни телеутов, их преданий и легенд. Художники В. Понамаренко и И. Арямова в своих росписях изображали пейзажи с. Беково, в героях легенд – жителей села.

Следующим этапом стал сбор музейного материала. Обширная коллекция предметов была собрана В.И. Челухоевым в рекордные сроки. Односельчане, признавая авторитет В.И. Челухоева, несли предметы, доставшиеся им от предков, но вышедшие из повседневного обихода, осознавая, что в музее они и сохранятся, и послужат потомкам. Первым дарителем стала мать основателя музея Ульяна Андреевна Челухоева (Иткина).

Примерно в эти же годы краеведом Д.В. Кацюбой была собрана коллекция телеутских предметов для музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КемГУ), часть которой по договоренности с В.И. Челухоевым была передана в дар музею «Чолкой». Следует отметить, что фонды музея пополняются предметами не только телеутской, но и русской культуры, а также различными поделками детей, книгами, предметами нумизматики и фалеристики, т. е. всем тем, чем люди хотят поделиться с музеем. Таким образом, основным способом комплектования и пополнения фондов музея «Чолкой» является дарение.

¹ Интервью с В.И. Челухоевым от 30.05.2013.

Научно-методическую помощь в создании экспозиций и налаживании музейной работы оказали известные ученые и музеееды А.И. Мартынов, Г.С. Мартынова, Т.И. Кимеева, Н.А. Белоусова. Н.И. Белоусов изготовил чучела птиц и зверей для экспозиции, отражающей природу края. В.М. Кимеев разработал научную концепцию, а также предложил построить экомузей.

В настоящее время музей «Чолкой» располагается на территории общей площадью 3 га и состоит из традиционного музея, находящегося в здании ДК, и музея под открытым небом «Строения XVII–XX вв.». В музейной отчетной документации отмечается, что «Чолкой» относится к группе экомузеев. В штате музея числится 5 сотрудников: директор – В.И. Челухоев и 4 научных сотрудника – Л.Г. Челухоева, В.В. Челухоев, А.В. Челухоев, О. Челухоева.

Музейное пространство «Чолкоя» представляет собой сложно-организованную структуру. Во-первых, музей располагается в Доме культуры – клубном учреждении, осуществляющем главным образом развлекательно-досуговую функцию. Тем самым музей иллюстрирует важную тенденцию современности – симбиоз технологий работы и размывание функциональных границ учреждений культуры – музея, библиотеки, клуба, актуализирующих культурное наследие. Во-вторых, используется пространство около музея, что свидетельствует о подвижности музейных границ и освоении ландшафта.

Яркой особенностью музея являются его интерактивные, необычайно информативные театрализованные экскурсии. В структуре экскурсии содержится вводная, основная и заключительная части. Вводная часть строится на воспроизведении сюжетов из телеутских легенд и сказаний. Главными «актерами» театрализованного музейного представления являются директор музея В.И. Челухоев и сотрудники музея его сыновья и невестка. Роли у них каждый раз новые, но всегда в «постановке» присутствуют шаман и телеутский князь. Для сохранения исторической достоверности они облачены в традиционные телеутские одежды, у шамана имеются бубен и колотушка. Представление начинается сразу же после того, как группа экскурсантов выстраивается перед воротами экомузея «Строения XVII–XX вв.». Перед ними разыгрывается характерная для народного эпоса легенда о победе добра над злом: враг (А.В. Челухоев) захватывает телеутскую землю и порабощает хозяйку юрты (О. Челухоева), но тут появляется телеутский князь (В.И. Челухоев) на коне, по-

беждает захватчика и освобождает хозяйку юрты. Заключает действо обряд камлания, в ходе которого шаман (В.В. Челухоев) проводит очищение огнем, кормление духов земли, воды, гор, обращение шамана к Ульгеню за благословением. После чего телеутский князь и шаман раздают экскурсантам цветные ленточки – чалама – для того, чтобы они повязали их на березе, священном для телеутов дереве, и загадали желание. Потом телеутский князь приглашает всех в юрту. С этого момента начинается основная часть экскурсии.

В юрте телеутский князь, заняв почетное место, предлагает вошедшим сесть вокруг очага. После того как дети приготовились слушать, он достает национальный музыкальный инструмент *тапшур* и под его аккомпанемент начинает рассказывать об истории возникновения такого народа, как телеуты, приправляя повествование изрядной порцией мифов и легенд. Потом обращается к описанию самой юрты, ее конструктивных и символических особенностей, предметов, находящихся в ней, и, как следствие, промыслов и занятий телеутов.

Затем телеутский князь с экскурсантами отправляются к следующему объекту музейного показа – полуземлянке. Там В.И. Челухоев достает балалайку – символ русской музыкальной культуры – и под ее мелодичное незатейливое звучание рассказывает о том, как изменились жизнь и мировоззрение телеутов с приходом русских, какими занятиями они овладели, обращает внимание слушателей на внутреннее убранство землянки.

Наконец, посетители оказываются в типичном крестьянском русском доме. На сей раз телеутский князь берет в руки гармонь, ассоциирующуюся с жизнелюбием и оптимизмом народа, не взвращающего ни на какие невзгоды, и начинает рассказывать о Великой Октябрьской революции, Гражданской войне, появлении колхозов, Великой Отечественной войне и о роли телеутского этноса в этих событиях.

Следует отметить, что музыкальные инструменты, используемые экскурсоводом, служат связующей путеводной нитью и в то же время маркером того или иного исторического периода. Постоянство амплуа и костюма экскурсовода на протяжении всей программы свидетельствует о том, что, несмотря на смену исторических декораций, телеуты пытаются сохранить свою национальную идентичность и культуру.

Из экомuzeя участники экскурсии перемещаются в музей, находящийся в здании ДК. Здесь их более подробно знакомят с историей и природой края, особенностями традиционного мировоззрения, обрядами, играми, праздниками, обычаями, образцами декоративно-прикладного искусства телеутов. В зале истории XX в. и современности при рассказе о переломных и трагических событиях в жизни страны речь экскурсовода окрашивается в патриотические тона, он призывает детей брать пример с героев событий, любить и защищать Родину. Там же экскурсовод обращает внимание на недавно созданную выставку, посвященную 70-летию основания Кемеровской области, в которой отражена история региона сквозь призму самоотверженного труда горняков.

В выставочном зале экскурсантам показывают предметы, подаренные музею, рассказывают о выдающихся людях села, в том числе о композиторе и исполнителе А.С. Корбине, предприятиях, истории создания музея «Чолкой» и пр.

Заключительная часть экскурсионной программы носит рекреационный развлекательный характер. Дети еще раз гуляют по экомuzeю, пьют воду из родника, расположенного на его территории, осматривают строения, забираются на смотровую площадку, после чего их катают на запряженной в телегу алтайской лошади, либо верхом. Посетители могут оставить музею что-нибудь на память о себе, как правило, дети дарят музею свои поделки.

Следует отметить, что каждый раз в сценарий экскурсии В.И. Челухоевым привносится что-то новое, поэтому многие посетители, побывавшие там однажды, возвращаются вновь. Во время экскурсии идет постоянный диалог экскурсовода – телеутского князя с посетителями в формате «вопрос-ответ», даются наставления молодому поколению. Экскурсии в общей сложности длятся 2,5–3 часа, при этом дети – наиболее сложная часть музейной аудитории – сохраняют все это время бодрость и неподдельный интерес к происходящему. Такие экскурсии не просто способ обогатиться новыми знаниями, но и фактор формирования этнокультурных установок у подрастающего поколения.

Следует отметить, что театрализованные музейные представления пользуются спросом за пределами музея «Чолкой». В последнее время они приобрели «кочевой» характер. Сотрудников музея часто приглашают принять участие в открытии выставок, научных конференций, симпозиумов, праздничных мероприятиях и т. д. Подобная

деятельность способствует популяризации музея и культуры телеутского этноса.

Таким образом, историко-этнографический музей «Чолкой» является уникальным учреждением культуры со сложной организационной структурой, сочетающей традиционные и новационные формы. Оригинальное прочтение собственной культуры выразилось в ее музеефикации и способах актуализации, например, через театрализованные музейные экскурсии. Создание музея носителем культуры на месте ее исторического бытования свидетельствует об осознании роли музея как основного способа сохранения и трансляции этнических традиций и компетенций, а также как механизма поддержания национальной идентичности и консолидации этноса.

Источники и литература

1. Информационно-аналитический отчет о деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области за 2011 г. Кемерово, 2012. 21 с.

А.С. Кузнецов

«Образ врага» у ветеранов Второй мировой войны на германском и японском фронтах: особенности и отличительные черты (по устным историческим источникам)

В процессе любого вида взаимодействий стран, государств и их народов формируются определенные представления друг о друге, «образы». Войны – одна из форм конфликтного взаимодействия государств, существовавшая на протяжении практически всей истории человечества. Вооруженный противник, несущий смерть и разрушения, воспринимается принципиально иначе, нежели партнер в области экономики, культуры, образования, науки и т. д. Стереотипы взаимовосприятия народов мирного времени в период войн неизбежно трансформируются в «образ врага», особенно если государство оказывает целенаправленное воздействие на свое население. В последние десятилетия область исследований, занимающаяся изучением «образов», выделилась в самостоятельную научную дисциплину – имагологию. Основной объект исследования имагологии – то, как в национальных культурах формируются образы «своего» и «чужого» [7, с. 15].

Динамику формирования образов, их изменения во времени помимо традиционных источников позволяют увидеть источники, созданные посредством метода устной истории. Методика устной истории позволяет по-новому взглянуть на источники периодической печати, официальные сводки, которые посредством пропаганды, особенно в период Великой Отечественной войны, формировали «образ врага», «образ чужого», но они не раскрывают мыслей, эмоций, настроения простого гражданина, простого солдата. Используя метод устной истории, историк получает уникальную возможность управлять процессом создания нового источника в соответствии с потребностями своего исследования, конкретизировать и уточнять получаемые данные [6, с. 87].

Проблема формирования и бытования «образа врага» на германском фронте у ветеранов Великой Отечественной войны уже рассматривалась автором в одной из публикаций, поэтому не будем возвращаться к данной теме. Помимо «образа врага-немца», актуален «образ врага-японца», поскольку и пропаганда по отношению к Японии, и характер, и причины, и ход боевых действий кардинально отличаются от пропаганды и войны с Германией. Поэтому «образ врага» у ветеранов Дальневосточной кампании 1945 г. имеет свои нюансы и особенно интересен у ветеранов, воевавших как с Германией, так и с Японией.

Задачи исследования состоят в том, чтобы получить индивидуально пережитые и осмысленные сведения по кругу вопросов, относящихся к формированию «образа врага» у участников Дальневосточной кампании 1945 г., выявить общее и различное с «образом врага» у ветеранов Великой Отечественной войны.

В результате пяти полевых сезонов историко-этнографической экспедиции АлтГПА (2009–2013 гг.) автором статьи были собраны устные воспоминания ветеранов, которые позволяют сделать некоторые выводы и обобщения по изучению «образов врага» у ветеранов Великой Отечественной войны и Дальневосточной кампании.

Одним из упреков устной истории со стороны традиционной практики является недостаточная достоверность источника, но устные историки рассматривают исторические события через их восприятие простыми людьми, через их судьбу. Устные исторические источники показывают отношение респондента к изучаемому событию. При этом стоит учитывать субъективизм интервью, так как в сознании любого человека исторические факты отражаются под

влиянием мировоззрения, психологии, жизненных обстоятельств. Что касается достоверности устного исторического источника, то и любой письменный источник может создаваться предвзято и нести на себе классовую, политическую, национальную, идеологическую субъективность [11, с. 388].

Важным является представление ветеранов о японских солдатах. Все респонденты уважительно говорили о японцах как солдатах. «Японцы – очень способный народ и ловкий» [5]. Так же все опрошенные ветераны вспоминают отличное умение пользоваться холодным оружием у японских солдат: «Они ночью часто нападали. Без оружия, с одними только кинжалами. Могли так целый взвод вырезать», – сказал по этому поводу Д. С. Солошенко [9]. На вопрос: «Как вы относились к противнику?», – П. С. Корольков ответил: «Как сказать? Если б вот сказали: „Что вы хотите? Воевать или не воевать?“ Естественно, и японцы бы сказали: „Мы не хотим воевать“. У нас тоже такое было. Война – это смерть, смерть обоюдная. Понимаете? Но панибратства, конечно, не было никакого. Какое может быть панибратство, если ты с оружием и он с оружием? Там или он тебя, или ты его сшибёшь. Вот закон. Вот всё. Шо больше?» [4].

Информант И.И. Спирич, воевавший и «на западе», и «на востоке» (так говорят о войне с Германией и Японией ветераны), сравнивал японских и немецких солдат: «Большая разница. Японец мягче. Мягче, я имею в виду зверства... Немец по-зверски воевал» [10]. Данное высказывание подтверждают все респонденты. По мнению автора, этим ветеран хотел сказать, что немецкие воевали до последнего, а японцев было легче заставить отступить, разумеется, кроме смертников, про которых вспоминают все респонденты, участвовавшие в Дальневосточной кампании, но это лишь единичные случаи, поэтому они не оставляли большого отпечатка на «образе врага» у респондентов.

В целом при сравнении «образа врага» у информантов, участвовавших в Великой Отечественной войне и Дальневосточной кампании, можно сделать вывод, что образ японских солдат имеет более человеческое содержание, чем солдат вермахта. Ни один из ветеранов не говорил о ненависти к японцам, о стремлении убить японского солдата, что мы видим, выявляя представления респондентов о немецких солдатах. Вероятно, это можно объяснить тем, что, во-первых, война с Японией длилась недолгое время и не оставила глубокий след, как в экономике страны, так и в сердцах людей, воевав-

ших с ней. Во-вторых, у солдат было мало поводов к ненависти японцев, в виду уже указанной выше причины. За короткое время боевых действий солдаты обеих сторон мало узнали друг о друге. В-третьих, с точки зрения простого бойца Красной Армии, война с Японией не являлась острой необходимостью, не была войной на выживание, как это было с Германией. И японский солдат воспринимался так же, как и советский, заложником обстоятельств. Вспомним слова П.С. Королькова: «Война – это смерть. Смерть обоюдная» [4]. В-четвёртых, по мнению автора, война с Германией оставила очень глубокий след в сознании советских граждан, и образ врага-японца перекрывал образ врага-немца и отходил на второй план. Японский солдат не воспринимался «врагом» в том смысле этого слова, в каком оно относилось к солдатам вермахта. В-пятых, стоит вспомнить оккупацию немецкими войсками ряда территорий Советского Союза и её страшные последствия. Автор считает, что это тоже отложилось на «образе врага-немца». Ненависть к немецкой армии постепенно накапливалась и вызревала, и особенно ярко это проявлялось в периодической печати изучаемого периода: «Тихо плескаясь, волжская вода выносит на песок к нашим ногам обгоревшее бревно. На нём лежит утопленница, обхватив его опаленными, скрюченными пальцами. Я не знаю, откуда принесли её волны. Может быть, это одна из тех, кто погиб на пароходе, может быть, одна из погибших во время пожара на пристанях. Лицо её искажено: муки перед смертью, должно быть, были невероятными. Это сделали немцы, сделали на наших глазах. И пусть потом они не просят пощады ни у одного из тех, кто это видел. После Сталинграда мы их не простим», – пишет К. Симонов в статье «Дни и ночи», опубликованной в газете «Правда» от 25 сентября 1942 года [8]. Японская армия к оккупации территорий СССР практически отношения не имеет, поэтому и «образ врага-японца» для советских солдат был менее эмоциональным.

«Образ врага-немца» имеет свои особенности. Первая особенность – для большинства опрошенных ветеранов немецкий солдат – враг не только по политическим причинам (как японский), а и по моральным и даже личным причинам. Многие видели зверства фашистских солдат своими глазами, у многих на войне погибли родные и близкие, поэтому солдатам Красной Армии не нужно было объяснять, за что они воюют. В войне с Японией для простого солдата не всё так было ясно. Вторая особенность – некоторые респонден-

ты понимали, что большинство немецких солдат не фашисты, что они такие солдаты, как и бойцы Красной Армии, что они выполняют приказ, поэтому автор не заметил ненависти к ним, но другие опрошенные ветераны говорили, что хотели скорее уничтожить врага, изгнать с территории СССР. Здесь стоит учитывать временной разрыв от изучаемой поры. «Чем длительнее временное расстояние, тем большая вероятность искажения, утраты деталей, фамилий действующих лиц и т. д. Вместе с тем временная дистанция дает возможность спокойнее и объективнее оценить прошлое, более взвешенно расставить акценты, выделить из частного главное и т. д.» [2, с. 636]. Третья особенность – война с Германией шла относительно долгое время, имела ожесточенный характер и оставила глубокий след в сознании ветеранов, поэтому «образ врага-немца» намного ярче, чем «образ врага-японца». Если судить по периодике изучаемого периода, немецкая армия – смертельный враг для всех жителей советского государства: солдат и жителей оккупированных и прифронтовых земель, но и жителей тыловых районов, и пропаганда усиливала эти настроения: «Ненависть и гнев – вот чувства, которые кровавые деяния фашистских палачей вызывают у советских патриотов», – пишет И. Ермашев в газете «Алтайская правда» от 8 октября 1941 г. [3]. Япония и её армия не подвергались такому усиленному пропагандистскому «обстрелу», что, соответственно, должно было отразиться на сознании граждан Советского Союза. Слова опрошенных ветеранов подтверждают это.

В результате на основе имеющихся источников и литературы стоит отметить, что «образ врага» у ветеранов Великой Отечественной войны и Дальневосточной кампании 1945 г. разнообразен. Здесь следует учитывать человеческий фактор. У каждого человека свой взгляд на мир, своё мироощущение, а следовательно, и у каждого ветерана своя война и свой «образ врага», но можно выделить его общие черты. В первую очередь это понимание, что солдаты иностранных держав – такие же люди, как и сами респонденты, что они выполняют свой приказ, как и бойцы Красной Армии. Во-вторых, понимание в то же время, что солдаты неприятельской армии – враги, какими бы «товарищами по несчастью» они ни были. В качестве подтверждения вновь приведём высказывание П.С. Королькова: «Какое может быть панибратство, если ты с оружием? Там или он тебя, или ты его сшибешь. Вот закон» [4]. Таким образом, изучая восприятие врага, динамику развития его «образа» через призму

устной истории, данную проблематику нужно рассматривать комплексно, учитывая все возможные факторы, влияющие на сознание и мировоззрение людей.

Источники и литература

1. Архивный отдел Администрации Панкрушихинского района Алтайского края. Ф. 109. Оп. 1. Д. 15.
2. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. 701 с.
3. Ермашев И. Армия палачей // Газета «Алтайская правда» 8 октября 1941 г. № 288 (6258).
4. Корольков П.С., 1920 г. р., Егорьевский район, п. Перешеечный // Архив ЛИК АлтГПА. Ф.1. Материалы ИЭЭ 2013.
5. Поклонов В.К., 1927 г. р., Волчихинский район, с. Усть-Волчиха // Архив ЛИК АлтГПА. Ф.1. Материалы ИЭЭ 2011.
6. Реброва И.В. Устные воспоминания о Второй мировой: обзор некоторых новейших отечественных публикаций // Устная история (oral history): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сентября 2006 г.). Барнаул, 2007. С. 86–91.
7. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества: монография. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
8. Симонов К. Дни и ночи // Газета «Правда» 25 сентября 1942 г. № 268 (9039).
9. Солошенко Д.С., 1927 г. р., Волчихинский район, с. Волчиха // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2011.
10. Спириин И.И., 1927 г. р., Романовский район, с. Романово // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010.
11. Щеглова Т.К. Алтайская деревня в 1950–1970 гг.: устная история безгласного большинства // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: науч. и док. материалы. Барнаул, 2005. С. 387–411.

Н.В. Люля, С.Е. Дивнич, П.Е. Мананникова

**Украинские переселенцы
Егорьевского района Алтайского края
(по материалам полевых исследований в с. Сросты и с. Титовка)¹**

Одной из задач участников историко-этнографической экспедиции АлтГПА полевого сезона 2013 г. в Егорьевский район Алтайского края явилось изучение формирования и культурных особенностей южнорусских и украинских переселенцев. В ходе работы в селах Сросты, Шубинка, Лебяжье, Малая Шелковка, Титовка, Новоегорьевское было выявлено, что наибольшее количество украинцев на момент проведения экспедиции проживало в с. Титовка и с. Сросты. Интервью потомков украинских переселенцев, собранные в этих селах, составили основу настоящей публикации.

Для выявления культурных особенностей украинского населения в селах района привлечены материалы опроса русских, статистические сведения, полученные из данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. и Похозяйственных книг администраций сёл Титовка и Сросты за 1952–1954 гг.

Егорьевский район относится к периферии поликультурной зоны расселения украинского населения в Алтайском крае [16, с. 77]. Активный приток украинского населения на территорию Егорьевского района продолжался на протяжении первой половины XX в. Массовые переселения украинских крестьян в селах Сросты и Титовка связаны с поиском свободной земли в 1881–1905 гг., с реализацией столыпинской аграрной реформы 1906–1915 гг., а также насильственного переселения конца 1930 – начала 1940-х гг. [1, 2].

В ходе работы с информантами в с. Титовка были записаны воспоминания потомков украинцев-переселенцев. По рассказам информантов, переселили их [украинцев] на Алтай с территории современной Украины Полтавской области с. Любимовка в мае 1941 года, потому что «земли не хватало» [6]. Везли ночью, днем стояли в тупиках. Прибыв на ст. Мамонтово, переселенцы самостоятельно на лошадях добирались до места поселения. Прибывших «подселяли» на квартиры. Прожив год, украинцы стали строить свои отдельные глиняные дома. В селе Титовка только украинскими

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №13-31-01008 а1. «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.».

переселенцами был образован колхоз им. Куйбышева [6, 7, 9]. Большая часть переселенцев 1941 г. после окончания войны вернулась обратно на Украину. На момент обследования в селе Титовка осталось только четыре семьи украинцев-переселенцев 1941 г. [6, 8, 9].

С момента образования в рассматриваемых селах большей частью проживало русское и украинское население. На момент проведения переписи в 1917 году с. Сросты и с. Титовка входили в состав Ново-Егорьевской волости Змеиногорского уезда Томской губернии [1, 2]. Согласно материалам переписи, на территории рассматриваемых сёл всего проживало 1012 семей: с. Сросты – 447, в с. Титовка – 625 семьи. Из них в с. Сросты: 387 русских, 59 украинских семей, в с. Титовка: 453 русских, 172 украинских семьи (см. табл. 2) [1, 2]. На 1917 год украинцы составляли 23% от общего состава населения обследуемых сел [1, 2]. Как показывают архивные источники, украинские переселенцы являлись выходцами из Курской, Тамбовской, Воронежской, Томской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Таврической губерний (см. табл. 1) [1, 2]. Таким образом, в рассматриваемых селах русское население численно преобладало. Все украинские семьи на 1917 г. были моноэтничны, браки заключались только с представителями своей национальности [1, 2]. Как показал анализ похозяйственных книг, на 1954 год в с. Сросты проживало только пять украинский семей, в с. Титовка – 11 [4, 5]. Браки заключались уже между представителями русской и украинской национальности [4, 5]. На момент опроса в 2013 году, в с. Сросты и с. Титовка проживало всего восемь прямых потомков украинских переселенцев. В результате воспоминания украинцев и русских о традиционной украинской материальной и духовной культуре оказались фрагментарными. Наибольшее количество информации было получено о взаимоотношениях украинцев и русских, жилище, пище, одежде украинских переселенцев в первой половине XX в.

Рассматриваемые села характеризуются тесными контактами русского и украинского населения, что в наибольшей степени прослеживается на бытовом уровне. Собранные полевые материалы зафиксировали прозвища, употребляемые представителями двух национальностей по отношению друг к другу. Украинцев, как и на всей территории Алтайского края, в с. Сросты и с. Титовка русское население называло «хохлами» [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]. В собранных материалах нашло отражение понимание слова «хохол» украинцами. По воспоминаниям, прозвище «хохол» возникло тогда, когда украин-

ские мужчины «на голове только эти хохлы оставляли» [6]. Прозвище «хохол», по словам опрошенных, когда они были детьми, являлось оскорбительным, но на момент опроса таковым не считается [6]. С.В. Бесчеремный рассказывает: «Ну, хохол, ну, по-украински говорил, чего обижаться-то» [7]. При этом в с. Сросты была записана поговорка, которая бытовала среди русского населения: «осина – не древесина и хохол – не человек» [12]. В с. Титовка было выявлено название русского населения – «кацапы» [5]. Опрошенные русские респонденты предполагали, что «кацапы» – это по-украински означало «русский» [5].

В зависимости от длительности проживания в селах Алтайского края потомки украинских переселенцев называют себя по-разному: первые – русскими, вторые – украинцами. В качестве самоназвания украинские переселенцы сел Сросты и Титовка не используют слово «хохол». Отмечено, что потомки украинских переселенцев разговаривают на русском языке, не сохранив родного языка. А.М. Адонина вспоминает: «Я маленькая была – знала украинский, а потом в школу пошла – и все, щас и не знаю его, чисто по-русски разговариваю. Мне бабушка скажет на украинском, а я не понимаю! Я ей: „Баб, говоришь-то что, не пойму!“».

В связи с тем, что русское население преобладало в селах Егорьевского района, украинцы селились компактно – целыми улицами, которые именовали по названию губерний. По воспоминаниям опрошенных, в с. Титовка жили на улицах «Черниговской», «Полтавской», а также «Дубрава» и «Зеленый клин» [5, 6, 7, 8, 11]. В связи со сложностью условий адаптации, в которых оказались переселенцы, на протяжении первой половины XX века украинцы проживали по традиции в глинобитных литых домах [5, 6, 9, 11, 12, 14 с. 118–119]. Строили такие дома из глины, смешанной с соломой, заливая в возведенные по форме дома деревянные каркасы [14, с. 118–119]. При этом информанты называли такие дома «саманными» [5, 6, 8, 11]. Так, В.П. Говорушко рассказывает: «Лили „саманки“. Лили из глины с соломой. Опалубку делали с досок и меж их заливали – вот и дом!» [8]. В связи с тем, что такой дом нужно было построить за короткий срок, созывали на помощь соседей. Опрошенные вспоминают: «целой улице строили тогда» [5, 6, 8]. В таком доме было две комнаты: кухня и горница, которые разделяла русская печь, сбитая из глины [5, 8, 9, 11, 12]. Так же украинцы строили деревянные пятистенки [5, 6, 8, 9, 11, 12]. Их возведение в с. Сросты и с. Титовка началось в

50–60-е гг. XX в., после образования лесхозов, которые продавали лес для строительства [6, 9, 12].

По мнению большинства этнографов, наибольшей сохранностью обладает традиционная пища. В ходе работы с респондентами удалось записать воспоминания о традиционных украинских блюдах. К ним информанты сёл Егорьевского района, так же как и украинские переселенцы Панкрушихинского района, отнесли: борщ со свекольным квасом, вареники с творогом, с вареным картофелем, с ягодами, а также галушки и драники [5–9, 15]. И.П. Тисленко вспоминает: «Готовили украинский борщ. Вареники делали с картошкой да творогом. Галушки делали» [12]. Так же, как и в с. Ягодино Благовещенского района, в с. Сросты и с. Титовка Егорьевского района в борщ обязательно добавляли фасоль [6, 8, 10, 13], при этом было сохранено специфическое украинское название «квасоль» [9, 11]. В отличие от украинцев Панкрушихинского района, которые к часто употребляемым напиткам отнесли коровье молоко, квас, чай из мяты, украинцы Егорьевского района называли квас, кисель «белый» из молока и кисель из ягод [6, 9, 12]. К спиртным напиткам опрошенные отнесли «горилку», при этом напиток сохранил украинское название [7, 6, 9, 11, 12].

В памяти респондентов в меньшей степени сохранились воспоминания об одежде украинских переселенцев. По рассказам опрошенных, украинцы носили «русскую одежду» [5, 6, 9, 11, 12]. И.П. Тисленко рассказывает: «Дед одевался по-русски, ничем одежда не отличалась» [12]. При этом сохранялась традиционная одежда, которую носили женщины: кофта с жилеткой и длинная юбка [5, 9–11]. Украинских названий зафиксировано не было. На женской одежде вышивали крестом цветными нитками «мулине» преимущественно растительный орнамент – цветы [6, 8, 9, 11]. Как показала работа с информантами, многие до настоящего времени «на память» хранят одежду (женская и мужская сорочки) или ее фрагменты (вышитые рукава женской рубахи), привезенную с Украины [6, 9].

Как показал анализ материалов, в сёлах с преобладающим русским населением украинцы значительно быстрее утратили самосознание, язык, элементы материальной и духовной традиционной культуры, чем в тех селах, где украинцев была большая часть.

Таблица 1. Количество переселенцев с. Сросты и с. Титовка по губерниям выхода на 1917 год.

Губерния	Количество семей-переселенцев		Губерния	Количество семей-переселенцев	
	с. Сросты	с. Титовка		с. Сросты	с. Титовка
Курская	70	175	Пермская	3	3
Воронежская	67	113	Тульская	1	0
Тамбовская	54	103	Вятская	0	6
Томская	24	5	Оренбургская	0	1
Пензенская	14	12	Орловская	0	1
Рязанская	6	46	Уфимская	0	1
Орловская	4	1	Костромская	0	1
Самарская	5	2	Харьковская	6	72
Тобольская	0	8	Полтавская	19	10
Смоленская	1	0	Черниговская	3	40
Казанская	1	0	Таврическая	0	1
Саратовская	3	9			

Составлено: ГААК. Ф. 233. Оп. 16. Д. 516 – 518, 387 – 390.

Таблица 2. Национальный состав с. Сросты и с. Титовка на 1917 год.

Национальность	Количество семей	
	с. Сросты	с. Титовка
Русские	387	453
Украинцы	59	172

Составлено: ГААК. Ф. 233. Оп. 16. Д. 516 – 518, 387 – 390.

Источники и литература

1. Государственный архив Алтайского края. Ф. 233. Оп. 16. Д. 516–518.
2. Государственный архив Алтайского края. Ф. 233. Оп. 1 б. Д. 387–390.
3. Текущий архив Титовского сельского совета. Ф. 32. Оп. 1-д. Д. 1–10. Похозяйственные книги за 1952–1954 гг.
4. Архивный отдел Сростинского сельского совета. Д. 12, 13. Похозяйственные книги за 1952–1954 гг.
5. Адасик М.И. 1924 г.р. (русская). Егорьевский р-н, с. Титовка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
6. Адонина (Калинович) А.М. 1938 г.р. (украинка, родители переселенцы с Полтавы). Егорьевский р-н, с. Титовка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
7. Бесчеремный С.В. 1923 г.р. (русский). Егорьевский р-он, с. Титовка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.

-
8. Говорушко В.П. 1933 г.р. (украинец). Егорьевский р-н, с. Титовка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф.1. Материалы ИЭЭ 2013.
 9. Зоткина (Белоус) М.Е. 1935 г.р. (украинка, родители переселенцы с Полтавской области). Егорьевский р-н, с. Титовка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
 10. Кушнерик А.Е. 1925 г.р. (родители переселенцы с Украины). Егорьевский р-н, с. Сросты // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
 11. Солощенко (Уманец) Л.В. 1928 г.р. (украинка, родители переселенцы с Полтавской области). Егорьевский р-н, с. Титовка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
 12. Тисленко П.И. 1933 г.р. (украинец). Егорьевский р-н, с. Сросты // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
 13. Шкурко А.Г. 1933 г.р. Благовещенский район, с. Ягодино // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.
 14. Липинская В.А. Сельское жилище и хозяйственные постройки // Вопросы и программы по этноархеологии и этнографии для участников археологических и этнографических экспедиций и студенческих практик: учебно-методическое пособие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2002. С. 116–127.
 15. Люля Н.В. Сохранение украинских традиций приготовления пищи украинскими переселенцами Панкрушихинского района во второй половине 50-х – начале 60-х годов XX века // Сб. науч. ст. междунар. школы-семинара «Ломоносовские чтения на Алтае». Барнаул, 20–23 ноября, 2012: в IV ч. Барнаул: АлтГПА, 2012. Ч. IV. С. 80–82.
 16. Щеглова Т.К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы 8-й междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию ист.-этногр. исслед. сектора уст. истории и этнографии ЛИК АлтГПА. Вып. 8. Барнаул : АлтГПА, 2011. С. 72–83.

А.А. Мазырина

Гражданская война

в воспоминаниях потомков столыпинских переселенцев в с. Орлеан Благовещенского района Алтайского края¹

Освоение территории России Алтайского края в XVIII–XX вв. проходило в форме создания временных и постоянных мест проживания. Картина сельской поселенческой инфраструктуры края постоянно менялась. Тенденции ее развития в XX в. отражали общие для Алтайского края периоды и направления: наибольшей освоенности она достигла в 1920-е гг. (период расцвета вольной крестьянской колонизации) и наибольшего сокращения числа населенных пунктов – в 1960–1980 гг. (результат советской реорганизации деревни) [7, с. 90].

Большой вклад в развитие поселковой инфраструктуры внесли столыпинские переселения и столыпинские переселенцы. В рамках историко-этнографической экспедиции по сбору воспоминаний потомков столыпинских переселенцев, организованной под руководством зав. кафедрой отечественной истории, доктора исторических наук Татьяны Кирилловны Щегловой в с. Орлеан Благовещенского района, был собран материал о влиянии революционных событий на адаптацию столыпинских переселенцев к новой политической и общественной ситуации в первое десятилетие проживания на Алтае.

Автор работы делает попытку с помощью материалов интервью проанализировать сохранившиеся воспоминания столыпинских переселенцев о событиях Гражданской войны, их позиции. Очевидцев военно-революционных событий в живых не осталось. Зафиксированные устные источники базируются на рассказах родителей, которые были детьми в годы гражданской войны. Основные воспоминания записаны у респондентов (1920-х г.р., 1930-х г.р.). Поэтому необходимо учитывать те деформации, которым подверглась их оценка под влиянием советской пропаганды.

Село Орлеан было создано как постоянное место проживания выходцами, переселившимися из Полтавской губернии на Алтай в ходе реформы П.А. Столыпина. Первые переселенцы приехали в

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект №12-06-98013-Р_Сибирь_а: Изучение адаптивного биологического статуса потомков переселенцев периода столыпинских реформ в Алтайском крае.

1908 г., а основная их масса приехала в 1911 г. Раньше село носило название Тройное, по трем участкам, выделенным в Кулундинской степи под нынешнее с. Орлеан. После заселения этих участков на сходе граждан было предложено Михаилом Госпадаренко переименовать село в Орлеан. Старые жители так поясняют: так как раньше многие ездили на заработки в Америку и узнали такое название [1].

Обустроившихся на новом месте жителей захлестнули военно-революционные события. 25 мая 1918 г. начался белочешский мятеж. Выступление чехословацкого корпуса послужило сигналом к мятежам белогвардейцев, эсеров и меньшевиков в Сибири. В ответ в с. Благовещенка Алтайского края был организован один из штабов красных партизан для борьбы с белогвардейцами, сюда начали прибывать партизаны из с. Кучук, с. Орлеан. Партизан вооружали пиками, которые были изготовлены местными кузнецами. Около Орлеана произошел один из крупнейших боев времен Гражданской войны. Объединенный отряд П. Сухова¹ шел через села Кулундинской степи к городу Омску, чтобы соединиться с Красной армией и продолжить борьбу против мятежа. Создавая в селах подпольные группы, красногвардейцы продвигались дальше на запад. Первый бой красногвардейцев отряда Сухова с отрядом белых произошел 29 июня 1918 г. у с. Леньки Благовещенского района, умело маневрируя, красногвардейцы вышибли белых из села и обратили их в бегство [6, с. 82]. Данный эпизод был зафиксирован в устных воспоминаниях Т.К. Губской, его ей рассказала мама, которая сама на тот момент была еще ребенком: «У нас Колчак зашел в дом. Они враги, предатели. Они зашли в Орлеан. Зашли в дом [белогвардейцы], в сундуке порылись, порылись, может, какое оружие, а там... а тут тетка одна, погребник из самана сделанный, и она полезла туда с детиной. И такая девка хорошая была. Они с детиной спрятались в погребке... Пришли... в хате порылись, нема оружия. А они чуют, что кто-то в погребке. Сказали: „А кто в погребке есть? Вылазьте! А то щас пулю быстро пустим!“ И они пустили пулю и прям тетке в голову и убили в погребнику. У них оружие было, они вооружены были. Захватить Орлеан, завладеть и жить тут. А мы [орлеанцы] остальные, кто был в кузне, наковали и побегли, и давай их. За Леньками разгромили их, из Родино потом подмога пришла. Отродье кулацкое

¹ Объединенный отряд барнаульских, каменских, кольчугинских большевиков, совершивший летом 1918 года, рейд для соединения с частями Красной Армии.

хотело, чтобы Колчак пришел, а вот эти кулаки, их сослали за Кулунду. Мы сохранили Орлеан» [3].

Другой эпизод был записан со слов В.А. Мысик (Гентебранд), узнала она его от бабушки, которая молоденькой девочкой стала очевидцем событий этого периода Гражданской войны: «Орлеанцы вышли с копьями, с вилами. Это нам бабушка рассказывала. Она была подростком, ей было лет 10. Ты слышала, что тут творилось? Такая стрельба! Мы ничего не можем понять, люди бегут, кричат. Дом горит» [4]. Многие крестьяне, особенно женщины, пытались отступить в стороне и спасти детей: «А можно было спрятаться в траве, трава высокая, мы вот в этой траве ползали. И ползли до озера соленого, кое-что прихватили. Ой, да мы ж, говорит, у нас, у батько, бричка была, мы на бричку и он нас всех поукрывает, и вперед мы летели с такой скоростью. Кое-кто вылетал, опять возвращался. И вот они прятались возле озера, стреляли пушками» [4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что записанный материал о событиях Гражданской войны сохранился в качестве устных преданий, которые передаются от поколения к поколению.

Источники и литература

1. Лубенец (Лаврененко) Р.Е., 1942 г.р. Благовещенский район, с. Орлеан // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013
2. Госпадаренко М.А., 1927 г.р. Благовещенский район, с. Орлеан // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
3. Губская (Серик) Т.К., 1930 г.р. Благовещенский район, с. Орлеан // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
4. Мысик (Гентебранд) В.А., 1949 г.р. Благовещенский район, с. Орлеан // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
5. Мысик М.А., 1950 г.р. Благовещенский район, с. Орлеан // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
6. Шелестов Д.К. Борьба за власть Советов на Алтае в 1917–1919 гг. М.: Изд-во Московского университета, 1959. 135 с.
7. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008. 528 с.

Фото 1. Памятник партизанам, погибшим в годы гражданской войны.
Село Орлеан, Благовещенский район. Фото октября 2013 г.

Фото 2. Табличка памятника партизанам, погибшим в годы гражданской войны.
Село Орлеан, Благовещенский район. Фото октября 2013 г.

О.С. Мамонтова

«Чалдоны» Каменского района

(по результатам историко-этнографической экспедиции АГКМ)

В июле 2013 г. сотрудники Алтайского государственного краеведческого музея провели историко-этнографическую экспедицию в Каменский район в рамках реализации ведомственной целевой программы «Сохранение и развитие традиционной народной культуры Алтайского края». Маршрут проходил через села Столбово, Верх-Аллак, Гонохово, Обское, Рыбное, Новоярки, Поперечное, где были встречены представители русского, немецкого, мордовского, чувашского, украинского населения. В ходе экспедиции в ряде сел были зафиксированы потомки различных этнографических групп русских («чалдоны», «расея», «кацапы»), от которых получены предметы, характеризующие материальную и духовную культуру данных групп: утварь, орудия труда, мебель, предметы культа.

Во время экспедиции основную массу респондентов составляли потомки русских переселенцев, прибывших на территорию Алтая в первой четверти XX в. В интервью информаторы при описании хозяйственно-культурных традиций и бытовых привычек своих предков противопоставляли их традициям такой группы русского населения, как «чалдоны». На сегодняшний день их немногочисленные потомки дисперсно проживают в селах Столбово, Гонохово, Обское. В ходе обследования данных населенных пунктов нами были выявлены фамилии семей, относившихся к этой старожильческой группе русских. Так, в с. Столбово проживали Кирпичёвы, Шонгины, Малетины, в с. Гонохово – Артамоновы, Гориявчевы (Горейвчевы), Гилёвы, Паршуковы, Чеботаевы, в с. Обское – Веселковы, Изосимовы. Информаторы отмечали, что указанные фамилии являлись самыми распространенными в среде «чалдонов». В анкетах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. данные семьи отнесены к группе старожилы и действительно были многочисленны. Например, в с. Гонохово проживало пятнадцать семей Артамоновых [1, л. 15–45].

В настоящее время этническое самосознание сохраняют лишь представители старшего поколения, но они не могут объяснить значение термина «чалдон». Так, жительница с. Столбово А.П. Малетина сообщила, что ее родители были «чалдонами». «Называли их

Фото 1. Малетина Ангелина Петровна, 1921 г.р., с. Столбово, Каменский район.

чалдонами. Что за чалдоны – я не знаю. Чалдоны – местные» [3] (фото 1).

Для потомков русских переселенцев одним из признаков идентичности «чалдонов» являлась длительность проживания в данной местности. «Чалдоны – это тутошные люди» [4].

Еще одним отличительным признаком «чалдонов» от «Расеи» называют их своеобразный говор, произношение: «щеканье», «скрадивание слов до половины». «Чалдонов – их вон у нас полно. Да они все щёкали. „Щё“ да по „щё“. Всё щёкали. Вместо „ч“ так они „щ“ говорили» [5]. Отмечалась разница в лексике. Так, ткацкий станок чалдоны называли «кроснами», горшки – «латками», одежду – «лопатиной», люльку – «зыбкой», звериную тропу – «щернотропьем», человека – «парей», дом – «избой», двор – «кутью». Одним из самых распространенных ругательств мужа-«чалдона» по отношению к жене было: «В куть тебя головой», а обращением к человеку – «щё, паря». Информаторы указывали на особенные бытовые привычки «чалдонов»: «Кружку не дадут попить. У них все по отдельности, все строго». В интервью упоминают о том, что «чалдоны – шибко знающие люди. Умели лечить людей» [6].

По сообщениям информаторов, социальные отличия старожилов и переселенцев приводили к конфликтам между этими группами. Как правило, это рассказы, услышанные ими от дедов, родите-

лей. Так, житель с. Гонохово И.В. Шиховцов, потомок переселенцев из Оренбургской губернии, рассказал, что «по приезде в село здесь хозяйничали чалдоны, которые отвели им землю. Чалдоны жили за озером Песьяново. Чалдоны были хозяева». По рассказам его родителей, отношения между старожилами и переселенцами были напряженными. «Едешь с сеном, и он навстречу. „Сворачивай с дороги“. Он проедет, тогда ты езжай. Ходоки сюда приезжали. А они их отправляли в „Могилевскую губернию“. Якобы убивали и топили ходоков. В Тележном озерке выкапывали скелет. Как „Расея“ понаехала, они голову пригнули» [7].

Информаторы отмечали, что основу хозяйственно-культурной традиции «чалдонов» составляло скотоводство. По воспоминаниям жителя с. Гонохово М.Ф. Паршукова, «чалдона», его дед и отец «держали скот. Поля обрабатывали на конях. Сеяли пшеницу, овес для себя и лошадей» [8]. В анкетах Всероссийской сельскохозяйственной переписи указано, что старожилы в среднем держали от 25 до 80 единиц скота: лошадей, коров, овец, свиней. Основу посевов составляли яровая пшеница, овес. Ставилось до 500 копен с сеном. Разнообразным был сельскохозяйственный инвентарь: плуги, бороны, жнейки, косилки, лобогрейки [2]. Также, благодаря возможностям «кормящего ландшафта», «чалдоны» занимались рыболовством. Многие из них с образованием колхозов вступали в рыболовные артели. Так, в с. Обское на степной притоке, вливавшейся в р. Обь, «чалдоны» делали запруду из плетеной из прутьев ограда («ез», «езок», «зельё») высотой в 2,5 метра. В этой запруде рыба (щука, чебак, окунь, линь) росла до осени. Затем ограда открывалась, и рыба шла вниз по течению, где ставили «катец» – приспособление в виде мордушки. Вычерпывалась рыба «саком». Практиковалась и ловля неводом. Для транспортировки рыбы плели корзины из тальника.

Помимо обеспеченности землей, наличия большого количества скота, признаком имущественного отличия – «зажиточности» – информаторы называли культурно-бытовые отличия. По воспоминаниям жителей, «чалдоны» проживали в пятистенниках, крестовых домах. Большие семьи строили двухэтажные дома с полуподвальным первым этажом, маленькими окнами, подвалом, окрашенными полатыми, лавками, занавесками на всю печь и полатыми. Жительница с. Обское Н.Л. Миллер (Изосимова) описала планировку подобного дома, в котором проживали ее бабушка с дедушкой – «чалдоны». «Дом был двухэтажный. Первый – полуподвальный. Оба

этажа деревянные. По лестнице на второй этаж поднимались. Наверху сени с кладовкой, две комнаты с печью. В первой комнате – печь, кровать, голбец, полати. Дверь в горницу – двухстворчатая. На стенах были нарисованы цветы как колокольчик с зелеными листьями на голубом фоне. Матка была покрашена голубой краской. У стен – большая лавка, на ней сидели, кушали» [9]. Бани, устраиваемые по-черному, «чалдоны» размещали на берегу водоемов. На сегодняшний день в селах сохранилось незначительное число «чалдонских» домов, которые представляют собой в основном пятистенники. Информаторы сообщали, что в 1920–1930-х гг. «чалдоны» были раскулачены, репрессированы или разъехались в другие районы Алтайского края, Новосибирской области. Их дома раскатывались и перевозились в другие населенные пункты.

В ходе экспедиции отрывочные сведения были получены о традиционном костюме «чалдонов». По воспоминаниям жительницы с. Столбово, «чалдонки» А.П. Малетиной, еще в 1920–1930-х гг. старшее поколение женщин ходило в традиционной одежде. «Все холстяное было. Рубашки холстяные были. Лен тонкий – на полотенце, сорочки. Рубашки, дубасы, холстяные, как место тапочек одевалось. Чулки портяные вязаные до колена, а тут веревочкой завязаны. Платок окрученный, а сверху второй платок. Так носила бабушка. Обутки – кожаны. Голяшки – холст с завязками» [3]. В начале 1950-х гг. пожилые женщины еще носили длинные льняные рубахи с юбками. Из верхней одежды вспоминают зипун. «Делался из тканного материала, грубого, как дерюга, из толстого льна. Был пониже колен» [10]. Потомки переселенцев отмечали удобство «чалдонской» обуви. «Чалдонье ходило в обутках. Катали из шерсти чулки и одевали с обутками. Обутки были похожи на сапоги на плоской подошве. В них удобней и легче работать. В сапогах ты 40 километров не пройдешь за плугом – все налипнет, а в обутках – легко» [11]. Рубашки и дубасы входили в состав погребального женского костюма. «Бабушку хоронили – у нее рубашка с длинным рукавом, смертный дубас портяной, белый, тоненькой-тоненькой. На голову платок повязывали» [3].

О системе традиционного питания информаторы сообщали отрывочные сведения. Так, жительница с. Обское Н.Л. Миллер, которая в детстве проживала с бабушкой-«чалдонкой» Софьей Михайловной Изосимовой (1897–1984), сообщала, что в семье дедов готовилось очень много выпечки. В основном это были пироги из кислого

теста с разнообразными начинками: рыбой, смородиной, ежевикой, черемухой. Для приготовления рыбных пирогов изготавливалась малосоленая рыба. «Щуку солила. Она стояла сутки. Раскатывала тесто. Целиком щуку, лук сырой. На капустный лист, на лопату и в печь». Для сладких начинок ягоду сушили на зиму, черемуху мололи. Одним из любимейших напитков у «чалдонов» считался чай. Например, Н.Л. Миллер рассказала, что «если бабу Соню кормили, но не наливали чай, то она говорила, что на столе ничего и не было». Сама же она сушила морковь и изготавливала морковный чай [9].

Таким образом, данные, полученные нами в ходе экспедиции, идентичны материалам, представленным в исследованиях Т.К. Щегловой, Е.Ф. Фурсовой, М.Л. Бережновой, посвященных «чалдонам» Алтайского края, Новосибирской и Омской областей [12]. Предметы материальной культуры (лепная керамика, мебель), полученные от потомков «чалдонов», имеют черты, характерные и для других старожильческих групп русского населения Алтая.

Источники и литература

1. Государственный архив Алтайского края. Ф. 233. Оп. 1. Д. 360.
2. Государственный архив Алтайского края. Ф. 233. Оп. 1. Д. 360, 363.
3. ПМА. Каменский район. 2013 г. Малетина А.П., 1921 г.р., чалдонка, с. Столбово.
4. ПМА. Каменский район. 2013 г. Кисляков В.И., 1928 г.р., «тамбовский», с. Гонохово.
5. ПМА. Каменский район. 2013 г. Тимашкова (Хоренко) Т.Г., украинка, 1928 г.р., с. Столбово.
6. ПМА. Каменский район. 2013 г. Лиховцева (Костылева) Е.И., 1933 г.р., с. Рыбное.
7. ПМА. Каменский район. 2013 г. Шиховцов И.В., 1928 г.р., с. Гонохово.
8. ПМА. Каменский район. 2013 г. Паршукова М.Ф., 1932 г.р., чалдон, с. Гонохово.
9. ПМА. Каменский район. 2013 г. Миллер (Изосимова) Н.Л., 1949 г., с. Обское.
10. ПМА. Каменский район. 2013 г. Веселкова (Чижишева) О.В., 1931 г.р., с. Обское.
11. ПМА. Каменский район. 2013 г. Дудникова (Саратовкина) М.В., 1926 г.р., мордовка, с. Гонохово.
12. Бережнова М.Л. Загадка челдонов: Особенности формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири: монография. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. 266 с.; Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX вв.). Ч. 1. Обычаи обряды зимне-весеннего периода. Новосибирск: Изд-во «Агро», 2002. С. 31–42; Щеглова Т.К. Русское население

ние Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 110–124.

Б.Н. Мұзафаров, А.Е. Кәрімова

Ақкелін шоқысы

Киелі де қасиетті Баянаула өңіріне жол түскенде, байтақ даланың жазығы мен ұсақ шоқылары соңында қалып, алдыңнан мен мұңдалап Баян таулары көзге оттай басылады. Қазақ тарихында аса маңызды орын алатын «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама» шайқасы, демек, қазақ-қалмақ қырғыны тұсында «сұңқар құстай түлеген» хан Абылайды ақ киізге орап, хан көтерген төр де осы өңірде орналасқан.

Атаның қанымен, ананың сүтімен бойға біткен арқалы қасиет көзіне күш-қуатты дарытатын орта болады. Ол – атамекен қасиеті, ол – ата қоныс топырағының тартуы. Хақ тағала Ақкелін еліне дархан кеңдікті аямай-ақ мол берген, аспаны қандай мөддір де биік болса, сағым ойнаған сар даласы да соншама көз жетпес шексіз. Алайда барлық тұсы қаңбақ тоқтамас бұлдырсыз қу мекен емес, жерінің көркем табиғатына сай перзенттерін де талапты да талантты қып жаратқан. Ұлттық рухты ұлықтап, жұртымыздың жаңа заман көшіне ілесе отырып, жайлы да жарқын тұрмыс кешуі үшін жантаңмен еңбек еткен ерлерін туған елі ешқашан естен шығармақ емес. Олар халықпен мәңгі бірге жасай бермек. Олар барда ұлттық рухымыздың жалауы жығылмайды, айбыны азаймайды, болмысы босаңсымайды. Туған елдің руханият әлеміндегі табысын күллі әлемге паш еткен ұлы тұлғалар тобының ғибратқа толы ғұмырлары – бүгінгі және ертеңгі ұрпақ үшін өмірлік сабақ, қымбат қазына, асыл мұра. Олар – ұлтымыздың мақтаныштары. Олар – тар жол, тайғақ кешулерге қайыспай, елімізді тура жолға, жарқын болашаққа жетелеген нағыз тарландар. Ендеше, осыны бағалар бүгінгі ұрпақ саналы, көңілі рухты, жаны пәк, таза болғай!

Белгілі қаламгер, жерлесіміз Қалмұқан Исабай ағамыздың Ақкелін жайлы былай деп жазғаны бар: «...Ақкелін қонысы осынау медиен далада пайда болған жалғыз өркениетті елді мекен болғаннан кейін оған ат басын бұрмайтын қазақ болмаған. Кейбі-

реулері арнайы келіп те аттан түсіп жатады екен. Ақкелінді мекендеушілердің қонақжайлығы мен дарқандығы, ойын-сауық пен білімге құмарлығы кімді өзіне тартпаған десеңізші. Жерошағынан от, аспанынан ән-күй арылмаған, алтыбақан жиналмаған. Қазақ топырағындағы Ақкелінге келгендерден гөрі келмеген өнер иелерін санап шығу оңай болған шығар ол заманда. Мұнда Шоқанның да (нағашысының елі ғой), орыс досы Григорий Потаниннің де ізі қалған...» [1,2б.]. Жалпы, Ақкелін атауы жайлы ғұлама-философ, көрнекті шежіре танушы, ақын Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы былай деп жазған: «...Мұса мырза сүйіндік-қаржас ішіндегі белгілі тұлға – Мырзағұл батырдан тарайды. Мырзағұлдан сүйіндік еліне құт болған алты бірдей ұл туды дейді:

*Байлығының кемі жоқ,
Бектігінің міні жоқ,
Тегіс бірдей ержеткен,
Бір өзінен алты ұл!»*

Осы алты ұлдың отауы бір арада түсіп, қонған жері той болып, қотан толған қой болып, алты келін бір жерден, ағарып басы көрініп, ақмаралдай керіліп, біріне-бірі жарасып тұрғандықтан маңайдағы ел: «Бұл жердің аты Ақкелін болсын», – деп айтты дейді [2, 35б.].

Ақкелін болысы – патша үкіметі тұсында құрылған әкімшілік басқару құзырының атауы. Павлодар уезінің Ертістің батыс жағындағы даласында 1830 жылдан салына бастаған округ орталығы Баянауыл дуанымен қатар екінші елді мекен Ақкелін қонысы пайда болады. Соның анық айғағының бірі, негізгі мақсаты: «Дербес округ ашуға халқының саны жете ме, жоқ па?» деген сұраққа жауап алу үшін Махонин деген сотник Шоң балаларының көмегімен 1830 жылы санақ жүргізген екен. 1833 жылы Баянауыл округі ашылғанда оған қараған халық 15 болысқа бөлінген. Бұл болыстар ру атымен аталған. Шорман мен Сәтбай әулеттері Күлік-Қаржас болысына енген. Алайда, болыс шекаралары түпкілікті белгіленген жоқ. Десек те, ол жолы санаққа көз мөлшері мен ақсақалдардың шамалап айтқан сандары ғана кірген. Сонда да округ ашылған.

Екінші санақ аға сұлтан тағына отырған Мұса мырза мен Батыс Сібір Бас губернаторының өкілі болып сайланған Шөтіктің Сәтбайының басқаруымен 1854 жылы жүргізіліпті. Бұл әр болыста

неше ауыл, әр отбасында неше жан бары айрықша көрсетілген. Ол кездегі болыстар рулық негізде аталғанмен, округқа қараған 14 болыстың ішінде 1868 жылы жаңа заң бойынша округтар жабылып, Павлодар уезі ашылғанда бұрынғы ру атымен аталған болыстар реті де жойылып, олардың орнына жасалған болыстар жер атымен аталғанда бірі Ақкелін болысы болса керек.

1868 жылғы «Жаңа мизам» (заң) бойынша округтер жойылып, Қазақ елінің Орта жүзі облыстарға (Ақмола, Семей), облыстар уездерге (Семей облысында – Павлодар, Өскемен, Семей, Көкпекті, Қарқаралы, Зайсан), уездер болыстарға (Павлодар уезіне 14 болыс қараған), болыстар нөмірлермен белгіленген ауылдарға бөлінген. Демек, болыстар бұрынғы ру атауларымен емес, жер атауларымен аталған. Павлодар уезіне қараған болыстардың біріне Ақкелін аты берілген. Осы жолы болыстардың шекарасы белгіленген еді. Ақкелін болысына шығысында Ащысу өзенінің бас жағы, оңтүстігінде бүгінгі таңдағы Қарқаралы – Баянауыл аудандарының шекарасы қамтылған. Жалпы, Баянаула, Қызылтаудан бастап Шоман көлі, Ақсаң, Сабын-Ъдыкөлдiң сырт жағын ала Далбаға дейiн Семiзбұғы, Төрткөл, Ботақара, Шiдертi, Өлеңтi өзендерi мен Ереймен тауына дейiнгi ұланғайыр жерлердi мекендеп жайлау, қыстау, күзем еткен. 1913 жылғы санақ бойынша осы жердi 1460 адам мекендеген. Болыс 12 ауылға бөлініп, бірінші ауылда Шорман мен Сәтбай әулеттері өсіп-өнген.

Әдебиет зерттеуші, филология ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы ҰҒА-ның корреспондент мүшесі, ҰҒА-ның Ш. Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықтың иегері, зор ғалым, Шәмшиябану Қанышқызы Сәтбаева «Сәулелі әулет» кітабында жаңа қонысқа көшу жайында ұлы атасы Сәтбайдың қолтаңбасы түскен қолхаттың мәтінің толық келтірген. Сол құжаттың қысқаша түрі мынандай: «Біз төменде қол қойып, өз мөріміз, таңбаларымызды бердік. Үшбу хатны қазыға Баянаулаға, Диуан Махкамесінің жері Ақкелінге ағаш үйлер салып, кейінірек егін екпекші болдық, соның бәрін біз бес жылға келтірмекшіміз есептеп бізге ұшпу бұйрық болғаннан бастап. 1851 жылдың октябрьдің 17 күні... Управитель Мұстафа Шорманұлы, (мөр басушы), Иса Шорманұлы, Әбуғали Шорманұлы... Сәтбай Шөтікұлы қолым қойдым...» [3, 40 б.].

Ресей әкімшілігі қазақ болыстарында қазына мектептерін ашуға жарлық шығарып, уездің Ақкелін, Қараоба және Маралды болыстарында 1903 жылы алғашқы мектептерді ашуға жарлық етеді. Осы жылы Ақкелін болысында алғашқы білім ордасын ашуға басты се-

бепкер болған Шорман әулетінің көзі тірі үлкені Сәдуақас Шорманов болатын. Алайда, бұл мектептердің бәрінде де оқу тек орыс тілінде жүргізілген, ал қабылданған шәкірттері кілең қазақ балалары болғаны анық.

Патшалы Ресейдің 1916 жылғы 19 бен 43 жас аралығындағы қазақтарды майданның қара жұмысына алу жөніндегі «июнь жарлығы» шыққаны белгілі. Осы жарлықта казачествоның жоғарыдағы талабын орындау және ол талаптың түпкі мақсаты қазақ жерінде «казачество мемлекетін» құру көзделген қитұрқы ниет болды ма деген де ой келеді. Қазақтың көрсетілген жастағы азаматтарын майданға түгелдей алып кеткенде әлде бас көтеріп, көк желкеден төніп тұрған дұшпанға қарсылық көрсете аларлық қауқары бар кім қалғандай еді?

Халық осындай қасіретті сезіп білді ме екен, әйтеуір «призывқа» бірден ереуілдеп қарсы болып шыға келгені белгілі. Баянауыл өңірінде сондай айбынды қозғалыстың ең қуаттысы Ақкелін болысында орын алған болатын. Оған куә болған жазушы Сабыр Шәріпов «Алабас, Қотыр Қызылтау, Далба тауларында ата-баба сауыты мен дулығасын киген, найза, қылыш, сойыл, шоқпармен қаруланған кекті қазақтардың» көп жиналғанын жазады. Сол уақытта Семей әскери губернаторы уезд бастығының сұрауы бойынша қырға жазаушы отрядтар шығарған екен. Солардың ең көбі «Ақкелін болысы үлесіне» тиіпті.

2013 жылдың үшінші кварталында Павлодар мемлекеттік педагогикалық институтының археология-этнология және палеонтология ҒПО-ның жоспарына сәйкес Баянауыл ауданының, (бұрынғы Ақкелін) бүгінгі таңда Теңдік ауылында «Қазақстанның далалық аймағы және оның түркі мемлекеттері мен көшпелі өркениетінің қалыптасуы мен тарихи дамуындағы рөлі» атты гранттық ғылыми жоба аясында тарихи-этнографиялық далалық барлау жұмыстары жүргізілді. Далалық зерттеулердің басталуына дейін аталмыш тақырып бойынша тарихнамалық шолу жасалынып, сараптама жүргізілді. Сонымен қатар, осы мекеннің тарихын жетік білетін қария, білгір азаматтармен әңгіме құрылып, барлау маршруты анықталды.

Тарихи-этнографиялық экспедиция барысында «Әужан-Керегетас» шатқалында бес обадан тұратын қорғандар кешені анықталды. Алдыңғы қатарда үш тас мүсіні бар шығысқа бағытталған обалар

1-сурет

түр. Тас мүсіндердің бет пішіні айқын, яғни, қасы, көзі, мұрны, мұрты, аузы нық қашалған және жақсы сақталған (1-сурет).

Жалпы, барлығы бір метрден астам өлшемде, бірақ ер мен әйел адамға тән бет келбеттері ерекше болып көрінеді. Қоршауы төрт бұрышты, тастары қырымен жерге қадалған. Өкінішке орай, осы қоршаудағы балбал құлап, сынып кеткен, бет әлпеті өңделмеген (2-сурет).

Келесі қорған «Әлей» жайлауында табылды. Ол биіктігі 2,5-3 м. дей төбешікте, басы ғана көрінетіндей көмілген. Балбалдың сипатына келетін болсақ, ол ер пішіндес, беті батысқа қарай қараған. Жанында тағы екі оба орналасқан (3-сурет).

Көптеген зерттеушілердің тас мүсіндеріне байланысты типтері мен хронологиялық мерзімдері негізінде біз келесі болжамға тоқталдық, яғни, бұл археологиялық ескерткіштерді ежелгі түркі өркениетіне немесе қыпшақ тайпаларының мәдени дәуіріне жатқызуға болады [4–6].

Ақкелін тауының етегінде орналасқан «Бесоба» атты жерде үлкен бес қорған анықталды. Бұл кешенді, алдын ала болжам ретінде біз жоңғар шапқыншылығы кезеңіне жатқыздық, себебі, қазақ-жоңғар мәселесін зерттеген XIX ғ. орыс ғалымдарының және бүгінгі таңдағы тарихшылардың еңбектерінде шайқастар туралы мәлімет-

2-цүр

3-цүр

тер бар [7, 37б.]. Ащысу өзенінің маңайында да осындай қорғандар табылды.

Қолданылған әдебиеттер

1. Исабай Қ. Қазақтың шөкімдей бір жерінің тарихы // Егемен Қазақстан. 2010. 12 наурыз.
2. Көпейұлы М.Ж. Таңдамалы. Екі томдық. Ел аузынан жинаған әдебиет үлгілері. – Алматы, 1992. – 202 б.
3. Қаныш елі. – Алматы-Павлодар: Жібек жолы, 1999. – 336 б.
4. Чариков А.А. Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980.
5. Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. Археология-1951. Вып. 3. – С. 3–52.
6. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния с верховьев реки Атасу // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987.
7. Артыкбаев Ж.О. История и культура Павлодарского Прииртышья. – Астана, 2002. – 72 б.

Ю.С. Новикова

Традиционная система питания украинцев Омского Прииртышья

(по материалам этнографических экспедиций 2012–2013 гг.)¹

Пицца является той частью материальной культуры, которая, несмотря на трансформацию культуры, нередко сохраняет традиционные черты. В статье освещена пицца такой переселенческой группы Западной Сибири, как украинцы. Отметим, что заселение украинцами территории Омского Прииртышья происходило в конце XIX – первой четверти XX в., и поскольку в повседневном питании проявляются характерные черты быта и уклада народа, исследование пицци сибирских украинцев кажется особо актуальным.

Природно-географические условия юга Омской области, где наиболее компактно проживают украинцы, схожи с условиями тех мест, из которых вышли переселенцы. Это облегчило и ускорило процесс адаптации хозяйства и пицци к новым, сибирским условиям.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №13-31-01008 а1. «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.».

Основу хозяйства украинцев наряду с животноводством составляло растениеводство. Поскольку сибирская земля объединила переселенцев из нескольких губерний, то крестьяне выращивали и рожь, и пшеницу, и гречиху, а также просо, ячмень, овес. Большую роль в системе питания играл и продолжает играть картофель, который высаживался в больших количествах [1, л. 26–26 об.]. В ходе полевых исследований удалось собрать большое количество рецептов, в состав которых обязательно входил картофель: «капуста с пшеном», или «холяцкая капуста», клецки, знаменитые украинские вареники с картофелем [2, л. 13–15 об.; 3, л. 3 об.; 4, л. 19 об. – 21 об.].

В годы коллективизации и Великой Отечественной войны в системе питания украинцев, как и большинства групп, происходят изменения, связанные с нехваткой продуктов и в силу объективных причин, и под воздействием государственной политики. Многие информанты сообщают, что в эти годы ели траву – крапиву, борщевик, лебеду, занимались собирательством грибов, лесных ягод, которые затем сушились в печи (так называемые «паренки») [5, л. 5–7 об.].

Чуть позже, ближе к 1960-м годам, ситуация изменяется, и в рацион питания возвращаются такие традиционные украинские блюда, как вареники с картофелем, капустой, «сиром» – творогом, галушки («молоко с яйцом смешивали и запекали... сало туда кидали»), пампушки, затирка, кисели (молочный, овсяный), свиной холодец, несколько видов сала (которое в Сибири приобрело характерную черту: оно стало солиться с чесноком), закрытые булочки с ягодными и овощными начинками, пирожки (иногда в картофельную начинку добавлялось сало), свекольный квас, самогон, супы. Также хотелось бы отметить, что большинство супов украинские переселенцы именуют борщами (в с. Максимовка Шербакульского района Омской области его называли «буряк»). Некоторые информанты указывают, правда, что его (борща) обязательными компонентами являются сало (в с. Максимовка сало толкут в ступе с чесноком, потом добавляют в борщ) и свекла [6, л. 15 об.–20 об., 38 об.–39].

Кроме картофеля, на земельных участках выращивали капусту, буряк (свеклу), лук, чеснок, огурцы, морковь, тыкву, бобовые. Среди овощей украинцы предпочитали капусту. Они употребляли ее в вареном и квашеном виде. Капуста входила в состав таких блюд, как капустняк, борщ, голубцы [7, л. 23–25 об.].

Скотоводство также было важной составляющей хозяйственной деятельности украинцев. В силу проводимой государством политики подсобное хозяйство в 1930–1940-е гг. не могло полностью обеспечивать семью (этому способствовали введенные налоги, а также политика ограничения количества скота на личном подворье). Выходом из данной ситуации стало преуменьшение количества скота при проводимых учетных мероприятиях, а также нелегальный забой скота ночью [5, л. 5–7 об.]. Отметим также, что говяжье мясо не пользовалось популярностью у украинского населения Омского Прииртышья. Корова служила главным образом для получения молока. Только больное или старое животное могли зарезать на мясо. Из коровьего молока делали масло, творог (сир), сметану. Свинина же шла на изготовление холодцов, сала. Субпродукты использовались в качестве начинки для пирогов [8, л. 5 об, 6, 11, 12]. Что касается домашней птицы, то в источниках почти не встречаются блюда из ее мяса. Основным в рационе было все же свиное мясо.

Начиная с 1990-х гг. наблюдается возрождение интереса к родной культуре, но под воздействием многих факторов происходит частичная утрата и трансформация в системе пищи украинцев в Западной Сибири. Этому способствует как рост числа национально-смешанных браков (в основном с русскими), так и процессы урбанизации и унификации, активно протекающие на современном этапе, а также процессы межэтнического взаимодействия. Так, в рацион питания вводятся всевозможные салаты, блюда из кулинарных книг и телевизионных передач. Материалы полевых экспедиций показывают, что изучение традиционной украинской пищи в Среднем Прииртышье необходимо продолжать, так как она является яркой составляющей материальной культуры и обладает высокой адаптационной способностью.

Источники и литературы

1. Материалы этнографических экспедиций Омского Государственного Университета им. Ф. М. Достоевского. 2012 г. П.о. 9.
2. МЭЭ ОмГУ 2012 г. П. о. 4.
3. МЭЭ ОмГУ 2012 г. П. о. 3.
4. МЭЭ ОмГУ 2012 г. П. о. 6.
5. МЭЭ ОмГУ 2013 г. П. о. 1.
6. МЭЭ ОмГУ 2013 г. П. о. 10.
7. МЭЭ ОмГУ 2012 г. П. о. 10.
8. МЭЭ ОмГУ 2012 г. П. о. 14.

М.А. Овчарова

**Одежда и украшения мордвы
в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова¹**

Музейный фонд Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова содержит богатейшую этнографическую коллекцию, которая начала формироваться с первых дней основания музея. В коллекции представлены предметы культуры и быта народов как Сибири, так и европейской части России. Одной из интересных является коллекция одежды и украшений мордвы.

Известно, что в XVI–XVII вв. мордовское крестьянство принимало участие в «вольной миграции», вместе с русскими направлялось на поиски свободных земель. Освоение переселенцами территории Енисейской зоны, по сравнению с другими регионами Сибири, началось достаточно поздно. К этому добавлялись особые природно-географические условия региона, где представлены все зоны от степи до тайги и лесотундры с резко континентальным климатом. Регион локального расселения мордвы-мокша в Красноярском крае является зоной более позднего переселенческого потока по сравнению с другими регионами Сибири. В других регионах массового расселения мордвы, таких как Алтайский край, Кемеровская область, основная масса мордовских переселенцев пришла на последнюю четверть XIX – начало XX в.: период вольного переселения и столыпинскую реформу. В конце XIX в. численность мордвы в Енисейской губернии составляла 3773 чел. По данным на 1926 г., на территории Красноярского края уже числилось 16655 чел. мордвы, тогда как на современной территории Алтайского края – 49467 чел., Кемеровской области – 17527 чел. К 1939 г. ситуация меняется, в Красноярском крае (вместе с территорией Хакасии) уже числилось 28884 чел. мордвы [2, с. 171, 184, 191]. Переселенческие потоки мордвы 1930–1940 гг. на территорию Красноярского края были связаны с разными аспектами политики советского государства. Постановлением 1925 г. было открыто плановое переселение из малоземельных регионов Европейской части России в Сибирь и Дальний Восток. В годы коллективизации появляется новый аспект – принудительное выселение кулацких семей. Оно носило массовый характер и также косну-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Свадебная обрядность мордвы Сибири: опыт комплексного исследования процессов адаптации», проект №13-04-00123.

лось мордовских семей, многие из которых были отправлены в северные, малообжитые районы Сибири (в том числе и в Красноярский край), многие бежали сами. Изменение переселенческой политики в 1938–1939 гг. было связано с расширением колхозного строительства и переселением колхозников из малоземельных регионов в многоземельные районы Сибири [3, с. 22–25]. Строительство крупных промышленных объектов также сыграло важную роль в увеличении переселенческого потока мордвы на территорию Красноярского края.

Предметы мордовской материальной культуры, хранящиеся в музейных фондах Сибири, большей частью привезены из регионов Поволжья (одежда, обувь, различные виды украшений). Это было связано с рядом факторов, одним из которых являлся достаточно сложный процесс изготовления комплекта мордовской женской одежды (свадебная, повседневная, женская, девичья и др.). Обычно для каждого из них помимо ткани (лен, конопля) требовалось много нитей для вышивки, бисера, монет, раковин каури, парчи. В Сибирь с переселенцами прибывали различные комплексы традиционной одежды эрзи и мокши, имеющие четкие различия. Разные переселенческие потоки также привозили одежду, которая имела временные отличия. Например, в коллекциях музеев (Алтайский государственный краеведческий музей, Государственный художественный музей Алтайского края) нам удалось зафиксировать одежду, украшения мордвы, которые относятся ко второй половине XIX в., другая часть – конца XIX – первой четверти XX в., среди которых преобладают мокшанские вещи. Такая характерность во многом связана с процессом переселения мокши и эрзя в сибирский регион. На первых этапах массового переселения (вторая половина XIX – начало XX вв.) численность эрзи и мокши была равной. На последних этапах (1920–1940-е гг.) среди мордовских переселенцев из Поволжья в основном преобладали мокша. К этому добавляется еще один исторический аспект, связанный уже с особенностями сохранности эрзянского и мокшанского комплекса одежды. Исчезновение национального костюма у мордвы-мокша и мордвы-эрзя в районах Поволжья произошло в разное время. На большей части территории Поволжья мордва-эрзя перестала носить традиционный костюм еще в конце XIX – начале XX вв. У мордвы-мокша в 1950-х гг. традиционный костюм был еще широко распространен.

В настоящем исследовании мы остановимся на описании одежды и украшений мордвы, представленных в фондах Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Коллекция насчитывает около 30 предметов середины XIX – начала XX в. Большая часть предметов принадлежала мордве-мокша. Согласно документации, основная часть коллекции музея была скомплектована в конце XIX в. и собрана в с. Комарково Минусинского округа [4].

Особенностью коллекции является складывание южного комплекта одежды (Ковылкинский, Инсарский, Рузаевский районы Мордовии) и украшений мордвы-мокша, которые отличались спецификой покроя, вышивкой и др. Для этого комплекса была характерна холщовая туникообразная рубаха с клиньями, с вышивкой на плечах. Поверх нее надевалась своеобразное платье нулу или закрытый с рукавами передник [4]. В коллекции музея представлены две праздничных рубахи мордвы-мокша (*панар*) южного комплекса мокши и передник с рукавами. Рубахи мокшанского кроя, перед и спину рубахи составляет сложенное поперек полотнище, бока рубахи скроены из двух более коротких холстинок, перегнутых по продольной нитке. Рукава прямые, длинные (до запястья). Вырез на груди – треугольный. Рубахи украшены вышивкой из шерстяных ниток красного, черного, зеленого цветов; ворот, рукава, подол плетеным шнуром или тканой тесьмой. Эти рубахи дополняются классическим передником с рукавами *запон* из розового ситца на кокетке, с нашитыми шелковыми полосами зеленого, синего, желтого цвета и кружева [1, с. 186–187]. Цвет и отделка передника менялись в зависимости от возраста женщины. Девушки, молодые женщины носили передники более ярких цветов (красного, зеленого, малинового), чем пожилые. Передники молодых обильно украшали полосками разноцветной ткани, лентами, позументом, вышивкой. Закрытый передник с рукавами был более типичен для мордвы-мокша. Молодая женщина надевала его первый раз на свадьбу, а затем носила по праздникам до рождения первого ребенка.

Важным атрибутом женского костюма у молодых женщин являлся головной убор. Кроме эстетического и практического значения, головной убор должен был строго соответствовать возрасту женщины, отражать ее положение в семье и обществе. У девушек были распространены налобные повязки, вышитые или обшитые бисером, венки из искусственных цветов. Головные уборы у женщин различались по конструкции, материалу, по назначению (для свадь-

Рис. 1. Головной убор. Вид спереди (фото 1).

Рис. 2. Головной убор. Вид сзади (фото 2).

бы, для первых лет замужества, для женщин среднего возраста, для пожилых). Одним из самых распространенных видов головного убора женщин, характерного как для эрзи, так и для мокши и имевшего разновидности, являлась панга [1, с. 131–132]. В коллекции Минусинского музея представлен вид панга, которая была характерна для южного комплекса мордвы-мокша [1, с. 186]. Этот вид называется *бабань панга*, которая являлась наиболее ранним видом мокшанского головного убора, вышедшего из употребления еще в конце XIX в. Датируется серединой XIX – концом XIX в. Представляет собой холщовый чепец трапециевидной формы с лопастью, которая при носке спускалась на спину. Чепец покрыт сплошной вышивкой красными шерстяными нитями. *Бабань панга* крепилась на голове с помощью тесемок (фото 1 – вид спереди, фото 2 – вид сзади, головной убор *бабань панга*, мордва-мокша. Фонды Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова).

Разнообразием у мордвы отличались поясные украшения. В фондах музея представлено эрзянское поясное украшение из разновидностей *пулагаев*. В костюме мордвы имелось несколько видов *пулагая*, которые делились на две группы: *пулагай* без валика и *пулагай* с валиком. Наиболее старым видом считается *пулагай* без валика – *пулокарс*, бытовавший в первой половине XIX в. у мордвы-эрзя, проживавшей в основном на территории Казанской и Самарской губерний. Это достаточно редкий вид украшений, сохранившийся в основном в музеях.

Одним из уникальных предметов мордовской коллекции Минусинского музея являются украшения, среди которых особо выделяются нагрудные и шейные украшения. В нагрудных украшениях выделяется брошь-заколка *сюлгамо* (эрзя), *сюлгам* (мокша). *Сюлгاما* была не только украшением, но и необходимостью женского костюма, ею скрепляли края грудного выреза женской рубахи. Она входила в состав свадебного приданого [1, с. 111–114]. Часто самые красивые и нарядные изготавливали именно к свадьбе. *Сюлгамы* у мордвы различались по внешнему виду, технике изготовления и размеру. Выделялись две основные группы *сюлгам*: одна была характерна для эрзи, другая – для мокши. В Минусинском музее представлен целый ряд праздничных *сюлгам* мордвы-мокша, характерных для южного комплекса (фото 3, 4. Нагрудное украшение *сюлгам*, мордва-мокша. Фонды Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова). Один *сюлгам* из черного и белого стекла с медным основанием в

Рис. 3. Сюлгам (фото 3).

Рис. 4. Сюлгам (фото 4)

середине и подвесками из цепочек с жетонами. Несколько *сюлгам* из черных, зеленых, красных бусин с медным основанием в середине и подвесками из монетовидных жетонов. Форма треугольника напоминает трапецию. На лицевой стороне треугольника нанесен геометрический орнамент в виде кружков, точек, спиралей. По сторонам треугольника имеются кружки-дужки для подвесок [4].

Среди прочих нагрудных украшений заслуживают внимания бисерные воротники, распространенные у мордвы-мокша. В фондах Минусинского музея хранятся два экземпляра нагрудного украшения *крганьпирф* [4] (дословно – вокруг шеи), которое было распространено в юго-западных районах Мордовии (Зубово-Полянском, Ковылкинском). Они представляют собой нагрудники из разноцветного бисера, овальной формы, которые укреплялись сзади с помощью завязок. В этом украшении разноцветный бисер нанизан в определенном порядке, создавая геометрический узор в виде ромбов, косых крестов. К бисерному нагруднику прикреплены металлические нити, с нанизанными на них крупными белыми бусинами и мелкими монетами. Нанизаны они реже, чем на нагрудники, создавая крупную сетку. *Крганьпирф* при носке закрывал плечи и грудь женщины.

Мордовские предметы и, в частности, украшения являются достаточно редким явлением в Сибири. Основная часть их сохранилась в музеях. Их наличие, сохранность во многом связано со временем переселения и количеством мордовских переселенцев в том или ином Сибирском регионе. Красноярский край является зоной достаточно поздних массовых переселений мордвы. Это явилось одной из причин появления такой интересной коллекции в Минусинском краеведческом музее. Другой полярной стороной является отсутствие какого-либо научного интереса к мордве в Сибири на протяжении многих лет. На фоне исследования коренных этносов Сибири, внимания восточнославянской этнографии финно-угорское население не всегда попадало в этот круг. Специальных экспедиций не организовывалось, все сохранившиеся уникальные предметы – это случайные сборы конца XIX – начала XX в. Это добавляет особую ценность этим предметам в Сибирском регионе.

Источники и литература

1. Белицер В.Н. Народная одежда мордвы // Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. 3. М. : Изд-во АН СССР, 1976. 216 с.
2. Овчарова М.А. Мордва Алтая: История и этнокультурные процессы (XIX – начало XXI века). Новосибирск, 2010. 216 с.
3. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг. XX века). Иркутск, 1997. 157 с.
4. Фонды Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова.

А.Ю. Охотников

Влияние миграции

на поволжско-немецкий поселенческий комплекс

(на материалах этнографических экспедиций

**Международного союза немецкой культуры в Прииртышье
и нагорную сторону Волги, 2012–2013 гг.)**

Экспедиции Международного союза немецкой культуры (МСНК) проводятся с 2010 г. в местах исторического присутствия российских немцев. Одной из главных целей экспедиций является создание реестра поселений, сохраняющих самобытное традиционное этническое наследие российских немцев и выявление объектов культурного наследия, нуждающихся в охране.

Маршрут экспедиций 2012 г. (Азовский немецкий национальный район Омской обл.) и 2013 г. (Красноармейский район Саратовской обл.) позволил сопоставить сохранившиеся объекты деревянной архитектуры колоний нагорной стороны Волги с их аналогами в дочерних немецких поселениях Прииртышья: Александровке (год основания – 1893), Привальном (1894), Поповке (Йост, 1895), Сосновке (Шиллинг, 1895). Необходимо отметить, что сравниваем мы образцы сельской застройки не только разных территорий, но и эпох: поволжскую колониистскую архитектуру 1890–1920-х гг. и сибирско-немецкие жилые дома конца 1950–1970-х гг. постройки.

Немецкие колонии нагорной стороны Волги (правобережные) были основаны в 1764–1766 гг. Эти поселения были первым удачным опытом масштабной аграрной колонизации степных пространств, предпринятой российским правительством. При размещении колонистов были применены как «конверсионные» решения, заимствованные из военной топографии (квартальная планировка селений, рациональное использование второстепенных источников водо-

снабжения (ключей, колодцев), так и способы застройки, освоенные в рамках русской крестьянской культуры (изба из двух связей).

Село Сосновка Азовского немецкого национального района было основано выходцами из приволжского волостного села Шиллинг (Сосновка) Камышинского уезда Саратовской губернии [2, с. 450] (в дальнейшем Бальцеровский кантон АССР Немцев Поволжья, ныне Красноармейский район Саратовской области), также длительное время являлось центром волости, ныне местонахождение сельской администрации. Скромный достаток сибирских колонистов-лютеран, трудности первоначального обоснования, отсутствие привычных строительных материалов обусловили обращение к архаичным технологиям строительства: первопоселенцы возводили пластанки, затем саманные копии поволжских строений – «зальных домов» (пятистенки) и «домов со связью». Однако и в сибирских условиях воспроизводился поволжско-немецкий регламент квартальной застройки [5, с. 95]. Кварталы до сих пор сохраняются в Поповке и Звонаревом Куте; в старейшем сибирско-немецком селе – Александровке – ныне уличная планировка, но проезды в пределах индивидуальных участков сохранены и используются «для своих». Сибирские кварталы по сравнению с поволжскими были уменьшены (30 сажен против 40–60), меньше были и жилые строения – в ходе экспедиции в Азовский район зафиксированы «угловые» дома со связью (рис. 1).

Если четкость планировки известна с первых публицистических и краеведческих описаний колоний, то поволжско-немецкому декору повезло существенно меньше. Якоб Дитц, автор первого историко-этнографического описания немцев Поволжья, отмечает, что ведовство у колонистов было направлено лишь на противодействие/нанесение «порчи», центрировалось вокруг образа ведьмы (Нехе), развитых самостоятельных практик отражения природных стихий у немцев Поволжья не сложилось [3, с. 397]. Колонисты прибыли на территорию России, располагая рядом рациональных технологий природопользования, которые были поддержаны российским правительством в ходе колонизации, спланированной и обоснованной как проект Просвещения.

Зафиксированный в ходе экспедиций ОмГУ в 1990-е гг. экстерьер сибирско-немецкого дома также содержал минимальное количество декора; депортированные поволжские немцы завершили хозяйственное обоснование в период позднеиндустриальной модернизации села, были прагматичными целинниками, ориентированными в

Рис. 1. Село Сосновка, Азовский район Омской обл.
«Угловой» дом. Полевые материалы (ПМ) экспедиции МСНК-2012.

гораздо большей степени на новейшие «городские» технологии в быту и производственной культуре, нежели на архаичную символику фасадов.

В работах С. Терехина [6, 7], созданных на материале бывших немецких колоний в черте современной Саратовской области, нашли отражение прежде всего городские стилевые и утилитарно-прикладные влияния на каменную поволжско-немецкую архитектуру рубежа XIX–XX вв., им описаны общие принципы застройки и охарактеризован вернакуляр колоний периода раннеиндустриальной модернизации. Внимание исследователя обращено преимущественно к каменной архитектуре как более проницаемой для городских влияний и чрезвычайно распространенной в нагорных колониях (строения из местного дикого камня на 1886 г. составляли до 60% зданий в селениях Сосновской волости) [1]. Кроме того, столь массовая кирпичная застройка рубежа веков, следствие удачных начинаний немецких ремесленников в раннеиндустриальной модернизации – уникальный случай для сельской России того периода, вполне закономерно попавший в фокус исследовательского внимания.

Сосновка (Шиллинг) была прибрежной колонией с пристанью и лесоперевалкой, развитым столярным производством. Здесь возве-

Рис. 2. Село Сосновка, Красноармейский район Саратовской обл. Дом со связью. «Солярыне» наверху наличников, вальмовая крыша. ПМ экспедиции МСНК-2013.

дение традиционного для саратовского Поволжья сруба из пластин (плах) обходилось дешевле, нежели в удаленных от Волги поселениях. Экспедицией МСНК-2013 в Сосновке зафиксировано семь объектов, подлежащих включению в реестр материального наследия российских немцев, а также произведена съемка ныне используемых жилых домов конца XIX – начала XX вв., представляющих историко-этнографический интерес. Значительная сохранность объектов в регионе исследования объясняется рядом природных и социокультурных факторов: засушливым климатом; исключительно высоким качеством материалов, конструктивной надежностью поволжско-немецких строений, тщательным учетом местных гидрологических особенностей и свойств грунта. Кроме того, парадоксальное влияние оказала «совхозная экономика» региона: совхозный рабочий не имел стимулов для реконструкции служебного жилья, в результате и сегодня можно фиксировать не только образцы каменной архитектуры вековой давности, но и сохранные наличники, карнизы, а также деревянные дома колониистской постройки. Важно отметить также воздействие старообрядческой культуры, носителями которой являются местные русские старожилы, чьи предки проживали на территории АССР немцев Поволжья. Архитектурный облик старооб-

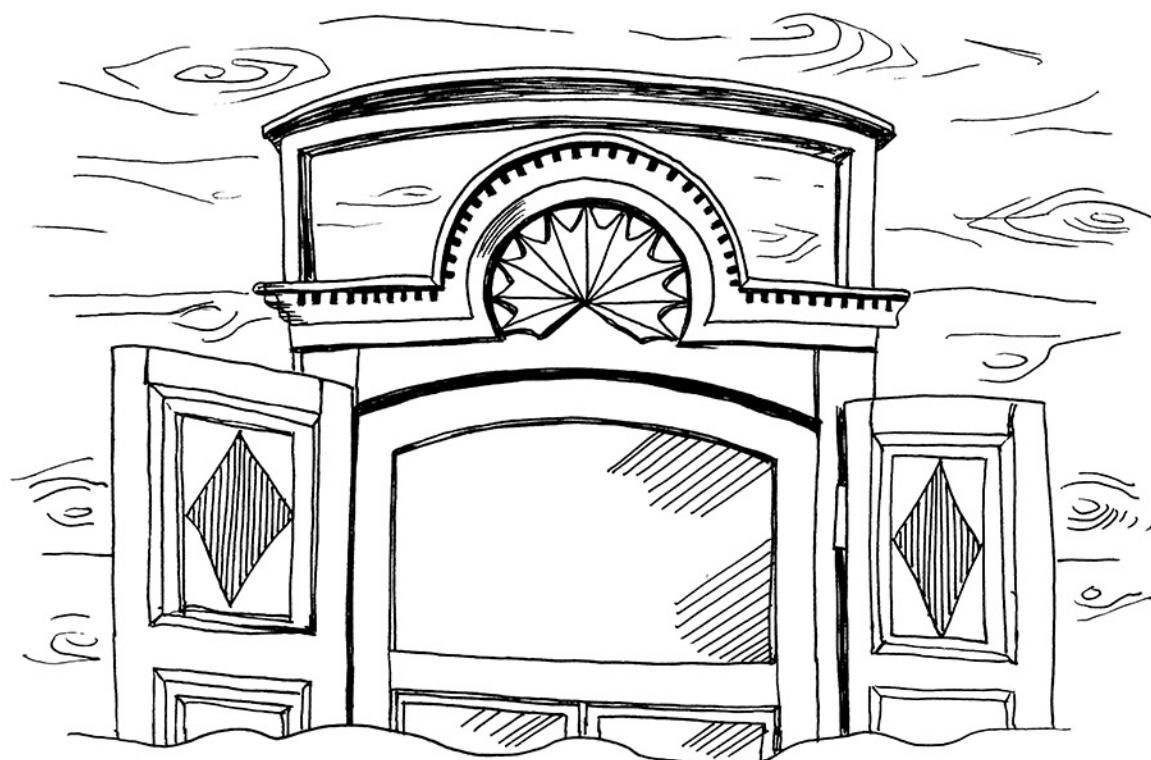

Рис. 3. Село Сосновка, Красноармейский район Саратовской обл.
Фрагмент наличника. Рисунок Елены Эпп.

рядческого села Бобровка свидетельствует о существовавшей длительное время переключке культур: сходные элементы декора, наличие «немецких» слуховых окон-продухов, эмблемы, отмечающие пожарные обязанности членов сельского общества и т. д. В настоящее время владельцы приватизированных «немецких домов» во все большей мере осознают не только рыночную стоимость и по сей день удобного и практичного жилья, но и его символическую ценность; некоторые жители поддерживали декоративное убранство немецкого дома (покраска, замена ветхих деталей) и ранее.

Сюжеты декора, зафиксированные экспедицией в бывших немецких колониях нагорной стороны Волги, наследуют опыт двух культур – русской крестьянской и официальной городской. От первого источника заимствована солярная символика, обычная и для русских сел Саратовского Поволжья [4, с. 47] (рис. 2 и 3).

К городским стилевым влияниям можно отнести четкую «классицистскую» геометрию наличника (рис. 4).

Тщательность обработки элементов может указывать на попытку резчика копировать книжную гравюру. Техника исполнения декоративных элементов – пропильная резьба в сочетании с рельефной – встречается и в обследованных старожильческих русских селах.

Рис. 4. Село Сосновка, Красноармейский район Саратовской обл.
Наличники «ампир». ПМ экспедиции МСНК-2013.

Рис. 5. Село Сосновка, Азовский район Омской обл.
Слуховое окно с соляной символикой. ПМ экспедиции МСНК-2012).

Рис. 6. Село Александровка, Азовский район Омской обл.
Дом с вальмовой крышей. ПМ экспедиции МСНК-2012).

Заметной деталью вернакуляра сел Азовского района, основанных поволжскими немцами, также является солярная символика, воспроизведенная, однако, в условиях роста образовательного и технического уровня сельских жителей: в результате произошла утрата части эстетических свойств декора (рис. 5).

Помимо указанных общих принципов застройки и трансляции символика, преемственность с материальной культурой материнских колоний демонстрирует и устройство крыши: если на Волге слуховые окна-продухи предназначались для вентиляции чердачного пространства – помещения для сушки зерна и хранения муки, то аналогичные элементы, фиксируемые в Азовском районе, вряд ли функциональны (рис. 6).

Наличие преемственности в элементах застройки и декоративного убранства свидетельствует о сохраняющейся до последнего времени связи сибирско-немецких поселений Прииртышья с миром крестьянской культуры Нижнего Поволжья.

Автор выражает признательность волонтерам экспедиции – фотографам А.П. Сорокину (Омск), Александру Вальтеру (Новосибирск), Ольге Мартыненко (Ульяновск), художнику Елене Эпп (Нижний Тагил).

Источники и литература

1. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://wolgadeutsche.ru/list/schilling.htm>, свободный (ноябрь 2013).
2. Немцы России: населенные пункты и места поселения: энциклопедический словарь. М.: ЭРН, 2006. 472 с.
3. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М.: IDVK, 1997. 496 с.
4. Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1970. 212 с.
5. Смирнова Т. Б. Этнография российских немцев. М.: МСНК-пресс, 2012. 316 с.
6. Терёхин С. О. Века и камни. Памятники архитектуры Саратовской области. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1990. 98 с.
7. Терехин С. Поселения немцев в России: Архитектурный феномен. Саратов: Кадр, 1999. 215 с.

Д.М. Першина

Особенности церковной жизни в Егорьевском районе Алтайского края в 30-е гг. XX в.: полевые исследования 2013 г.

Религия, являясь фактором личной, общественной и государственной жизни, играет важную роль в истории народов, их духовной культуре. Поэтому религиозный вопрос всегда оставался в центре внимания власти и находил то или иное воплощение в политике как государства в целом, так и его регионов. Цель настоящей публикации на примере Егорьевского района Алтайского края показать судьбу православного храма, а также восприятие людьми политики государства по отношению к религии в 30-е годы XX века. Актуальность исследования заключается в нехватке архивных источников и их однородности по данной проблеме. Современные архивные документы содержат, как правило, констатацию времени закрытия церкви и использования её здания или строительных материалов. Например, «Список православных церквей Алтайского края, закрытых по постановлениям Западно-Сибирского крайисполкома в 1931–1937 гг.» или «Сведения о закрытии церквей Алтайского края за 1938–1939 гг.» в архивных документах нет описаний самих событий [1, с. 127]. Данная проблема рассматривается на основе материалов полевых исследований в рамках историко-этнографической экспедиции АлтГПА 2013 г. в Егорьевском районе Алтайского края под руководством д-ра ист. наук Т.К. Щегловой.

Главной проблемой, с которой столкнулось общество, явилось разрушение церкви и ужесточение борьбы с религией на селе. Наиболее трагичным для церкви и верующих стал период именно 1930-х гг., когда проходило утверждение тоталитарного режима в стране. Духовенство и верующие, воспринимаемые властью как очаг инакомыслия и оппозиции, подвергались преследованию. Начались массовые репрессии, упразднения храмов, представители власти ходили по сёлам и забирали иконы у жителей Егорьевского района. Через интервьюирование удалось собрать рассказы жителей о том, как «курочили церкви».

Из интервью Марии Фёдоровны Суриной (село Лебяжье): «Я ещё была молодая, маленькая, я помню, как её ломали. Приказывали и ломали, власть приказывала. Всё из церкви забрали в Егорьевку, перевезли. Там детский садик огородили нашим церковным забором. Посбивали все кресты с забора и поставили, и колокол сняли, тоже в Егорьевку увезли. Народ только старую икону Святого Пантелеймона спрятать успел. А церковь была у нас здесь в центре, рядом с ней кладбище было. Всё разломали! Церковь закрыли, всё растащили, а на её месте сделали клуб, так и танцевали... «Тёмные люди». А потом уже в 1972 году она сгорела. И всё на том месте горело, что построить пытались. Так и теперь там ничего нет» [2]. Г.Г. Пронина: «До этого была церковь, и во время революции все церкви поломали, тогда же коммунисты всё рушили» [3]. Данный информант – 1939 г. р., поэтому она воспроизводит события со слов очевидцев, оказали влияние также поздние напластования и влияние идеологии. Подобных историй записано мною. Так, в селе Сросты Р.Дм. Устинова рассказывала: «Была церковь в Сростах, но её всю разгромили. Колокола власть снимала, иконы уничтожили, всё растащили. Хорошая церковь была. А её разрушили. Долго стояло здание церкви, а потом её кто-то купил, и увезли» [4].

В 1920–1930-х гг. помимо разрушения церквей начинался массовый процесс снятия храмовых колоколов (для государства в документах колокольной бронзы, по терминологии тех лет). С одной стороны, началась война власти с колокольным звоном, с другой стороны, колокола даже действующих храмов снимались для нужд индустриализации. Таким образом, против них действовало сразу два фактора – идеологический и экономический. Первый идеологический фактор связан с одним из первых советских декретов, запрещавшим набатный звон, чтобы исключить возможность призыва к

выступлениям против большевиков. Вторым экономический фактор связан с промышленно-хозяйственной потребностью, цветного металла [5, с. 143]. Таким образом, снятие церковных колоколов было одним из первых действий власти против церкви и религии.

Вторым сюжетом устных историй являлся огромный пласт воспоминаний, ставший уже преданиями о наказании людей за участие в разрушении православных храмов и борьба народа за сохранения церкви. Из воспоминаний М.Ф. Суриной: «Было у нас два мужика, я их не знаю, но только эти люди жили в деревне, один колокол снимал, у его заворот кишок получился, за то, что снял колокол. Про второго не знаю. Их два Калинины были, оба враз умерли» [2].

По воспоминаниям Р.Дм. Устиновой в Сростах: «Дед был у нас, он полез колокола снимать, а ему говорили, что не надо этого делать, а он полез и упал или повернулся, и что-то с рукой сделал и калекой остался, а второй мужик вообще умер» [4].

Итак, главной борющейся силой были прихожане. По рассказам очевидцев, они отнюдь не являлись безмолвными свидетелями. В основном протест был пассивным. Рассказы старожилов позволяют определить причину пассивного поведения. При огромном эмоциональном ударе, который они испытывали при виде разрушенных святынь, крестьяне считали, что наказание за такое кощунство не их дело, а – самого Господа. Убежденность в неотвратимости наказания показывают предания о судьбе разрушителей.

И тогда возникает вопрос: «Почему эти люди подняли руку на свою же церковь, отвергли собственную веру? Что двигало этими людьми? Их-то какой чёрт под локоть толкал?» [6, с. 98]. Жители сёл отвечают на этот вопрос очень просто: потому что это люди, связавшиеся с коммунистами, отвергшие нравственные устои и восставшие против своей веры. С народной точки зрения, эти люди разрушали церкви потому, что с приходом новой власти стали безбожниками, перестали молиться, «не верили ни шиша». Многие жители утверждают, что люди, разрушавшие церковь, сжигавшие иконы или сбрасывавшие колокола, не были просто послушными и пассивным орудием в руках власти, некоторые из них это делали по собственному желанию. По словам М.В. Денисовой, один из мужиков сам согласился снимать колокола с церкви, но сорвался и упал. Но их всё равно сняли, упали на землю колокола, грохот стоял по всей деревне, люди плакали, а власть продолжала «громить церковь» [7]. Большинство реликвий было уничтожено.

Таким образом, устная история Егорьевского района показывает, что не было зафиксировано открытого сопротивления людей против действий власти, об отношении народа к происходящему.

Наряду с идеологическими причинами зафиксирована причина гибели церкви в с. Егорьевском, известные в истории Алтайского края пожары 1928–1929 гг. Ещё один сюжет, который прослеживается в воспоминаниях, это пожары церквей в Егорьевском районе. Из интервью Е. Дм. Гутниной: «Помню пожар 1929 года, ой-ой-ой, какой пожар был в Егорьевке. Ветер, ветер нёс, и вот через это Милицейское озеро, через Милицейское озеро, которое около милиции было. Раньше называлось Милицейское, так и говорят на «Милицейке», там мосток есть. Но большое озеро. Там была улица, её называли Оторвановка¹, она была как оторвана от самого села, там за этим, за озером. Эту Оторвановку огонь прошёл и через озеро перемахнул, такой ветер был, и вся Центральная улица сгорела. Я помню, как нас мама, знаете, за огороды вытащила, на каком-то там одеялке лоскутным и посадила. Мы ещё маленькие были, мне четыре года. И я видела, как пожар шёл. Страшно! Я и сейчас помню его... Как вырвется чёрный дым, а то зарево огромное! Ну, дома горят! Как вы думаете? Это ведь страшно. Мы жили на Самаре, и до нас не дошло, а Хохловка² сгорела. Да кто знает теперь, отчего сгорела? Говорили, что в бору была работа и мужики вроде случайно подожгли, курили... Это было летом. Много сгорело, 2 улицы. А их всего тогда было 7» [8].

По рассказу Н.В. Савина: «Была у нас церковь в Егорьевском, была и сгорела, примерно где-то в это время, когда сенокос, в 1929 году. Тогда же на конях и на бричках, да бочка воды 200 или 250 литров и больше ничего не было. Так пожар тушили. Церковь стояла в центре, где музей, перед музеем она стояла. А вот на окраине Егорьевки один мужик колёса смолил. Тогда на бричку делали, чтобы они не засыхали. А ветер был страшный какой. И загорелось. Эта улица, что над музеем, сгорела моментально. И дошло до церкви, а она была крытая железом. Всё это подгорело и железо подняло. И вот тут озеро, и железо это перенесло ветром, как парашют. И Решетникова улица сгорела. Эти улицы сгорели и всё. Больше ничего не сгорело. Тогда улицы реденькие были, далеко друг

¹ Район села Новоегорьевское.

² Самара и Хохловка – районы села Новоегорьевское, названные по местам выхода переселенцев из европейской части России – Харьковской и Самарской губерний.

от друга. И кладбище, обгорели кресты и всё. А потом только ограду поставили [вокруг современного парка], что от церкви осталось. Церкви не было. На ограде кресты посбивали и поставили» [9].

Таким образом, полевой материал показывает, что Егорьевский район Алтайского края остался без Русской православной церкви. Храмы были либо разрушены властью, либо сгорели. Но старшее поколение сберегло веру, несмотря на антицерковные акции 1920–1930-х гг. Подводя итог, можно сказать, что после тех страшных событий прошло много лет, но трагедия смолкнувшего голоса православной Руси еще долгие годы будет сказываться на возрождаемой церковной жизни.

Источники и литература

1. Щеглова Т.К. История разрушения православных церквей в 1930-е годы на Алтае: комплексное использование устных исторических источников // Краеведческие записки. Барнаул, 2003. Вып. 5. 136 с.
2. Сурина М.Ф., 1930 г.р., Егорьевский район, с. Лебяжье // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
3. Пронина Г.Г., 1939 г.р., Егорьевский район, с. Лебяжье // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
4. Устинова Р.Д., Егорьевский район, с. Сросты // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
5. Козлов В.Ф. Гибель церковных колоколов в 1920–1930-е годы // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1994. Вып. 5. С. 141–161.
6. Левкиевская Е. Народ безмолвствует? Советское богоборчество глазами русского крестьянина // Родина. 1997. №8. С. 96–101.
7. Денисова М.В., 1920 г.р., Егорьевский район, с. Лебяжье // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
8. Гугнина Е.Д., 1926 г.р., Егорьевский район, с. Новоегорьевское // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
9. Савин Н.В., 1930 г.р., Егорьевский район, с. Новоегорьевское // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.

Е.А. Прохорова

**Сохранность этнической культуры украинского населения
Романовского района Алтайского края в XX в.
(по полевым материалам 2010, 2013 гг.)¹**

Одной из многочисленных этнических групп Алтайского края являются украинцы. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., украинцы занимают третье место по численности после русских и немцев и составляют 32 тыс. 226 человек [13]. В настоящее время ведутся активные исследования по изучению традиционной культуры украинских переселенцев на территории края. Опубликовано ряд статей, посвященных сохранности и развитию традиционной культуры украинского населения Алтайского края в XX в. [12]. Целью данной публикации является выявление степени сохранности этнической культуры украинского населения в селах Романово и Дубровино Романовского района Алтайского края на протяжении XX в.

В работе использованы материалы интервьюирования, полученные автором в ходе этнографических экспедиций в Романовский район (2010, 2013 гг.), материалы ежегодного подворного обследования населения, отраженные в похозяйственных книгах [11], итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. и первой Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Села Романово и Дубровино входят в состав Романовского района, относящегося к степной зоне Алтайского края, массово заселенной в конце XIX – начале XX в. Согласно «Списку населенных мест Сибирского края», с. Романово было образовано в 1887 г. вблизи «Чудских прудов» выходцами из Курской и Харьковской губерний [14, с. 388]. Село Дубровино основали в 1880 г. переселенцы из Полтавской, Харьковской, Курской, Пермской и Казанской губерний [15, с. 114–115]. Наибольший приток украинцев в рассматриваемые села приходится на период 1890–1910 гг. Русские крестьяне прибывали главным образом в начале XX в. из Пермской и Казанской губерний [15, с. 115]. В результате, согласно данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 1917 г., в селах Романово и Дубровино украинцы численно превосходили русское население. В Рома-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №13-31-01008 а1 «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.».

ново они составляли 67% [9] от общей численности жителей. В с. Дубровино проживало 390 украинцев (53,2% всего населения) [10]. Согласно Первой Всесоюзной переписи населения, на 1926 г. численно преобладающей этнической группой в селах по-прежнему были украинцы. Но на протяжении второй половины XX в. численность украинского населения уменьшается. Так, по данным материалов ежегодного подворного обследования, в 1952–1954 гг. украинцы составляли 50% жителей обоих сел, к 1990–1995 гг. процентное соотношение украинцев и русских изменилось в сторону увеличения последних, а украинцы составили только 30% от общей численности населения. Проведенные полевые исследования показали, что уменьшение численности украинцев, отраженное в официальных статистических источниках, является результатом изменения этнической идентичности потомков украинских переселенцев и не связано с движением населения. В настоящее время многие из них называют себя одновременно русскими и «хохлами». Такая двойственность этнического самосознания потомков украинских переселенцев рассматриваемых сел является причиной несоответствия между данными официальной статистики и степенью сохранности этнической культуры в XX в.

По мнению многих этнографов, пища является той составной частью материальной культуры, которая с течением времени остается менее подверженной изменениям [7, с. 123]. Особое место в питании украинского населения всегда занимал борщ. Особенности украинского борща информанты с. Романово считают добавлением фасоли, поджарки из лука и моркови, щавеля, домашнего кваса, сала. Женщины-информанты часто подчеркивают особенность украинского борща в том, что он должен быть густой, «что ложка стояла» [1]. Часто в семьях украинцев готовили галушки. Тесто для них замешивали из муки, яиц и молока. Затем тесто раскатывали в длинный жгут, резали на кубики и варили их в кипяченой воде или в мясном бульоне. Информанты отмечают, что сваренные галушки могли обжаривать с салом. На сегодняшний день потомки украинских переселенцев продолжают традицию приготовления рассмотренных блюд.

Информанты вспоминают, что раньше часто готовили суп из пшеничной муки и картофеля – кулеш. Еще одним любимым блюдом украинского населения была кваша. Для ее приготовления смешивали воду с мукой, после чего оставляли смесь настаиваться на

сутки. После этого квашу варили и добавляли паслен или смородину. Особенно популярной кваша была во время поста. Сегодня потомки украинских переселенцев вместо кваша варят кисель. Таким образом, украинское население рассматриваемых сел отмечает, что до сегодняшнего дня в селах сохранились традиционные украинские блюда: галушки, вареники, борщ, сало, пампушки с чесноком или с маком.

Компактность проживания украинских переселенцев и природные условия степной зоны Алтайского края обеспечили на долгое время сохранение в селах Романово и Дубровино традиций строительства глинобитного жилища. Большинство украинских семей строили литые и саманные хаты, мазанные глиной и крытые соломой. Хаты строили сообща – «сначала одной семье дом выстроят, потом к другим идут» [6]. Украинскую хату, по словам информантов, отличали стены, обмазанные и выбеленные глиной, побеленная печь. С середины 50-х гг. XX в. украинцы стали строить свои дома из дерева, при этом, продолжая украинские традиции, их мазали и белили: «Украинцы всегда аккуратнее были, свои дома обмазывали, да и еще белили. А русские дом построят и бревна голые оставят» [5].

Разделение населенных пунктов по районам проживания русских и украинцев в с. Романово и с. Дубровино в ходе полевых исследований не выявлено. Однако в с. Романово было отмечено, что переселенцы из Полтавской и Черниговской губернии селились по разные стороны от существующего центра села. Между ними существовали отличия, которые, главным образом, проявлялись в одежде и языке [6]. Например, как свидетельствуют данные интервьюирования, переселенцы с Черниговской губернии носили «спидницу», а переселенцы с Полтавской губернии «юбку» [2]. В словаре С.А. Кузнецова понятие «спидница» определено как сшитая женская запашная юбка [8, с. 1001]. Информанты спидницей называют расклешенную юбку до щиколотки, которая всегда была расшита богаче, чем юбки женщин с Полтавской губернии. По мнению опрошенных, черниговцы «больше понимали в вышивке», поэтому и сохранили традиционную одежду до 50-х гг. XX в. Женскую кофту вышивали «цветами и петухами» [6] на груди и рукавах преимущественно красными и черными нитками. Юбка и кофта в селах Романовского района долгое время отличали украинских женщин от русских, носивших, как правило, платья.

Мужчины-украинцы носили красочно расшитый пояс, которым подпоясывали рубахи. Мужские рубахи были вышиты на груди «треугольниками и петухами» [5]. Традиционную украинскую одежду носили в селах, по словам информантов, только до середины 1940-х гг.

В языковом отношении украинские переселенцы из Полтавской и Черниговской губерний также имели отличия. Информанты достаточно уверенно свидетельствуют о существовавшей прежде разнице, указывая на лексические и фонетические различия. Например, переселенцы с Полтавской губернии говорили «огурок» (огурец), «он», переселенцы с Черниговской губернии для обозначения тех же самых слов использовали «гурок», «вын» [6].

Украинские переселенцы до сегодняшнего дня сохранили украинский язык в его диалектной форме. По сведениям опрошенных, «хохлацкий» язык использовался в семьях и таким образом передавался от поколения к поколению. Информанты отмечали, что говор переселенцев с Украины до 40-х гг. XX в. был более близок украинскому языку. После окончания Великой Отечественной войны «хохлацкий» язык стал больше похож на русский язык: «Тогда все границы слились в одно, вот и балакали, балакали, и вдруг говорить стали» [4]. Языковые отличия между переселенцами с Полтавской и Харьковской губерний сохранялись до середины 40-х гг. XX в.: «Здесь и петербуржцы, и москвичи жить стали в войну, вот и настало время, и мы все вместе стали и работать, и гулять, да и ни к чему были уже эти мелочи» [3]. В настоящее время «хохлацкий» язык используется потомками украинских переселенцев на бытовом уровне.

Долгое время потомки украинских переселенцев сохраняли традиционные семейные устои и взаимоотношения. Старшее поколение (бабушки) стремились воспитать детей в православной вере: «Учи молитвы, тебе за плечами их не носить» [6]. Традиционным в семьях украинских переселенцев было обращение к старшим на «вы». По воспоминаниям информантов, это обращение сохранялось в с. Романово до середины 1950-х гг.: «Маму и тятю всегда на „вы“ звали, это уж потом на русских насмотрелись. Мама так плакала, что я ей „ты“ говорю, будто подруге какой-то» [3]. Необходимо отметить, что в некоторых украинских селах на территории Алтайского края данная традиция сохранилась до настоящего времени (например, с. Ягодино Благовещенского района). Уважительное отношение

проявлялось также в том, что за стол без старших не садились. Дети всегда сидели на одной лавке, родители и деды на другой.

В селах Романово и Дубровино до настоящего времени сохранились певческие традиции. Потомки украинских переселенцев вспоминают, что украинские песни всегда «и в доме на праздниках, и на работе (в поле)» звучали: «Такие уж мы украинцы певучие» [5]. И.К. Мьяленко отмечал, что первые поселенцы исполняли песни на украинском языке, а позже стали исполнять на «хохлацком», при этом употребляли и украинские, и русские слова. В с. Романово в марте 2003 г. был создан народный ансамбль украинской песни «Вы-трэбэньки» под руководством В.М. Костенко. В с. Дубровино действует хор традиционной украинской песни «Дубравушка». Участники коллективов ведут активную деятельность по сбору материалов, сохранившихся в памяти жителей, песен, частушек, стихов. Ансамбль под руководством В.М. Костенко принимает участие не только в концертных программах Романовского района, но и выезжает в разные районы края.

Таким образом, материалы полевых исследований позволяют сделать вывод о сохранности многих элементов этнической культуры потомков украинских переселенцев сел Романово и Дубровино на протяжении XX в., несмотря на изменение в определении этнической принадлежности. Сохранению этнической культуры украинского населения Романовского района способствовало численное преимущество и компактность проживания в пределах обследованных населенных пунктов.

Источники и литература

1. Давыденко Н.Д. 1940 г.р. (предки из Полтавской губ.) Панкрушихинский район, с. Урываево // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.
2. Ковтун М.И. 1917 г.р. (родители из Черниговской губ.) Романовский район, с. Романово // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.
3. Криворученко Н.К. 1951 г.р. (предки из Курской и Воронежской губ.) // Романовский район, с. Романово // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.
4. Кузьменко В.Д. 1933 г.р. (родители из Полтавской губ.) // Романовский район, с. Романово // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.
5. Там же. Мьяленко И.К., 1937 г.р. (предки из Полтавской губ.) // Романовский район, с. Романово // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.
6. Юхно Т.В., 1939 г. (предки из Полтавской губ.) Романовский район, с. Романово // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.

7. Артюх Л.Ф. Повседневная, праздничная, обрядовая еда и напитки (система питания украинцев) // Украинская народная кулинария: историко-этнографические достижения. 1977. № 3. С. 123–141.

8. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. 2-е изд. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

9. Государственный архив Алтайского края. Ф. 233. Оп. 1. Д. 230–234.

10. Государственный архив Алтайского края. Ф. 233. Оп. 1. Д. 389–390.

11. Материалы текущего архива администрации Романовского сельского совета Романовского района Ф. 53. Оп. 1. Д. 7–36.

12. Кривчик Ю.В., Адарич О.Е. Традиционные календарные праздники украинских переселенцев и их потомков в селе Романово Романовского района в первой половине XX в.: святочный цикл // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. Вып. 8. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 166–170; Кривчик Ю.В., Курило А. Похоронная обрядность переселенцев и их потомков в селе Романово в XX в. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 7. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 217–226; Кривчик Ю.В., Рябчинская Н. Традиции свадебной обрядности украинских переселенцев села Романово первой половины XX века / Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история. Вып. 6. Барнаул: АлтГПА, 2009. С. 113–122; Люля Н.В. Сохранение украинских традиций приготовления пищи украинскими переселенцами Панкрушихинского района во второй половине 50-х- начале 60-х годов XX века / Ломоносовские чтения на Алтае : сб. науч. ст. междунар. школы семинара. В 4 ч. Барнаул: АлтГПА, 2012. Ч. IV. С. 82–84.

13. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pererapis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php, свободный (ноябрь 2013).

Список населенных мест Сибирского края. Округа Юго-Западной Сибири. Т. 1. Новосибирск, 1928. 829 с.

14. Швецов С.П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайский округ. Результаты статистического исследования в 1894 г. Описание переселенческих поселков. Барнаул, 1899. Типо-литография при Главном управлении Алтайского округа. Вып. II. 120 с.

С.З. Раздыков

**Материалы устного фольклора казахов
как источник исследования проблем колонизации**

Устные источники являются источниками личного происхождения, которые позволяют увидеть ментальные особенности народа, ее отношение к действиям власти. Конечно, нельзя забывать, что авторы устных преданий преподносят нам свое, изначально субъективное восприятие исторических событий. Но, на наш взгляд, в этом и заключается их особенность и достоинство, которое позволяет открыть возможности приблизиться к осмыслению современниками своей истории, выявить отношение, особенности менталитета.

Другие виды источников, зачастую создаваемые разного рода чиновниками, делопроизводителями писались с позиции государства, и народ в них оставался объектом приложения его властных полномочий. Одной из таких локальных проблем, решаемых с применением устных источников, является для нас проблема земельной политики царской администрации на северо-востоке Казахстана, определения территории кочевания казахов на просторах западно-сибирской равнины.

Историей земельной политики колониальной администрации в Казахстане во второй половине XVIII в. казахстанские исследователи вплотную стали заниматься после обретения суверенитета, хотя это время, несомненно, один из своеобразных периодов истории казахско-русских отношений. Известны различные затруднения, мешавшие до последнего времени исследованию вопросов новой истории Казахстана. Здесь необходимо отметить, что даже специалистам-историкам до сих пор недостаточно известны хранящиеся в российских архивах законодательные материалы, издание законов, официальное делопроизводство высших, центральных и местных учреждений и отчеты генерал-губернаторов, военных губернаторов и вице-губернаторов. Ведь именно им, местным пограничным властям, почти всецело было предоставлено право на решение территории казахских кочевий. Поэтому отдельные представители царской администрации проводили различную политику в этом вопросе, в одних случаях требуя неукоснительного исполнения царских указов, в других – нарушая их запреты. Русская колонизация окраин «со сплошным инородческим населением» признавалась ими «важной с точки зрения общих интересов государства» [1]. Так, какова же территория

расселения казахских племен на территории Западной Сибири в XVIII в.? Первоначально рассмотрим нарративные источники.

Прослуживший на Иртышской линии в XVIII в. в течение 25 лет И.Г. Андреев писал: «О древних границах сего народа по прохождению их с места на место ясно доказать никак не можно. Из исторических же повествований довольно видно, что оные жили между рек Амура и Селенги, а после – вершинах реки Енисея, также Июса и Абакана, и у Черной горы. Здесь же за приличное сочтено объявить известное, что границы сего народа со времени взятия Сибири и по совершенном покорении татар от реки Ишима, где ныне город Ишим, на реку Тобол, где город Курган, и на реку ж впадающую Тар, где город Тара. Но в последующие времена, по учреждении и заведении Иртышской линии до крепости Устькаменогорской, отнесены так же и отграничены в 1752 году Новою линиею от Звериноголовской чрез Тарскую, Ишимскую и Тобольскую дистанции на крепость Омскую, то сии киргизы или, по тогдашнему названию, Казачья орда, отошли далее в степи» [2.47].

Мы не будем более останавливаться на множестве других источников вследствие ограниченности в объеме, остановимся на устных преданиях.

Факты раннего заселения территории Западной Сибири, Алтая тюрко-язычными керейями и уаками, составившими один из основных компонентов казахского этноса, подтверждают материалы устного народного творчества казахов. В частности, таким свидетельством может служить поэма «Елимай», написанная в «годы Великого бедствия» в начале в XVIII в.:

«...Тұтас ел бытырамай орнаған бақ
 (Мы жили в счастье, живя в единстве)
 Баласы Орта жүздің Керей-Уақ
 (Сыновья Среднего жуза Керей-Уак)
 Құт қонып, Қыдыр дарып ерте кезден
 (Издrevле под покровительством святого Кыдыра)
 Мекендеп Сібірді олар тұрған ұзақ
 (Кочевали они долго в Сибири)
 Тоғайын Омбы өзеннің жұртым қыстап
 (Зимовки моих предков располагались в лесах по берегам Оми)
 Баптаған алғыр тазы, бүркіт ұстап
 (Держали охотничьих тазы и беркутов)
 Бес жүз жыл Керей қоныс еткен Сібір
 (Пятьсот лет керейи кочевали в Сибири)

Қорғаған жаудан халқын қару ұстап
(Защищая свою землю от врагов с оружием в руках) [3.70].

Также в этом историческом повествовании приводятся причины откочевки найманских родов с территории Алтая.

«Бұл қырғын жаппай барша қазаққа ауды
Наймандар тастап көшті Алтай тауды»
(Это бедствие перекинулось на всех казахов
Найманы были вынуждены оставить Алтай) [4.72].

Таким образом, мы надеемся, что инструментарий устной истории позволит значительно расширить диапазон возможных исследовательских задач в рамках локальной истории. Современные исследователи пришли к выводу, что «новая локальная история для исследования регионов стала совершенно новым типом исследования, неразрывно связанным с «новой социальной историей» [5]. Возможно, что новые подходы не совсем приемлемы для всех российских исследователей, где продолжает иметь место концепция, согласно которой Москва заняла лидирующее положение в разложившейся монгольской империи, став центром «объединения» земель, и распространение ее влияния в Сибири для коренных этносов, означало всего лишь смену сюзеренов. В свете данной концепции наивно полагать а priori, что подходы и трактовки, предлагаемые по вопросам борьбы казахов за свои исконные территории в XVIII–XIX вв., будут тождественны с нашими. Но в то же время неоднозначность взглядов открывает возможности для творческого поиска и заставляет исследователей искать свою нишу в новой историографической культуре. Ведь «мы живем в эпоху всемирного торжества памяти» [6]. Как утверждает Пьер Нора, последние двадцать или двадцать пять лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому. Мы согласны с мнением П. Нора, что формы этого изменения многообразны: критика официальных версий истории и возвращение на поверхность вытесненных составляющих исторического процесса, восстановление следов уничтоженного или отнятого прошлого, культ корней и развитие генеалогических изысканий [6].

Исследователи считают, что современное историческое знание в России находится под сильным воздействием мировой гуманитарной

стики, которая постепенно отходит от линейных, стадийных теорий исторического процесса, воплощенных в глобальных национально-государственных метанарративах, к культурологически ориентированному знанию [7].

В развитии казахстанской исторической науки приоритетными направлениями становятся: актуальные проблемы исторической науки, историография, источниковедение, методы исторического исследования. Мы считаем, что так же одним из направлений должна стать локальная история, в развитии которой должно помочь применение устных источников для исследования регионов. Но это ни в коей мере не означает одностороннего изучения только территориального аспекта, в отрыве от всемирной истории, потому что искусственная замкнутость на региональных проблемах – при всей их важности – может привести к определенной узости историко-философского мышления, а противопоставление современности прошлому привести к отрицанию преемственности в истории, к изоляции казахстанской исторической науки от мировой.

Источники и литература

1. Никифоров Л.А., М.М. Штранге. Внешняя политика России во второй половине XVIII в. // История СССР. Первая серия. Т. III. М., 1967. 338 с.
2. Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. 280 с.
3. Кабульдинов З.Е. Казахи внутренних губерний России во второй половине XVIII – начале XX веков. Павлодар, 2002. 231 с.
4. Репина Л.П. Новая локальная история.//Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Сб. ст. / под ред. И.В. Нарского. Челябинск, 2003. С. 10–11.
5. Нора П. Всемирное торжество памяти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.memo.ru>, свободный.
7. Румянцева М.Ф. Теория истории. М., 2002. С. 187; Шнирельман В.А. Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестн. Омского ун-та. 1998. Вып. 1. С. 66.

А.В. Рыков

**Первичная адаптация столыпинских переселенцев
на территории Благовещенского района в начале XX в.
(на примере с. Яготино и Орлеан)¹**

Начало XX века стало одним из важнейших периодов в истории крестьянства. Благодаря аграрной реформе, проведенной П.А. Столыпиным, большое количество крестьян получило возможность ликвидировать свой «земельный голод», в частности и за счет свободных земель Алтайского округа. Одним из районов поселения переселенцев была территория современного Благовещенского района Алтайского края, в частности с. Яготино и Орлеан. Важнейшей проблемой для столыпинских переселенцев в первые годы жизни на новом месте стала адаптация к природным условиям Алтайского округа.

Поселок Яготин был основан, по данным Ю.С. Булыгина, в 1908 г. [1, с. 22], но общепринятой является дата основания 1909 г. [8, с. 334]. Орлеан, по данным обоих источников, был основан в 1909 г. [1, с. 21; 8, с. 334]

Информацию о жизни этих сел в первые года своего существования можно получить из материалов всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. В частности, с. Яготин на 1917 г. насчитывало 113 дворов. В Яготино (Яготин) – из Полтавской губернии пришли 98 домохозяев, Екатеринославской – 3, Харьковской – 3, Таврической – 2, Черниговской – 1 и 6 не указали места выхода. В Орлеане из 185 дворов из Полтавской губ. пришли 136 человек, из Екатеринославской губ. – 14, Таврической – 10, Курской – 8, Черниговской – 3, Воронежской – 3, Орловской – 2, из Акмолинской обл. – 2, Пензенской – 1, Херсонской – 1, Харьковской – 1, Томской – 1, Ярославской – 1, Тамбовской – 1 и 1 не указал места выхода. Всего на 1917 г. в с. Яготин проживало 577 человек, из них 306 мужчин и 271 женщина. В с. Орлеан в это же время проживало 1015 человек, из них 566 мужчин и 484 женщин [3].

По рассказам респондентов, основным мотивом переезда для их предков была нехватка земли. Их рассказы строятся на противопоставлении условий жизни в местах выхода и в предполагаемых местах

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект №12-06-98013-Р_Сибирь_а: Изучение адаптивного биологического статуса потомков переселенцев периода столыпинских реформ в Алтайском крае.

поселения. Т.К. Губская: «А там [на Украине] земли мало, мисто мало. Они разделялися. Приехали сюды. А тут земли, знаете, скики [сколько] было? Приезжай, скики хочешь захвачей, бери и жи-ви...» [4].

Также следует отметить, что в устных историях потомков столыпинских переселенцев этих двух сел отсутствуют сюжеты о хо-дательстве. Сам процесс переезда отображен в воспоминаниях респон-дентов довольно схематично. Кратко описывается переезд по желез-ной дороге, а также последний этап переезда, когда на лошадях, бы-ках или пешком они добирались до места расположения поселения. Р.Е. Лубенец: «Когда до станции на бричках... а уже на станции там на поезде, доихали... станция называлась Каргат... под Омском, а уже с той станции их везли на конях, на бричках у Славгород, а Славго-рода их тоже на кони посадили и привезли на це мисто» [7].

Также не являются подробными и рассказы об имуществе, при-везенном с собой. Респонденты, которые смогли ответить на вопрос, описывали его крайне абстрактно. Р.С. Василицева: «Что было там с собой, они все забрали. У них там, может, у кого какая бочка бы-ла» [2].

По воспоминаниям респондентов, их предков привезли на пус-тое место. Здесь уже была размечена земля и вырыты несколько ко-лодцев. Вероятнее всего, эта работа была проведена Переселенче-ским управлением. Р.Е. Лубенец: «[Дед рассказывал]: „Мы приехали сюды среди лита. Нема же ничего, одни колышки. И на каждом улицы были... эти... по три колодца шахтные... На каждой улице по три колодца вода...“» [7].

Наделение земель проводилось по душам. На каждого мужчи-ну в семье полагался 1 надел размером в 15 десятин. Но в народной памяти этот процесс отчасти подвергся мифологизации. Р.С. Васи-лицева: «А землю мерили... Вот идут к озеру, дедушка рассказывал, соленое озеро у нас... говорит, кто пришел первый – тот встал. Дают палку ему. И, вот, сколько ты бросишь, вот, это твоя межа... На-сколько ты бросил палку, вот, это – от деревни и до озера. Это твоя межа». Это можно связывать прежде всего с тем, что в сознании по-следующих поколений Алтай стал ассоциироваться как вольная территория, где в то время каждый мог вольно жить и брать земли сколько хотел» [2].

После приезда на новое место жительства главным вопросом, который встал перед переселенцами, было домостроительство. Из-

за отсутствия леса в первые годы основным жильем переселенцев стали землянки. По воспоминаниям, землянки строили из вырезаемых пластов земли. Р.С. Василицева: «Копали ямку. Ложили этот дерн и получали стены уже. Потом на эту стену ложили, вот, эту самую, матку у бревно потолще и наверх тогда бревнышки...» [2]. Но даже для такого дома необходимо некоторое количества дерева. Небольшие пруты (лозу) заготавливали на «лягах» (небольших озерах), а за крупными досками необходимо было ездить в другие районы края. Р.С. Василицева: «Вот у кого быки, где-то в Волчиху поехали купить, вот эту, по-украински называтся сволок – сама матка, чтоб на нее положить... накрыть нужно как-то. И вот туда поедут» [2].

Землянки могли быть только временным жильем, так как они могли простоять всего несколько лет. Постепенно они стали заменяться саманными домами. Саманные дома строились из саманных кирпичей, которые делали из глины и соломы. Н.Н. Жук: «Саман делали, ну и строили эти, жердями перекрытие. Накрывали этой лозы, жерди. Лозой накрывали, вот, а потом наверх этой наверх землей, чтоб она не промокала» [5].

Для саманных домов большое значение имело постоянное их обмазывание глиной. Белую глину переселенцы научились добывать на местных озерах. Р.Е. Лубенец: «Пол смазывали глиной. Как вечер, берешь горшок, глину, навоз перемешиваешь и мажешь пол. Наливка называлась. Белили белой глиной, на озерах брали» [7].

Также одной из важнейших проблем, с которыми столкнулись переселенцы, было практически полное отсутствие водных источников. Переселенческое управление пыталось решить эту проблему, и было выкопано несколько колодцев в местах будущих сел, но села быстро разрастались, и жители стали копать собственные колодцы. Первоначально они даже делались без срубов из-за нехватки дерева. А.Г. Шкурко: «До колодцев ямы такие вырывали... Колодцы они же там деревом сделались, а ямы ничего там не было, яму вырыли и все. Они так рыли одному на двоих, чтобы легче было вырыть яму, а чтоб у каждого не было» [9]. Вода в этих селах находилась довольно глубоко (10–11 метров) и она была довольно низкого качества. Р.С. Василицева: «Он сколько тот колодец был, это еще я помню, вся деревня ходила брала голову мыть, вода была мягкая прям, но она была все время мутная» [2].

Одной из форм адаптации переселенцев к климатическим особенностям Сибири стало изменение одежды переселенцев. Боль-

шинство переселенцев взяло с собой с Украины традиционную одежду, но после первых зим они были вынуждены использовать одежду, более подходящую для суровых сибирских условий. Т.Г. Кошун: «С бараньей шкуры шили такие полушубочки, потому и выжили... селяки назывались. С чего они сшиты – не знаю. Ну такие, как наши полупальто или что, тканые вся. Одежд не было. Рядна все такие тканые, мы укрывались ими. Полушубки в основном шили из барана» [6].

Важной особенностью в адаптации переселенцев было взаимоотношение с местным населением. Рядом с селами находилось казахское село Байгамут. По воспоминаниям респондентов, между переселенцами и местным казахским населением устанавливались хорошие отношения, которые базировались на взаимовыгодных условиях. Т.Г. Кошун: «Дед же построился: в Байгамуте купил дом и построился там на центральной улице» [6]. Р.Е. Лубенец: «Тут их встречали казахи с Бойгомута. Они их встречали и лошадей давали и кушанье везли» [7].

Подводя итог, следует отметить, что территория Благовещенского района находится в Кулундинской степи. Это обусловило природно-климатические особенности данного района. К ним следует отнести прежде всего колебание температур, нехватку водных и лесных ресурсов. С этими же проблемами столкнулись в свое время и столыпинские переселенцы, поселившиеся на территории современного Благовещенского района. Они были вынуждены различными способами решать вставшие перед ними проблемы, что, в свою очередь, привело к значительным изменениям в быту переселенцев по сравнению с их местами выхода. Что касается взаимодействия с местным казахским населением, то они носили добрососедский характер и базировались на взаимовыгодных условиях.

Источники и литература

1. Булыгин Ю.С. Список населенных пунктов Алтайского края: справочник. Барнаул, 2000. 237 с.
2. Василищева Р.С., 1941 г.р. Благовещенский район, с. Ягодино // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1.
3. Государственный архив Алтайского края. Ф. 233 Оп 1. Д. 398, 399, 426.
4. Губская Т.К., 1931 г.р. Благовещенский район, с. Орлеан // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1.
5. Жук Н.Н., 1950 г.р. Благовещенский район, с. Ягодино // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1.

6. Кошун Т.Г., 1941 г.р. Благовещенский район, с. Ягодино // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1.

7. Лубенец Р.Е., 1942 г.р. Благовещенский район, с. Орлеан // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1.

8. Список населенных мест Сибирского края. Т. 1. Округа Юго-Западной Сибири. Новосибирск, 1928. 831 с.

9. Шкурко А.Г., 1933 г.р. Благовещенский район, с. Ягодино // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1.

А.С. Свидовская

Этносоциальное развитие Егорьевского района в XIX–XX столетиях: по устным источникам

Алтай относится к полиэтническим регионам. При преобладании русского населения на его территории проживают многие народности. Полиэтничность сформировалась в результате перманентных переселений на Алтай, причем как добровольных, так и принудительных.

Традиционно Алтай по характеру переселений делится на восточную (предгорную) часть, где на рубеже XIX–XX вв. большую часть населения составляют старожилы-старообрядцы, и западную (степную), где проживали в основном переселенцы из российских губерний и сопредельных территорий. Население полиэтнического запада Алтайского края мало подвергалось изучению как отечественными историками, так и отечественными этнологами. Традиционно исследователи уделяли внимание главным образом истории, быту и культуре старообрядцев разных согласий и других историко-культурных групп старожилов русского населения центральных и восточных районов Алтая [1].

Егорьевский район расположен на юго-западе Алтайского края. Население представлено в основном следующими этническими группами: русские, украинцы, казахи, мордва, белорусы, цыгане, армяне. Интересно на примере одного района проследить формирование полиэтничности.

Работая с архивными документами за разные года, невозможно получить полную информацию про этнический состав населения. В документах и переписях информация формализована. Чтобы восстановить характер миграционных процессов, которые происходили, нужно использовать и другие источники, такие как устные

воспоминания информантов. В отличие от устных источников, в архивных документах нет информации про взаимоотношение этнических и этнокультурных групп, их адаптации и отношений с местным населением. Все эти проблемы разнообразны и представляют огромный интерес для исследований. Целью данной публикации является анализ этносоциального и этнодемографического развития Егорьевского района на примере сел: Новоегорьевское, Лебяжье, Сросты, Малая Шелковка, Титовка, Шубинка.

Задачи заключались в выявлении основных периодов этнических и этнокультурных миграций населения на территорию Егорьевского района с рубежа XIX–XX вв. и до 70–80 гг. XX в., определения условий и факторов переселений, выяснений отношений приезжих с местным населением.

Первый многочисленный поток населения в Егорьевский район связан с крестьянскими переселениями XIX–XX вв.

Активное переселение в Егорьевский район началось в конце XIX века после разрешения переселения на Алтай в 1865 г. В основном это выходцы из центрально-черноземной полосы Европейской России и Левобережной Украины: русские и украинцы. Так же отмечается приток мордовского населения [1]. По данным похозяйственных анкет за 1917 г. видно, что переселенцы прибывали из Тобольской, Пермской, Вятской, Пензенской, Харьковской, Тамбовской, Уфимской губерний и др. Причина массовых переселений связана с нехваткой земли в этих местах. Об этом местные жители говорят так: «жизнь тяжелая была, землю не давали на девок» [7]. Воспоминания жителей о переселениях этого периода носят *коллективный* характер. Информанты не являются очевидцами событий, многие не знают или не помнят подробностей, прежнего места жительства родственников; они пересказывают истории своих бабушек и дедушек.

Переселенцы этого периода селились отдельно от старожильского населения, которое проживало на территории района еще до массовых миграций. В результате в селах формировались переселенческие края, называемые по местам исхода переселенцев, каждая земляческая группа обособлялась [2]. Например, в с. Новоегорьевском – «хохловка», «мордовка», «курская», «самарская», с. Сросты – «черниговка», «сибирь», с. Малая Шелковка – «рязань» и т. д.

Причиной второго массового потока является голод в Поволжье и в центральной России в 20–30-х гг. XX в. Информанты так говорят о

причинах переселения того времени: «Голод в России был страшный, голод, и уезжали оттуда, с России» [9, 15].

Голод являлся непосредственной причиной миграций в Егорьевский район из Казахстана в 1930-е гг. Одни выбирали в основном такие места жительства, где уже обосновались казахи, другие переезжали «наугад»: «Тогда ж голод поднялся в этом, в Казахстане. Вот, они и ехали сюды, у кого родственники. Кто, мож, так приехал. Сказали, что между русскими тут жить легче» [14]. Важно отметить, что казахи выбирали местом проживания Егорьевский район еще и потому, что он находится вблизи от города Рубцовска, куда казахи стремились с целью заработать деньги. Приехавшие казахи стремились селиться в селах компактно.

С Великой Отечественной войной связан третий поток переселений. Егорьевский район стал местом насильственного переселения людей разной этнической принадлежности. Информанты упоминают про депортированных немцев, украинцев, которые обвинялись в политической неблагонадежности, и спецпереселенцев-японцев.

В 1941 году в с. Малая Шелковка, с. Сросты прибыли депортированные немцы Поволжья. Жители вспоминают про них так: «немцев сюда к нам переселили. Но они были немцы не такие, вот... ну... не враги они были. Вот те, которые в Поволжье жили. Вот уж им досталось этим немцам» [5]. Относились к ним по-разному: «говорили немцы, боком ходили» [6], были и такие, которые понимали, что депортированные – не враги, относились с пониманием и помогали. Вернувшиеся с фронта не отделяли немецкую национальность от русской: «Вот я у отца спрашивал, какой-то случай разбирался, там, то ли драка, то ли... между русским и немцем. Вот, отец мне пояснил: «сын, вот эти немцы, которые у нас живут, они ни при чем, они против нас не воевали... они здесь ни при чем. А те, которые с нами воевали, мы их всех побили, поэтому причем здесь национальность немецкая».

Жители Шубинки упоминали о японцах «их, наверно, то в лес гоняли, то дрова... пригонят. На уборошную пригоняли. Вот они и это, а тут война кончилась, и поубрали» [17], «ездили с города японцы, такие небольшие росточком, лес все у нас возили» [4].

В послевоенные годы в Малую Шелковку прибыли украинцы: «Они здесь пожили немножко и уехали. Оставались, наверное, семьи две этих украинцев, а потом и те куда-то уехали, нету их» [20].

Освоение целины в 50-х гг. XX в. непосредственно связано с четвертым притоком населения. В памяти информантов целина запомнилась так: «зажили не то, что зажили, но человек встанет и он хоть знает, что поисть есть что и одежка, чтобы одеться» [5]. Молодые специалисты приезжали по направлениям после окончания университетов и техникумов. Кто-то, отработав положенный срок, уезжал, другие, обзаведясь семьями, оставались.

По переписи 1979 г. в районе проживало русских – 16165, немцев – 573, казахов – 243, украинцев – 196, белорусов – 47, алтайцев – 13, прочих – 150 [3].

У казахов отмечают их дружелюбие, самобытность. Особенно подчеркиваются отличия казахской культуры, например похоронной: «Хоронили не так, как мы, на кладбище, а где-то в лесу. ...Вырывали... как домик делали и туда спускали» [5] – и отличия в быту: «Столик был маленький, низенький, старики там чай пили», носили тюбетейки и т.д. [19]. Респонденты также отмечали, что казахи разбирались в коневодстве. Конь – основное средство передвижения и перевозки в колхозное время, так как «машин мало было». Односельчане ценили казахов за их работоспособность и ответственность, их труд был очень необходим: «Если, например, пшеницу в государство, представьте, с Титовки возили в Мамонтово. Это железнодорожная станция под Рубцовском. И в основном, вот, ездové были казахи. И вот если, представьте, где-то, наверно, километров 40 туда только в одну сторону и 40 в обратную. Если хороший конь и хороший ездóвой, то два рейса в день делали, но уже дотемна, поэтому считалось это большим трудовым подвигом, так сказать» [19].

Казахи селились компактно. В Егорьевском районе есть несколько населенных пунктов, где долгое время проживают казахи. Это Песчаный Борок, Долино, Титовка. После укрупнения колхозов казахи из этих сел разъехались по всему району.

Много собрано воспоминаний жителей о мордве. Одни отмечают их трудолюбие: «Могли и сапоги сшить, и сбрую сделать, и кузнецами были. Могли коней подковывать. Все-все» [16], другие отмечают: «У них говор свой, у них своя какая-то культура особая была, но сейчас они уже обрусели, не так. У них одежки были другие, костюмы там праздничные были» [8].

Несмотря на разные национальности, вероисповедание, все односельчане ладили между собой: «Тогда же товарочки были на улице, гармонист играет, и все пляшут. Сабантуи бывали...» [18].

Последний поток поселенцев приходится на 1960–1990-е годы. Этот период характеризуется локальными малыми миграциями на территорию района. Жители села Сросты вспоминают о приезде «вологодских». Их идентичность связана с их произношением слов через букву «о», а не «а»: «приезжали, так же в колхоз и шли, так же работали, как и мы работаем» [10].

В это время не проводилось целенаправленных переселений. Люди приезжали к родственникам и оставались в понравившемся месте: «Приехал в 74 году из Башкирии, ехал на БАМ, заехал в гости и остался» [13], украинец Ф.П. Мартынюк, приехавший к родственникам в 1960-х годах из Винницкой области, объясняет так причину переезда: «Легче жить здесь было, чем на Украине. В основном здесь хлеба давали, а там нету». [12]

Таким образом, Егорьевский район является районом, где основную массу населения составляют переселенцы разных миграционных волн. Каждая группа переселенцев стремилась сформировать в селах с моноэтническим составом свои общности, несмотря на характер переселения (добровольный или принудительный). Различия в культуре разных национальностей заметны и сегодня.

Источники и литература

1. Щеглова Т.К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Атлая и сопредельных территорий : материалы 8-й междунар. науч. конференции. Вып. 8. Барнаул, 2011. 358 с.
2. Щеглова Т.К. Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность // Краеведческие записки / Управление Алтайского края по культуре, Алтайский гос. краеведческий музей. Барнаул, 2009. Вып. 8. 242 с.
3. Национальный состав населения Алтайского края (по данным переписи населения 1989 г.). Барнаул, 1991. 145 с.
4. Андриянова М.В., 1934 г.р., Егорьевский район, с. Шубинка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
5. Биенко Е.В., 1937 г.р. Егорьевский район, с. Сросты // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
6. Бобб М.Ф., 1926 г.р. Егорьевский район, с. Сросты // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
7. Гераськина А.И., 1935 г.р. Егорьевский район, с. Сросты // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
8. Гребова Т.И., 1937 г.р., Гребов О.И., 1935 г.р. Егорьевский район, с. Новоегорьевское // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.

9. Денисова М.В., 1920 г.р. Егорьевский район, с. Лебяжье // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
10. Дианова Н.Е., 1938 г.р. Егорьевский район, с. Сrostы // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
11. Дряпochко В.З., 1933 г.р. Егорьевский район, с. Шубинка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
12. Мартынюк Ф.П., 1941 г.р. Егорьевский район, с. Малая Шелковка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
13. Камалетдинов А. Т. 1948 г. р. Егорьевский район, с. Титовка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
14. Конопьянова (Нуралина) Т. И., 1929 г. р. Егорьевский район, с. Титовка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
15. Кукушкин П.К., 1933 г.р. Егорьевский район, с. Сrostы // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
16. Порваткина (Тутучкина) Л.С., 1940 г. р. Егорьевский район, с. Новогорьевское // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
17. Попугаева Р.Ф., 1926 г.р. Егорьевский район, с. Шубинка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
18. Тюрганов И.П., 1937 г.р. Егорьевский район, с. Новогорьевское // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
19. Чуднов В.И., 1956 г.р. Егорьевский район, с. Титовка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
20. Штанке М.И., 1927 г.р. Егорьевский район, с. Малая Шелковка // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.

Е.М. Скурыдина

**Историко-культурное наследие поморской общины
конца XIX – начала XXI вв. (взгляд изнутри)**

Алтай, являясь самобытным культурным центром, включил в себя огромное многообразие старообрядческих толков. На Алтае жили и живут в наши дни представители как поповских, так и беспоповских согласий. Среди ярких представителей беспоповских толков на Алтае являются «поморцы». Поморские общины распространены по всему краю [1].

Изучение старообрядчества на Алтае в настоящее время активизировалось. Необходимость представления о самобытной культуре для расширения историко-культурного наследия необходимо для воспитания у будущих поколений духовного мировоззрения, сохранения обычаев, изучение древних уставов, самобытного устроения жизни, фиксации традиций и фольклора.

Историко-культурное наследие старообрядчества поморской общины – многообразно и противоречиво, в результате чего необходим особый подход, который требует деликатного отношения и глубоких знаний. Бесспорно, что именно устная история как «взгляд изнутри» позволит провести фундаментальные исследования на данную тему.

Изучением истории старообрядчества в последние годы занимались многие исследователи. Исторические аспекты старообрядчества нашли свое отражение в работах следующих авторов: А.В. Апанасенок, О.Н. Бахтина, Ф.Ф. Болонев, М.М. Волобуева, С.А. Зеньковский, А.Е. Кабанов, И.А. Кириллов, К.Я. Кожурин, М.В. Кочергина, А.В. Костров, Г.В. Маркелов, Ф.Е. Мельников, С.С. Михайлов, А.Б. Островский, А.С. Пругавин, А.В. Пыжиков, С.В. Таранец, Г.В. Чудинова и других. Среди них исследования в области историко-культурного наследия старообрядцев поморского согласия были проведены следующими историками: П.С. Усов, Е.М. Юхименко, А.И. Мальцев, А.Б. Островский, А.Е. Кабанов, Г.В. Чудинова, И.А. Кириллов, А.В. Апанасенок.

«Собирание по крупицам» сведений о поморцах обусловлено и вполне практическими целями. Все больше людей начинают выстраивать свою родословную, чтобы узнать о своих предках, семейных традициях. Для потомков поморцев поиск сведений осложняется отсутствием источников. Вследствие их отсутствия. Следовательно, любая информация из уст старожилов сохранившихся старообрядческих общин представляет для потомков огромный интерес. Необходимо только собрать материал, в том числе интервьюирования и свести воедино.

Залесовский район, Каменский район, города Новоалтайск, Заринск и другие поселения Алтая насчитывают малочисленные общины поморцев, состоящие из 1–10 человек. Крупные старообрядческие общины поморского согласия Алтайского края сохранились в настоящее время в городе Бийске, Барнауле, Белокурихе, селах Алтайском¹, с. Куяча². «Ещё каких-то 100 лет назад село Куяча было

¹ Административный центр и крупнейший населённый пункт Алтайского района Алтайского края.

² Село Куяча расположено в Алтайском районе Алтайского края. Из истории образования села: летом 1825 г. командированному в Алтайскую волость унтершихтмейстеру Пылкову было поручено по реке Песчаной до устья речки Куячи отвести землю для поселения просившихся туда ревизских крестьян Енисейской волости Чиркова с товарищами, всего на 44 мужские души. 3 сентября 1825 г. Пылков доложил, что нашел на том месте только пять душ, которые имели на речке Куяча

чисто поморской деревней, запрятанной от внешних высокими горами и безлюдными местами. Внешних сюда не пускали, жили обособленно, кладбище охраняли от посторонних. Тогда в Куяче были наставниками Зыков Иван Трофимович и Иван Корнилович, дед которого учился в Выговской обители. Иван Трофимович был крёстным отцом Феодорита Федоровича Серебренникова...» [2].

Было проведено несколько интервью с жителями Алтая (Налимовой Зоей Степановной (1950 г.р.), Налимовой Екатериной Елистаровной (1924 г.р.), Швецовой Екатериной Григорьевной (1935 г.р.), Клепиковой Евдокией Леонтьевной (1926 г.р.), Черданцовой Матронею Ипатовной (1929 г.р.), Черданцовой Марией Анфимовной (1939 г.р.), Поповой Миной Фатеевной (1942 г.р.), Серебряниковым Петром Яковлевич (1938 г.р.) и другими). Собранная информация показала, что уклад, традиции общин поморского согласия схожи во многом, но есть и некоторые отличия.

Обычно историю начинают изучать со своей семьи. В ходе работы в 2011–2013 годах в с. Алтайское было сделано несколько записей и собраны семейные архивные материалы (документы, фотографии, дневниковые записи) семьи Марии Федоровны Фефеловой, проживающей в с. Алтайское.

Одна из старейшин староверов-поморцев – Мария Федоровна Фефелова – родилась 4 августа 1928 г. Происхождение её из семьи потомственных староверов – древлеправославной поморской общины Качеевых, Кашкаровых. Как говорит Мария Федоровна: «Мой отец Кашкаров Федор Иванович, его отец Качеев Федор Прокопьевич. Федор Иванович от родителей остался полгода, мать умерла. Его взяли из другого села – Кашкаров Иван Евсеевич». Многие выпало на её плечи и гонения, и трижды репрессировали отца: «Жили своим трудом. Люди были милосердными. Многие выпавшие на их долю тягости не изменили их уклад жизни».

«небольшое обзаводство и насеку» и сказали, что большинство из просившихся переселяться не желают. Поэтому отводить землю Пылков не стал. О том, состоялось ли заселение избранного крестьянами места и когда к первым пяти душам присоединились другие, сведений найти не удалось. В ревизию 1834 г. населенный пункт на речке Куяче не учитывался. Очевидно, первые его поселенцы еще числились на прежних местах жительства. В 10-ю ревизию 1857 г. в деревне Куяча было учтено 42 мужские ревизские души. В 1893 г. в деревне Куяча Сычевской волости было 55 дворов и в них 306 жителей. В 1911 г. в деревне Куяча Куяганской волости насчитывалось 143 двора и в них 909 жителей. В перепись 1926 г. село Куяча Куяганского района имело 266 хозяйств и в них 1424 жителя. Ныне село Куяча в составе Алтайского района. По данным 1991 года, в нем проживало 768 человек [Село Куяча [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://altaiskii.ru/naselennyye-punkty/s-kujachka/68-selo-kujachka.html> – свободный].

Для того, чтобы понять, каковы были тягости и в советское время, предложим сюжеты из интервью Фефеловой Марии Федоровны (рис. 1). Интервью проводилось в июле-августе 2011 г., в июле-августе 2012 г., в марте, июле-августе 2013 г. в с. Алтайское. Всего было записано 4 аудиозаписи, 8 видеозаписей, взяты дневниковые записи Марии Федоровны.

Отрывки из интервью с М.Ф. Фефеловой

О моленной. «До 30 годов уставы¹ соблюдались в жизни поморцев без оглядки на мирскую² жизнь людей, не входящих в общину. Строили без боязни моленные³. Ранее моленные совершались в Солоновке⁴. Потом построили моленну «Святой Троицы» в Куяче, и все стали съезжаться из сел других. В Куяче была большая христианская семья⁵. И все были богатые. Имели хозяйство. Когда моленную поставили, то всем предложили, чтоб всем привезти из Барабанова лес. Там шестиметровые столбы. Все везли и строили моленную. Моленную сделали 12 метров, большущую длинной зал, а на 9 ширины. А тут еще прихожая раздевалка. И большой колокол привезли, как, откуда, я не знаю...»

О семье. «Родители трудились, не зная покоя. Хлеб сеяли, скот держали: 3 коня, 4 коровы. Молоко сдавали на молоконку за 3 копейки 1 литр. Чтоб нас одевать, сеяли лен, мели, ткали. Всё делали сами. И одежду, и сбрую, и седла, и всякую утварь. Сами. Ткали сами – из льна. Лен посеешь, сожнешь и навалишь на зиму и потом

¹ Уставы – Богослужебно-обрядовые особенности. Поморский устав, опирающийся на каноны «Ока церковного», был разработан в XVIII в. отцами Выговской обители. В нем подробно изложены общие указания к ведению службы, а также устав на каждый день года. Поморский устав рассчитывался на монастырское общежитие и учитывал традиции типиков ряда древнейших русских монастырей: Соловецкого, Кирило-Белозерского, Троице-Сергиева. Монастырская ориентация Поморского устава в значительной степени ощутима в богослужебной практике современного поморского старообрядчества, отличающейся особым аскетизмом [Архив русских старообрядческих ресурсов – Церковный устав. Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.synaxis.info/old-rite/4_tyikon/4_tyikon.html – свободный].

² Мирская – светская в противопоставлении духовному.

³ Моленная – в России (особенно у старообрядцев) помещение для совершения богослужения, домашняя церковь. В царских хоромах моленная также называлась «крестовая комната». Не имеет алтаря и не предназначена для совершения литургии. В моленных обычно читали Часы, а также совершали праздничные богослужения и некоторые из церковных таинств. Богослужения в моленных совершаются как священнослужителями, так и мирянами (в объёме разрешённом церковным уставом). Может располагаться в отдельном здании, имеющем вид часовни, а также и как отдельная комната в доме [Моленная – Википедия [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Моленная> – свободный].

⁴ Село сопредельного Смоленского района.

⁵ Имеет в виду старообрядческую общину.

Рис. 1. Фефелова Мария Федоровна

Рис. 2. Окрестности места бывшей моленной с. Куяча

снег сойдет, его намнешь и сушишь в бане и опять мнешь и когда изомнешь и чесалкой железной и лен остается чистый и ткали и шили рубахи.»

«Да, сами мыло варили. Все время сами варили. Для того чтоб стирать, мыться, сами делали. Только для лица государственное было, душистое, запашистое. Кишки вывернуть надо на другую сторону, промыть, посушить и соду каустическую добавить. Помешивать и варить. Когда загустеет, оставить остывать, и назавтра его режешь. А вперед щелоком стирали из березовых дров. Полоскались на речке, вальком – и стираешь, катали катком рубчатым и гладили».

О членах семьи (общины). «Маленькие все ходили вперед в моем возрасте, как я начала ходить, еще маленькой в моленную. Новых – не было. Все старообрядцы только ходили. Никоньянская церковь другая была».

О доме. «Был-то, первый, был пятистенник, когда Тятя построился. А потом этот пятистенничик продали и крестовый дом купили. Знаю, что дом большая горница. Большая изба, а кладовка и сенки теплая, и все. Большие окна. А потом этот дом сделали под детский сад, после того как забрали у нас. Я в нем потом была, меня Леля оставила, когда уехала. А там стали брякать на инструментах, я и убежала, ведь нельзя слушать брякание¹. А Леля спросила потом: а зачем ты туда пошла слушать. Так я не хотела идти, а меня на руки взял он и понес. Я дергалась, стоналась. А он сказал: да маленько побудем, что ты будешь на улице одна-то. И потом убежала».

Об исторических событиях. «В 1932 году мне уже 4 года было. Послали карателей в Куяган². Много книг сожгли. Гонение было. Людей раскулачивали, которые своим трудом жили, и под эту руку и начали выгонять со своего дома и скот, хлеб, птицу – всё отобрали и дом заколотили. Нас 6 детей под открытым небом... Негде приютиться и поесть. Маму, двух сестер и брата на работу не принимали. Мама из дома не пошла, так они её толкнули. Она упала. Беременная она была. Перепугана была и с того горя редела, и волосы на себе драла. И отца забрали, то есть угнали пешком и шесть месяцев пытали, били зверски и потом отпустили искалеченного. Часто если

¹ В старообрядческой общине практиковалось «грехование» – пение частушек, игра на разных инструментах.

² Респондент рассказывает о раскулачивании. Куяган – село в Алтайском районе Алтайского края, административный центр Куяганского сельсовета. Основано в 1825 году. Одно время было центром Куяганской волости.

кто услышит, что кулачать, то всё бросали и уезжали. Гонения пошли и молиться не давали, и собираться не давали. Косы обрезали. Заставляли короткие волосы носить. Мне все учительница говорила, что, когда волосы подстригешь? А я говорливая сильно была на язык и отвечала ей, что, дескать, тебе надо, ты и стриги. А она отвечала, что она подстригла и ей хорошо. А тятя меня ругал, что разговариваю. Говорил, что молчи и не сказывай. А если крест увидят, то горе будет. Прятали его под рубахой, а если проверять идут, так мы как будто ручку уронили под парту и быстрее снимали крест».

О традициях. «Тогда не пили, не курили. Выпивали только так, если гость приедет, то две стопки выпивали маханькие на глоток: одна для здоровья, другая для веселья, а вот третья для беснования. Тогда не напивались. Не положено было. Хотя всякие были и редкие случая были. И все равно всем помогали, хоть чужой, хоть не нашей общины. Мама моя рассказывала: «Ехали – сено убирали, там Кашкоров лог, большой был. Сено убрали и едем, а соседи сено убирают и не закончили. Туча большая идет. Вот сейчас польет, и все сено пропадет. Мы скорей все бросаем, торопимся и помогаем, метаем, и только заделали – и дождь полил. А такие все были, друг другу помогали, кто он там был. Лишь бы друг другу помочь жить. А сейчас вот ходи у дороги и запнись – и даже и не помогут, не подымут. Пройдут даже и не посмотрят. Хоть плохо станет – и не обратят внимание...».

Собранный материал является ценным для изучения историко-культурного наследия поморцев. В ходе работы были сделаны и интервью с другими представителями поморской общины с. Куяча, с. Алтайское, с. Нижняя Каменка летом 2013 года. Сведения, предоставленные Фефеловой Марией Федоровной и старожилками с. Куяча, во многом согласуются, что позволяет считать собранную информацию достоверной.

Источники и литература

1. Казанцева Т.Г. Старообрядцы Алтая [Электронный ресурс]. Т-Портал-Credo.RU. Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=1656>, свободный.

2. Белобородова Е.М. История старообрядческой общины с. Куяча Алтайского района // Сибирское слово. Изд. САС ДПЦ, 2009. № 2. С. 22–23.

С.А. Соловьева

Использование дерева в строительстве у русских Алтая в конце XIX – первой половине XX вв.

Формирование историко-культурной среды населенных пунктов Алтая проходило постепенно и неравномерно. Значительно увеличилась численность населения на рубеже XIX–XX вв., когда стали прибывать переселенцы из различных губерний Европейской России. Они обосновались в старожильческих селах, возникших в XVIII–XIX вв. и поселках, организованных Переселенческим управлением Томской губернии. В начале XX в. здесь сложился сложный комплекс хозяйственных и культурных традиций, сформированный представителями различных групп населения. Возведение традиционного жилища составляет существенную часть этого комплекса. Изучение крестьянского дома имеет большое значение, так как с ним тесно связана жизнедеятельность русских крестьян. Цель исследования – рассмотреть особенности строительных традиций у русского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX в.

Источниками исследования являются архивные материалы, полевые сборы автора 2000–2012 гг. в г. Бийске, восточных районах края: Солтонском, Тогульском, Ельцовском, Троицком, Кытмановском, Солонешенском, Смоленском, Зональном.

Как показывают источники, у русских Алтая большинство деревянных построек возведено в срубной технике. Дерево издавна было самым доступным и распространенным материалом в русской культуре. Из него изготовлены различные постройки, бытовые предметы, хозяйственные орудия и художественные изделия.

Крестьяне из Европейской России принесли с собой традиции обработки дерева со знанием особенностей различных пород. Эти навыки были применены к сибирским условиям. Процесс строительства был строго регламентирован, выработаны традиционные приемы. Для успешного проведения работ старались пригласить опытного «знающего» человека. Он должен владеть как рациональными навыками, так и иррациональными знаниями.

Одним из наиболее значимых моментов строительства был выбор леса. В народной культуре сложились множество наблюдений, характеристик, примет хорошего строевого дерева, которое обеспечивало долговечность и добротность постройки.

Чаще всего использовали окружающий природный материал.

Прежде всего, заготавливали только живые деревья. Мертвые (валежник и сухостой) не были пригодны для строительства, их использовали в качестве топлива.

Учитывали расположение растущих деревьев. Старожилы указывали, что деревья, растущие на возвышенности, с солнечной стороны склона, суше, ствол ровнее. В Залесовском районе Алтая старожилы также старались готовить лес зимой на старый месяц, пихту предпочитали брать на южных склонах, потому что они суше [11, с. 138]. Мастера, работающие с деревом, описывали, что обработка «согреного» дерева, выросшего в низине, заболоченной местности, более трудоемкая. Оно деформируется при просушке. По словам старожилов, «для дверей не идет, лохматится, согренная (лесина) корезит двери, горная гладко идет, теплая дверь из горной» [3]. Особое внимание уделялось подбору материала для изготовления входной двери, препятствующей потокам холодного воздуха.

Аналогичные приемы существовали в соседних регионах у русского населения. В северной части Верхнего Приобья строительный материал также старались выбрать на старый месяц, т.е. «вовремя» по представлениям старожилов [6, с. 56]. Заготовку леса для сруба проводили в холодное время года, свободное от сельскохозяйственных работ. «Лес режут осенью, когда лист опадет, в октябре-декабре» [7]. Лучшим сроком считали зимний период (с ноября по март), когда замедлялось сокодвижение в деревьях. Увеличение светового дня и сохраняющиеся низкие температуры воздуха в марте делали его удобным для заготовительных работ в лесу.

При выборе деревьев для строительства оценивали не только место, где они растут, но и их внешний вид. Предпочтение отдавалось гладким стволам с ровной корой, без сучков. «Видать по сучьям. Много сучьев – сучкляво будет, топором плохо рубить. Вот на макушке сучья, маленько на косогоре и подсеверье, тогда гнили нет» [4]. «Если внутри (ствола) гниль – то кора табачного цвета» [1].

Опытные люди владели определенными терминами для характеристики качества леса: мендач, кондовый. Для дома стремились выбрать кондовый лес (сосновый или еловый) с плотной древесиной, отличающийся большой прочностью. Этимология этого слова восходит к северу России, так называли сосновый лес, годный к строительству в вятской, вологодской губерниях, из фин. *hонка*, род. п. *hongan* «зрелая сосна» и старожилы в Сибири. Мендачный – лес с

рыхлой древесиной, его старались не готовить для постройки дома [10, с. 210, 286].

Кроме визуального осмотра, определяли на слух доброкачественность леса.

Готовность леса для строительных работ оценивали по пробным зарубкам. «Мужики раньше приедут в лесосеку, один отрубит щепку, если она упала вниз корой, то он топор на плечо и домой, значит, дерево сырое. Если она упала вверх корой, то подойдет – сухое, лесина деловая...» [1].

Во второй половине XIX в. использовали для строительства преимущественно хвойные деревья: сосну, пихту, лиственницу, что было характерно для всех лесных районов.

Для крепкого и теплого дома старожилы ездили за хвойным лесом в сосновые боры или в предгорный Алтай.

Позднее переселенцы с сокращением лесных угодий и из-за нехватки средств на «хороший» лес стали относиться к подбору материала для строительства менее тщательно, использовали лиственные деревья: осину, березу.

При заготовке делали метки на южной и северной сторонах бревен. При сборке сруба их укладывали в соответствии с маркировкой (южную на юг, северную на север). Таким образом дерево постройки долгое время оставалось прочным [8]. Распространенным способом сбора сруба был такой, когда все бревна укладывали северной стороной наружу, а южной внутрь.

В южных районах Алтая жилища строили из сосны и лиственницы. Большинство построек были из растущей здесь лиственницы. Старожилы отмечали, что сосновые дома теплее, чем лиственные. Как писал Г.Н. Потанин, «стены лиственных домов потеют» [9, с. 72]. Главным достоинством лиственницы для жилища была ее прочность, устойчивость к сырости. Часто крестьяне использовали деревья разных пород в срубе: лиственницу на нижний (окладной) и черепной (верхний) ряды жилого дома – для крепости, сосну или пихту – для стен.

Просыхая, лиственница твердеет и трудно поддается обработке. Респонденты вспоминали, что при разборке старых построек от бревен отлетают искры, «будто железо рубят». Поэтому старались работать с непросушенным деревом, когда оно «режется как сыр» [8].

В северных и восточных районах для большинства домов использовали пихту. Её считали теплым деревом, плохо поддающимся

гниению. Пихта, растущая на Алтае, благодаря своим качествам пользовалась спросом также в соседних регионах. Ее перевозили в Новосибирскую область, в Тогучинский, Маслянинский районы [6, с. 56].

По воспоминаниям респондентов, распространенными способами доставки леса к месту строительства были: на лошадях, сплав на реке. Последний способ считался не желательным, потому что ухудшалось качество леса: он набирал влаги, быстрее поддавался гниению.

Трудности в заготовке, транспортировке дерева до места строительства возникали достаточно часто, что зафиксировано в архивных документах.

«Лесорубный билет дается на 140 усадеб... Всего приходится на общество (на 140 усадеб) 7560 осиновых и пихтовых хлыстов (не тоньше 6 вершков в окружности) (26,4 см, так как вершок равен 4,4 см (примечание автора). Срок вырубki и вывоза леса – с 1 октября по 1 июня. Время, назначенное для вырубki, вывоза леса, очень неудобное. Осенью рубить лес по той причине, что травы, годной для корма лошадей, в лесу в это время нет... плавить лес в это время также неудобно, так как река начинает замерзать... Зимой лес рубить нельзя по причине глубоких снегов. Остается весна, но в это время года начинаются полевые работы... Самое удобное время – июнь, но в это время крестьяне рубить не имеют права... За неудобством приходится лес рубить в своем бору воровски» [2, л. 25].

Респонденты говорили, что бревнам, подготовленным для строительства, необходимо было вылежаться. «Бревна укладывали на постилках, палки подложат, а потом еще в срубе стоит год или больше». Чтобы уберечь от растрескивания, бревна обмазывали известью. «Торцы бревен подбеливали, трещины дерево не дает, углы тоже белили. Сруб должен стоять» [5]. Подготовленный сруб ставили в тайге на просеке или рядом со старым домом.

Обычно старались поставить дом за год. Продолжительность работ зависела от состоятельности владельцев. Если достаток позволял, то лес оставался во временном срубе продолжительное время (1–3 года). Более удачным сроком для просушки подготовленных бревен считался период до 3 лет. «На третий год только богатые ставили, им торопиться некуда». Иногда срубленные и ошкуренные бревна подсушивали во временном срубе до 7 лет.

Набор инструментов для строительных работ был широким, однако большинство пользовались только несколькими. До конца XIX в. самым ценным орудием труда оставался топор. Хозяин, который имел в хозяйстве 2–3 топора, считался богатым и пользовался уважением из-за его универсальности. В конце XIX в. в широкое употребление вошли двуручные пилы, с их помощью изготавливали тес – широкие плахи, которые раньше приходилось выкалывать топором. С использованием пилы на изготовление теса, плах стали затрачивать меньше времени. Для обработки поверхности бревен, снятия с него коры (ошкуривания) использовали скобели (струги). При изготовлении пазов, долблении применяли долото, тесло.

Принесенные русскими на Алтай строительные традиции и инструментарий были приспособлены к местным условиям и широко реализовывались до середины XX в. В процессе адаптации крестьяне использовали навыки, приемы выбора и обработки дерева при возведении жилища, являющегося одним из ключевых моментов жизнедеятельности.

Полевые материалы показывают разную степень сохранности знаний о строительной обрядности у русского населения Алтая. В их основе лежат знания о природном окружении, рациональные навыки строительных работ, а также иррациональные приемы, которые позволяли сохранить благополучие в доме.

Источники и литература

1. Афанасьев Алексей Егорович, 1931 г. р. Записано в с. Шумиха Тогульского района 13 августа 2003 г.
2. Государственный архив Алтайского края. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5704.
3. Казанцев Николай Андреевич 1950 г.р. Записано в с. Солтон Солтонского района 2 июля 2003 г.
4. Кузнецов Николай Алексеевич. 1932 г.р. Записано в с. Ново-Каменка Ельцовского района Алтайского края 25 июля 2005 г.
5. Лакизо Илья Васильевич, 1924 г.р. Записано в д. Шумиха Тогульского района Алтайского края 13 августа 2003 г.
6. Майничева А. Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьян северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. 144 с.
7. Майоров Василий Васильевич, 1926 г.р. Записано в с. Топтушка Тогульского района Алтайского края 17 августа 2003 г.
8. Мосина (дев. Медведева) Валентина Тихоновна. Родилась в с. Малый Бащелак Чарышского района Алтайского края в 1947 г.р. Записано в г. Бийске 4 апреля 2012 г.

9. Потанин Г.Н. Полгода на Алтае: [Геогр. очерк. Чарыш. р-на]. Рус. слово. 1859.

10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 671 с. (с доп.).

11. Щеглова Т.К. Очерки по сельской, архитектурно-застройной среде, жилищно-бытовой и сакрально-художественной культуре Среднего Причумышья. // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры. Барнаул: Изд-во Барнаульского педуниверситета, 2001. С. 118–158.

И.А. Телегина

**Формирование населения села Паклино
Баевского района Алтайского края
(по воспоминаниям старожилов)**

В начале 70-х гг. XVIII в. на берегу реки Кулунды поселились несколько семей, бежавших от крепостной неволи (в основном из раскольников, кержаков и крестьян Томской губернии), назвали они свое поселение деревней Паклиной. По данным краевого архива, основание села приходится на 1776 г. [3]. Формирование населенных пунктов происходило путем переселения населения Алтайского края – из деревни в деревню. В ведомости Малышевской слободы встречаются сведения о том, что «с 1745 года по 1763 год из деревни в деревню переехало 1157 душ мужского пола». На собрании сельских старост было вынесено решение об образовании новых селений в нижнем течении реки Кулунда. В «приговоре сельских старшин и лучших людей Кулундинской и Касмалинской волостей от 9 ноября 1820 г. об отделении селений для образования Нижне-Кулундинской волости»: «Мы, нижеподписавшиеся сельские старшины и лучшие люди волостей Кулундинской и Касмалинской, в присутствии двух земских управителей Фестунера и Щелгановы с общего согласия и в сходность объявленного нам указа из Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства поставили сей приговор в том, что для составления из двух третей волости отделили селения Кулундинской: Овечкину, Выкову, Трубачеву, Паклину, Ермачиху, Баеву...». К 1856 г. в селении насчитывалось уже 102 двора, с числом ревизских душ, согласно данным 10 ревизии – 168. На 1 июля 1882 г. число их достигло 196, в 1882 году – 103. В пользовании находилось «удобной земли» 4278 дес., неудобной – 16416 дес. Число окладных душ составило 175, размер повинностей в доход кабинета –

787,5 руб., прочих окладных – 646,1 рублей, размер страхового платежа – 33,72 руб., сумма застрахованных строений 2942 руб. Как и в других селениях района, часть крестьян жила достаточно зажиточно. Такие, как Кашкаров, Микушин, в начале XX века имели большие табуны лошадей (до 300 голов), 80–100 коров и сотни овец. За разрешение поселиться платили обществу 20–30 рублей [с. 554]. В 1889 г. в селе была построена церковь. Согласно «Списку населенных мест Томской губернии за 1893 год», в селении Паклино (оно же Гагарино) насчитывалось 138 дворов, 418 лиц муж. пола, 432 жен. пола, в пользовании которых находилось 4278 дес. земли. В «Списке населенных мест Нижне-Кулундинской волости Томской губернии за 1911 год» на территории района были следующие населенные пункты: с. Баевское, д. Нижнечуманская, д. Жарково, д. Верх-Пайвинская, д. Верх-Чуманская, д. Чуманская, д. Плотва, д. Преслауха. Деревня Паклино – насчитывает уже 911 дворов, 1766 муж., 1719 жен., 13269 дес. земли.

Таким образом, документы подтверждают, что население формировалось не только переселением «из деревни в деревню» Алтайского края, но и из других регионов России. Сведения старожилов подтверждают, что основное формирование населения села Паклино приходится на период столыпинской реформы. Интервьюируемый Н.Г. Зинченко: «Родители приехали: бабушка с Рязанской губернии, дед с Украины, примерно в 10-е годы XX века. В Сибирь, раз они приехали в Новосибирск, вот она, Новониколаевская губерния, была, вот они там поселились, вот они там разведали, что лучше природа сюда, и они оттуда сюда переместились, это триста верст будет из Барабинской степи той, примерно так, видимо, я сильно не помню. Он [дед] православный, это ж Полтавская губерния, с Украины, это же ближе сюда, там родственники у них есть и в Западной Украине, отец ездит к ним туда, сидят у билых свитках, разговоры говорят. Мои деды, рождения 1871... если подумать, то к нам шли с Дона, скорее всего, беглые откуда-то казаки, селились они по берегу... Это сегодняшнее Сафроново и Красный Урал. Вот это ихние земли побогаче. Как они жили, никто не знает, но мама говорила, что кода с России ходоков посылали, чтобы переехать сюда жить, они [казаки] их убивали. Боялись, что наедет «россия», которая крестится неправильно [старообрядцы], мама с 1907, родилась здесь. Они сюда приехали по отцовской линии, Полтавская губерния, Зинченко... Приехал прадед мой Арест Иванович Зинченко, их несколь-

ко братьев было. Они здесь и поселились, может быть, в начале столыпинской реформы... На женщин земли не было. Здесь им показалось раем. Рыба еще была, я даже помню, когда она была речкой. Они говорили, что здесь был лес, около леса было кладбище ихнее, чалдонов, первопоселенцев. А наши хорошо, что семьями приехали, а то бы те их прогнали. Так прогоняли, не любили: „еще россея вонючая“ говорили они. А хохлики! Вообще это же на бытовом уровне. Фамилия Зинченко – все хохол, я же сибиряк. Все равно хохол! А там „кацапы“ зовут, „москали“. Здесь кацапами звали тех, кто приехал с Саратовской, Ростовской, Орловской губернии. Вот эти Ключевы, материны родители, – они с Рязанской губернии. Варвара Дмитриевна Нестерова – бабушка. А дед Ключев Тихон Лукич, 1871 года рождения, участвовал в той 1905 года японской кампании. Раненый был, здесь и поселились. Ехали на лошадях, на бричках, зимовали одну зиму около Барабинска. Там скудно. Нет леса, речки. Им кто-то сказал, что двигаться сюда. У бабушки родилось всего то ли 15, то ли 14 детей. Рожали в поле. Живых – 5. Умирали в малолетстве, выкармливались рожком. Рожок от коровьей головы и сосали...»

Н.М. Белоконь вспоминает: «Мои родители не с Украины. Бабушка у меня, она русская. Где-то они жили в Курской области. Мама моя, примерно, с 10-го года [1910 г.], а отец с Полтавской губернии Хворощенский район. Я родилась здесь. Моя мама с русских, отец с 9 года [1909 г.]».

Т.Б. Дзюба также рассказывает: «Моя бабушка Александра Карповна Заковряшина 1906 г.р. с Украины. Ей, наверное, тогда один годик был, два брата они приехали тогда, не помню, с какой области, было не нужно, у отца в паспорте стоит Киевоградской области село Ровное, была бабушка одна, строили деревянный дом в центре большой, обои братья были трудолюбивые, развели хозяйство, в Бавевский район почему поехали, не знаю, многие ехали на Сибирь, интересно было». А.Н. Червонный: «Бабушка поехала именно сюда не просто. Жили они там где-то, не особенно в удобном месте. Жили семьи поляков и украинцев и им было предложено на переселение. По-видимому, они переселились в 8-м году [1908 г.]. Бабушка рассказывала – две недели пробирались. Потом Чесноковка [ныне Новоалтайск], там их распределили. Попали они в Алтайский край, в село Заячья Заимка. А там письмо – поедете в Гагарку. Почему Гагарка – потому что утки гагали, они безбоязненные птицы. Паклино стало, когда переселенцы из Украины привезли сюда технологию выращи-

вания и выделывания льна. Местные какие-то речкари, чалдоны. Но чалдоны жили туда вот через речку. Тут был староста. У него был земельный план. Привели, колышки кинули. Не так что, где захочешь. С Украины переселенцы многодетные, но, если не обрабатываешь землю три года, у тебя ее заберут...».

Таким образом, все интервьюируемые утверждают, что переселение украинцев и русских в Паклино приходится на время реформы П.А. Столыпина. Из рассказов очевидно, что до их прихода на территории сегодняшнего села Паклино жили старообрядцы, которых респонденты называют «чалдоны».

Движения населения в Баевский район: 1856 г. – 168 чел., 1882 г. – 196 чел., 1911 г. – 3485 чел., 1925 г. – 2230 чел., 1939 г. – 1815 чел., 1959 г. – 1195 чел., 1970 – 709 чел., 1979 г. – 419 чел., 1989 г. – 446 чел. 1992 г. – 499 чел. Показывают, что основной приток населения приходится на 1911 год. По переписи 1932 г., в Баевском районе 60 сел и поселков с населением 38597 чел.

С начала 1910-х – 1930-х гг. в развитии населенных пунктов наметилась тенденция снижения численности сельских населенных пунктов. Между переписями 1939 и 1989 гг. число сельских населенных пунктов в Баевском районе снижается с 61 до 15, численность населения сократилась на 17819 чел.

Население села Паклино в 1950-е годы XX столетия составляло 1369 чел., из них – русских 913 чел., украинцев 410 чел., армян 46. Численность и состав населения села Паклино изменилось в ходе освоения целинных земель: во втором томе книги Александра и Веры Сыщенко «Репрессированные народы на Алтае в XX веке. Спецпоселенцы 1941–1956 гг. Алтайский край. Российская Федерация» приводятся документы о прибывших в наш регион летом 1949 года 15 эшелонами 12 728 спецпоселенцев-армян. Среди них оказались не только жители Армении, но и армянонаселённых районов Закавказья, регионов России и даже Средней Азии. В книге Татьяны Кирилловны Щегловой «Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история» приводятся рассказы жителей посёлка Урожайного Зонального района о ссыльных армянах. Они отмечают, что бывшие жители солнечной республики быстро и умело решили жилищную проблему, возведя саманные дома из глины и соломы». В Паклино, по рассказам строжилов, «тогда сюда привезли и бросили. И они кто где, кто в землянках [жил]. Прибыли с семьями. Армяне сады развели, распланировали вот там сад. Каких там яблонь!

Стелющихся! Росли яблоки хорошие! «Во время целины из Мордовии приезжали... ой, сколько народу было много в селе...»

Новые переселенцы на территории с. Паклино появились в 1990–2010-е гг. По словам старожил: «В 1990-е годы из Ташкента много приехало, из Казахстана...». Переселенцы из Казахстана рассказывали: «Бардак там начался, сначала начальство все себе приватизировали. Я работал комбайнером. Бухгалтером был. Потом Камаза дали мне... дальнобойщиком ездил. Девять лет зарплату вообще не давали. Как хочешь! Там и немцы и... жили, в Карагайском районе от Семипалатинска 110 км. Совхоз был передовой. Растащили все за ночь. И побежали русские. Кто в Поволжье, кто сюда, в Алтайский край. Немцы поехали в Германию...

Сегодня на территории села Паклино проживают русские, они селятся в основном в центральной части села, там, где наиболее развитая инфраструктура. Ближе к реке, бору селятся украинцы, многие дома – «мазанки» – заброшены, в этой части села проживают пенсионеры-украинцы. Переселенцы из Казахстана поселились на краю села – это одна семья Даниловых, в новых домах селятся рабочие, приехавшие, из Барнаула, Рубцовска.

Источники и литература

1. Цифровые данные по учету сельского населения при поземельном устройстве. Барнаул, 1940.
2. Список населенных мест Томской губернии за 1893 год. Томск, 1893.
3. Государственный архив Алтайского края. Ф. 169. Оп. 1. Д. 182.
4. Государственный архив Алтайского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 779.
5. Государственный архив Алтайского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 211.
6. Данилов Василий Григорьевич (1948 г.р., переселенец из Казахстана в 1998 г.).
7. Зинченко Николай Григорьевич (1939 г.р.).
8. Дзюба Татьяна Борисовна (1954 г.р. 20 июня, родилась в с. Паклино Баевского района Алтайского края).
9. Червонный Александр Николаевич (1947 г.р. старожил).
10. Булыгин Ю.С. Первые русские крестьяне в бассейне реки Кулунда. Барнаул, 1974.
11. Булыгин Ю.С. Приписная деревня Алтая XVIII век. Барнаул, 1995. С. 141–145.
12. Баевский район. История. События. Люди. Барнаул: ОАО «Алтайский дом печати», 2005. 554 с.
13. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008.
14. Щеглова Т.К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул, 2011. 528 с.

М.Н. Тихомирова

**Об этнокультурном влиянии
поволжско-приуральских татар на питание татар
Ялуторовского района Тюменской области¹**

В 2013 г. автором данной статьи были продолжены многолетние полевые исследования по культуре питания татар юга Тюменской обл. Работы проводились в Ялуторовском р-не в Новоатъялово, Ревде, Куликах, Авазбакеево, Красном Яре, Аслане, Озерной. Полевые исследования показали, что в данном районе среди татар фиксируется много потомков переселенцев начала XX в. из Поволжско-Приуральского региона (из Казанской, Саратовской, Симбирской, Уфимской губерний). Они расселялись среди коренных татар, перемешиваясь с ними, или отдельно, образуя новые населенные пункты, например Красный Яр или *Калмаклар*. В поселении Кулики, основанном коренными татарами (известно по ревизиям населения конца XVIII в. [3, с. 58], произошла смена этнического состава населения на пришлое. В 1920-е годы в эти две деревни подселились еще семьи, которые переехали в Сибирь из-за голода в Поволжье.

По этнографической информации, в д. Кулики проживают, в основном, потомки мишарей, а в д. Красный Яр – казанских татар. Опрошенные нами жители называют себя сибирскими татарами, так как родились в Западной Сибири, но в их памяти сохраняются названия мест и губерний, из которых переселялось старшее поколение, а также этническая принадлежность. Жители Куликов, Красного Яра и соседних татарских населенных пунктов Ялуторовского района: Ревды, Авазбакеево и др., осознают различия между собой. А куликовцы и красноярцы еще поддерживают соседские и брачные отношения с такими же переселенцами, проживающими в Тюменской области в деревнях Дулепино (Ярковский район) и Алга (Тобольский район), и тем самым способствуют сохранению этнической памяти. О существовании связей между тремя населенными пунктами: Алгой, Дулепино и Красным Яром, также писали тобольские и тюменские этнографы Г.Т. Бакиева и Ю.Н. Квашнин, которые установили данный факт в результате сборов этнографической информации [1, с. 163].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект №13-01-00187а «История еды и питания в XX в.: „национальные“, этнические и локальные идентичности (на материалах татар Западной Сибири)».

Особенности этнического развития татар Ялуторовского района наложили отпечаток на их традиционную культуру. Пища и питание также испытали сильное воздействие татар Поволжско-Приуральского региона. Поэтому цель данной работы заключается в том, чтобы рассмотреть блюда и пищевые традиции, связанные с этим этническим компонентом. Для того, чтобы вычленил данный этнокультурный пласт, мы сравнивали с материалами, полученными в экспедициях в Тюменскую, Омскую и Новосибирскую области.

Под влиянием переселенцев у татар Ялуторовского района (Авазбакаевой, Ревде, Аслане и др.) получило распространение занятием пчеловодством, так как для некоторых групп поволжско-приуральских татар характерно разведение пчел. В настоящее время в деревнях Кулики и Красный Яр на огородах у многих жителей можно увидеть улики с пчелами. Мед производится для личного потребления, а его излишки продаются.

Среди блюд, приготовляемых хозяйками, хорошо выявляются блюда, которые появились под влиянием переселенцев. Этнокультурными маркерами являются: конская колбаса, красный творог, изделия из теста с начинками – *губадья*, *кабак балеш* и еще ряд специфических черт.

Конскую колбасу (*қазлық*) среди татар Тюменской области изготавливали в Ялуторовском районе. В Вагайском и Тобольском районах, где превалирует местный этнический компонент, ее готовили редко. В основном, делали вареную колбасу – из мяса, субпродуктов и крупы.

Отметим, что масштабы изготовления конской колбасы в Ялуторовском р-не не сравнимы с массовым производством в татарских населенных пунктах Омской обл.: в Муромцевском (Гузенево, Черталы, Инцисс), а также в Тевризском (Тайчи) р-нах.

У татар Ялуторовского района способ приготовления колбасы, состав мяса для начинки были такими же, как в перечисленных населенных пунктах Омской области. Весной, в апреле, жирные куски мякоти с живота и заднетазовой части, специально оставленные для колбасы, размораживали, мелко резали, солили сухим способом, выдерживали несколько дней, затем формировали батоны, начиняя мясом конские кишки. Готовые батоны колбасы сначала вялили в темном, хорошо продуваемом месте, а затем на солнце.

Нередко красный творог (*қорт*) у татар Западной Сибири готовят потомки переселенцев [2]. У татар Ялуторовского р-на наблюда-

ется такая же тенденция. Молоко кипятят, затем его остужают до 22–24°C и добавляют закваску из *катыка* (кисломолочный продукт). По словам жительницы д. Красный Яр З.Г. Шакировой, 1928 г.р., чтобы получилась створоженная масса, нужно к 5 л молока добавить 3 л *катыка* (то есть соотношения было 1 л к 0,6 л). При перемешивании свежего молока и *катыка* масса створаживается, при этом образуется лишняя сыворотка. Ее частично можно убрать. Далее творожистую массу продолжают варить. Ближе к завершению процесса приготовления лишнюю жидкость убирают и добавляют сахарного песка.

У разных групп переселенцев технология красного творога приготовления имела свои особенности, но были общие черты, например, его везде долго готовили. В нашем случае – около 5 часов, поэтому его всегда варили в толстостенной посуде, чтобы пища не пригорала, и стенки легко очищались. В XX в. в Ялutorовском р-не татары использовали для приготовления красного творога чугуны (*чуен*), а теперь – эмалированную кастрюлю. Кроме того, применяют различные ухищрения, чтобы творог не пригорал. Жительница д. Авазбакаевой Ф.В. Сайфуллина, 1959 г.р., род. в д. Красный Яр, сообщила, что на дно кладет крышку из нержавеющей стали.

У татар Ялutorовского района был известен еще один способ изготовления красного творога, когда вместо *катыка* клали молозиво коровы третьего-пятого удоя.

Как и в других местах, где готовился красный творог (*қорт*), им угощали гостей. Он относится к гостевым блюдам из-за сложного процесса приготовления, необычного внешнего вида и вкусовых качеств.

В некоторых семьях его сушили, потому что использовали для приготовления пирога, называемого *губадья* – традиционного блюда казанских татар.

Вообще, многие пироги у поволжско-приуральских татар отличаются многокомпонентным составом начинки, при этом ее отдельные части также предварительно подвергаются обработке. Например, красный творог нужно пропустить через мясорубку, яйцо отварить и измельчить, рис ошпарить, сухофрукты размочить.

Состав начинки для *губадьи* различается, но постоянно называются несколько продуктов, без которых она немислима, – это, во-первых, красный творог (*қорт*), а также рис, яйцо.

Жительница д. Кулики Ф.М. Зиядугдинова, 1941 г.р., род. в д. Красный Яр, перечислила следующие продукты для начинки: на пласт теста кладут *қорт*, яйцо вареное, рис, изюм, курагу, а сверху тесто.

Информатор З.Г. Шакирова, 1928 г.р., рассказала, что в ее семье губадью делают следующим способом: на тесто кладут сухой красный творог, ошпаренный рис, измельченные вареные яйца и лук, сливочное масло, обжаренное мясо, а сверху – раскатанный пласт теста.

В настоящее время во всех обследованных населенных пунктах татар Ялуторовского р-на готовится блюдо, называемое *кабак бәлиш*. Он представляет собой пирог закрытого типа прямоугольной формы с начинкой из отваренного риса, измельченных кураги и чернослива. Выпекается в духовом шкафу. Современный пирог *кабак бәлиш* далек от прототипа и только его название, а также информация, полученная у жителей деревень Кулики и Красного Яра, позволяет нам судить о его традиционной форме и начинке.

Слово «*бәлиш*» – это общий термин для пирогов закрытого типа, отличающихся особой внешней формой. Чтобы ему придать эти черты, его формовали специальным способом, требующим навыков изготовления. Раскатывался пласт теста круглой формы, на него клали начинку, и края поднимались кверху, как бы стягивали. Сверху клали еще тесто круглой формы небольшого диаметра.

Еще одно слово в названии рассматриваемого пирога – «*кабак*» обозначает у татар «тыкву» – одну из основных ингредиентов в начинке. Использование тыквы для приготовления начинки – это черта пришлых, а не коренных татар. Вообще, местные, сибирские татары переняли *бәлиш*, но с начинкой из мяса, так как оно более органично их вкусовым предпочтениям.

Начинка в *бәлишах*, как мы уже писали выше о пирогах поволжско-приуральских татар, состояла из нескольких компонентов, в данном случае тыква и репчатый лук измельчались, тушились в сковороде на небольшом количестве масла. В это время отваривалась или ошпаривалась крупа – рис, а ранее использовали *торы йормасы* (пшено). В праздничное блюдо еще добавляли распаренный урюк.

Любопытно отметить, что сухофрукты татары привозили непосредственно из Средней Азии, так как у жителей Куликов, Красного Яра в Узбекистане проживали родственники, которые переселились,

спасаясь от репрессий, а также в поисках лучшей жизни в довоенные, послевоенные годы XX в.

Когда все ингредиенты были готовы, их смешивали. Получалась очень жирная каша, а с урюком – еще солено-сладкая.

Пирог выпекали в печи. Употребляли традиционным способом, таким же, как все пироги с названием «*балиш*». Сверху по диаметру вырезался круглый кусок теста, он снимался как крышка, и начинку ели ложкой, а потом уже съедали тесто. Если считали, что начинка пирога получалась не жирная, тогда перед его употреблением добавляли сливочное масло.

В конце XX в. татарки Куликов стали выпекать новый пирог – *манник* из манки, кефира, муки и др. ингредиентов. Рецепт манника был в то время широко распространен среди хозяек Советского Союза как в городе, так и в деревне. Татарки д. Ревды (расположена в 6 км от Куликов) сообщили, что рецепт манника узнали от куликовских женщин. Они же назвали этот пирог отличительным блюдом соседней деревни. Вообще, многие новинки женщины Ревды (проживают местные, сибирские татары) узнавали в Куликах. Они вспоминают, что хворост в виде цветков (розочек) для праздничного и ритуального стола также научились делать у соседок.

Среди напитков у татар Ялуторовского района также наблюдается влияние переселенцев. Здесь выпивается больше чая, чем в Вагайском районе. Сохраняется предпочтение употребления рассыпчатого листового или гранулированного чая, причем его заваривают для каждого чаепития. В прииртышских населенных пунктах Вагайского района (Второвагай, Юрты Бегишевские, Кобякская) мы наблюдали нивелирование традиции чаепития (переход на пакетированный чай, употребление низкокачественного гранулированного чая).

У татар Ялуторовского района, как правило, в бокал наливается молоко, потом заварка из чая, нередко с травами, и кипяток. Схожая традиция чаепития, большое количество употребляемого чая (за один месяц) мы наблюдали только в 2008 г. в Тевризском районе Омской области, где также проживает большое количество переселенцев.

Диалектная лексика татар Ялуторовского района отличается смешением и разнообразием названий одних и тех же блюд сибирско-татарского и поволжско-приуральского разговорных языков. К примеру, пирог с калиной называют на диалекте пришлых татар –

паштет/балан паштет/чия паштет, лепешку из пресного теста – *юка*, баурсаки – *чагилдек* и др.

В обрядовой пище у татар Ялуторовского района хорошо фиксируются традиции пришлых татар. Один из самых ярких примеров – проведение праздника *Карга буткасы*; его название переводится как «воронья каша». Он проводился весной во время прилета птиц (скворцов, ворон). Татарское название указывает на то, что одним из главных событий праздника было употребление мучной каши (*он путка* или *быламык*, д. Красный Яр), сваренной на молоке и воде. Этот праздник был детским, но кашу могли готовить как взрослые, так и дети.

С приготовленной кашей дети забирались на крыши хозяйственных и жилых построек и там употребляли блюдо. Его остатки раскладывали птицам. Еще одним обязательным элементом праздника были заклички, которые они выкрикивали, когда наблюдали за птицами.

Нами не раз отмечалось, что наличие данного праздника свидетельствует о воздействии татар Поволжья и Урала на обрядовую культуру местных татар. Этот праздник также является своеобразным маркером, показывающий наличие/отсутствие данного этнического компонента.

Итак, резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время еще сохраняются остатки этнического и культурного своеобразия потомков поволжско-приуральских татар в случаях компактного расселения. Кроме упоминаемого нами варианта, в Ялуторовском районе (Кулики, Красный Яр) существует несколько таких примеров: в Тюменской (Киндер, Ивашкина; Алга и др.), Новосибирской (Н. Качемка, Заречно-Убинская, Муссы) областей. У всех перечисленных локальных групп сохраняются особенные черты в пище, связанные с особенностями происхождения.

2. В начале XX в. в Ялуторовском районе расселялось очень много переселенцев из Поволжско-Приуральского региона, которые подсеялись в населенные пункты местных, сибирских татар: в Новоатъялово, Аслану, Озерную и др. Они также оказали сильное воздействие на местную кухню.

В результате этих миграций в Ялуторовском районе Тюменской области сформировался смешанный тип кухни татар Западной Сибири.

Источники и литература

1. Бакиева Г.Т., Квашнин Ю.Н. Поволжские татары в Западной Сибири: особенности расселения и этнокультурных связей // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 156–164.
2. Тихомирова М.Н. Особенности традиционной пищи каргатско-убинской группы татар Барабы (по материалам полевых исследований 2000-х гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2008. Т. XIV. С. 371–374.
3. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск, 1980.

Н.И. Шитова

Русские и алтайцы в низкогорной зоне Горного Алтая (по полевым материалам)¹

В настоящее время перед российским обществом, в том числе и научным сообществом, сама жизнь остро поставила вопрос о поисках путей формирования гражданско-культурной идентичности россиянина и укрепления единства многонационального народа нашей Родины. В этой связи особую актуальность приобретает обращение к обширному и разнообразному опыту плодотворного межэтнического взаимодействия между народами в российских регионах. Ранее автор уделяла внимание локальной культуре межэтнического общения русских и алтайцев, сложившейся на территории Уймонской долины Горного Алтая [5, с. 66–72]. Материалы, полученные в ходе исследования этнокультурной специфики русских низкогорной зоны Горного Алтая, позволяют дать некоторую характеристику межэтнического взаимодействия и для указанной территории, на которой встреча двух народов происходила значительно позднее.

Низкогорная зона Горного Алтая, территория черневой тайги, была заселена основной массой русского населения в конце XIX – начале XX вв. В 1910–1911 годах было образовано большое количество переселенческих поселков, а также существенно пополнилось население уже существующих. В районе исследования автору удалось зафиксировать семейные предания русских переселенцев. При этом

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №12-11-04002 а «Этнокультурная специфика русских низкогорной зоны Горного Алтая».

среди наших информаторов преобладают потомки столыпинских переселенцев, прибывших в 1910–1912 гг. Собранные материалы свидетельствуют, в частности, о том, что при формировании русского населения на указанной территории происходили процессы этнической ассимиляции украинских и белорусских переселенцев с русским населением, а также взаимодействия русских с переселенцами других национальностей (например, коми, мордва). Конечно, самым ощутимым межэтническим взаимодействием при формировании русского населения на территории Горного Алтая была встреча русских с представителями коренного населения Горного Алтая – алтайцами, тубаларами, кумандинцами.

Отметим, что в первой половине XX в. бытовало одно название села, но русское и алтайское население было сгруппировано в некоторой отдаленности. Как вспоминают наши информаторы, и как свидетельствуют архивные материалы, к названию села добавлялось определение «русский», иногда «инородческий». Например, «русский Турочак», «инородческий Турочак». Так, в 1922 г. в русском Турочаке проживало 272, а в инородческом – 69 человек [1, л. 38]. Также существовала практика национального подхода при организации коллективных хозяйств, артелей: «алтайский колхоз – отдельно был». Зиновий Иванович Негодяев (1931 г.р., с. Турочак) хранит фотографию своего отца в составе звена колхоза «Красный рыбак» из четырех человек вместе с большим коллективом охотников и рыбаков – алтайцев.

Потомки русских переселенцев с любовью и благодарностью вспоминают тех первых алтайских жителей, с которыми они встретились на новом месте. Они оказывали помощь в процессе адаптации русских к новым природным условиям, помогали там, где силы первых русских ходоков были малы и недостаточны: «Наши же крестьяне приехали – всему учились здесь» [2]. Особенно ощутима была помощь при первичном обустройстве на новом месте и постройке первых домов. Лидия Петровна Гераскина (1924 г. р., с. Турочак), потомок столыпинских переселенцев, вспоминает: «Когда привезли деда, там жили алтайцы. Человека 4, что ли... Охотники раньше они были. Валили зверей и этим жили. Очень хорошо деда встретили.

– Он там первый русский был? [Н.Ш.]

– Первый. Эти алтайцы, говорит, оказались исключительно добрые мужики. Они сказали, что мы поможем тебе построить дом

здесь. Только, говорит, не сейчас будем лес рубить. Дождались момента, когда самое малое количество влаги в дереве» [2].

О влиянии русских на культуру и быт алтайцев сказано многое в научной литературе [см. например: 4, с. 179–183.], осознают эти влияния и наши информаторы: «Русские научили работать плугом, у алтайцев – кетмень», «алтайцы огороды не садили» [2]. Тубалары Тульмешевы с Телецкого озера помнят такие яркие впечатления своих родителей о русских: «Папа говорит, я помню, когда еще маленький был, викторию у нас никто... Ну, огороды – картошку, пшеницу, ячмень. А у нее там ягода вот такая! Мы-то землянику маленькую собирали. А у нее – вот такая! Это, говорит, русская женщина» [3].

Но осуществлялся и обратный процесс – влияние алтайской культуры на русскую. Зиновий Иванович Негодяев, обобщая опыт своих дедов и родителей, замечает, что они почерпнули из алтайской культуры: «А русские ходили на охоту и перенимали. Зимой валенки могут промокнуть. Алтайцы в ичигах – набивались травой загад. Придет алтаец в избушку, вытянет траву, высушит – сухое. Вначале русские на охоту – с сухарями. Следующий раз стали жарить ячмень и молоть талкан. Алтаец – кружку кипятка – соль – талкан – баранье или конское сало. Русским сначала смешно. Но талкан хорошо хранится – переняли. Ставить капканы: у алтайцев – лопаточка для того, чтобы вычерпывать снег. Лыжи – мех с ног коня» [2]. Таким образом, происходили некоторые заимствования в сфере питания, одежды, приспособлений для охоты и передвижения.

Как свидетельствуют полевые материалы автора, осуществлялись взаимодействия и в сфере мироощущения, понимания взаимосвязи природы и человека. Накопленный в Горном Алтае опыт давал основания русским переселенцам убедиться в витальности и действенности народной религии алтайцев. Проблема эта не изучена, но игнорировать некоторые полученные в ходе полевых исследований сведения мы не можем. В частности, результаты этого взаимодействия проявляются в том, что многие русские, а также представители других национальностей (не коренное население), проживающих в Горном Алтае, верили и продолжают верить в силу алтайских шаманов и их связь с духами. В доказательство приведем воспоминания Тамары Дмитриевны Шарабариной (1939 г.р., п. Яйлю) о том, как ее отец, известный садовод Дмитрий Степанович Рачкин, попал в ситуацию, когда не мог передвигаться по Телецкому озеру и

обратился за помощью к шаману: «Поднялась верховка. Ветер не прекращается. Ему надо ехать в Балыкчу. Ему сказали: сходи к шаману. А он в это тоже особо не верил. Ну что, пришлось идти. Он пошаманил, попрыгал, поскакал. Все. Наутро встали – тишина. И два дня надо было ехать до Балыкчи. И два дня озеро не шелохнулось. Так вот он приехал» [3]. Важно заметить, что бытовали представления и о том, что на природную стихию могут воздействовать православные молитвы: «На Беле часовня была, туда вверх по озеру. И вот там тоже кто-то из священнослужителей ехали. Николаю Угоднику молились, чтоб не утонуть. Вроде как озеро расступилось тихо, и они поплыли. И вот там они построили потом часовню» [3].

С распространением православия на Алтае, в связи с деятельностью Алтайской духовной миссии зачастую совершались межэтнические браки русских и алтайцев. Такие союзы приветствовались, в том числе и с целью укрепления православия среди представителей коренных народов Горного Алтая. У многих наших информаторов, которые считают себя русскими, в роду были алтайцы, кумандинцы. Например, Зоя Ивановна Усова, жительница с. Чоя (1926 г.р.), рассказывает о бабушке и дедушке со стороны матери: «По национальности Влас Карпов – алтаец, ойрот. Жена Матрена Ивановна – из под Перми» [2]; Александр Акимович Арыков (1927 г.р., с. Чоя) рассказывает о национальной и конфессиональной принадлежности своих родителей и дедов и поясняет, что мама, русская, происходила из «кержаков», а отец был православным, при этом «деды ихни были из алтайцев» [2].

Иногда рассказы о породнении алтайских и русских семей подходят на сказку. Например, Анисья Константиновна Чувакова (1935 г.р.), родившаяся в Онгудайском районе и проживающая в настоящее время в с. Соузга, рассказывает о своем деде-алтайце: «Жили рядом алтайская семья и русская. У алтайской семьи было 7 сыновей, у русской – 7 девочек. Они взяли, обменяли девочку на мальчика. Он был алтаец в русской семье. Вырос и на одной из дочерей женился» [3]. Рассказывает о своей родне женщина следующее: «Дружили семьями. Понимали друг друга, чаевали вместе» [3].

Очевидно, что русское население проживает на территории с тюркской топонимикой, таким образом, находясь в билингвальной среде, постоянно соприкасается с алтайским языком. Например: «А здесь в Турочаке маленькая избушечка была, Турочак. Здесь в основном названия алтайские» [2]. Некоторые наши информаторы сооб-

щают о том, что адаптировавшиеся к условиям новой территории русские владели жизненно необходимой лексикой алтайского языка. По нашему мнению, основываясь на полученных полевых материалах, можно говорить о явлении, которое условно можно обозначить как «этническую бикультурность». Потомки межэтнических браков рассказывали автору о том, что в детстве и юности проживали как в алтайских, так и в русских населенных пунктах, и в каждом могли вести себя, в зависимости от окружения, в соответствии с культурными нормами и русских, и алтайцев.

Очень интересно происходило общение автора с местными жительницами с. Кызыл-Озек, родными сестрами Анной Григорьевной Яндыковой (1932 г.р.) и Анастасией Григорьевной Табышкиной (1928 г.р.). Родители их проживали в селении с преобладанием крещеных инородцев Большая Сиульта. Обобщая семейную родословную, можно сказать, что в большинстве случаев мужчины в семье – алтайцы и кумандинцы, женщины – русские: «Дед Василий был кумандинец, отец – алтаец, мама – русская, Василиса Степановна» [3]. Обе женщины считают себя алтайками, при этом сообщили много интереснейших сведений о русской культуре, в частности, календарной обрядности. Судя по рассказам, в их семью глубоко и органично проникли основы православия. Дедушка их Филипп работал в Кызыл-Озекском монастыре, «валил монастырский сосняк» и был крепок в православной вере. Это передалось и другим поколениям семьи.

Наши собеседники, одни из старейших жителей сел низкогорной зоны Горного Алтая, с полной уверенностью рассказывают о том, что народы разных национальностей относились друг к другу с уважением, жили дружно, межэтнических конфликтов не было. «Наша родна деревня была такая дружная», – вспоминает Мария Васильевна Киселева [2]. А Зиновий Иванович Негодяев рассказывает: «Наша изба – возле дороги. Алтайцы везут сдавать орехи, масло. Путь дальний. Ребята спали – полати. Просыпаешься – вваливаются в дверь: «Можно переночевать?» А коней уже распрягли. На полу размещали. Вражды не было» [2].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что одним из самых главных принципов представители старшего поколения русских людей, проживающих в низкогорье Горного Алтая, считают взаимное уважение народов, уважительное отношение к алтайской куль-

туре: «Это передалось от меня моим детям: если к алтайцу относишься хорошо, он все для тебя сделает» [2].

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Алтай. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3.
2. Полевые материалы автора за 2012 г., собранные в Чойском и Турочакском районах Республики Алтай.
3. Полевые материалы автора за 2013 г., собранные в Майминском и Турочакском районах Республики Алтай.
4. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 1996. 400 с.
5. Шитова Н.И. Рукописи старообрядца Т.Ф. Бочкарева в контексте истории и культуры старообрядцев Уймона (XVIII–XXI вв.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. 360 с.

Т.К. Щеглова

Использование глины, соломы, чащи, камыша, кольев и других природных материалов в обустройстве сельской усадьбы и быта семьи в послевоенной деревне Алтая (1940–1950-е гг.) на лесостепных и степных территориях

Военную и послевоенную деревню отличала крайняя степень обнищания, демографическая катастрофа (обезмужичивание), рост населения из разных категорий репрессированных (ссылные и депортированные) и реабилитированных (раскулаченные и др. враги народа), которые выселялись семьями (семейный принцип репрессий). Все это увеличило население алтайской деревни, которое нуждалось в «крыше над головой». Эти факторы поставили проблемы жилищного обустройства и питания. Но условия домообзаведения и бытового обустройства были неблагоприятными: система обеспечения строительным лесом, созданная в колхозный период 1930-х гг., оставила крестьян без «избленного материала». Если в дореволюционное время на крестьянина ежегодно возлагались обязанности по опалке и чистке леса, за что бесплатно полагалось по 50 строевых бревен и 5 куб. саж дров в год на каждую платежную душу, который они заготавливали в выделенных дачах, а для столыпинских переселенцев вообще были открыты склады избенных бревен, то в колхозное время «строго было, колхоз выдавал солому, а леса не допро-

сишься!». Леспромхозы для колхозов были недоступны по причине их финансовой несостоятельности, для отдельных колхозников – из-за натуральной оплаты по трудодням и отсутствию «живых денег». Поэтому в условиях отсутствия денежных средств на «избенные бревна», колхозы с трудом обеспечивали срубным или кирпичным материалом общие нужды (конторы, школы, больницы), а для животноводческих баз использовали колотый бутовый камень, для риг – чащу и солому; рядовые же колхозники строили жилые и подворные постройки из сподручных средств. В целом потребности сельского населения контрастировали с их возможностями. Если в дореволюционный период государством ставилась проблема строительства «здорового жилья» из избенных бревен (саманное жилище к нему относилось в исключительных случаях), то в советский колхозный период государство устранилось от решения жилищного вопроса. Перед военным и послевоенным сельским обществом особенно остро встала проблема не столько «избенного строительства», сколько «крыши над головой» и бытового обустройства из доступных природных материалов. К ним в советской деревне относились глина, песок, солома, камыш, чаща, колья, камни.

Рассмотрим эту проблему на материалах Егорьевского района (подворное обследование села Лебяжье в июле 2013 г.), где под руководством автора была проведена очередная ежегодная летняя комплексная историко-этнографическая экспедиция¹, и материалах выездной тематической экспедиции в два «столыпинских села» Благовещенского района – Орлеан и Яготино². На традиции строительства и обустройства влияла природная среда этих двух районов: в Егорьевском районе приборовая озерная лесостепь, в Благовещенском районе – степь с березовыми колками и озерами. Поэтому в изучаемых районах, с одной стороны, зафиксированы общие технологии строительства, с другой стороны, отмечены отличия, обусловленные разными возможностями «кормящего ландшафта».

¹ Экспедиции проводятся с 1990 г. в рамках исследовательских программ, из них две ведущие программы по устной истории «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» и по этнографии «Народы Алтай: история и культура». На сегодняшний день обследовано более 30 районов и около 700 населенных пунктов Алтайского края. Архив содержит 3546 интервью: 1190 часов записи на кассетах и 978 часов цифровой записи, 4736 фотоснимков на фотопленке и 65212 цифровых фото и 30 часов видеозаписи.

² Исследование было осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект №12-06-98013-Р_Сибирь_а: Изучение адаптивного биологического статуса потомков переселенцев периода столыпинских реформ в Алтайском крае. В обследовании участвовали магистранты А. Мазырина, Н. Люля, А. Кузнецов, А. Рыков.

Факторами успешности сельчан в экстремальных военных и послевоенных условиях служило сходство в природно-климатических условиях и традиции формирования системы жизнеобеспечения первопоселенцев второй половины XIX – начала XX века и народный опыт решения трудностей в водообеспечении, строительстве, отоплении и содержании жилых и хозяйственных построек, домашнем хозяйстве, питании. Культура степи, как известно, отличается ограниченными возможностями в строительных и отопительных материалах, водных источниках и т.д., что способствовало укреплению на Алтае традиций с использованием таких традиционных для степи материалов, как глина, солома, камыш, мелкая чаща, в том числе в периоды ухудшения материально-имущественного положения крестьян.

Автором уже предпринимались попытки создать классификацию крестьянского и колхозно-совхозного жилища. В соответствии с ней классификация индивидуальных домов в советское время по строительному материалу и технологии строительства можно объединить в 4 группы: срубное, глинобитное, каркасное, плетневое (оно же могло быть каркасным) жилище. Внутри этих групп жилищ в соответствии со способами строительства сформировались самостоятельные типы. В группе глинобитного жилища – это литухи, саманухи, топтанухи, в группе каркасного жилища – «камышитовые», «в кольях» и др., плетневого жилища – мазанки, плетенушки и др.; земляного жилища – копанки, пластанки, землянки др. Все эти типы по камерности (числу помещений) относились к однокамерным избам (хатам), двухкамерным пятистенникам, трехкамерным домам связью, четырехкамерным крестовикам, двухэтажным и др. Например, «глинобитная изба-литуха», или «саманный дом связью», что, собственно, встречается в лексике и XIX, и XX веков.

На территории рассматриваемых районов зафиксированы среди построенных в 1940–1950-е гг. жилищ несколько технологий с самостоятельными видами жилища – глинобитные одно- и двухкамерные литухи и саманухи; одно- и двухкамерные каркасные «дома в кольях» и плетневые избы и пятистенки. В Егорьевском приборовом лесостепном озерном районе наличие соснового бора привело к не встреченному в Благовещенском районе каркасному «дому в кольях», о чем автор уже писала [1]: «Мы около озера жили... Таволошник... горошник... тальник нарубим... вытащишь, прутиками свяжешь... веревки-то не было... принесем на себе. Сплетет [тятя] и сно-

Рис.1. «Дом в кольях». Егорьевский район, село Лебяжье, ул. Советская, 83.
Фото автора.

ва пойдешь... Часто колья ставили... чтобы хорошо переплелись... Там ссохлось... замазывали глиной с двух сторон... В глину соломки добавляли, труху какую-нибудь, мякину... Мажешь там толсто... одна глина трескается... Землей сверху накрывали... чащи накладывают...» (М.В. Денисов, 1920 г.р., с. Лебяжье) [фото 1]. В Благовещенском степном озерном районе в каркасном строительстве широко использовался камыш [фото 5]. Бывшие столыпинские переселенцы в этот период строили, как их деды: камыш нарезали в августе-сентябре на озерах, связывали пучками, делали каркас из чащи в виде двойных рядов, забивали пучками камыша, установленного вертикально, обшивали прутьями или дранкой. Стены обмазывались глиной снаружи и изнутри. Например, «всем Орлеаном строили дом. Стены выложили камышом, потом обмазывали. Мы камыш в Байгомуте заготавливали. Песок в земле брали, в Яготино был карьер, и там песок. Кудундинка [река] рядом проходит. Он [песок] несоленый был, хороший, для стройки». Автором были исследованы и исторические, и природно-климатические, и этнокультурные факторы.

Рис. 2. «Дом в кольях». Егорьевский р-н, с. Лебяжье, ул. Советская, 110.
Фото автора.

Объединяет эти два района широкое строительство жилых помещений из глины и соломы. Массовая выборка жилища, построенного в селе Лебяжье Егорьевского района в 1940–1950-е гг., показала, что срубное строительство в военный и послевоенный период отсутствовало, использовался жилищный срубный фонд, построенный в период единоличного хозяйствования. Сохранившийся срубный фонд представлен типичными срубными однокамерными избами с более поздними пристройками и двухкамерными срубными домами, крытыми по-амбарному, часто с самцовым фронтоном. Наличие соснового бора и относительная свобода и доступность «избенного материала» способствовало срубному строительству в Егорьевском районе. Среди жилого фонда села Лебяжье, построенного в колхозно-совхозный период 1940–1950-х гг., преобладало каркасное строительство (дом в кольях) и литое строительство.

Литое строительство было распространено в послевоенной деревне в силу доступности глины, как строительного материала и коллективной традиции с привлечением и женщин, и детей в условиях недостатка мужских рук. Одной из проблем литой техники яв-

лялась потребность в длинных толстых плахах, из которых делался двойной каркас, в который заливали глиняный раствор. Решилась она коллективным использованием комплекта досок, пригодных для строительства, который, как говорили информанты: «передавали из рук в руки». Другая проблема состояла в отсутствии или недостаточности мужских рук. Ее решали с помощью одной из традиций культуры жизнеобеспечения крестьян. В общинном и единоличном обществе эта традиция называлась «помочи», в послевоенных колхозах наряду с «помочами» появился термин «воскресник». А.Ф. Коптелова говорила, что достаточно было «ключ бросить», и «проводили воскресник и делали каждому. Солому и глину привозят. Яма, потом воды привозили [в нее], затем глины и соломы и топтали в сапогах – толкли... Толкли на совесть, чтобы стены были ровные... ставили первые ряды досок по периметру. Заливали, опять топтали, потом доски поднимали [выше сформированных литых стен], поднимали ведрами глину с соломой, заливали... Опять топтали и так до самого верха... Можно было и за один день сделать [стены]... если солома и глина была. Окна вырезали потом, если сразу, то поведет. Все лето стоят стены и сохнут, а потом окна пилой вырезали. [Дом] большой, без перегородок (однокамерная изба)... Одинарные окошки были, стеклом стеклили. Окна зимой все замерзали. Еще в 54-м строили».

«Дом в кольях» сочетал в себе и литую, и каркасную технологию. Как сказала А.Ф. Калитина, «дом заливной был – литой, а стенки в кольях. А этот дом весь в кольях» [фото 2]. В данных вариантах кольями создавали своеобразный каркас, который и оставался в стенах [фото 3]. Кольями же укладывали потолок [фото 4]. Более состоятельные колхозники обшивали дом снаружи. Одна из хозяек такого дома М.Е. Домоевская (1931 г.р., Лебяжье) рассказывала: «Мы сами это место (под дом) выбрали. Где хочешь, там и ставь... Тут пусто было, тут и поставили. Неплотно в деревне дома были... Сначала подпол делали, выложили досками. А потом уже делали доски, опалку и дом. Колья в бору на дом заготавливали. Сосновые были. У нас конь был. Колья в два ряда были и между ними руками глину делали. Колья сырые использовали и клали дом, а потом он сох. В колья вручную глину вбивали. Досками держали, так и сох, а потом доски убирали... Оставляли место под окошки в доме. Косяки ставили, под двери место оставляли. До обеда стенки ставили и за один день все стены готовили, помощь собирали, потом угощали.

Рис. 3. «Дом в кольях». Егорьевский р-н, с. Лебяжье, ул. Советская, 110. Фрагмент нижней части стены с высыпавшейся глиной. Фото автора.

Глину прямо на земле месили. Лошадью топтали. Около недели дом сох. Стены с полметра. Да обшивали дом, чтобы не сыпался, а внутри затирают, да белят. 2 матки делают. Да доски ложат. Промажут глиной, да опилок с землей насыпят на крышу, соломой закидают. Теса не было. Печь из глины сами сбивали...».

Широко в качестве каркаса в Егорьевском районе использовалось плетневое строительство. Но в послевоенной деревне плетень в жилом секторе мало использовался по сравнению с 1920–1930-ми гг. Он остался в скотных постройках и бытовых помещениях крестьянской усадьбы. В описании М.В. Денисовой «плетневой двор был, скотину держали. Двор плели из лозы, прутьев. У нас папа и баню плел. Горошник (акация), тальник из них плели. Нарубим, принесем и все. В воде растут. Кому надо и идут, рубят... прутья... неважно когда, рубили топором, связывали прутиком. Несли на плечах. Кольшки вбивали в землю, из веток потолще. Колья ставятся чаще и вокруг их плетут. Там уже и сохла она... И баню плетенную делал, одна стореда, он другую сделал... Ставя два столба, матку ложат и закрывают, закидают чем попало, землей. Досок не было, кругляшки ложили из

Рис. 4. «Дом в кольях». Егорьевский р-н, с. Лебяжье, ул. Советская, 110.
Фрагмент перекрытия потолка из кольев. Фото автора.

дерева, да закидывали землей, а внутри мазали глиной. Глина, солома, труха, а то трескаться будет. Баня внутри была замазана. По черному была. Сделал печку, замазали и котел поставили, кирпичная была. Кто корыто, кто кастрюлю для воды поставят. Накаляли железяку и опускали в воду. Зола в воду, покипит и щелок, мылись. Полок был, парились мы... Бани небольшие, человек на пять».

В целом прослеживается такая тенденция – в обустройстве жилища в военное и послевоенное время возобладало глинобитное строительство: в Егорьевском районе – литое строительство, а в Благоещенском – саманное. В обустройстве хозяйственного подворья крестьяне прибегали к более архаичным технологиям – земляному и плетневому. А.Ф. Калитина рассказывала: «для коров пригон был плетенный, а сверху ложили корм (солому). Были плетневые сараи... землей утепляли, снег лопатами резали... [обкладывали зимой]. Интересно ее же описание общественных бань в селе Лебяжье Егорьевского района: «Баня была одна на несколько семей. Колхоз помогал, дрова возил. Сначала мужики, потом бабы, а детьми с матерью. Были земляные бани, большая была. Там раздевались прямо в бани,

там и одевались (т. е. не было отдельного помещения, где раздевались. Земляная баня: выкопают, а потом изнутри заделывают досочками. На крышу пласты ложили (дерн), вниз травой, и двери были. Потом стали и трубу ложить. В земле делали дырку для слива. Полок и лавочка были. Печка была, и кирпичи сверху наложены, они там накалялись. И греют воду – кидают их [раскаленные кирпичи] в кадки с водой. Здесь (в селе Лебяжьем) было две бани, на две улицы. Мылись щелоком. Нагреют воду и сыпят золу (из подсолнуха). Для щелока жгли только дудку подсолнуха».

Итак, земляное, каркасное и глинобитное строительство было одинаково распространено в этих степных районах, но в видах жилища были отличия. В частности, если в Егорьевском районе, как уже было показано, возобладало литое строительство, то в Благовещенском – саманное. Рассмотрим это на примере села Орлеан Благовещенского района, в котором преобладали «саманухи» из сырцового глиняного кирпича. В украинских селах их называли «хаты». По свидетельствам сельчан, такие дома в 1930–1950-е гг. строили «целыми улицами». В таком доме было два помещения: комната и кухня, разделено оно было русской печью. Крышу делали из «соломы или камыша». Внутри дом также обмазывали глиной и белили: «Все строилось из самана: формируют [глину] в формы, они высыхают, из них уже выкладывали дом. Кирпичи самоделки... Глина – сырец. Крышу крыли камышом, соломой»; «Жили в родительском доме, глиной были измазаны домики. Крышу крыли соломой с глиной, а потолки из досок выкладывали. Бывало, что и протекало. Снег, дождь... бывало, не уберешь снег, он... и бежит. Пол смазывали глиной. Как вечер – берешь горшок, глину, навоз, перемешиваешь и мажешь пол. Наливка называлась. Утром встанешь – свежо, чисто. Белили белой глиной, на озерах брали».

Таким образом, саман в Благовещенском районе был известен, благодаря столыпинским переселенцам, среди которых было много украинцев, а в Егорьевском районе саманные дома распространились позже – с депортированными немцами: «На бригаде (с. Лебяжье) с марта месяца начиналась работа, готовили ее (к полевому сезону). Деревянные дома на бригаде были, на полатях спали, наложим полыну (полынь), чтобы блохи не ели, и соломы наложим. Один дом был. Нары были... Зимой в бригаде не топили, там у нас немцы жили – семьи две, постоянно жили, пока не ушли. Стали в деревне строить саманные дома и уходить. Сначала расселяли по

Рис. 5. Камышитовый дом. 1950-е г. с. Ягодино.

бригадам, да по фермам, немцы потом себе дома саманные строили, они нас и научили этому. У нас только литые делали... – топтанные дома, солому глиной заливаешь и топчешь, и доски дальше поднимаешь, так и делали. Стены ровные изнутри были, замазывали, затирали, и белили. И потолок был затертый, пол земляной и из досок был. Если земляной пол был, то не было подпола...» (М.В. Денисова). Таким образом, если в Егорьевском районе преобладали из соломы и глины – литая техника, то в Благовещенском саманная. В первую очередь, под влиянием этничности и этнокультурных традиций. Разница в каркасной технике – камыш или колья, была обусловлена разницей в природно-климатических условиях.

С помощью природных средств обустроивался и повседневный быт сельчан в послевоенное время. Это самостоятельная тема исследования. Но приведем несколько примеров, как из подручных средств решались проблемы санитарии, гигиены, отопления и поддержание экологии жилища, а также таких важнейших элементов системы жизнеобеспечения, как одежда, постель и постельное белье, одежда и т.п. Традиции отопления у сельчан этих двух районов также имели отличия и сходства. Если в приборовом лесостепном районе подспорьем стали сосновые шишки, которых в бору было много, а их заготовка была по силам детей. «А как же, каждый день... обязанность такая... мешок и в бор за шишками... Вместе с подружкой

ходили И попробуй не принеси в день... Наберешь... надерешь, в мешок и прешь... ссыпали кучами под навес... Всю зиму топили... Жаркие...» (М.В. Денисова, с. Лебязье). Также по силам была заготовка высокого травяного сухостоя – полыни, конопли, борщевника, т.е. тех растений, которые имели толстый стебель, давали тепло. Этого сухостоя и шишек вполне хватало, чтобы протопить русскую печь, которая и стала главным средством борьбы с холодом, голодом и болезнями. Она, в отличие от голландок, быстро растапливалась, позволяла лежать на ней, готовить пищу, лечить простудные и суставные заболевания, но быстро и остывала. В Благовещенском районе больше заготавливали кизяк. Хотя его использовали и в Егорьевском районе, но возможности сельчан этого района были гораздо шире: «зависит от дров, какой дом теплее. Здесь колючкой, шишкой топили. Сначала просто коровьими лепехами топили, и кизяки делали, и полынь рубили, топили» (А.Ф. Калитина). Растительное сырье и субпродукты домашнего скотоводства использовались и для постельного белья и для одежды: «У нас постель была – «попонка» из шерсти, «дерушки» – из конопли. Мама ткала.... На полу спали. Отец на печке спал, он с фронта пришел и болел. И мы все на полу спали... Пол скоблили, сперва веником моешь, из березы был – голик. Отобьешь листочки – голик и моешь. Веником, которым в бане парились, обобьется, а затем этим пол чистили. Скоблили пол ножом в неделю раз» (А.Ф. Калитина). Денисова Мария Васильевна рассказывала: «Мы на полу или на печке спали. Мама с папой на кровати... Дерюшки носили, сами пряли, ткали... Дерюшки как дорожки такие. Льна не было, только конопля была. Сами сажали...» (М.В. Денисова).

Таким образом, культура жизнеобеспечения явилась важнейшим средством поддержания жизнеспособности сельского общества в военный и послевоенный период. Экстремальные условия проживания актуализировали народный опыт по использованию природных материалов для обустройства жилой и производственной среды в условиях слабой государственной поддержки. Сельское население, зная возможности «кормящего ландшафта», гибко приспособлялось к ухудшению положения. Формы, способы и сырье для строительства жилища и его обустройства зависели не только от природных условий, но и от этнокультурных традиций и межэтнического взаимодействия.

Источники и литература

1. Щеглова Т.К. Адаптационные возможности крестьянской переселенческой культуры в селах западного степного и лесостепного Алтая: традиции и новации в 1930–1950-е гг.: на примере каркасного жилища // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина [Текст]: материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт.гос.ун-та, 2013. С. 67–70.
2. Калитина Анна Федоровна, 1936 г.р. Егорьевский район, с. Лебяжье // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
3. Домоевская Мария Ефимовна, 1931 г.р. Егорьевский район, с. Лебяжье // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
4. Денисова Мария Васильевна, 1920 г.р. Егорьевский район, с. Лебяжье // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
5. Жук Николай Николаевич, 1950 г.р. Благовещенского района, с. Орлеан // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.
6. Семютина Татаьяна Михайловна, 1931 г.р. Благовещенского района, с. Орлеан // Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013.

Л.А. Явнова

Свадебный обряд русских: современные и традиционные элементы

Свадебный обряд – сложная полиэлементная и полифункциональная структура. В нем можно выделить обрядовые «наслоения» различных эпох, фигурирующие в качестве переосмысленных элементов реально функционирующей обрядовой системы. В настоящее время в российском обществе и культуре происходит переосмысление и переоценка института брака и семьи, а также интенсивно формируются новые символы и ритуалы, в том числе связанные с празднованием важнейших событий личной жизни. Исследователь Г.П. Анашкина отмечает, что в характере протекания свадебного обряда утрачиваются черты национального своеобразия, присущие традиционной русской свадьбе [10, с. 47]. Свадебная обрядность прямо или косвенно затрагивает многие стороны жизни народа, тесно связана с условиями его быта, особенностями социальной и экономической структуры общества, территориальным проживанием, национальностью. Цель данной статьи – на основе этнографических источников, собранных в селах Алтайского края и г. Бийска, показать основные структурные элементы свадебного обряда во второй половине XX в.

Прежде всего отметим, что при сохранении в современном русском свадебном обряде традиционной трехчастной структуры (предсвадебный, свадебный и послесвадебный этапы) существенно изменилось содержание каждого из них. Предсвадебный этап почти лишен и обрядовости, и праздничности. Сватовство – обряд предложения брака, согласно которому будущий жених «просит руки» своей избранницы, у ее родителей. Участвуют в этом обряде будущий жених и сваты (родители, близкие родственники). В назначенный день они наносят визит родителям будущей невесты, как правило, со своей выпивкой и закуской. За столом обсуждаются дата свадьбы, место проведения, количество приглашенных [5, 6]. «Свадьба – ну, в сельсовете расписали нас и без свидетелей. Не было тогда свидетелей. У нас с дедом свадьба была 23 февраля 1963 г. Познакомились на дойке. Я на дойку поехала, а он доярок возил. На девять лет старше был. Летом дело было, а в январе посватал. Встречаться встречались. Он уже в годах был. Он же в армии отслужил три года. А служил-то он в Венгрии, как раз, когда там все «революции» были. Сватовство? Сватовство было. Семнадцать лет мне было и все. Сваты пешком пришли, за стол сели. Выпили. Разговаривали с родителями и с Яшей – дедом. Подарков от жениха не было, не было уже такого. А согласия просто спросили, согласна или нет. А я же молодая, глупая была» [2]. Текст сватовства обычно отражал торг двух семей. «Свататься (1972 г.) приходили его сестра с мужем с фразой: «Ваш товар, наш купец, наш хороший молодец, посмотреть бы ваш товар», сваты стояли у порога во время сватовства» [9, л. 47] или «У нас гусыни нету, один гусак. Говори, пойдешь замуж за Ивана или не пойдешь» [6]. Помолвка – обряд объявления будущих молодоженов женихом и невестой. За месяц до свадьбы будущие жених и невеста подают заявление в ЗАГС, где их объявляют женихом и невестой. На свадьбу принято посылать письменные приглашения. Они должны быть обязательно в закрытом конверте, а не на открытке. Лицам пожилым и наиболее уважаемым будущие молодожены наносят визит и приглашают на свадьбу. Это приглашение подтверждается и в письменной форме. В последнее время в приглашениях стали указывать цену входа на свадьбу. Это может быть различная домашняя утварь (книга, игрушка, моющее средство) либо просто небольшая сумма денег [5]. Приглашения рассылаются за 3–4 недели до свадьбы.

Свадебная одежда. Свадебная мода на протяжении всего XX в. претерпевала изменения (фасон, цвет). «А платья никакого свадеб-

ного не было. Просто сарафан розовый был да куртка белая, лучше всех была. Сатиновый сарафан, красивый. Сатин покупали и сами шили, простого самого покроя. После войны же это было, кто шить-то будет, какие швеи? Все сами делали» [7]. Свадебное платье невесты могло быть как белого, так и любого другого светлого цвета. «Замуж вышла в 1974 г. в зеленом шерстяном платье, все было обшито бисером. Платье приталенное, ниже колен» [8, л. 32]. «А платье покупали простое. Платье прямое было, впереди две складочки, но шелковое. Покупали его готовое, у нас в Черновой в магазине. По тем ценам 300 рублей стоило. Сиреневое или коричневое, что-то среднее. И рисунок был, как солнце. А покупал дед. Ни прически, ни фаты не было, это сейчас все это есть» [2]. «Платье было у меня розовое, простое. Пришли в магазин, понравилось и взяли. Да и выбора-то тогда сильно не было. А оберег у меня всегда был и на свадьбу был этот же. Бусинка у меня на сережке была, а потом я потеряла ее. А папе баба Валя в карман мак насыпала перед регистрацией. Потом узнала, что это от присушек. Девочек же много было, чтоб не напустили ничего» [3]. Соблюдается традиция применять обереги, главным образом по отношению к невесте (наиболее уязвимая фигура свадебной церемонии): иголки, булавки, зашитые в рукав платья молитвы. «Обереги я предусматриваю. Я как-то прочитала, что на невесте обязательно должно одето что-то старое, что-то голубое и что-то одолженное у подруги. И обязательно булавку от сглаза» [4]. Жених надевает на свадьбу темный костюм и белую рубашку. Ботинки подбираются в сочетании с цветом костюма. Особого внимания в костюме жениха требует галстук. На левый лацкан пиджака прикрепляется белый цветок [5]. В современной свадьбе повсеместно распространен запрет показываться в свадебном платье перед женихом, невеста не должна давать кому-либо его примерять.

Важным фактором современного свадебного обряда является участие в нем в качестве организатора и руководителя тамады, или, как его иногда определяют, «специалиста по обрядам». В подавляющем большинстве случаев он устанавливает порядок проведения свадебного пира, организует свадебное застолье. В единичных случаях тамада участвует и в обрядах предсвадебного этапа. Роль тамады играет кто-нибудь из родственников или человек, знающий сценарий свадьбы, обладающий раскованностью в общении, остроумием. Современные ведущие свадебного торжества работают по сценарию, который включает в себя как празднично-развлекательную часть (как

правило, это «игровая программа», так и ритуально-обрядовую (знакомство породнившихся родов, вручение подарков молодым и др.), при этом эти две стороны органично слитны друг с другом [11, с. 185].

Брачный выкуп. Выкуп невесты – один из самых веселых и зрелищных элементов свадебного обряда. Обычно выкуп проводит свидетельница (в традиционной свадьбе роль продавца играет брат невесты), она заранее обговаривает с невестой элементы выкупа, продумывает конкурсы и задания. Выкупают невесту обычно деньгами, конфетами, цветами, а также вином, водкой. В с. Карпово Солонешенского района жениха заставляют расколоть чурку, станцевать танец (как жениху, так и свидетелю), узнать невесту по отпечаткам губ на плакате, перечислить ласковые слова (какими он будет называть будущую супругу), спеть песню, найти туфель невесты [5]. Выкупив невесту, жених преподносит ей свадебный букет. После выкупа женихи и невеста садятся в машину и едут в ЗАГС [1, 5]. Брачный выкуп объясняется, с одной стороны, как своеобразная компенсация за подрыв чувства внутренней солидарности родственной группы, из которой берут невесту, отсюда – ритуальная враждебность между группой жениха и невесты. С другой стороны, брачный выкуп рассматривался как один из вариантов установления отношений путем дара или отдара.

Важнейшим ритуальным действием современной русской свадьбы является посещение после официальной регистрации некоторых памятных мест города. Это обелиски, памятники, места учебы или работы новобрачных. При этом некоторые «по городу делают круг. Можно проехать по одной улице, по одной полосе, а потом по другой полосе». Значительную роль продолжают играть сакральные элементы. Почётное место занимает вера в приметы различного рода (собрание «мосточков», обнимание берёзы, осыпание зерном и монетами для семейного благополучия). Свадьба, с одной стороны, выносится на всеобщее обозрение, сопровождается открытостью, с другой же стороны, свадьба представляет собой сакрально-интимную зону, которая требует потаенности. Во время посещения одного из памятных мест невеста может бросить свадебный букет подругам. Как показывают полевые материалы, в селах Алтайского края еще сохранился обычай посещения молодоженами своих старых бабушек и дедушек, которые не смогут прийти на гуляние, принимают их поздравление [5, 6]. После чего молодые направляются к дому

родителей (чаще всего к родителям жениха). На входе в дом их встречают хлебом-солью, традиционно осыпают пшеном и лепестками роз (2000-е гг.). Хлеб-соль – это символ того, что отныне молодые супруги должны делить между собой и радости, и невзгоды. Невеста и жених по очереди кусают каравай. Кто откусит больше, тот и провозглашается главой семьи. В дверях друзья натягивают яркую ленту, и молодые берутся за руки и преодолевают преграду или жених переносит невесту на руках [5]. В современной свадьбе сохраняется, хотя и не носит обязательного и повсеместного характера, ритуал благословения родителями невесты и жениха с использованием традиционных атрибутов, хлеба и иконы.

Свадебный вечер. В.Н. Клепикова вспоминала: «Столы в доме ставили, вдоль стен стояли буквой „П“. Во главе мы, конечно, сидели и родители. Это сейчас сидеть-то все отдельно стали, раньше-то такого не было. А свадьбу гуляли девять дней. Пока пиво не кончилось, так и гуляли. Гостей много было. Папка в Сосновку ездил, а мы с дедом по деревне, мы с дедом ходили родню да знакомых приглашали. У Клепиковых вон сколько родни было, да и у нас. А пиво вот как готовили. Варют дрожжи хмельные, заквасят их. Дрожжи тоже сами делали: кипятят хмель, туда картошку трут, муки добавляют, а потом квасят. Потом кипятят воду, заливают дрожжи, кладут сахар. Сначала сахар пережигали, его для цвету клали. А потом киснет, стоит, с месяц стоит. И мне на свадьбу так ставили. В конце января, помню, ставили. А сейчас дрожжи в магазине берут. На первый день гуляли у жениха, потом у невесты. А дальше ко всем родственникам ездили. Ой, а ездили мы на тройке, в кошеве. Украшали мы тройку колокольчиками да лентами. На столах, помню, винегрет был, котлеты, гарнир, огурцы, солонина, арбузы тоже соленые,стряпня всякая, пироги сдобные. Тетка в столовой колхозной работала, знала, чем угощать. Пиво свое делали, а вот водку покупали. Она тогда 25 руб. 20 копеек стоила, дорого по тем временам, поэтому вначале всем водки налили, по рюмке наверно, а потом пиво да самогон, что там еще-то. Да, ничем нас таким не угощали, на второй день блины продавали, а еще на мусор кидали. Мелочь кидали, а я потом подметала. Гармонистов было аж четыре штуки. Играли барыню, плясали с выходом. Ряженые были, гадали на руке да на картах. Про свадебную порчу слышала, но на себе не знала. У деда много баб было. Они завидовали, даже приходили, вызывали его. Дед красивый был, еще и шофер. А шофер тогда на деревне первым парнем был» [2]. «Так

как крестных не было, на блины собирал дядя Коля Мозгунов. На второй день „мусор“ был, как положено. Я тогда сильно из родни никого не знала, потом узнала, что дядя Гоша Дорофеев на гармошке играл, а менял его дядя Миша Мозгунов. Потом и современные песни включили на магнитофоне» [3].

В 1990–2000-е гг. свадьбы проходят более современно: если ранее свадьбы отмечали в доме жениха, то сейчас для этой цели выкупают рестораны, кафе. Большое значение для создания праздничного настроения имеет оформление зала, где проходит свадебное торжество. Само помещение украшается элементами свадебной символики (сердечками, кольцами, воздушными шарами, шутивными плакатами). М.Г. Матлин, классифицируя разновидности свадебных документов, выделяет класс информативных документов, к которым относятся: плакаты, открытки-приглашения на свадьбу, некоторые телеграммы [11, с. 183]. Варианты шутивных плакатов:

- Слушай, теща, не юли, купи зятю «Жигули»;
- У кого свекровь – свекровище, а у нас свекровь – сокровище;
- Просим нас не забывать, чаще «горько» нам кричать;
- Кто не будет веселиться, не дадим опохмелиться;
- Носи жену на руках, на шею сама сядет [5].

Свадьба является одной из существенных частей культурно-бытового комплекса обрядовой жизни народа. Из приведенного материала видно, что широкое распространение получили игровые моменты. Устраивали шутивную проверку хозяйственных навыков молодой и ее ловкости. Наутро после свадьбы она должна быламести пол, причем присутствующие бросали сначала сор, а потом деньги. Игровые действия сохранялись очень долго, и многие из них дошли до наших дней. Свадебная обрядность утратила многие традиционные черты вирилокального варианта русских старожилов Алтая (ряд магических действий, рукобитье, ритуальную баню). Связь традиционных и современных элементов проявляется прежде всего в сохранении последовательности свадебной церемонии: сватовства, свадьбы у жениха, хождение в гости к родственникам. В проведении свадебного пира сохранилось преподнесение подарков. Следует отметить, что одна из немаловажных черт свадьбы – ее эмоциональный настрой, который создавался в результате исполнения всех перечисленных обрядовых действий в их своеобразных сочетаниях и, безусловно, выражал особенности психологического склада населения.

Источники и литература

1. Глебова Т.Ф., 1949 г.р. Бийск. АЛЭИ АГАО имени В. М. Шукшина. Ф. 1. – полевые материалы 2013 г. Бийск.
2. Клепикова (Черенева) В.Н., 1946 г.р. с. Черновая. АЛЭИ АГАО имени В.М. Шукшина. Ф. 1. – полевые материалы 2013 г. Смоленский район.
3. Клепикова (Киреева) Е.В., 1968 г.р. с. Черновая. АЛЭИ АГАО имени В.М. Шукшина. Ф. 1. – полевые материалы 2013 г. Смоленский район.
4. Клепикова Н.С., 1990 г.р. с. Черновая. АЛЭИ АГАО имени В.М. Шукшина. Ф. 1. – полевые материалы 2013 г. Смоленский район.
5. Кононова В.О., 1981 г.р. с. Карпово. АЛЭИ АГАО имени В.М. Шукшина. Ф. 1. – полевые материалы 2003 г. Солонешенский район.
6. Федченко В.И., 1948 г.р. с. Зональное. АЛЭИ АГАО имени В.М. Шукшина. Ф. 1. – полевые материалы 2006 г. Зональный район.
7. Черенева (Мозгунова) Т.Я., 1927 г.р. с. Черновая. АЛЭИ АГАО имени В.М. Шукшина. Ф. 1. – полевые материалы 2013 г. Смоленский район.
8. ПМА. Сапожникова М.Л, 1954 г.р. Полевой дневник 22.07. Бийск. 2007. 50 л.
9. ПМА. Мамаева З.Н. 1937 г.р. Полевой дневник 22.07. Бийск. 2007. 50 л.
10. Анашкина Г.П. Современный брачно-свадебный обряд // Основы полевой фольклористики: сб. науч.-метод. материалов. Вып. 1, Ульяновск, 1997. С. 46–50.
11. Матлин М.Г. Письменные «документы» как вербальный компонент современной русской свадьбы // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. С. 180–196.

Список сокращений

АЛЭИ АГАО имени В.М. Шукшина – Архив лаборатории этнокультурных исследований Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина.

Ш.К. Ахметова

Техника изготовления войлочных ковров у казахов Западной Сибири

Развитие рыночных отношений и ускоренные темпы модернизации наряду с нерентабельностью овцеводства в результате постсоветского разрушения сельского хозяйства привели к тому, что ковроткачество и валяние войлока стали редким явлением в аулах. Широко распространенные еще в 1980-х гг. в быту сельских казахов Западной Сибири, изготовленные в домашних условиях войлочные ковры (*текемет, түскиіз, сырмақ*) и тканые паласы (*алаша*) в настоящее время встречаются гораздо меньше ковровых изделий фабрич-

ного производства. Принимая во внимание эти обстоятельства, рассматриваемая в данной работе техника изготовления войлочных изделий домашнего производства казахским населением Западной Сибири приобретает особую актуальность. В основу ее легли материалы казахских этнографических экспедиций Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН 2002–2009 гг. и 2013 гг., а также экспедиции РОО «Сибирский центр казахской культуры «Мольдир» 2013 г.

Войлочные изделия бывают разных видов: *кигіз*, *текемет*, *түскиіз*, *сырмақ*, *бітпес*. Технология производства разных видов войлочных изделий одинакова. Различаются лишь методы орнаментации постилочных текеметов и сырмаков.

Процесс изготовления кошмы очень трудоемкий, поэтому приглашали односельчан. Войлок изготавливали из валяной шерсти в виде полотен различной толщины. Казахи обычно использовали для кошмоваления легко уплотняющуюся шерсть осенней стрижки (*күзем жүн*). Для изготовления *кигіза* шерсть очищали от мусора, раскладывали на циновке (*ши*) и теребили специально вырезанными из тальника палками *сабау*. Шерсть поливали горячей водой и сворачивали циновку рулоном и завязывали веревками в нескольких местах. Рулон с шерстью катали и, периодически поливая горячей водой, несколько человек били по нему ногами. Когда кошма скатывалась, ее вынимали из циновки и предплечьями рук выравнивали. Потом изделие сушили. *Кигіз* использовали в основном для покрытия юрты [1, 2, 3].

Изготовление текемета требует более качественной шерсти. В отличие от *кигіза* здесь еще используется техника вваливания рисунка орнамента контрастных цветов с фоном основы. Для основы войлока всегда используется шерсть естественной окраски белого или темно-коричневого, черного цветов. Для орнамента использовали также окрашенную шерсть. *Ши* покрывали мешковиной, на которую равномерно раскладывали шерсть. Поверх разложенной шерсти наносили узоры шерстью контрастного цвета, который иногда по контуру отделявали окрашенной в разные цвета шерстью, но более тонкими, чем узоры, полосками. Потом процесс повторялся, как и при изготовлении *кигіза*. Также поливали шерсть с нанесенным орнаментом горячей водой, вместе с *ши* очень плотно скатывали в рулон и завязывали веревками в нескольких местах. Молодые женщины и мужчины, взяв друг друга под локти, вставляли вдоль ру-

Рис. 1. Текемет өрелі кигіз, аул Большой Искак Шербакульского р-на.
Конец XIX – начало XX века. (2)

лона и били по нему ногами, чтобы все сбилось в один рисунок. Под воздействием воды шерсть скатывалась, лишняя вода выливалась. Рулон разворачивали, и женщины локтями разравнивали поверхность, потом сушили.

В ауле Большой Искак объемный текемет размерами 4,27 м × 1,81 м называли *өрелі кигіз* (рис. 1). Он принадлежал еще матери З.К. Бейсембаевой 1923 года рождения и датировался концом XIX – началом XX вв. На мягкий белый войлок были нанесены узоры из коричневого войлока, отделанными полосками крашеного войлока розового и желтого цветов. Его использовали вместо матраса на кровати, позже стелили на пол [1]. Мастернице Жунусовой Алиме из аула Мырзаболат, располагавшегося когда-то в 3 км от аула Большой Искак, принадлежал текемет, который называли *төрі кигіз* из-за размеров (4,5 м × 1,10 м). Длинный и узкий постилочный ковер по всей длине расстилали на почетном месте для гостей [1]. Он был из мягкой, но плотной кошмы коричневого цвета с орнаментом из войлока, окрашенного в желтый и розовый цвета. Текемет из аула Сегизбай выполнен из светлого войлока с рисунком из крашеного в красноватый и бежевый цвета войлока. Текемет А.О. Ералиновой интересен двусторонним рисунком [7]. Ковер одинаково хорошо смотрится как с лицевой, так и с изнаночной стороны. При этом орнамент поля лицевой стороны отличается от изнаночной (рис. 2, 3).

Рис. 2. Текемет – лицевая сторона. Автор А.О. Ералинова, г. Омск

Постилочные и настенные ковры *сырмақ* в Омской области делают методом инкрустации. Белый и темно-коричневый или черный войлоки нарезают на квадраты, которые совмещают и вырезают узоры *қошқар мүйіз*. Орнамент из светлого войлока вставляют в место от вырезанного узора на квадрате из темного войлока, а темный орнамент инкрустируют в светлый войлок, чтобы узор и фон были на одном уровне. Промежутки заполняются отдельно выкрашенными войлочными треугольниками, инкрустированными элементами этого же орнамента. Так образуется поле ковра. К нему присоединяют бордюры со вставками из более крупных элементов *қошқар мүйіз*. Потом все прострачивается для плотности с тканью изнаночной стороны (*астары*). Места мозаичного соединения узоров с квадратами и линии соединения самих квадратов, а также границы поля и бордюров декорируются аппликацией цветным шнуром или тесьмой (рис. 4). Основу *сырмақа* из войлока могут сочетать с другой тканью. Разновидностью *сырмақа* является ковер *бітпес* – нескончаемый. Название ковра свидетельствует о трудоемком процессе его изготовления. Орнамент на нем простегивается тонким шнуром или тесьмой, закручиваясь по спирали замысловатой вязью [1, 3, 4, 5]. В Омской области к *бітпесам* также относят все простроченные по

Рис. 3. Текемет – изнаночная сторона. Автор А.О. Ералинова, г. Омск

всей поверхности сырмаки, которые используют как в постилочном варианте, так и настенном. Основа их может быть из тонкого натурального или синтетического войлока или из плотной ткани.

Ковровые изделия на территории Западной Сибири измеряют розетками центрального поля в виде квадрата или ромба. В Омской области их называют *табақ* – блюдо [1], в Благовещенском, Бурлинском районах Алтайского края – *көз* (глаз), в Славгородском районе – *орта үшкіл* (ромб) [6]. Когда квадраты сшиваются, промежутки заполняются отдельно выкроенными треугольниками. Два симметричных больших треугольника образуют один квадрат – *бір табақ* (*бір көз* или *бір үшкіл*). Довольно часто по четырем углам располагают маленькие треугольники, образующие все вместе один *табақ* (*көз* или *үшкіл*). В Омской области верхний край *бітпес* называют *басы* или *жогар жагы*, нижний край – *аягы* или *туменгі жагы*, боковые бордюры называют *жаны*. Все вместе называется *жіеге* [1]. В Славгородском районе Алтайского края бордюры называют *жиек үшкіл*, части бордюра *жиек болектері*. В ауле Байгамыт Благовещенского района края ковра так и называют *шет* – край [6].

Настенные ковры – *түскиіз* в Омской области вышивают или шьют в технике аппликации по войлоку или ткани узорами из

Рис. 4 Түскиіз (аппликация, ткань).
Автор К.А. Кулахметова, аул Коянбай Таврического р-на. 1986 г.

плюша, бархата или сукна. Түскиізы бывают с оформленными роговидными завитками бордюрами и полем в виде ромбической сетки с различными вариациями стилизации орнамента *қошқар мүйіз*.

При использовании техники аппликации с тканью кошму разрезали на квадраты, поверх которых нашивали узоры в виде традиционного казахского орнамента «*қошқар мүйіз*» из плюша, отделанных по краям тесьмой. Затем ромбовидные розетки соединяют друг с другом, края также отделяют тесьмой или узкой полоской ткани (рис. 5). Наиболее распространены настенные ковры, состоящие из двух *табақ* в ширину и четырех *табақ* в длину. Из них три целых квадрата располагаются в середине ковра, а по двум краям по половине квадрата – треугольнику. Такие изделия по контуру обрабатывают узкой полоской кошмы. Сверху на кошму пришивают узоры из деталей, образовавшихся при вырезании основных узоров орнамента. Обычно используется одна выкройка орнамента, которая вырезается мастерицами сразу на глаз, без чертежа [1].

Настенные ковры могут быть по бордюру украшены национальной вышивкой – *кесте*. В настоящее время семантический код цветовых совмещений уже предан забвению. Мастерицы отталки-

Рис. 5. Сырмақ с вышивкой (инкрустация войлоком войлока).
Автор Багдат Есеркеповна Жылкыбаева, р.п. Русская Поляна, Русско-Полянский р-н

ваются от сочетаемости красок, а не смысловых характеристик. Сегодня в узорах казахских ковров можно встретить европейские цветы и другие не национальные образцы орнамента.

К сожалению, следует констатировать, что представленные в данной работе традиционные войлочные изделия уходят уже в прошлое. Широко распространилось применение вместо войлока современных синтетических материалов.

Источники и литература

1. Материалы КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2002 г., аул Большой Искак Шербакульского р-на Омской области
2. Материалы МКЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 2006 г. аул Баимбет Называевского р-на Омской области
3. Материалы МКЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 2007 г. аул Караман Нововаршавского р-на Омской области
4. Материалы МКЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 2009 г. р.п. Русская Поляна Русско-Полянского р-на Омской области
5. Материалы МКЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 20013 г., с. Белосток Одесского р-на Омской области
6. Материалы КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН 2004 г., аул Байгамут Благовещенского р-на, аул Куатовка Славгородского р-на, с. Бурлы Алтайского края
7. Материалы КЭЭ РОО «Сибирский центр казахской культуры «Мөддір»

Список сокращений

КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН – Казахская этнографическая экспедиция Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук

МКЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН – Международная Казахская этнографическая экспедиция Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

КЭЭ РОО «Сибирский центр казахской культуры «Мөлдiр» – Казахская этнографическая экспедиция Региональной общественной организации «Сибирский центр казахской культуры «Мөлдiр»

Е.И. Ларина, О.Б. Наумова

Этнокультурная среда и локальные варианты шаманства у российских казахов

Ещё век назад в исламизированном виде шаманство было широко распространено среди казахов. В наши дни оно сохраняется, скорее, как отголосок некогда распространённого культа и активно заменяется практикой народных целителей (*емши*), которые заимствуют из него некоторые представления.

Во время работы среди казахов России с 2005 по 2011 г.¹ нам дважды довелось общаться с шаманами (*баксы*): в Кош-Агачском районе Горного Алтая и в Омской области. Людей, называющих себя баксы, осталось немного, их нельзя встретить в каждом посёлке, как знахарей *емши* или *сыныкши* (костоправы). Однако рассказы о сильных шаманах, которые жили ещё в середине XX века, приходилось слышать во многих местах, где мы побывали. Тем более важным представляется каждый отдельный случай, через который ярко раскрывается местное своеобразие традиций шаманства, влияние местной культурной традиции на его адептов.

Здесь хотелось бы указать на некоторую особенность в изучении казахского шаманства. Самый подробный анализ историографии этого вопроса проведён В.Н. Басиловым [1, с. 30-39]. Он отметил, что знакомство со среднеазиатским шаманством начиналось по мере продвижения на восток с активного интереса к баксы у казахов; что публикаций дореволюционного периода очень много, особенно в

¹ В 2005 г. – в Самарской области, в 2006 г. – в Кош-Агачском районе Республики Алтай и в Оренбургской области, в 2007 г. – в Астраханской, 2008 г. – Саратовской, 2009 г. – Омской, 2011 г. – Курганской области.

газетах и сборниках, смешанных по содержанию; что авторы были самые разные (чиновники, военнослужащие, врачи, путешественники, этнографы и др.); что сведения о баксы носили описательный характер. Немногочисленные работы советского периода затрагивали главным образом вопросы идеологии и социальных корней казахского шаманства. Нам бы хотелось добавить, что менее всего в этих работах рассматривался вопрос об исламских элементах и идеологии в шаманстве, за исключением упоминания о зикре. А ведь ещё В.В. Радлов в 1860-е гг.¹ записал: «Мулла вытеснил их с позиций религиозного главы народа, но как колдуны, знахари и прорицатели шаманы пользуются ещё некоторым признанием в народе. Небезынтересно будет проследить, какие изменения претерпели шаманские камлания под воздействием мусульманского вероучения» [10, с. 402].

Изучать среднеазиатское и казахстанское шаманство в связи с исламом нераздельно от него стал В.Н. Басилов, а затем его ученица Р.М. Мустафина. Авторитетные учёные неизменно подчёркивали научный интерес к шаманству у казахов Южного Казахстана, на которых, безусловно, оказывала влияние близость к исламским центрам Средней Азии².

Казалось бы, интерес к шаманам северной периферии этнического ареала казахов пропал вовсе. Для этого были веские причины: активное расселение славянского населения в регионе, социально-экономические изменения советского периода и социально-культурные последствия освоения целины как будто привели к полному забвению практики баксы. Однако современный материал показывает, что этот ареал представляется не менее ярким для изучения казахского шаманства. В Западной Сибири казахи активно взаимодействовали с татарами и бухарцами. Это была среда с господствующей в ней исламской идеологией, с активно распространяющейся в первую очередь через татар мусульманской литературой, с формирую-

¹ В 1860-1870-х гг. Василий Васильевич Радлов (1837–1918), основоположник российской тюркологии, путешествовал по Сибири, Казахстану и Средней Азии. В 1884 г. в Лейпциге в двух томах вышла его книга «Из Сибири (страницы дневника)».

² На это указала Р.М. Мустафина, сославшись на работу Г.П. Снесарева «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма» М., 1969. Собранный материал о шаманах также относится к Южному Казахстану (Мустафина, 1992: 131-142). Материал по баксы у В.Н. Басилова и Дж.Х. Кармышевой также относится преимущественно к Чимкентской и Джамбульской областям (Басилов, Кармышева, 1997).

щимися внеэтническими сакральными центрами мусульман региона [3, с. 216].

Казахское шаманство, как и знахарство, подверглось значительной исламизации [2, с. 304; 9, с. 132-133, 142]. Степень исламизированности этой оккультной практики у разных групп современных российских казахов различна и явно зависит от степени сохранения группой традиционной культуры и этнокультурного окружения.

Со случаем в полной мере исламизированного шаманства мы встретились в Омской области. В а. Артакшил Шербакульского р-на мы беседовали с потомственным баксы Кайргельды Танатаровым из рода *торе*¹. Шаманами были несколько поколений его предков. По словам Кайргельды, их род имел земли, называемые Каппас-кстау, на территории нынешнего Ерментауского района Астанинской области Казахстана. Эти зимние пастбища его предков получил в качестве *имши* (выделенная доля, наследство) от Аблай-хана. «В этой земле лежит Жайсан Есиаман, с которого началось наше знахарство. Он мог владеть природой, дождь вызывать». На территорию Омской области в 1932 г., в период коллективизации и последовавшего за ней голода, пришёл его дед Садвакас, который, вероятно, тоже был баксы, кроме того, он 25 лет возглавлял мечеть в Казахстане (умер в 1969 г.).

Мать Кайргельды была из казанских татар, причём её брата, своего дядю, Кайргельды называет Шахман-гальф, аккожа-гальф, «как муфтий» (гальф – искажённое *халифа*). В суфизме халифа – это звание прямого преемника основателя братства или руководителя ветви, заместителя пира (шейха, муршида) братства или обители по руководству части муридов, представителя главы братства (ветви) в регионе (город, село, обитель); так называют и духовного лидера мусульманской общины.

Отец Кайргельды, Гендолла Танатаров (1928–2002), был знаменитым и очень сильным шаманом (кстати, и дядя Гендоллы Танатарова был баксы – Мустафа-баксы). Отец родился в сентябре, во время уборки урожая. Он пролежал в утробе матери 12 месяцев, но родился маленьким. Его называли Тапи, Тапек (от тапал – низкий). Учился плохо. Дар его проявился лет с девяти («Оказывается, в 9 лет

¹ Представители рода *торе* считаются чингизидами и занимают особое место в иерархии казахских родов – он не включён в шежере, его представители почитаются так же, как и считающиеся потомками арабов – *кожа*.

открывается знание. Это открытие называется *зейын*¹). Лечить начал в 11 лет. Про шаманскую болезнь отца Кайргельды рассказывал отрывками. Так, в детстве отец «ходит-ходит, потом стихами говорит. Много-много». Во время своей болезни Гендолла уходил на кладбище (*зиёрат*), где похоронен Сарсенбай-баксы. В виде старика с белым лицом, в белой одежде и на белой кобылице он являлся в снах Гендоллы. Другой учитель Гендоллы – Айдархан-баксы – после лечения по 7 дней совершал зикр. А всего у Гендоллы было 5 учителей. «Отец был чист тем, что боялся Всевышнего. Никогда не курил, даже животного не материл. Он верил в Коран и Догалык²».

По словам Кайргельды, отец чувствовал, когда и кто к нему должен придти, понимал на расстоянии мысли другого. Лечил чтением молитв и «топором», камчой, «по стенкам лазил до потолка». Пришедшие на сеанс садились по кругу. Он ходил внутри круга с золотым перстнем-печаткой с выбитой по-арабски формулой «бисмилля» (которое после смерти досталось Кайргельды). Кто был ритуально не чист (не *дарет*), тот падал. Здоровые оставались сидеть, а больные собирались в центр круга. Все нараспев читали молитву, а отец начинал бегать по кругу и набирать силы. Потом он останавливался, поднимал руку над головой больного, и под его рукой больной кружился. Затем отец ходил по раскалённому топору, лизал ещё один раскалённый топор, затем водой, над которой читались молитвы, через топор дул на больного. Такая практика, по словам Кайргельды, называется *зикр*³. После зикра отец выбегал из дома, но тут у дверей дежурило несколько человек, которых отец заранее ставил. Они с помощью каната задерживали его, не давали ему убежать. Он во время зикра набирал столько сил, что его еле удерживали 8 человек. Задержанный, он падал без чувств. Если же его не могли удержать, он мог убежать и не вернуться.

Когда Кайргельды было 7 лет, мать умерла, он жил с отцом. Отец утро начинал с молитвы. Потом за чаем рассказывал свои сны и толковал их. Кайргельды считает, что отец через рассказы о своих снах обучал его шаманскому искусству: расшифровывать сны, понимать свои видения, диагностировать болезни и т.п.

¹ *Зейін* (каз.) – способность, разум, внимание, понятливость.

² Сборник молитв, изданный в Казани в 1898 г.

³ Воспоминания о шамане, который проводил подобный зикр (но без использования топора), зафиксировала в Илийском районе Алма-Атинской области Р.М. Мустафина, считающая это явление свидетельством слияния образов суфия и шамана (Мустафина, 1992: 142).

Интересна история, связанная с выбором имени для сына Кайргельды. Гендолла назвал внука Аксункар, что значит белый сокол. Именно *акку* (лебедь) и *сункар* (сокол-кречет) играли особую роль в домусульманских верованиях казахов, и связывались в том числе с деятельностью шаманов [5, с. 230-243; 6, с. 45-55]. Мальчик умер в семилетнем возрасте, и Кайргельды полагает, что имя также стало причиной ранней смерти («Редкие имена не надо давать, они забирают детей»).

Шаманская болезнь самого Кайргельды протекала отчётливо. Он заболел, когда был в 6 классе. «После этого не учился, а до болезни очень способный был», – вспоминал учитель истории в местной школе С.С. Раисов. По словам другого информанта, отец Кайргельды в это время заставлял его курить. По объяснениям этого же собеседника, если человек курит, пьёт, гуляет, дар ослабевает, отступает. Кайргельды при отце, который был тогда здоров и в силе, не имел права лечить, поэтому надо было ослабить дар, смягчить болезнь. Сам Кайргельды говорил: «Когда мне было 13 лет, 11 сентября 1978 г. мы сидели, у меня появился испуг. Видения появились – через дом видел чужих людей. Так болезнь возникает. Как по телевизору видишь видения». «Что будет со мной, я давно знал. В 7–8 классе уже знал. Но про себя, про своих домашних мы никогда не говорим». Хотя Кайргельды уже несколько лет лечит, но какие-то «испытания» для него продолжаются: «Я каждый год прохожу испытания, хотя не должен бы: топором себя ударил, косой поранился, вилы в ногу попали».

Отец дал благословение-бата Кайргельды в 1993 г., но не напрямую, а через ученика Османа из Степногорска. Это бата было передано Кайргельды сразу после смерти отца в присутствии ещё одной старой баксы. Кайргельды считает, что владеет лишь третью знаний отца.

Встав на путь баксы, человек должен ограничивать себя. «Нам много запретов, – говорит Кайргельды, – например, думать плохое. Может передаваться». Нельзя употреблять спиртное: «Где водка, я не присутствую. Мне старики ближе. Я на свадьбах, тоях не присутствую. Я на похоронах, на ураза». Отец Кайргельды считал, что водки не должно быть на традиционных казахских угощениях (*согым* и *омыртка*¹). Не надо рассказывать о своём даре: «Я во многом не рас-

¹ *Согым* – забой скота на зиму, сопровождающийся угощением. *Омыртка* – букв. позвонок; перен.

крываю свои знания. В себе держу. Есть грань – за неё нельзя». Нельзя заниматься ясновидением, предсказанием, так как только Аллах может знать, что произойдёт.

О своём даре Кайргельды говорит: «Сила есть – это необъяснимо». Когда он смотрит на человека, то видит и ещё что-то. Например, красный цветок или летающую кобылицу – это значит, у человека есть целительский дар; старика с книгой – у человека был в роду мулла; обрыв – это болезнь, порча. Однажды было такое видение: идёт человек, перед ним пропасть. Он может свернуть направо или налево. Пропасть – это несчастье, т.е. он может в автокатастрофу попасть. Ещё одно видение: «Я вижу железные двери, через которые нельзя пройти. Это родители. Только с благословения родителей можно пройти. Тогда раскрываются железные двери. Зелёная равнина открывается». Через эти видения он видит и болезнь человека. Впрочем, диагноз ставится и вполне рациональным (и традиционным для казахского знахарства) способом – по пульсу на обеих руках. Кайргельды не отрицает рационального знания: «Анатомию нужно знать. Без этого дар – ничто».

По словам Кайргельды, информацию о том, как лечить больных, он получает во сне. «Перед лечением подготавливаемся во снах. Лечение проводим во сне. Человек днём придёт – повторяем, что ночью видели». Однажды ночью он во сне видел женщину, приезжающую из Омска. Этот сон повторялся три раза. «И вот в субботу днём эта женщина приезжает, и её кладут в нашу психбольницу. Я родственникам говорю – срочно забрать, до понедельника не заберёте – поздно будет. Они вытащили её, я её лечил. Сейчас у неё нет проблем. Работает в Астане». У него бывают и дневные сны, когда не может определить, явь это или сон¹.

Обучение баксы происходит также через общение. «Тоқу² – познание через общение». Общаться с человеком можно независимо от возраста, главное, чтобы этот человек отличался даром (не обязательно шаманским). Так, отец Кайргельды общался с третьеклассником Биби Кемергеровым – будущим известным казахстанским математиком, приходил к ним в дом, разговаривал с ним на равных.

зимние регулярные угощения, которые устраивают казахи из забитого на зиму скота.

¹ В мусульманском сознании сновидение всегда является посланием из потустороннего мира; согласно исламским представлениям сон – важнейшая область возможного контакта с Богом; в изучении религиозных и целительских практик ислама ведущей предпосылкой является признание сновидческой реальности (Резван, 2011: 117-148).

² Тоқу (каз.) – перенос. освоить, осознать.

Кайргельды известен не только в своем ауле, но и в Омске, в других районах Омской области. Когда мы у него побывали, у него жила девушка, приехавшая лечиться из Омска. По словам Кайргельды, он проводил сеансы в Петропавловске, на которых бывало по 20 человек. «Бывает, по 40–50 человек приезжают. Тогда делаю зикр. В такие дни по 500–1000 человек можно пропустить». В своём ауле его не сразу признали: «Первое время, когда начал лечить, пришли аульчане, побили меня. Были пьяные. Чем-то недовольны. Матерят меня, бывает. Что я мог сделать? Категорически запрещается [отвечать злом]».

Способы лечения Кайргельды традиционные. Это, прежде всего, чтение аятов Корана¹, зикр и, наконец, лечение топором, которым сейчас почти никто не владеет. Также Кайргельды сам делает мази, лечебный массаж (сылау, укалау), «читает на воду» (т.е. читает молитвы над водой, которую потом больной пьёт). Основная задача лечения, по его мнению, мобилизовать силы больного человека: «Наше лечение – мы открываем дорогу. Потом человек сам». Человек должен желать лечения, и не только он сам, но и все его родные и сопровождающие. Для лечения баксы использует Коран, Дугалык (сборник молитв, изданный в Казани в 1898 г.), Лечебник (Казань, 1896), книгу гаданий по звёздам «Жулдуз дама». Все эти книги Кайргельды достались от отца, а тому от деда. Также он использует свой посох баксы – *асатаяк*.

Кайргельды лечит многие болезни. Основная современная болезнь – алкоголизм, для лечения которой он в течение 10 дней больному «даёт направление». По его наблюдениям, сейчас очень распространены также кожные заболевания. Для их лечения он сам делает мазь из серы, пенициллина, камфоры. От болезней суставов и простуд делает массажный крем из конского или бараньего жира и подсолнечного масла. Изготовление лекарств обязательно сопровождается молитвой. Лечит детские болезни: пупочную, паховую грыжу, недержание мочи, «младенческое», которое, по словам Кайргельды, протекает как эпилептические приступы. Испуг, после которого, как считает Кайргельды, идёт изменение ритма сердца, он лечит калиной, читает молитвы, суры, читает на воду. Сглаз снимает молитвами. Порча, по мнению Кайргельды, сегодня встречается

¹ Подробно о лечении аятами Корана см. Резван, 2011: 149-173.

редко. Есть сильные люди – дуакиры¹ (чёрные маги), они могут творить чёрные дела, могут по ветру пускать порчу². Зикр Кайргельды применяет для лечения нервных болезней.

Как и отец, Кайргельды может лечить раскалённым топором. Он продемонстрировал нам своё владение этим методом: помощник Кайргельды раскалил топор в печи до красного цвета, Кайргельды лизнул его, а затем прочёл молитвы над пиалой с водой и прыснул через топор по очереди на трёх стоящих перед ним больных. Кайргельды лечит топором, видимо, тяжелые случаи. Именно так он проводил своё первое лечение – местной учительницы, у которой была клиническая смерть. В этом способе сочетаются представления о священной силе огня, воды и дыхания «чистого» человека (*дем салу*).

Кайргельды – глубоко верующий мусульманин, соблюдающий предписания ислама. Говоря о своем даре, Кайргельды всегда подчёркивает, что вся информация, которую он получает во сне, «от Аллаха», а лечащийся должен думать о Всевышнем и просить себе здоровья; результат лечения также от Аллаха.

Вместе с тем, в арсенале Кайргельды есть и экстрасенсорные методы. Когда он только начинал свою деятельность, то «лечил биотоками». «Сейчас считаю, это – нечистое. Самое чистое [лечение] молитвой». Он «заряжает» энергией воду, мёд и масло, т.е. те продукты, которые сами по себе лечат. «Одеколон, сигареты нежелательно заряжать, у человека могут возникнуть нехорошие мысли».

Сам Кайргельды черпает энергию и восстанавливает свои силы, посещая святые места Казахстана. Он неоднократно совершал паломничества в Южный Казахстан (в частности, дважды был в Туркестане). «Есть желание поехать на Байкал. Сила там большая. Не на Тибет, а нам надо на Байкал». Местную омскую землю баксы также считает сильной – на ней родились и выросли многие яркие личности (баксы, целители, историки, математики). Впервые в нашей практике общения с целителями и баксы мы услышали суждения об энергетике земли, природного места. Очевидно, что это – влияние современного знания о шаманстве, результат осмысления информа-

¹ Ср. кирг. *дөөкөр* – смелый, решительный. Существует словосочетание *дөөкөр бакши* – искусный бакши (Киргизско-русский словарь, 1965: 199, 101).

² «Белая магия» основана на подчинении воле Аллаха и принципе непричинения человеку вреда, «чёрная магия» совершается при помощи демонических сил (Резван, 2011: 25-26).

ции, почерпнутой из средств массовой информации или общения с другими шаманами.

Нельзя не заметить и институализацию современного шаманства. Дар Кайргельды был подтверждён в Алматы – ассоциация духовных и народных целителей мира в 1993 г. выдала ему «Удостоверение целителя», а Всемирная ассоциация психологов, врачей, духовных и народных целителей – сертификат, подтверждающий, что Кайргельды её действительный член. Причём сертификат подписан Аганой, у которой лечилась и подтверждала свой дар алтайская баксы, о которой речь пойдет ниже.

Замечательно, что у Кайргельды довольно много значимых для него предметов, связанных с его практикой. К нему от отца перешёл перстень (1977 г. с хвалой Аллаху («Слава Богу!») арабской графикой), камча, множество чёток, книг, шежере Адама (шамаиль 1895 г. с деревом (генеалогией) предков, идущих от корня пророка и перво-человека Адама до пророка Мухаммеда: Адам – Шиш – Нуш и т.д.)¹. И совершенно замечательны, особым образом расставленные на специальных полках в шкафу, портреты ауля, к могилам которых Кайргельды совершал паломничество в Южный Казахстан.

Другой вариант современного казахского шаманства зафиксирован нами у кош-агачких казахов в Республике Алтай. Шаманство этой, наиболее консервативной группы российских казахов [7, с. 44-65], подверглось лишь поверхностной исламизации. Хотя, по мнению В.А. Коновалова и В.В. Радлова, шаманство среди алтайских казахов уже в 1870-е годы было пережиточным явлением, а последние камлания здесь проходили в 1930-е годы [4, с. 94-95; 10, с. 402-409], однако мы зафиксировали и более поздние случаи. В частности, нам рассказывали о баксы Кадырбае Жуманове из посёлка Арталык, который умер в 1962 году. Наша собеседница, его родная внучка Нургайша М. из Жана-Аула, была в 4-м классе, когда дед умер. (О баксы Кадырбае знали и в других посёлках Кош-Агача, например, с ним дружил отец Нуршара Мухаметкалиева, муллы из пос. Тобелер.) По рассказу Нургайши, духами-помощниками деда были верблюд, змея и беркут, все ли они или кто-то один, она точно не знала. Он лечил от испуга, глаза (коз тигизу, коз тию), психические болезни у женщин после родов. Лечение проводил камчой и огнём, лизал рас-

¹ Мы выражаем благодарность В.О. Бобровникову за сделанный перевод шамаиля и надписи на перстне, а также за ряд ценных замечаний.

калённые в костре железные предметы. Также Кадырбай помогал женщинам при трудных родах: по представлениям казахов, баксы имеют власть над албасты, злым духом, представляющимся чаще всего женщиной с огромными грудями, которыми давит рожениц [13, с. 45-46; 9, с. 128; 2, с. 55]. Кадырбай мог видеть спрятанные предметы, предвидел, кто, когда и зачем к нему придёт. По этим отрывочным сведениям Кадырбай предстаёт традиционным «классическим» казахским баксы, каким он известен по многочисленным описаниям в литературе¹.

И сегодня в пос. Теленгит-Сортогой Кош-агачского района живёт баксы. Это женщина (Н.Н.) лет 40, что необычно – по утверждению В.А. Коновалова, среди казахов Алтая шаманами были только мужчины [4, с. 96]. Прежде чем стать баксы, Н.Н. 5–6 лет болела сердечно-сосудистыми заболеваниями, из-за этого она начала ездить к апа – «бабушкам» – лечиться (первый раз – в Павлодар). Ей помогла известная целительница Агана (Ақ ана) из Алматинской области, после чего Н.Н. «получила дар» и стала лечить сама. Кош-агачская шаманка лечит разные болезни (в том числе диабет и клещевой энцефалит), снимает сглаз. Жёны водят к ней своих мужей лечиться от алкоголизма. Нам рассказали эпизод, когда Н.Н. приглашали в районную больницу Кош-Агача, так как «у больной капельница не работала, что бы ни делали», и после посещения баксы лекарство пошло в кровь. Она может лечить человека индивидуально, а может и в присутствии других людей. Принимает людей каждый день, кроме пятницы, после работы (работает бухгалтером). Жители Теленгит-Сортогая считают её «сильным» шаманом, набирающим силу с каждым сеансом. У неё есть духи-помощники, аруаки, и она может видеть аруака того человека, которого лечит. Известно, что шаманам могли помогать не только аруаки (духи предков), но и пэри, дэвы, и джинны, причём «неверные» джинны также могли поддерживать и вредоносную магию. Однако эти представления теперь сильно упростились. Истинному шаману, по современным представлениям, помогают именно аруаки. В противоположность им вредоносные, тёмные силы олицетворяют джинны. Напротив баксы Н.Н., через улицу, живёт алтайский шаман. Они не только соседствуют, но и дружат. Между прочим, деревянный столб алтайскому шаману вырезал местный умелец, резчик по дереву, казах Сержан Сватов. Однако ме-

¹ См. ссылки на литературу в кн. *Басилов, Кармышева, 1997: 51-70.*

стные казахи убеждены, что алтайскому шаману помогают именно джинны.

Мы присутствовали на одном сеансе лечения Н.Н. Он проходил у неё дома, в низкой комнате отдельной летней постройки, середина которой была свободна. Присутствовало человек 8–10 мужчин и женщин, сидящих на двух диванах у стен. Когда мы пришли, лечение одной пациентки уже началось. Женщина лежала на полу, а Н.Н. кричала на неё, била её камчой, затем начала вращать женщину за голову и кидать об пол довольно сильно. Постепенно баксы успокоилась, обрызгала женщину водой, над которой до этого читались молитвы, изо рта, отхлебнув из трёхлитровой банки. Женщина сразу же ушла. И хотя плакала и ругалась, но взяла с собой трёхлитровую банку воды. Впоследствии нам сказали, что из этой женщины изгоняли шайтана. Она занималась ростовщицеством в Кош-Агаче (давала деньги в долг под проценты), поэтому в неё вселился шайтан.

После ухода больной сеанс продолжился. Баксы начала «кружение»: она металась по комнате с распростёртыми, как крылья, руками, из её рта вырывались крики, подражающие рёву верблюда (аруаками Н.Н. были лебедь¹ и верблюдица). Она подбегала то к одному, то к другому посетителю и била их по спине кулаками или камчой. Так продолжалось минут 20–30. Постепенно баксы успокоилась, перестала бегать, но верблюжий рык время от времени вырывался у неё и позже.

Следующий этап сеанса проходил спокойно и был посвящён диагностике. Включили магнитофонную запись мусульманских молитв. Каждому посетителю баксы клала ладонь на голову, затем руками проводила вдоль тела сверху вниз, задерживаясь на проблемных местах. Во время диагностики у баксы, как будто помимо её воли, вырывался рёв, для одних посетителей более сильный, для других – совсем слабый. После краткого разговора и наставлений посетитель подходил к стене, на которой висел коврик с аятами Корана (*шамаль*) на казахском языке, и под ним на полочке лежал Коран, произносил «бисмиля», оставлял деньги по своим финансовым возможностям рядом с Кораном, а потом уходил. Мы прошли процедуру наравне с остальными посетителями.

¹ О роли лебедя (акку) в традиционном и современном религиозном сознании см. Ларина, 2011а: 234–239; 2011б: 45–55.

* * *

Описанные нами случаи практики шаманства позволяют выделить в них современные особенности. Прежде всего, очевидно, что мы имели дело с разными шаманами. В соответствии с предложенным В.И. Харитоновой разделением шаманов¹, мы определённо можем говорить о баксы из Кош-Агачского района как о неошаманке, а Кайргельды, безусловно, носитель традиционного шаманства. Оба утратили внешние атрибуты шаманов. Оба варианта сохраняют стержень шаманского культа – веру в посредничество между духами и людьми, обладание духом-покровителем, оба занимаются целительством. Однако практика омского шамана впитала в себя традиции ислама Западной Сибири в его суфийской форме, причём воздействие ислама в этом случае оказалось максимальным. Его главный принцип деятельности состоит в том, что вся она «идёт от Аллаха», баксы активно использует Коран и другие исламские книги, сохраняет культ святых, совершает зикр. В практике алтайской баксы исламская составляющая минимальна – в помещении находится Коран, рядом с которым оставляют приношения в благодарность, она произносит «бисмилля», вредоносные силы предстают в образе шайтана. Однако остальные представления и образы, как и камлание алтайской шаманки, являются языческими, анимистическими. В этом случае очевидно влияние алтайского окружения, с господствующими языческими религиозными представлениями, а также удалённость от основного этнического ядра казахов, с более глубоко укоренившимся исламом.

Другая характерная особенность казахского шаманства – это совершенно иные представления о так называемых «местах силы», где шаманы получают «энергетическую подпитку». Для казахских шаманов практически не имеют значения объекты природы и терри-

¹ «Современное состояние шаманской традиции позволяет говорить о существовании, как минимум, трёх различающихся групп лиц, имеющих отношение к шаманизму: это традиционные шаманы, выжившие и тайно сохранившие свою практику в советский период истории, а также их непосредственные преемники; неошаманы – люди близкие к традиции, но раскрывшие свои шаманские качества посредством иных, не наследственных шаманских практик (например, через целительские техники или духовные практики иных культур); экспериенциальные шаманы – те, кто обратился к выхолощенным шаманским техникам вне конкретной шаманской традиции и использует полученное знание вне рамок определённой традиционной культуры (последние обычно «посвящаются») в современных «школах шаманизма» на Западе). Традиционные шаманы... это люди, занятые своими проблемами, обычно не обращаются к активной общественной деятельности, хотя стараются сохранять традиции предков в родных краях и, разумеется, оберегают известные им священные места, призывая к тому же соплеменников (Харитонова, 2000: 129-130).

тория природопользования, почитаемые шаманами Сибири и Крайнего Севера. Ещё во второй половине XIX в. В.В. Радлов отмечал: «Камлание баксы утратило связь с религиозным мировоззрением шаманизма – почитанием природы» [10, с. 408]. Их объекты почитания напрямую связаны с культом предков, являющимся фундаментом всего вообще религиозного мировоззрения казахов. В советское время это были могилы предков баксы, а с религиозным оживлением с конца 1980-х гг. круг почитания расширился за счёт мавзолеев и мазаров Южного Казахстана, паломничество к которым стало непременным для всех вообще знахарей, а тем более шаманов [8, с. 129-137; 7, с. 45-55]. Многие из сакрализованных нынче мест Казахстана имеют привязку к объектам природы (горам, деревьям или источникам, например), однако в современной интерпретации дерево или источник стали святыми в силу соседства с могилой святого (*аулья*). Для паломников это в первую очередь «места силы», где проявляется божественная благодать (*баракат*), это места древней религиозной практики и, наконец, это места исторического и культурного наследия.

Источники и литература

1. Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992. 328 с.
2. Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. 161 с.
3. Киргизско-русский словарь, 1965 – Киргизско-русский словарь. Сост. К.К. Юдахин. М.: Советская энциклопедия, 1965. 973 с.
4. Коновалов В.А. Казахи Южного Алтая (Проблемы формирования этнической группы). Алма-Ата: Наука Каз.ССР. 1986. 168 с.
5. Ларина Е.И. Религиозный фактор в формировании национального самосознания среднеазиатских народов // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сборник научных статей, посвящённый 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 230-243.
6. Ларина Е.И. Традиционные социальные институты и национальное самосознание в Казахстане // Казахстанская археология и этнология: современные достижения и инновационные технологии. Сборник материалов международной научно-практической конференции «III Оразбаевские чтения», приуроченной 40-летию кафедры археологии и этнологии КазНУ им. Аль-Фараби. 29-30 апреля 2011 г. Алматы, 2011. С. 45-55.
7. Ларина Е.И., Наумова О.Б. Кош-агачские казахи-мигранты // Вестник Евразии. М. 2008. № 2 (40). С. 44-65.
8. Ларина Е.И., Наумова О.Б. Паломничество в Южный Казахстан как «малый хадж» у российских казахов // Казахи России: история и современность. Ма-

териалы Международной научно-практической конференции. Т. 2. Омск, 2010. С. 129-137.

9. Мустафина Р.М. Представления, культы, обряды у казахов (в контексте бытового ислама в Южном Казахстане в конце XIX-XX в.). Алма-Ата: Казак университеты, 1992. 176 с.

10. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. 749 с. – (Этнографическая библиотека).

11. Резван М.Е. Коран в системе мусульманских магических практик. СПб.: Наука, 2011. 218 с.

12. Селезнёв А.Г., Селезнёва И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд. Дом Марджани, 2009. 216 с.

13. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 214 с.

14. Харитонов В.И. «Священные места» в свете проблем экологии: точка зрения современного шамана // Полевые исследования ИЭА РАН. М., 2000. С. 129-149.

15. Харитонов В.И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006. 372 с.

А.А. Мусагажинова

Культ коня в погребальном обряде казахов Прииртышья

В бытовой жизни казахов среди четырех разновидностей домашних животных конь всегда ценился выше других и занимал свое особенное место. По археологическим данным, начиная с I тыс. до н.э. в полупустынях и горных районах Казахстана полукочное и кочевое скотоводство становится основным, а затем и господствующим укладом хозяйства. Кочевники-скотоводы теперь не представляли без коня не только земную жизнь, но и «потустороннюю» жизнь. С древних времен до нового времени лошадь настолько глубоко вошла в хозяйство и ритуальную жизнь казахов, что становится атрибутом в погребальной и поминальной обрядности кочевников.

Обычай захоронения покойника с конем и пищей прослеживается в погребальных комплексах эпохи раннего железа в Восточном Казахстане, в погребальных сооружениях Тасмола I – V (VII–VI вв. до н.э.), в Центральном Казахстане [1, с. 11-13].

Анализ костного материала позволил сделать существенный вывод о целенаправленном улучшении пород коней скотоводами Центрального Казахстана, традиция которого восходит к андроновской эпохе.

Таким образом, генезис коневодства в степном евразийском регионе детерминировал генезис «конских захоронений». В эпоху ранних кочевников последние еще не так часты и массовы, как в древнетюркскую эпоху, но уже встречаются. Обращают на себя внимание сопроводительные гекатомбы коней в курганах высшей кочевнической знати.

Характерно, что с древнейшей эпохи наметилась символизация (упрощение), видимо, не без экономической подоплеки, ритуала «конских захоронений» – погребаются отдельные части коня: череп, шкура, конечности, а затем и аксессуары упряжи, которые нередко изготавливались специально для захоронений. Так, сопроводительные «конские захоронения» стали характерной чертой ритуалов кочевых народов. Эта конкретная сопроводительная функция основного транспортного средства в погребальном обряде характерна для всех народов.

В погребениях эпохи раннего железа под Актюбинском вместе с кинжалом, колчанами и стрелами обнаружены конские уздечки, а в кургане Бесоба раскопан жертвенник и очаг прямоугольной формы, по краям которого сохранились остатки туловища лошади.

Широко распространены захоронения с конем в Берельских курганах Восточного Казахстана, аналогичных Пазыркским курганам Восточного Алтая. В большом Берельском кургане вместе с покойником найдены лежащие в анатомическом порядке кости 17 лошадей, 16 лошадей на северной половине могильной ямы и одна – рядом с покойником. По всей вероятности, последняя лошадь принадлежала лично умершему. На лошадях сохранились остатки седел с различными берестяными украшениями и кожаные уздечки с железными удилами [2, с. 71-78].

Ритуалы, связанные с конем, имели широкое бытование у евразийских народов в древней и более поздней эпохе. Судя по письменным археологическим, этнографическим источникам, данные ритуалы были характерны для более широкого круга народов (в особенности кочевых). У массагетов, расселение которых в немалой степени следует связывать с территорией Западного Казахстана, общеизвестна высокая сакральная роль коня. По Геродоту, «единственный бог, которого они почитают, это Солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете» [1, с. 39-41]. Он же отмечает, что при погребениях

знатных скифов жертвенных коней привязывали к специальным столбам, что подтверждается археологическими данными. Издревле ритуалы, связанные с конем, также были присущи тюрко-монгольским народам. Так, в древнетюркских оградках не редки и символичны жертвенные остатки коней и баранов около деревянных колея в ямках от них.

По сообщению китайского хроника Луи Мау-Цзай, тюрки своих умерших сначала помещали на возвышении в юрте. Рядом с юртой родичи клали принесенных в жертву овец и лошадей. В назначенный день «брали лошадь, одежду и вещи покойника и сжигали их вместе с трупом умершего» [7, с. 76-77]. У казахов «при решении вопроса войны и мира и при других обстоятельствах, когда жертву приносили в интересах целого рода, жертвенным животным была белая кобыла» [7, с. 78]. До начала XX в. у желтых уйгуров сохранялся в довольно чистом виде уникальный обряд жертвоприношения – посвящение лошади и овцы у мирового дерева на мировое горе. Данный аспект ритуала жертвоприношения коня у казахов сохранялся довольно ярко. Так, на асах (годовых поминках) видных представителей рода к мясу зарезанных коней должны были прикоснуться все участники [7, с. 89-91].

О последних пережитках обычая захоронения коня с умершим у казахов сообщает А.И.Левшин: «Иногда вместе с телом зарывают оружие, конскую сбрую и уборы умершего; иногда же, сверх того, убивают лошадь и его мясо оной, сварив, едят, а кости на той же могиле сжигают». Тем не менее этот обычай не только не исчез в XIX в. но и в модернизированной форме дошел до наших дней. На ранних этапах коня хоронили и сжигали вместе с умершим не стали, а закалывали его во время похорон или поминок в честь покойного, при этом часть мяса поедали родственники, а часть – это кости, шкуру – хоронили или оставляли на могиле.

В ходе раскопок некрополя Кызыленбек-2 в Майском районе Павлодарской области был обнаружен ров, опоясывающий курган эпохи раннего железного века и за пределы рва, найдены жертвенные ямы.

Большой интерес вызывает найденный ров округлой формы, могильная площадка составляет 15 м × 15 м. Средняя ширина рва 1 метр. Глубина рва в зависимости от материковой поверхности 30~80 см, кое-где максимальная глубина 1 метр. В южной части возле перемычки прослежена большая масса костей животных, особенно

лошадей. Также внутри рва встречаются мелкие обломки красного кирпича и остатки костей лошади. Вход рва ориентирован на восток, как и большинство могильников.

Обращение в ислам кочевой элиты не означало, что мусульманское вероучение было прочно усвоено всеми слоями общества, простой народ долго сохранял религиозные верования своих предков. Ров обеспечивал защиту некрополя или, наоборот, по данным этнографических опросов, есть версии, что местные верили (считали), что ров защищал их от мертвых.

За пределы рва проводились жертвенные обряды, посвященные умершим – аруакам, в виде тосаттык, аластау, аксарбас, ас беру и т.д., о чем свидетельствуют найденные жертвенные ямы и кости лошади.

Первый жертвенник представлял собой яму округлой формы, глубиной 1,2 м, стенки ямы были отвислые, на дне ямы обнаружено разного назначения остатки костей лошади – остеологический материал представлен фрагментами верхней и нижней челюсти, острогал и трубчатых костей и ребра. В центральной части могильной ямы зафиксирован поясничный разверток, что позволяет нам говорить о том, что в яме мог находиться скелет лошади, либо туда были помещены по отдельной части туши. Также обнаружена вымостка кирпичей, каждый размером 25 × 25 × 5 см золотоординского стандарта – на материковой земле. Аналоги такого жертвенника не встречались.

Вторая яма представляет собой также округлую форму, на дне которой расчищены кости лошади и остатки косточек, в заполнении ямы найдены фрагменты средневекового кирпича [5, с. 29-30].

Жертвенник №3 расположен восточнее второго жертвенника, представлял собой яму округлой формы, глубиной 0,5 м, дно ямы было залито жидкой глиной. Здесь были обнаружены резцы лошади. Остатки жидкой глины были найдены и в первых жертвенниках.

Уже в X в. отдельные группы кочевников обратились в ислам, но в целом степняки оставались верны прежним богам. Обвинения кочевников в язычестве слышались и в XVI в, признавших казахов неверными.

Несмотря ни на что, и в XXI веке во многих аулах Павлодарской области проводятся обряды жертвоприношения по правилам язычества, хотя народ считает себя мусульманами. Или, иначе говоря, исламские обряды до сих пор сопровождаются языческими обрядами.

ми. Например, когда долгое время не бывает дождей, казахи проводят тосаттык и приносят в жертву священное животное – лошадь. К примеру, в поселке Кызыл Енбек встречаются обряды быта еще того средневекового Казахстана, история которого полностью до сих пор не изучена [5, с. 29-30].

В данное время на старых заброшенных кладбищах у могильного холма можно встретить разбросанные кости, голову лошади. По сведениям А. Диваева, Алтынсарина, уже в XIX в. на территории южного, юго-западного Казахстана казахи после смерти человека у его личного коня отрезали гриву и хвост (тұлдайды) и выпускали до годовичных поминок. Все это время никто не пользовался конем. В этом табу не трудно увидеть его принадлежность, посвященность самому покойнику. Эта информация зафиксирована исследователями и подтверждена информаторами в ходе полевых исследований. По сообщению информатора Ж. Жапарова, на современном этапе этот обряд немного трансформировался. Сейчас просто выбирают лошадь, ставят ее на откорм, специально на годовые и 40-ые поминки [5, с. 12-14]. Похожий запрет в течение года налагается на лошадь или седло покойного у народов Кавказа. Подобные регламентации относительно посвященного коня существовали у монголов, хакасов и тувинцев.

По сведениям информаторов, после того, как закалывали коня на годовичные поминки, кости обычно не разламывали и не выбрасывали собакам: их аккуратно собирали и закапывали в землю или сжигали. Видимо, оставление костей коня в целости, закапывание и захоронение их означало отправление к умершему «целого» коня. У многих народов существовало представление, что животное снова воскреснет на том свете, для чего надо сохранить его кости, шкуру и другие части туловища. Один из наших информаторов житель села Кызыленбек Майского района Жанибек ата вспоминал, как справляли годовичные поминки его деда Нияза кажи из рода Андас: «На его поминки было приглашено очень много людей. И было зарезано около 100 голов лошадей. Лошадей закалывали возле обрыва, неподалеку от кладбища». Как образно сообщает информатор, «при забое лошадей кровь текла ручьем с обрыва Иртыша». Мясо было сварено и роздано всем родным. А оставшиеся кости были закопаны там, где проводился обряд. И в данное время под обрывом местные жители находят лошадиные кости. Совершенный обряд жертвоприношения нам информаторы объяснили следующим образом:

Нияз Қажы был очень богатым и уважаемым человеком; в степи у него было сотни тысяч лошадей. И табун лошадей, который был принесен в жертву в день поминок, будет его табуном и в другом мире. По письменным источникам известно, что у казахов XIX в. «по окончании поминок голова любимой лошади умершего кладется над надгробный памятник или втыкается на шест, иногда вместе с хвостом животного». Данный обычай сохранился до сих пор у восточных казахов: на могиле оставляют череп коня, заколотого на поминках [5, с. 45-46]. По сообщениям наших информаторов, раньше на поминках закалывали обязательно лошадь и ни в коем случае не корову. Лошадь казахи считали самым чистым животным. Этой традиции по возможности придерживаются и сейчас. Но не всегда, так как сегодня в аулах, в деревнях очень мало хозяйств, которые выращивают лошадей; все это связано с экономической неустойкой. В ходе исследования было отмечено, что казахи Омского Прииртышья, приграничных районов на поминках, на соғым в обязательном порядке закалывают лошадь, а не другую скотину [5, с. 12-13].

Вопрос о значении коня в похоронно-поминальной обрядности до сих пор является спорным. Одни исследователи видели в этом обряде проявление тотемизма, а другие объясняют присутствие коня в погребальном обряде с точки зрения анимизма, т.е. душу человека должны отправлять в иной мир со всеми благами, включая коня, которого он имел при жизни.

В ходе изучения письменных источников можно проследить культовое значение белой лошади, а не всех ее частей. Так, на поминки знатнейших людей закалывали белую лошадь. Белой масти лошадь играла большую роль в свадебной обрядности, выпрашивая «разрешение» у аруаков на брак внутри рода, достижением определенной родственной группой 7-го колена, обычно закалывали белую кобылу [4, с. 222.].

Белая лошадь с белизной на глазах по-казахскому поверью отгоняет злого духа албасты от роженицы и укорял роды. Особая культовая роль белой лошади известна у многих народов мира. На современном этапе культ коня трансформировался. На похоронах не режут большое количество лошадей, не сохраняют костей лошади. Каждый казах, учитывая свои возможности, решает, резать ему лошадь или нет. Но особое отношение к лошади не утратило своего значения.

Как отмечают информаторы, «конь – это крылья человека: если убегали от опасности – он спасет, если гонишься за кем-нибудь, он догонит, мясо его – отличная еда, молоко – незаменимый напиток и лекарство. Таким образом, конь был благом в реальной жизни и в потустороннем мире» [5, с. 15]. Данная тема мною изучается и в дальнейшем ходе изучения археологических и этнографических материалов можно составить картину эволюции этого обычая и связанных с ним представлений, начиная с эпохи бронзы до настоящего времени.

Источники и литература

1. Аджигалиев С.И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана (на основе исследования малых форм). – Алматы: Гылым, 1994.
2. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Этнографо-археологический комплекс у аула Бузан (возможности и перспективы исследования) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1998.
3. Левшин А.И. Описания киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы, 1996.
4. Смагулов Т.Н. Исследования на местонахождении «Калбасунская башня»// Новые материалы по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-15». – Алматы: Институт Археологии им. А.Х. Маргулана, – 2004.
5. Смагулов Т.Н., Мусагажинова А.А. Отчет о работе археолого-этнографической экспедиции Павлодарского государственного педагогического института. – Павлодар, 2006.
6. Томилов Н.А. Этноархеология как научное направление. Омск 1999.
7. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алма-Ата, 1991.

Қысқартулар тізімі / Список сокращений

АЛЭИ АГАО имени В.М. Шукшина — Архив лаборатории этнокультурных исследований Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина.

АлтГПА – Алтайская государственная педагогическая академия

АО – археологические открытия

ДК – дом культуры

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИЭЭ – Историко-этнографическая экспедиция

КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН – Казахская этнографическая экспедиция Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук

КЭЭ РОО «Сибирский центр казахской культуры «Мөлдiр» – Казахская этнографическая экспедиция Региональной общественной организации «Сибирский центр казахской культуры «Мөлдiр»

ЛИК – Лаборатория исторического краеведения

МКЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН – Международная Казахская этнографическая экспедиция Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

МСНК – международный союз немецкой культуры

МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан

НПЦ – Научно-практический центр

ОФ – Основной фонд

ПМ – полевой материал

ПМА – полевой материал автора

РК – Республика Казахстан

РФ – Российская Федерация

ЭВМ – электронно-вычислительные машины

Авторлар тізімі / Список авторов

Абдулина Аксункар – канд. ист. наук, доцент Казахской Академии труда и социальных отношений, стар. науч. сотрудник отдела этнологии и антропологии ИИЭ им. Ч. Валиханова КН МОН РК, г. Алматы, РК

Абеуова Енлик Кабыкенкызы – магистр педагогических наук по специальности «История», науч. сотрудник научно-практического центра археолого-этнологических и палеонтологических исследований ПППИ, г. Павлодар, РК

Алекса Дарья Викторовна – студентка исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Афанасьева Елена Валентиновна – директор МБУК «Чарышского районного краеведческого музея», РФ

Ахметова Шолпан Камалидиновна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, РФ

Белоглазова Галина Николаевна – зав. музеем истории Алтайской государственной академии культуры и искусств, г. Барнаул, РФ

Белоусов Роман Владимирович – учитель МБОУ «Лицей №3», г. Барнаул, РФ

Быков Леонид Васильевич – доцент кафедры геодезии и дистанционного зондирования ФГБОУ ВПО «Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, г. Омск, РФ

Бимыкова Асел Коянбайкызы – магистрантка I курса ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, науч. сотрудник научно-исследовательского института им. К. Акышева, г. Астана, РК

Герасимов Юрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник сектора исторического, г. Омск, РФ

Гельмель Юрий Иванович – педагог дополнительного образования МБОУ ДОД «Центр творчества детей и молодежи» г. Славгорода, РФ

Головченко Николай Николаевич – магистрант II-го курса Новосибирского государственного национально-исследовательского университета, РФ

Горбунова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, антропологии и археологии исторического факультета ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, РФ

Данилова Ольга Сергеевна – студентка 3 курса исторического факультета АлтГПА, г. Барнаул, РФ

Демин Михаил Александрович – доктор ист. наук, профессор, декан исторического факультета АлтГПА, г. Барнаул, РФ

Дивнич Софья Евгеньевна – студентка исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Евдокимов Валерий Валентинович – доктор ист. наук, профессор КарГУ им. Е.А. Букетова, г. Караганда, РК

Запрудский Сергей Сергеевич – канд. ист. наук, сотрудник лаборатории исторического краеведения АлтГПА, г. Барнаул, РФ

Иващенко Сергей Николаевич – техник по информационным технологиям исторического факультета ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», аспирант кафедры геодезии и дистанционного зондирования ФГБОУ ВПО «Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, г. Омск, РФ

Игнатенко Кристина Юрьевна – студентка 3 курса исторического факультета АлтГПА, г. Барнаул, РФ

Илюшин Андрей Михайлович – доктор ист. наук, профессор кафедры отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева, г. Кемерово, РФ

Каримова Анара Еркеновна – канд. ист. наук, ПГПИ, г. Павлодар, РК

Кенжебаева Айжан Акылбеккызы – студентка 2 курса факультета истории и географии, г. Караганда, РК

Коляскина Елена Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и права Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина, г. Бийск, РФ

Корусенко Михаил Андреевич – канд. ист. наук, доцент, заведующий сектором исторического музееведения, г. Омск

Курьянова Татьяна Сергеевна – аспирантка кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета, г. Томск, РФ

Кузнецов Александр Сергеевич – магистрант исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Кузнецова Екатерина Анатольевна – магистрантка 2-го курса Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Кунгуров Артур Леонидович – канд. ист. наук, доцент, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор, г. Барнаул, РФ

Кукушкина Айгерим Кайруллаевна – магистрант кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории КарГУ им. академика Е.А. Букетова

Ларина Елена Игоревна – канд. ист. наук, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ

Люля Наталья Викторовна – магистрантка исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Мамадаков Юрий Тапасович – канд. ист. наук, директор ООО НЦ «Наследие Сибири», г. Барнаул, РФ

Мазырина Анастасия Александровна – магистрантка исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Мамонтова Оксана Сергеевна – ст. науч. сотрудник Алтайского государственного краеведческого музея, г. Барнаул, РФ

Мананникова Полина Евгеньевна – студентка исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Музафаров Болатбек Нухинович – специалист научно-практического центра археолого-этнологических и палеонтологических исследований ПГПИ, г. Павлодар, РК

Мусагажинова Айгерим Александровна – младший научный сотрудник научно-практического центра археолого-этнологических и палеонтологических исследований ПГПИ, г. Павлодар, РК

Наумова Ольга Борисовна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, РФ

Новикова Юлия Сергеевна – студентка исторического факультета Омского государственного университета им. Достоевского, г. Омск, РФ

Овчарова Мария Александровна – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея, г. Новосибирск, РФ

Оразбаева Зарина Бериковна – магистрант 2 курса специальности 6M020800 «Археология и этнология», Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, РК

Охотников Андриан Юрьевич – канд. ист. наук, науч. сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, РФ

Першина Дарья Михайловна – студентка исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Прохорова Елена Аркадьевна – студентка исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Раздыков Сакен Зейнуллович – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой «Истории, географии и социальных дисциплин», г. Павлодар, Республика Казахстан

Рыков Алексей Викторович – магистрант исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Свидовская Анастасия Сергеевна – студентка исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Ситников Сергей Михайлович – канд. ист. наук, сотрудник лаборатории исторического краеведения АлтГПА, г. Барнаул, РФ

Скурыдина Елена Михайловна – канд. тех. наук, начальник научного отдела Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул, РФ

Соловьева Светлана Анатольевна – старший научный сотрудник Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки

Смагулов Тимур Нурланович – магистр истории, директор НПЦ археолого-этнологических и палеонтологических исследований ПГПИ, г. Павлодар, РК

Телегина Ирина Алексеевна – преподаватель истории Барнаульского строительного колледжа, г. Барнаул, РФ

Телегин Андрей Николаевич – сотрудник Лаборатории исторического краеведения АлтГПА, г. Барнаул, РФ

Толпеко Ирина Васильевна – канд. ист. наук, доцент кафедры этнологии, антропологии и археологии исторического факультета ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, РФ

Тихомирова Марина Николаевна – канд. ист. наук, науч. сотрудник сектора исторического музееведения Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, РФ

Тихомиров Константин Николаевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора археологии Омского филиала института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Омск, РФ

Шитова Наталья Ивановна – канд. ист. наук, методист Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, РФ

Щеглова Т.К. – доктор ист. наук, профессор, г. Барнаул, РФ

Явнова Лариса Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и права Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина, г. Бийск, РФ

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Аршабеков

Құттықтау сөз / Приветственное слово3

Археология

Е.В. Афанасьева, Ю.И. Гельмел

Из опыта организации детских (молодежных) археологических лагерей6

*Р.В. Белоусов*Археологическая разведка в Каменском и Крутихинском районе летом
2013 г.11*Л.В. Быков, С.Н. Иващенко*Геоинформационное обеспечение полевых археологических работ на основе
данных дистанционного зондирования15*Н.Н. Головченко, Е.А. Кузнецова*

Археологическая разведка в Крутихинском районе Алтайского края25

Т.А. Горбунова, С.Н. Иващенко, И.В. Толпеко

Разведочные работы вблизи сел Лесное и Кривинка32

*О.С. Данилова*Образ жизни и хозяйственный уклад кочевников Евразии I тыс. до н.э. по
сведениям античных авторов и археологическим данным36*М.А. Демин, С.С. Запрудский, С.М. Ситников*Реконструкция андроновского головного убора по материалам могильника
Чекановский Лог-Х39*В.В. Евдокимов, С.У. Жауымбаев,**А.И. Кукушкин, О.С. Шохатаев*

Жилище 2 поселения Алат эпохи поздней бронзы43

*С.С. Запрудский*Раскопки поселения Барсучиха-2 летом 2007 г. в Ребрихинском районе
Алтайского края55*К.Ю. Игнатенко*Семантический аспект микротопонимов села Клепечиха Поспелихинского
района Алтайского края60*А.М. Илюшин*Исследование семейных культовых площадок восточных кыпчаков на
Торопово-7 в Кузнецкой котловине64*А.А. Кенжебаева*

Күршім ауданындағы Қалжыр және Бесоба қорғандарының зеріттелуі69

М.А. Корусенко, Ю.В. Герасимов

Раскопки некрополя Черталы в Тарском Прииртышье: некоторые итоги73

*А.К. Кукушкина*История исследования археологических памятников Нуринаского региона
Сарыарки78

Ю.Т. Мамадаков, А.Л. Кунгуров	
Новые археологические памятники Смоленского района	91
З.Б. Оразбаева	
Образ птицы в средневековом искусстве Прииртышья	94
Т.Н. Смагулов, Е.К. Абеуова	
О работе Международной летней школы «Археологическое наследие Сарыарки»	98
К.Н. Тихомиров	
Новые памятники южнотаёжного населения среднего Прииртышья XV–XVIII вв.	102
А.Н. Телегин	
Курганная группа Паклино-1 – новый объект на археологической карте Алтайского края	109

Этнография және ауызша тарих Этнография и устная история

А.Т. Абдулина	
Методология и методы этносоциологических исследований	114
Е.К. Абеуова	
Культовые памятники «Аулие» как один из маркеров кочевой цивилизации: по материалам этнографических исследований в Степном Прииртышье	120
Д.В. Алекса	
Возрождение жизни в сельских православных приходах Алтайского края на примере с. Новогорьевского	128
Г.Н. Белоглазова	
Комплектование и обработка устных источников в музеях образовательных учреждений	135
А.К. Бимыкова	
XIX ғасырдың ортасы – XX ғасырдың басындағы қазақ халқының тамақтану жүйесіндегі өзгерістер	140
Е.А. Коляскина	
«Баба – в доме, мужик – в пригоне»: гендерное разделение труда у русских Алтая в первой половине XX в.	147
Е.А. Коляскина	
Ритуализация хозяйственной деятельности у русских Алтая в первой половине XX в.	152
Т.С. Курьянова	
Музейная экспедиция: историко-этнографический музей «Чолкой»	157
А.С. Кузнецов	
«Образ врага» у ветеранов Второй мировой войны на германском и японском фронтах: особенности и отличительные черты (по устным историческим источникам)	162

Н.В. Люля, С.Е. Дивнич, П.Е. Мананникова	
Украинские переселенцы Егорьевского района Алтайского края (по материалам полевых исследований в с. Сросты и с. Титовка)	168
А.А. Мазырина	
Гражданская война в воспоминаниях потомков столыпинских переселенцев в с. Орлеан Благовещенского района Алтайского края	174
О.С. Мамонтова	
«Чалдоны» Каменского района (по результатам историко-этнографической экспедиции АГКМ)	178
Б.Н. Мұзафаров, А.Е. Кәрімова	
Ақжелін шоқысы	183
Ю.С. Новикова	
Традиционная система питания украинцев Омского Прииртышья (по материалам этнографических экспедиций 2012–2013 гг.)	189
М.А. Овчарова	
Одежда и украшения мордвы в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартыанова	192
А.Ю. Охотников	
Влияние миграции на поволжско-немецкий поселенческий комплекс (на материалах этнографических экспедиций Международного союза немец- кой культуры в Прииртышье и нагорную сторону Волги, 2012–2013 гг.)	199
Д.М. Першина	
Особенности церковной жизни в Егорьевском районе Алтайского края в 30-е гг. XX в.: полевые исследования 2013 г.	206
Е.А. Прохорова	
Сохранность этнической культуры украинского населения Романовского района Алтайского края в XX в. (по полевым материалам 2010, 2013 гг.)	211
С.З. Раздыков	
Материалы устного фольклора казахов как источник исследования проблем колонизации	217
А.В. Рыков	
Первичная адаптация столыпинских переселенцев на территории Благо- вещенского района в начале XX в. (на примере с. Ягодино и Орлеан)	221
А.С. Свидовская	
Этносоциальное развитие Егорьевского района в XIX–XX столетиях: по устным источникам	225
Е.М. Скурыдина	
Историко-культурное наследие поморской общины конца XIX – начала XXI вв. (взгляд изнутри)	230
С.А. Соловьева	
Использование дерева в строительстве у русских Алтая в конце XIX – первой половине XX вв.	237

И.А. Телегина	
Формирование населения села Паклино Баевского района Алтайского края (по воспоминаниям старожил)	242
М.Н. Тихомирова	
Об этнокультурном влиянии поволжско-приуральских татар на питание татар Ялуторовского района Тюменской области	247
Н.И. Шитова	
Русские и алтайцы в низкогорной зоне Горного Алтая (по полевым материалам)	253
Т.К. Щеглова	
Использование глины, соломы, чащи, камыша, кольев и других природных материалов в обустройстве сельской усадьбы и быта семьи в послевоенной деревне Алтая (1940–1950-е гг.) на лесостепных и степных территориях	258
Л.А. Явнова	
Свадебный обряд русских: современные и традиционные элементы	269
Ш.К. Ахметова	
Техника изготовления войлочных ковров у казахов Западной Сибири	275
Е.И. Ларина, О.Б. Наумова	
Этнокультурная среда и локальные варианты шаманства у российских казахов	282
А.А. Мусагажинова	
Культ коня в погребальном обряде казахов Прииртышья	295
Қысқартулар тізімі / Список сокращений	302
Авторлар тізімі / Список авторов	303

Ертiс, жоғарғы Обь өңiрлерiндегi және Алтайдағы далалық зерттеулер
Археология, этнография, ауызша тарих

9 басылым

IX халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары,

Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае
Археология, этнография, устная история

Выпуск 9

Материалы IX международной научно-практической конференции

Компьютерная верстка: С. Пилипенко
Корректоры: Р. Кайсарина, С. Абдуалиева

Подписано в печать 10.04.2014.
Формат 29,7 × 42½. Бумага офсетная.
Гарнитура Palatino Linotype.
Объем 14,2 усл. печ. л. Тираж 100 экз.
Заказ №0786.

Научно-издательский центр
Павлодарского государственного педагогического института
140000, г. Павлодар, ул. Мира, 60